

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ «МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

ВЕСТНИК

МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

11

Выпуск (879)

Год основания – 1940

Москва
ФГБОУ ВО МГЛУ
2023

1930

ISSN 2542-2197

MSLU

MINISTRY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION OF THE RUSSIAN FEDERATION
FEDERAL STATE BUDGETARY EDUCATIONAL INSTITUTION OF HIGHER EDUCATION
«MOSCOW STATE LINGUISTIC UNIVERSITY»

VESTNIK

OF MOSCOW STATE LINGUISTIC UNIVERSITY

HUMANITIES

11

Issue (879)

The year of foundation – 1940

Moscow
FSBEI HE MSLU
2023

1930

ВЕСТНИК

МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

выпуск 11 (879)

Печатается по решению Ученого совета
Московского государственного лингвистического университета

Главный редактор
Г. Г. БОНДАРЧУК

Зам. главного редактора
Е. И. Карпенко

доктор филологических наук, профессор

кандидат филологических наук

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Беляков Д. А.	кандидат филологических наук, доцент (МГЛУ)
Бондарев А. П.	доктор филологических наук, профессор (МГЛУ)
Бубнова Г. И.	доктор филологических наук, профессор (МГУ имени М. В. Ломоносова)
Воробьев В. В.	доктор филологических наук, профессор (РУДН)
Ганин В. Н.	доктор филологических наук, профессор (МПГУ)
Глушак В. М.	доктор филологических наук, профессор (МГИМО(У) МИД РФ)
Голубина К. В.	кандидат филологических наук, доцент (МГЛУ)
Голубкова Е. Е.	доктор филологических наук, профессор (МГЛУ)
Гусейнова И. А.	доктор филологических наук, доцент (МГЛУ)
Евтушенко О. В.	доктор филологических наук, доцент (МГЛУ)
Егорова О. Г.	доктор филологических наук, профессор (МГЛУ)
Захари Михайлов Захариев	доктор исторических наук, профессор (Болгария)
Захарова Н. В.	кандидат филологических наук (Институт мировой литературы имени А. М. Горького (ИМЛИ) РАН)
Зусман В. Г.	доктор филологических наук, профессор (НИУ ВШЭ в Нижнем Новгороде)
Ирисханова О. К.	доктор филологических наук, профессор (МГЛУ)
Косиченко Е. Ф.	доктор филологических наук, доцент (НИУ МЭИ)
Космарская И. В.	кандидат филологических наук, доцент (МГЛУ)
Краева И. А.	кандидат филологических наук, доцент (МГЛУ)
Кузнецов В. Г.	доктор филологических наук, профессор (МГЛУ)
Малыгина И. В.	доктор философских наук, профессор (МГЛУ)
Осьминина Е. А.	доктор филологических наук, доцент (МГЛУ)
Порохницкая Л. В.	доктор филологических наук, доцент (МГЛУ)
Потапова Р. К.	доктор филологических наук, профессор (МГЛУ)
Семина И. А.	доктор филологических наук, профессор (МГЛУ)
Силантьев Р. А.	доктор исторических наук (МГЛУ)
Сомова Е. В.	доктор филологических наук, доцент (МПГУ)
Сорокина Т. С.	доктор филологических наук, профессор (МГЛУ)
Толкачев С. П.	доктор филологических наук, профессор (МГЛУ)
Травников С. Н.	доктор филологических наук, профессор (Государственный институт русского языка имени А. С. Пушкина)
Трыков В. П.	доктор филологических наук, профессор (МПГУ)
Харитончик З. А.	доктор филологических наук, профессор (Минский государственный лингвистический университет, Беларусь)
Хитина М. В.	доктор филологических наук, доцент (МГЛУ)
Ченки А. Д.	доктор филологических наук, профессор (Vrije Universiteit, Нидерланды; МГЛУ)
Черноземова Е. Н.	доктор филологических наук, профессор (МПГУ)
Янулевичене В.	доктор филологических наук, профессор (Университет им. Миколаса Ромериса, Вильнюс, Литва)

VESTNIK

OF MOSCOW STATE LINGUISTIC UNIVERSITY

Issue 11(879)

Published by the decision of the Academic Council
Moscow State Linguistic University

Editor-in-Chief

GALINA G. BONDARCHUK

Doctor of Philology, Professor

Deputy Chief Editor

ELENA I. KARPENKO

PhD in Philology

EDITORIAL BOARD

Belyakov D. A.	PhD in Philology, Associate Professor (MSLU)
Bondarev A. P.	Doctor of Philology, Professor (MSLU)
Bubnova G. I.	Doctor of Philology, Professor (MSU)
Vorobiov V. V.	Doctor of Philology, Professor (RUDN)
Ganin V. N.	Doctor of Philology, Professor (MPSU)
Glushak V. M.	Doctor of Philology, Professor (MGIMO)
Golubina K. V.	PhD in Philology, Associate Professor (MSLU)
Golubkova E. E.	Doctor of Philology, Professor (MSLU)
Guseinova I. A.	Doctor of Philology, Associate Professor (MSLU)
Yevtushenko O. V.	Doctor of Philology, Associate Professor (MSLU)
Egorova O. G.	Doctor of Philology, Professor (MSLU)
Zahari Zahariev	Doctor of History, Professor (Bulgaria)
Zakharova N. V.	PhD in Philology, Leading Researcher (IMLI)
Zusman V. G.	Doctor of Philology, Professor (NRU "Higher School of Economics" in Nizhny Novgorod)
Iriskhanova O. K.	Doctor of Philology, Professor (MSLU)
Kosichenko E. F.	Doctor of Philology, Associate Professor (MPEI)
Kosmarskaya I. V.	PhD in Philology, Associate Professor (MSLU)
Kraeva I. A.	PhD in Philology, Associate Professor (MSLU)
Kuznetsov G. V.	Doctor of Philology, Professor (MSLU)
Malygina I. V.	Doctor of Philosophy, Professor (MSLU)
Osminina E. A.	Doctor of Philology, Associate Professor (MSLU)
Porokhnitskaya L. V.	Doctor of Philology, Associate Professor (MSLU)
Potapova R. K.	Doctor of Philology, Professor (MSLU)
Semina I. A.	Doctor of Philology, Associate Professor (MSLU)
Silantiev A. N.	Doctor of History (MSLU)
Somova E. V.	Doctor of Philology, Associate Professor (MPSU)
Sorokina T. S.	Doctor of Philology, Professor (MSLU)
Tolkachev S. P.	Doctor of Philology, Professor (MSLU)
Travnikov S. N.	Doctor of Philology, Professor (Pushkin State Institute of the Russian Language)
Trykov V. P.	Doctor of Philology, Professor (MPSU)
Kharitonchik Z. A.	Doctor of Philology, Professor (MinSLU, Republic of Belarus)
Khitina M. V.	Doctor of Philology, Associate Professor (MSLU)
Cienki A. J.	Doctor of Philology, Professor (VU, Amsterdam; MSLU)
Chernozemova E. N.	Doctor of Philology, Professor (MPSU)
Januliviciene V.	Doctor of Philology, Professor (M. Romeris University, Vilnius, Lithuania)

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Проблема языковой ассимиляции субдиалектов (на материале говоров шэнэхэнских и нижнеудинских бурят) ВАСИЛЬЕВА Д. Н.-Д.	9
Сравнительно-сопоставительный анализ подходов к изучению эвфемизмов (на материале корейского и турецкого языков) ЖАРОВА Е. М.	17
Изучение интерференции в переводе: методологический аспект ЗОЛИНА М. С.	23
Поликодовые тексты как элемент пропаганды (на примере северокорейских политических комиксов) МАВЛЕЕВА Д. В.	29
Лингвистическая интерференция: эволюция понятия, современное понимание и корреляция со смежными понятиями МОЗОЛЬ Т. С.	35
Симметрия / асимметрия при передаче адвербиалий на русский язык (на материале переводов художественного произведения Э. Уортон «Эпоха невинности») НЕВАЛЕНАЯ Е. В.	42
Изучение специфики жанра дипломатического донесения второй половины XVIII века НЕШКЕС О. В.	50
О сложностях в понимании иранского таāрофа с точки зрения носителей русского языка НОСРАТИ А., ВОТИНОВА Л. В.	57
Южнокорейский вебтун «В окружении богов» как образец поликодового текста: вербальные, визуальные и лингвокультурологические особенности перевода ПОХОЛКОВА Е. А., ПОНКРАТОВА Е. А.	65
Героизация и демонизация образа преступника в немецкоязычных СМИ и тривиальной литературе (на материале криминальной хроники и детективного романа) СЕВЕРИНА Е. А., РЫБАКОВА М. Б.	72
Основные факторы, обуславливающие стабильность и динамическое развитие норм современного французского языка СЕМИНА И. А.	81
Проблема перевода масдара с арабского языка на русский ТЮРЕВА Л. С.	89
Лингвокультурный концепт «Христос» в испанских фразеологизмах ФЕДОСОВА О. В., КУТЬЕВА М. В.	97
Метафоризация экономической лексики в медиадискурсе современного китайского языка ЧЕЧИНА Н. Ю.	104

СОДЕРЖАНИЕ

Особенности комментариев как одного из видов метакоммуникативной деятельности переводчика (на примере переводов произведений современной корейской литературы)	
ЧУБ А. И.	111
Динамические процессы в семантике фразеологизмов	
ЧЭНЬ СЫФАНЬ, ПИЩАЛЬНИКОВА В. А.	119
Эгоцентрическая лексическая семантика китайского глагола 来	
ШАХАЕВА А. А.	125

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

«Спор о древних и новых» в свете философской антропологии	
БОНДАРЕВ А. П.	130
Готическое и романтическое в литературе транзитивных эпох (на примере романа С. Кларк «Джонатан Стрендж и мистер Норрелл»)	
ДРУЖИНИНА А. А., СОМОВА Е. В.	137

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Диалог правды и интересов в культуре	
ДАЛЕЦКИЙ Ч. Б.	144
Сравнительный анализ космогонических представлений в ведической и древнекитайской мифологиях: вселенная-яйцо и первопредок-демиург	
ОЛИХОВА Е. О.	151
Современная культурная политика Китая: цели и векторы развития	
ТАРАСОВА Е. И.	158
От консьюмеризма к экологичному потреблению: истоки и тенденции трансформационных процессов в современной китайской культуре	
ЧЕЛНОКОВА-ЩЕЙКА А. В.	166

LINGUISTICS

The Problem of Subdialect Language Assimilation (based on the Buryat idioms material from Shenekhen and Nizhneudinsk) VASILEVA D. N.-D.	9
Comparative Analysis of the Approaches to Euphemisms' Research (based on Korean and Turkish) ZHAROVA E. M.	17
Studying Interference in Translation: Methodological Aspect ZOLINA M. S.	23
Polycode Text as an Element of Propaganda (on the example of North Korean political comics) MAVLEEVA D. V.	29
Language Interference: Evolution of the Concept, Current Understanding and Correlation with Related Concepts MOZOL T. S.	35
Symmetry / Asymmetry in the Translation of Adverbials in E. Wharton's "Age of Innocence" in English and Russian NEVALENAYA E. V.	42
Studying the Specificity of the Genre of Diplomatic Report in the Second Half of the 18 th Century NESHKES O. V.	50
On the Difficulties in Understanding the Iranian Taārof from the Perspective of Russian Speakers NOSRATI A., VOTINOVA L. V.	57
South Korean Webtoon "Along with the Gods" as a Polycode Text: Verbal, Visual and Cultural Aspects of Translation POKHOLKOVA E. A., PONKRATOVA E. A.	65
Heroization and Demonization of the Image of a Criminal in the German-Language Media and Trivial Literature (on the basis of a crime chronicle and a detective novel) SEVERINA E. A., RYBAKOVA M. B.	72
Stability and Dynamic Development of Modern French Norm: Major Factors SEMINA I. A.	81
The Problem of Translating the Name of an Action (Masdar) from Arabic into Russian TYUREVA L. S.	89
The Linguistic and Cultural Concept of "Christ" in Spanish Phraseological Units FEDOSOVA O. V., KUTIEVA M. V.	97
Metaphorization of Economic Terms in the Media Discourse of the Modern Chinese Language CHECHINA N. YU.	104

CONTENTS

Peculiarities of Translator's Commentaries as One of the Types of Metacommunicative Activity (based on modern Korean literature translations)	
CHUB I. A.	111
Dynamic Processes in the Semantics of Phraseological Units	
CHEN SIFAN, PISHCHALNIKOVA V. A.	119
The Egocentric Semantics of the Chinese Directional Motion Verb 来	
SHAKHAEVA A. A.	125

LITERARY STUDIES

"Quarrel of Ancients and Moderns" in the Light of Philosophical Anthropology	
BONDAREV A. P.	130
Gothic and Romantic in the Literature of Transitive Epochs (based on S. Clarke's novel «Jonathan Strange and Mr. Norrell»)	
DRUZHININA A. A., SOMOVA E. V.	137

CULTUROLOGY

Dialogue of Truth and Interests in Culture	
DALECKY CH. B.	144
Comparative Analysis of Cosmogonic Ideas in Vedic and Ancient Chinese Culture: the "Cosmic Egg" and the Ancestor-Demiurge	
OLIKHOVA E. O.	151
China's Modern Cultural Policy: Goals and Vectors of Development	
TARASOVA E. I.	158
From Consumerism to Eco-Consumption: the Origins and Trends of Transformational Processes in Contemporary Chinese Culture	
CHELNOKOVA-SIEJKA A. V.	166

Проблема языковой ассимиляции субдиалектов (на материале говоров шэнэхэнских и нижнеудинских бурят)

Д. Н.-Д. Васильева

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
dug-vema@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается проблема ассимиляции субдиалектов, описывается современное состояние островных субдиалектов бурятского языка в условиях языкового сдвига в иноэтническом окружении в Автономном районе Внутренняя Монголия (КНР) и России. На примере говоров двух этнотерриториальных групп шэнэхэнских и нижнеудинских бурят выявляются особенности языковой и этнической ассимиляции, анализируются фонологические и лексические изменения в языке носителей под влиянием китайского и русского языков.

Ключевые слова: языковая ассимиляция, монгольские языки, островной субдиалект, шэнэхэнские буряты, нижнеудинские буряты

Для цитирования: Васильева Д. Н.-Д. Проблема языковой ассимиляции субдиалектов (на материале говоров шэнэхэнских и нижнеудинских бурят) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2023. Вып. 11 (879). С. 9–16.

Original article

The Problem of Subdialect Language Assimilation (based on the Buryat idioms material from Shenekhen and Nizhneudinsk)

Dugyema N.-D. Vasileva

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
dug-vema@mail.ru

Abstract. The article looks into the problem of subdialect language assimilation, the author describes the current state of two Buryat language island subdialects in the context of a linguistic shift in the non-ethnic environments such as Inner Mongolia Autonomous Region (PRC) and Russia. The peculiarities of linguistic and ethnic assimilation are revealed on the basis of two ethnoterritorial group dialects of Shenekhen and Nizhneudinsk Buryats, with the focus on linguistic changes in terms of phonological and lexical shift under the influence of Chinese and Russian.

Keywords: linguistic assimilation, Mongolian languages, island subdialect, Shenekhen Buryats, Nizhneudinsk Buryats

For citation: Vasileva, D. N.-D. (2023). The problem of subdialect language assimilation (based on the Buryat idioms material from Shenekhen and Nizhneudinsk). Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 11(879), 9–16.

ВВЕДЕНИЕ

В условиях глобализации, когда происходит быстрая интеграция экономики и мировых сообществ, явление языковой ассимиляции, или языкового сдвига, наблюдается во всех языках, функционирующих в условиях двуязычия. В нашем исследовании мы рассмотрим то, как функционируют «островные» субдиалекты бурятского языка в настоящее время.

В мире на монгольских языках говорят около 7 млн человек, ареал их распространения охватывает обширную территорию от северо-восточных провинций КНР до междуречья Дона и Волги (АРВМ, провинции Хэйлунцзян, Ляонин, Гирич в КНР, Монголия, в России – Республики Бурятия, Калмыкия, Тыва (здесь юго-восточная часть республики), Забайкальский край и Иркутская область).

Изучение говоров Внутренней Монголии, многие из которых в дальнейшем будут отнесены к группе «маргинальных», «островных» и «изолированных» языков, связано с именем русского монголоведа А. Д. Руднева, опубликовавшего в 1911 г. «Материалы по говорам Восточной Монголии». Андрей Руднев летом 1903 г. по поручению Русского комитета по изучению Средней и Восточной Азии посетил Восточную Монголию, где исследовал основные говоры, и отметил, что, несмотря на многовековую китайскую колонизацию, восточные монголы сохранили свой язык, поскольку лексический состав его остается монгольским, и что многие из них не понимают по-китайски [Руднев, 1911].

Термин «маргинальные или "островные" языки» в своих классификациях монгольских языков применяли Г. Д. Санжеев, Н. Поппе; Б. Х. Тодаева и Г. Дёрфер используют термин «изолированные языки».

По классификации Г. Д. Санжеева, «живые» монгольские языки разделены на две группы: основные и маргинальные языки. К основным Санжеев относит те языки, которые с самого начала своей истории находились в тесном контакте друг с другом, имели общую литературную культуру, формировали более или менее единую группу и в настоящее время имеют статус государственных языков. К ним относятся монгольский, бурятский и калмыцкий языки. К маргинальным; или «островным» языкам Г. Д. Санжеев относит все остальные языки, которые не имеют письменности и отделены от основного монгольского ареала другими языковыми группами: китайской, иранской и тибетской [Санжеев, 1952].

По классификации Поппе монгольские языки делятся на:

1. Восточные.
 - 1.1. Северные: бурятские.
 - 1.2. Центральные: халха, хотогойт, дархатский.
 - 1.3. Южные: харчинский, чахарский, ордосский, баргутский, хорчинский и др.
2. Западные: калмыцкий, ойратский.
3. Островные: дагурский, монгорский, могольский [Поппе, 1954].

Б. Х. Тодаева в труде «Монгольские языки и диалекты Китая» и завершающем цикл книг по ранее не исследованному монгольским языкам на территории Китая «Дагурский язык» выделяет группу изолированных монгольских языков [Тодаева, 1960; Тодаева, 1986].

Г. Дерфер следовал за Н. Поппе: «Он выделил западно-монгольскую ветвь (калмыцкий, ойратский, включая олетский), восточномонгольскую ветвь (южно-монгольская группа диалектов: ордосский, чахарский, хорчинский, харчинский, старобаргутский и т. п.; центрально-монгольская группа диалектов: халха, хотогойты, дархаты и т. п.; северно-монгольская группа диалектов: бурятские диалекты, баргу-бурятский) и «изолированные языки»: могольский; дагурский и монгорскую группу диалектов (в которую вошли монгорский, дунсянский, шира-югурский и т. п.)» [цит. по: Грунтов, Мазо, 2015, с. 207].

В настоящее время "островной язык" – язык, которым пользуется население, находящееся в окружении иноязычного населения, в том числе язык отдельных национальных поселений иммигрантов. Он может быть вариантом какого-то языка, подвергающегося сильному воздействию языка этноса, окружающего данную территорию [Панькин, Филиппов, 2011].

В качестве материала исследования послужили интервью с языковыми консультантами, записанными автором во время экспедиций в Иркутской области (2016), АРВМ КНР (2019) и Республике Бурятия (2020–2023). В рамках данной статьи мы рассмотрим современные островные субдиалекты монгольских языков: говор шэнэхэнских бурят, компактно проживающих в сомонах Зүүн номон (Восточный) и Баруун номон (Западный) Эвенкийского хошуна Хулунбуирского аймака АРВМ КНР (здесь до 2000-х гг. третьим населенным пунктом, где проживали буряты, был Мүнгэн номон (Мунгэн)) и говор нижеудинских бурят, носителей самого изолированного от других языков и диалектов монгольской группы говора.

Как правило, на говоре или субдиалекте общаются между собой жители одного или нескольких населенных пунктов. Каждый из упомянутых говоров обладает рядом важных особенностей и

некоторыми специфическими чертами, отличными от живых монгольских языков в области фонетики, грамматики, лексики, словообразования в виду взаимодействия с другими монгольскими и тюркскими языками и диалектами, китайским и русскими языками. Как пишет Г. А. Дырхеева: «дисперсное проживание населения способствует сохранению языков, т. к. оно не содействует консолидации и языковому единению и помогает сохранению языка, хотя в виде диалектов» [Дырхеева, 2015, с. 15].

ГОВОР ШЭНЭХЭНСКИХ БУРЯТ

Носители бурятского языка как отдельного этноса (или диалекта, как определяют его большинство ученых-монголистов в рамках общего монгольского языка) проживают в России (Республика Бурятия, Забайкальский край и Иркутская область), Монголии (аймаки Дорнод, Хэнтэй, Хубсугул) и КНР (АРВМ).

В разные годы ученые-лингвисты выделяли различные классификации в отношении диалектов бурятского языка. В научной литературе, связанной с монголоведением, термины «наречие», «диалект», «говор» употребляются в разных значениях. Некоторые исследователи используют термин «диалект» в значении совокупности говоров, характеризующихся общими для них чертами, но в меньшей степени, чем наречие. В таком случае в состав одного наречия может входить несколько диалектов. Другие лингвисты применяют термины «наречие» и «диалект» в синонимичном значении. Одни считают говор самой мелкой разновидностью языка, другие делят говор на подговор [Бертагаев, 1961; Санжеев, 1963].

Ц. Б. Цыдендамбаев разделил бурятский язык на четыре территориальных диалекта (или наречия): добайкальский (западный), прибайкальско-саянский (промежуточный), хоринский (восточный) и селенгинский (южный). К восточному диалекту он относит собственно хоринский, тугнуйский, агинский и условно иволгинско-оронгойский говоры [Цыдендамбаев, 1960].

Ц. Б. Будаев в монографии «Лексика бурятских диалектов в сравнительно-историческом освещении» пишет: «Наречие – самая крупная разновидность языка, объединяющая в себя группу говоров с общими языковыми признаками. Говор является частью наречия и обладает своими специфическими чертами, отличающимися от других говоров. В состав некоторых говоров входят подговоры, имеющие свои специфические особенности. Термин «диалект» употребляется нами как разновидность языка вообще (в значении наречия,

говора и подговора)» [Будаев, 1978, с. 20]. В своей классификации Ц. Б. Будаев выделяет три наречия: западнобурятское, восточнобурятское и южнобурятское. К восточнобурятскому наречию относятся хоринский и североселенгинский говоры. Хоринский говор имеет четыре подговора: мухор-шибирско-бичурский, агинский, шергальжинский и донда-киретский.

В данной работе мы используем термины «язык», «диалект», «субдиалект» (или «говор»).

Первым из описываемых островных субдиалектов является говор шэнэхэнских бурят, основную часть которых составляют выходцы из агинских бурят (говорящих на агинском говоре хоринского диалекта бурятского языка). Данная этническая группа проживает в Восточном (Зүүн номон) и Западном (Баруун номон) сомонах местности Шэнэхэн Эвенкийского хошуна Хулунбуирского аймака АРВМ КНР. Численность до 8 тыс. человек. В АРВМ за основу литературного монгольского языка принят чахарский диалект южномонгольской группы восточномонгольских наречий. В качестве письменного языка и в настоящее время используется старописьменный монгольский язык. На протяжении 100 лет шэнэхэнские буряты живут в КНР, знают китайский, монгольский языки, владеют монгольской письменностью. Многие из них говорят на дагурском и эвенкийском языках.

Б. Х. Тодаева в монографии «Язык монголов Внутренней Монголии» отмечает, что язык баргутов и бурят, проживающих на территории Хулунбуирского аймака АРВМ, близок к языку бурят СССР [Тодаева, 1986].

Топоним Шэнэхэн предшествовал названию этнической группы шэнэхэн буряда «шэнэхэнские буряты» от ст.-монг. *šineken* (ср. х.-монг. *шинэхэн*, бур. *шэнэхэн*, калм. *шин* «новый; новенький»). Некоторую часть данной этнической группы составляют представители бурятских родов из других аймаков Бурятии. Есть выходцы из предбайкальских (западных) бурят. Все они являются поздними переселенцами, т. к. основной исход данной этнической группы произошел в начале 20-х гг. XX в. На эмиграцию бурят в Китай повлияли несколько факторов. Л. Б. Бадмаева в статье «Письменный памятник по истории шэнэхэнских бурят» отмечает, что в рассматриваемом ею сочинении Бодонгут Абида «исход бурят в Шэнэхэн (КНР) связан с историческими событиями, происходившими в России в начале XX в.: начало Первой мировой войны, мобилизация бурятской молодежи на тыловые работы, революционные волнения внутри страны и т. д. В связи с усилением революционного движения в России были особенно обеспокоены представители бурятских сайтов, нойонов,

буддийской духовной иерархии» [Бадмаева, 2017, с. 11]. Другая часть бурят осталась на территории Китая во время установления русско-китайской границы. Как отмечают Тимофеев, Грибова: «Советское правительство предложило аннулировать неравноправные договоры. Но под давлением стран Антанты пекинское правительство прервало переговоры и в марте 1918 г. отозвало своего посланника, была закрыта русско-китайская граница. Лишь в 1924 г. возобновились контакты между СССР и Китаем» [Тимофеев, 2013, с. 33].

Приводим материал из интервью Дамдиной Даримы из рода Лыглуд Хубдуд, 1954 г. р. С 1994 г. проживает в г. Улан-Удэ Республики Бурятия.

Манай нагаса аба эжы хоёр Борзиин Үлирэнгэ нутагһаа урагшаа нүүдэллээр нүүгээд байхада, гэнтэ хилэ тогтоод, тэндэ үлэшэһэн... – Когда наши дедушка и бабушка (со стороны мамы) кочевали к югу от с. Урулюнгуй Борзинского района, граница внезапно закрылась, и [они] там остались¹.

Со слов нашего языкового консультанта мы приводим песню на бурятском языке, которую она услышала у женщины по имени Ынхар. Из рассказа Дамдиной Даримы следует, что эта песня исполнялась ими в 70-х гг. (XX в.) после Культурной революции в Китае в ритме песен западных бурят:

Саарал морьнэй зобохые
Самхаад ерэжээгээ амараагаа.
Сагаантал засагтаа зобохыем
Сосыализм боложээгээ амараагаа.
Хара морьнэй зобохые
Харгы ерэжээгээ амараагаа.
Хаантал засагтаа зобохыем
Хомонизм боложээгээ амараагаа.

Буквальный перевод песни:

Мышастого коня от страданий
велосипед появился и избавил.
От мучений власти белогвардейцев
социализм наступил и избавил.
Вороного коня от страданий
дороги появились и избавили.
От мучений при царской власти
Коммунизм пришел и избавил.

Как видим, в тексте песни несколько слов-историзмов, подвергнувшихся изменениям под влиянием бурятского языка, как *сосыализм* (*социализм*), *хомонизм* (*коммунизм*). Кроме того, говор

¹ Зд. и далее перевод наш. – Д. В.

шэнэхэнских бурят сохраняет лексику, заимствованную из русского языка в период XVII – начала XX вв. и активно употребляющуюся в повседневной речи. Например, *самхаад*, *самхаадха* от рус. *самокат* в значении «велосипед»; *ирплан* от рус. *аэроплан* в значении «самолет»; *барээни* (*варенье*), *хилээмэн* (*хлеб*) и др.

В речи следующего языкового консультанта Сампилай Даши-Дондока из рода Тогтор Хуасай, 1969 г. р.:

Тээд би үдын хойно табан *час* хахадай *ирплан-да* хуугаад, Хүх-Хото манай табан багша Хүх-Хото ороно. Тэндэ нэгэ *неделе* үлүү байгаадлэ болхобди. Болбосоролтон мандые хэшээл оруулха *ба*. Тигээд хорин зургаанда ерхэбди, тиигээд нэгэ бага яаруу. – После полудня в 5:30 сядем в самолет и в составе 5 учителей полетим в Хух-Хото. Будем неделю с лишним. Специалисты сферы образования проведут занятия для нас. Вернемся 26-го, поэтому немного тороплюсь.

Помимо русских заимствований шэнэхэнские буряты активно используют лексику из китайского языка. Здесь мы фиксируем китайскую модальную частицу 吧 [*ba*] в качестве утверждения.

Нами зафиксированы словосочетания и фразы из активного словаря:

шэн. бур. *патрят/потрят/петрпат* сохиho – фотографировать, делать фото (ср.: рус. портрет);

дүүгээ бүү *обиидижэ* бай – не обижай младшего брата / сестру (ср.: рус. обижать) муухай *бреднэ* хүүгэд бэ – какой вредный ребенок (ср.: рус. вредный)

денхуа дааха – звонить по телефону (*кит.* 电话 – телефон)

тиимэ ба? – так же? (*кит.* 吧 – модальная частица в качестве вопросительной частицы и утверждения).

Речь носителей шэнэхэнского говора избилует пословицами, поговорками, фразеологизмами. Для рассматриваемого субдиалекта распространено такое фонетическое явление, как эпентеза. В записанной нами поговорке заимствования из китайского и русского языков. Пример:

Заяанай һогтууда жаран ду перваабка. – К начальной глупости еще и 60-градусная водка добавилась (*кит.* 度 – градус; рус. прибавка).

В настоящее время влияние китайского языка и других диалектов монгольского языка

Внутренней Монголии друг на друга ощущается повсеместно. Согласно Л. Б. Бадмаевой, «полевые материалы свидетельствуют о том, что язык шэнэхэнских бурят Китая не претерпел больших изменений в сравнении с агинским говором хоринского диалекта. Наблюдаются лишь некоторые фонетические изменения под влиянием китайского языка, а именно смягчение шипящих и свистящих звуков: бур. бэшэ – шэн. бур. б'ис'а (другой, иной); бур. шэнэ – шэн. бур. синэ (новый) и т. д.» [Бадмаева, 2017, с. 12]. В ходе анализа собранного материала наблюдается вариативность произношения и замена гласного звука «э» на «у» после шипящего «ш»: бур. шэнэ – шэн. бур. шунэ; шэнэ хүн (новый человек), но шүнэ жэл (новый год). Чередование согласных звуков «б» и «г», характерное для многих диалектов монгольских языков: бур. үбэл – шэн. бур. үгэл (үгэлэй сахариг – зимние колеса / шины).

ГОВОР НИЖНЕУДИНСКИХ БУРЯТ

Из истории изучения говора

Исследованию данного субдиалекта посвящены труды М. А. Кастрена (1857), А. А. Дарбеевой (1960, 1972, 1974, 1978; в 1958 г. А. А. Дарбеева впервые посетила нижеудинских бурят с экспедицией), В. И. Рассадина (1999; в 1976 г. В. И. Рассадин был в экспедиционной поездке у нижеудинских бурят); в 2016 г. спустя порядка 40 лет вышла статья Ю. Д. Абаевой. Согласно Т. А. Бертагаеву, «разговорный язык бурят распадается на три основных диалекта, или наречия: восточный диалект, или наречие, забайкальских бурят, западный диалект, или наречие, предбайкальских бурят и, наконец, нижеудинский диалект, или нижеудинское наречие, которое, несмотря на небольшое количество говорящего на нем населения, настолько самобытно по своим лингвистическим данным, что несомненно находится на уровне особого диалекта, даже наречия» [Бертагаев, 1961, с. 3].

Д. А. Алексеев в бурятском языке выделял 10 диалектов: хоринский, селенгинско-иволгинский, цонголо-сартульский, кабанский, баргузинский, тункинский, эхирит-булагатский, аларо-унгинский, боханский и нижеудинский [Алексеев, 1955]. Г. Д. Санжеев считает, что в бурятском языке имеется «около тринадцати диалектов, которые, в свою очередь, делятся на большее или меньшее количество мелких говоров» [Санжеев, 1952, с. 13]. Классификация Санжеева следующая:

- 1) хоринский диалект с агинским говором;
- 2) цонгольский, или цонгольско-сартульский;

- 3) селенгинский (несакающий);
- 4) кабанско-баргузинский диалект, разделяемый на кабанский и баргузинский говоры;
- 5) тункинский;
- 6) окинский;
- 7) нижеудинский;
- 8) унгинский;
- 9) аларский;
- 10) боханский;
- 11) эхиритский;
- 12) булагатский.

Ц. Б. Цыдендамбаев относит нижеудинский говор к добайкальскому диалекту, Ц. Б. Будаев – к западнобурятскому наречию, В. И. Рассадин же считает данный говор существующим самостоятельно «вне системы как эхирит-булагатских и присаянских бурятских говоров, так и хоринских, так и южных» [Рассадин, 1999, с. 3].

В июле 2016 г. мы в составе экспедиционной группы в количестве четырех человек побывали в с. Кушун Нижнеудинского района Иркутской области. Почти 1000 км между Улан-Удэ (до 1934 г. – Верхнеудинск) и Нижнеудинском. Названия городов происходят от гидронима Уда. Село Кушун (старинное бурятское название Шугуул) находится в 35 км от Нижнеудинска. В Кушуне проживает около 60 семей, 136 человек. По данным В. И. Рассадина, полученным им в 1976 г., «нижеудинские буряты, общим числом около 500 человек, проживали в двух селах: Кушун (старое бурятское название его – Шугуу һүүл) и Мунгуту-Булак. Эти села удалены друг от друга примерно на 30 км» [Рассадин, 1999, с. 7]. В Мунгуту-Булак сейчас живут четыре семьи.

Наши языковые консультанты рассказали легенду о том, откуда появились ойконимы Кушун (бур. Шугуул) и Мунгуту-Булак. Из Монголии в эти места прибыли два брата Шакаа и Кабтаа. Шакаа остался в местности Кушун, а брат осел в Мунгуту-Булак. В с. Кушун в основном живут представители рода Кара коршин, в Мунгуту-Булак – из рода Шара коршин. Кроме того, старожилы упоминают о бытовании названий Монгол харгы «монгольская дорога» и Монгол дабаан «монгольский хребет», которые сохранились только в легендах.

Нижнеудинские буряты на протяжении веков контактировали с тюркоязычными тофаларами и кетоязычными коттами. Русские пришли на эти земли в XVII в. Некоторые языковые консультанты во время беседы упоминали, что их бабушки были тофаларками. С тофаларами буряты имели торговые отношения. Поскольку тофалары были таежными кочевниками, они приходили к оседлым нижеудинским бурятам и покупали еду и инструменты. Рассказывают, что тофалары хорошо знали бурятский язык.

По нашим опросам следует, что жители Кушуна общаются между собой на русском языке. Исследователи еще в 70-х гг. отмечали, что «при функциональном существовании двух языков в двуязычном коллективе устойчиво сохраняется лишь тот язык, функции которого обладают двумя обязательными признаками: 1) тотальностью обслуживания населения; 2) нерегламентированностью этих функций во времени. Русский язык, выполняя функции языка культуры и внутригосударственного общения, охватывает наиболее широкие сферы общественной деятельности, а родной язык бурят применяется только в обиходно-бытовой сфере» [Дарбеева, 1978; Рассадин, 1999]. Старики в начале интервью говорят на русском, а затем постепенно переходят на смешанное русско-бурятское двуязычие. Дома снаружи и убранство внутри, как в русских селах. В красном углу размещены иконы, на стенах – православные календари. В некоторых домах рядом с православными висят и буддийские календари.

Отрывок из интервью с Суровцевой-Коногоровой Валентиной (1934 г. р., уроженкой с. Кушун, из рода Кара коршин):

Буряд молитваяя кэлнэмдэ, мангад молитваяя кэлнэмдэ. Все это надо знать. Буркан Баабай нэгэн. И буряднуудта и мангуудта один Бог на всех. А молитвы помогают. Молитва Живой помощи. В больнице лежала никакая. Хорошо, что молитвы с собой взяла. А-то би тэндээш гаркуубам. Молитва Живой помощи кармаандам ябаа. – Читаю бурятские молитвы, читаю русские молитвы. Все это надо знать. Бог один. И для бурят, и для русских один Бог на всех. А молитвы помогают. Молитва Живой помощи. В больнице лежала никакая. Хорошо, что молитвы с собой взяла. А то бы я оттуда не вышла. Молитва Живой помощи была в кармане.

Особенности фонетики говора нижеудинских бурят

Смычный /к/ вместо проточного /х/ в литературном бурятском языке, зафиксированы чередования /к/, /кх/, /т/:

бур. НУ	лит. бур.	х-монг.	рус.
кара	хара	хар	черный
кхэлнэ	хэлэхэ	хэлэх	говорит
түмһан / түмүһун	хүмһан	хумс(ан)	ноготь

Вызвал интерес аффикс родительного падежа -ан [-ään]: Шугуулан (Шугульский; Шугула), Удан (удинский; Уды).

Лексические особенности

бур. НУ	лит. бур.	х-монг.	рус.
ийкэдэр	хайндэр	баярын өдөр	праздник
куузан	альяһан	ялаа	муха

Рассадин пишет: «Лексема представляет собой, по всей вероятности, тюркское заимствование, прототипом которого является общетюркское слово *коңуз* (жук), бытующее почти во всех современных тюркских языках и зафиксированное в древнетюркском» [Рассадин, 1999, с. 142]. В настоящее время на говор сказалось влияние литературного бурятского языка: лексема *альяһан* употребляется наряду с *куузан*.

- бур. НУ соол – печь, печка
- алар. бур. соол – дом, изба
- х-монг. зуух – печь.

По В. И. Рассадину, *тоф*. соол (печь, печка) взято у нижеудинцев, так как у них слово *соол* употребляется в значении «печь, печка» [Рассадин, 1999, с. 8].

бур. НУ	лит. бур.	х-монг.	рус.
бидагоор	бид хоёр, хоюулаа	бид хоёр, хоёулаа	вдвоем

Нами зафиксирован случай употребления слова в противоположном значении. Бур. НУ *Үһэниинь бакадаа* (букв. 'его / ее волосы уменьшились / сократились) употребляется в значении «его / ее волосы стали длинными, нужно их постричь».

В интервью Дичева Татьяна Константиновна, 1925 г. р., уроженка с. Кушун Нижнеудинского района Иркутской области, вспомнила давнюю беседу с тулунскими бурятами, в которой проявились различия в диалектах:

В Тулунский район ошоомдя... Соол соо ороод суухуу? Соолдо ороорой. Гайкаад, соол соо ороод бяну. Юрайн, ши ороорой. Ши ороош, потом би бэээн орно. – Поехали мы в Тулунский район... [И говорят нам]: «Зайдете в печку? Заходите в печку». Удивилась, в печку что ли заходить. Юра, ты заходи. Ты зайди, а потом я сама зайду.

Ср.:

- бур. НУ соол – печь
- алар., окин., тунк., закам. бур. соол – изба, поставленная из толстых бревен.

Другой особенностью говора нижнеудинцев является то, что при разговоре они указывают на обязательную принадлежность к себе, даже в тех случаях, где это не требуется. Например:

- рука – бур. *НУ* гарамэни (букв.: 'моя рука')
- голова – бур. *НУ* толгоймэни (букв.: 'моя голова')
- младший брат или сестра – бур. *НУ* дүүмэни, дүү күбүүмэни (букв.: 'мой младший брат или сестра; мой младший брат')
- мать, мама – бур. *НУ* экемэни (букв.: 'моя мать, мама').

Глагольные формы не являются исключением:

- делать – лит. бур. хэхэ – бур. *НУ* киикэээ (чтобы сделать самому / самой).

Таковыми особенностями обладают енисейские языки (особенно кетский).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проблема ассимиляции субдиалектов остается в настоящее время актуальной. Современные субдиалекты монгольских языков таких этнических групп, как шэнэхэнские и нижнеудинские буряты, в разной степени продолжают сохранять свою

уникальность и своеобразие. Анализируя полученный полевой материал, можно сделать вывод о том, что структура слов и предложений в рассматриваемых говорах является общемонгольской; различия же проявляются в фонетике и лексике. В говоре шэнэхэнских бурят наблюдается заметное влияние китайского языка и литературного чахарского диалекта; в частности, употребление модальных частиц китайского языка, смягчение шипящих и свистящих звуков.

Современное состояние языка шэнэхэнских бурят по сравнению с нижнеудинским говором стабильно, но необходимо отметить, что процент носителей говора в чистом виде сокращается.

Говор нижнеудинских бурят находится на грани исчезновения. Количество носителей уникального говора с каждым годом уменьшается. По нашим экспедиционным материалам возраст носителей, владеющих родным говором в разной степени, начинается от 50 лет. Общественные коммуникативные функции выполняет русский язык.

Таким образом, процессы языковой и этнической ассимиляции двух этнотерриториальных групп шэнэхэнских и нижнеудинских бурят, компактно проживающих в Китае и России, происходят с сохранением знания родного языка и практически полной его потерей.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Руднев А. Д. Материалы по говорам Восточной Монголии. СПб.: Факультет восточных языков Императорского Санкт-Петербургского университета, 1911.
2. Санжеев Г. Д. Монгольские языки и диалекты. Ученые записки Института востоковедения АН СССР. М., 1952. Т. IV.
3. Poppe N. Grammar of written Mongolian. Porta linguarum orientalum. Neue Serie, 1. Wiesbaden: Harrassowitz, 1954.
4. Тодаева Б. Х. Монгольские языки и диалекты Китая. М.: Восточная литература, 1960.
5. Тодаева Б. Х. Дагурский язык / АН СССР, Институт востоковедения. М.: Наука, 1986.
6. Грунтов И. А., Мазо О. М. Классификация монгольских языков по лексикостатистическим данным // Вопросы языкового родства. 2015. Вып. 13/3. С. 205–255.
7. Панькин В. М., Филиппов А. В. Языковые контакты: краткий словарь. М.: Флинта : Наука, 2011.
8. Дырхеева Г. А. Особенности трансформации языковой ситуации в Бурятии: к постановке проблемы изучения типологии языковых контактов в Сибири // Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2015. № 2 (29). С. 10–15.
9. Бертагаев Т. А. О морфологическом строе бурятского языка / Акад. наук СССР. Институт языкознания. М., 1961.
10. Санжеев Г. Д. Сравнительная грамматика монгольских языков: Глагол / Акад. наук СССР. Ин-т народов Азии. М.: Восточная литература, 1963.
11. Цыдендамбаев Ц. Б. О диалектальных различиях в разговорном бурятском языке // Труды БКНИИ СО АН СССР. Сер. Востоковед. Улан-Удэ, 1960.
12. Будаев Ц. Б. Лексика бурятских диалектов в сравнительно-историческом освещении. Новосибирск: Наука, 1978.
13. Бадмаева Л. Б. Письменный памятник по истории шэнэхэнских бурят // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2017. № 1 (67): в 2 ч. Ч. 1. С. 10–13.
14. Тимофеев О. А., Грибова О. К. Некоторые проблемы истории формирования российско-китайской границы в новое и новейшее время // Ойкумена. 2013. № 2. С. 30–37.
15. Алексеев Д. А. О «территориальных» диалектах бурят-монгольского языка // Материалы науч. конф. по вопросам бурят-монгольского языка. Улан-Удэ, 1955. С. 82–93.
16. Рассадин В. И. Становление говора нижнеудинских бурят. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 1999.
17. Дарбеева А. А. Влияние двуязычия на развитие изолированного диалекта: На материале монгольских языков. М.: Наука, 1978.

REFERENCES

1. Rudnev, A. D. (1911). Materialy po govoram Vostochnoj Mongolii = Materials on dialects of Eastern Mongolia. St. Petersburg: fakul'tet Vostochnykh jazykov Imperatorskogo Sankt-Peterburgskogo universiteta. (In Russ.)
2. Sanzheev, G. D. (1952). Mongol'skie jazyki i dialekty. Uchenye zapiski Instituta vostokovedeniya AN SSSR = Mongolian languages and dialects. Scientific notes of the Institute of Oriental Studies of the USSR Academy of Sciences (vol. IV). Moscow. (In Russ.)
3. Poppe, N. (1954). Grammar of written Mongolian. Porta linguarum orientalium. Neue Serie, 1. Wiesbaden: Harrassowitz.
4. Todaeva, B. Kh. (1960). Mongol'skie jazyki i dialekty Kitaya = Mongolian languages and dialects of China. Moscow: "Vostochnaya Literatura" ("Oriental Literature") Publisher. (In Russ.)
5. Todaeva, B. Kh. (1986). Dagurskii yazyk = Dagur language. USSR Academy of Sciences, Institute of Oriental Studies. Moscow: Nauka. (In Russ.)
6. Gruntov, I., Mazo, O. (2015). Lexicostatistical classification of the Mongolic languages. Journal of Language Relationship, 13/3, 205–255. (In Russ.)
7. Pankin, V. M., Filippov, A. V. (2011). Yazykovye kontakty: kratkii slovar' = Language contacts: concise dictionary. Moscow: Flinta : Nauka. (In Russ.)
8. Dyrkheeva, G. A. (2015). Features of the transformation of the language situation in Buryatia: towards the formulation of the problem of studying the typology of language contacts in Siberia. Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia, 2(29), 10–15. (In Russ.)
9. Bertagaev, T. A. (1961). O morfologicheskom stroe buryatskogo yazyka = On the morphological structure of the Buryat language. Academy of Sciences of the USSR. Institute of Linguistics. Moscow. (In Russ.)
10. Sanzheev, G. D. (1963). Sravnitel'naya grammatika mongol'skikh jazykov: Glagol = Comparative grammar of Mongolian languages: Verb. Academy of Sciences of the USSR. Institute of Oriental Studies. Moscow: "Vostochnaya Literatura" ("Oriental Literature") Publisher. (In Russ.)
11. Tsydendambaev, Ts. B. (1960). O dialektal'nykh razlichiyakh v razgovornom buryatskom yazyke = On dialectal differences in the spoken Buryat language. Proceedings of the BKNII SB AN USSR. Ser. Orientalist. Ulan-Ude. (In Russ.)
12. Budaev, Ts. B. (1978). Leksika buryatskikh dialektov v sravnitel'no-istoricheskom osveshchenii = Vocabulary of Buryat dialects in comparative historical coverage. Novosibirsk: Nauka. (In Russ.)
13. Badmaeva, L. B. (2017). A Written Monument on the History of Shenekhen Buryat. Philology. Theory and practice, 1(67)-1, 10–13. Tambov: Gramota Publishers. (In Russ.)
14. Timofeev, O. A., Gribova, O. K. (2013). Some Problems of the History of Russian-Chinese Border Formation in Modern Times. Ojkum, 2, 30–37. (In Russ.)
15. Alekseev, D. A. (1955). O «territorial'nykh» dialektakh buryat-mongol'skogo yazyka = About the "territorial" dialects of the Buryat-Mongolian language. Materials of the scientific conference on the issues of the Buryat-Mongolian language (pp. 82–93). Ulan-Ude. (In Russ.)
16. Rassadin, V. I. (1999). Stanovlenie govora nizhneudinskikh buryat = The formation of the dialect of the Nizhneudinsk Buryats. Ulan-Ude: Izdatel'stvo BNTs SO RAN. (In Russ.)
17. Darbeeva, A. A. (1978). Vliyanie dvuyazychiya na razvitie izolirovannogo dialekta. Na materiale mongol'skikh jazykov = The influence of bilingualism on the development of an isolated dialect. Based on the material of Mongolian languages. Moscow: Nauka. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Васильева Дугвэма Натар-Доржиевна

кандидат филологических наук, доцент
доцент кафедры восточных языков переводческого факультета
Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Vasileva Dugvema Natar-Dorzhiyevna

PhD (Philology), Associate Professor
Associate Professor at the Department of Oriental Languages
Faculty of Translation and Interpreting, Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию	21.08.2023	The article was submitted approved after reviewing accepted for publication
одобрена после рецензирования	18.09.2023	
принята к публикации	26.09.2023	

Сравнительно-сопоставительный анализ подходов к изучению эвфемизмов (на материале корейского и турецкого языков)

Е. М. Жарова

*Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
katzhara@gmail.com*

Аннотация. Изучение языка невозможно без изучения ценностей его носителей. Эвфемизмы исследуются многими учеными, однако на данный момент нет единого определения этого явления, а также его признаков и классификаций. Представлен сравнительно-сопоставительный анализ подходов к изучению эвфемизмов на материале корейского и турецкого языков. Материал исследования – статьи общественно-политической тематики на корейском и турецком языках.

Ключевые слова: эвфемизм, корейский язык, турецкий язык, прагматика перевода, политкорректность

Для цитирования: Жарова Е. М. Сравнительно-сопоставительный анализ подходов к изучению эвфемизмов (на материале корейского и турецкого языков) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2023. Вып. 11 (879). С. 17–22.

Original article

Comparative Analysis of the Approaches to Euphemisms' Research (based on Korean and Turkish)

Ekaterina M. Zharova

*Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
katzhara@gmail.com*

Abstract. Language studying is impossible without studying cultural values of its native-speakers. A lot of linguists study euphemisms but there is neither their universal definition nor their specifications and classifications. The article is devoted to a comparative analysis of the approaches to euphemisms' research in Korean and Turkish. The research material comprises articles of social and political topics in Korean and Turkish.

Keywords: euphemisms, Korean, Turkish, pragmatics of translation, political correctness

For citation: Zharova, E. M. (2023). Comparative analysis of the approaches to euphemisms' research (based on Korean and Turkish). Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 11(879), 17–22.

ВВЕДЕНИЕ

Изучение языка невозможно без изучения ценностей его носителей. Язык общества – это также его история и культура. Безусловно, язык тесно связан и с правилами, установленными в обществе. Явление эвфемии носит достаточного многоплановый лингвокультурологический характер, оказывающий сильное влияние на лексику языка. Эвфемизмы играют важную роль в историческом развитии каждого языка, а эвфемия – это постоянный процесс замены одних наименований другими в целях успешной коммуникации [Шафигуллина, Даминаова, Тарасова, 2016].

Данное исследование посвящено сравнительно-сопоставительному анализу изучения явления эвфемии на материале корейского и турецкого языков. Объектом исследования является явление эвфемии, а предметом – особенности эвфемизации в корейском и турецком языках. Материалом исследования стали статьи с высказываниями политических деятелей на корейском и турецком языках.

ПОНЯТИЕ «ЭВФЕМИЗМ»

Многие ученые во всем мире изучают явление и процессы эвфемизации, публикуют статьи, монографии и диссертации, однако нельзя сказать, что явление эвфемии достаточно изучено. На данный момент нет единого определения этому явлению, а также отсутствуют единые признаки и классификации. В лингвистике происходит накопление материала, разработка критериев эвфемизмов, определение основных их признаков и пр.

Многие российские и зарубежные лингвисты относят к категории эвфемизмов слова, замещающие табуированные лексические единицы, и нежелательные, резкие слова в определенных контекстах.

В рамках данного исследования были выделены несколько определений, наиболее точно отражающих сущность феномена эвфемии:

О. С. Ахманова понимает под эвфемизмами эмоционально нейтральные слова или выражения, употребляемые вместо синонимичных, которые представляются коммуниканту неприличными, грубыми или нетактичными [Ахманова, 1969].

И. Р. Гальперин считает эвфемизмы словами или фразами, которые заменяют неприятные слова или выражения на относительно приемлемые для говорящего [Гальперин, 1981].

Ян Чжон в своих исследованиях проводит связь между эвфемизмами, языковой деятельностью и типом прагматики, благодаря которым

коммуникация достигает положительного исхода без прямой передачи намерения [양정, 2018].

По мнению Кан Пёнчхана и Ан Хёка, эвфемизмы служат для умалчивания неприглядной информации. Они маскируют информацию, которую не принято обсуждать в обществе, и обеспечивают надежную защиту чувств адресатов коммуникации [강병창, 안혁, 2013].

Е.А. Похолкова обращает внимание, что в южнокорейском языке термины «политкорректность» и «эвфемизм» рассматриваются отдельно, хотя российские и западные лингвисты рассматривают эти две темы всегда в одной связке. Термину «политкорректность» в южнокорейской языковой действительности до сих пор приписывается большая политическая функция, а эвфемии – бытовая, так как корейцы используют эвфемизмы в том числе и без особой необходимости [Pokholkova, 2016].

Ж. А. Коротких приводит следующее определение эвфемизма: «Эвфемизм – замена любого недовольного или нежелательного слова или выражения более корректным во избежание прямого наименования всего, что способно вызвать негативные чувства как у говорящего, так и у собеседника, а также с целью маскировки определенных фактов действительности» [Коротких, 1999, с. 135].

В турецком языке существует целый ряд синонимов термина «эвфемизм» [Bilginer, 2001, с. 441]:

edebi kelam – литературное выражение
güzel adlandırma – приукрашивание речи
hüsnü tabir – зашифрованное высказывание
güzelleme – приукрашивание
örtmece – скрытое

Турецкий исследователь А. Гюнгёр приводит определение эвфемизма из англо-турецкого оксфордского словаря: «[Л]итературное выражение, при котором происходит передача понятий, которые считаются вульгарными, некрасивыми или предвзятыми, с помощью более приятной лексики»¹ [Güngör, 2006, с. 70].

Лингвист Д. Аксан утверждает, что *güzel adlandırma* (приукрашивание речи) служит в речи для избежания получения адресатом коммуникации чувств страха, испуга или отвращения, а также какой-либо негативной коннотации [Aksan, 1990].

КЛАССИФИКАЦИЯ ЭВФЕМИЗМОВ

Среди отечественных исследователей политического дискурса вопросами классификации политических эвфемизмов занимались В. В. Панин,

¹ Зд. и далее перевод наш. – Е. Ж.

А. А. Халанская, Г. А. Вильданова и др. [Шафигуллина, Даминова, Тарасова, 2016].

В. В. Панин выделяет две большие группы политкорректных эвфемизмов, которые включают еще нескольких подгрупп. Первая группа состоит из эвфемизмов, которые используются для исключения различных видов дискриминации, а вторая – идеологических эвфемизмов, использующихся с целью избежать негативных последствий как в политике, так и в экономике. При этом эвфемизмы второй группы используются скорее для манипуляции общественным сознанием [Панин, 2004].

По классификации В. В. Панина и Е. В. Кипрской, политкорректные эвфемизмы подразделяются на три группы:

1. Используемые для исключения различных видов дискриминации (расовая, этническая, имущественная, возрастная).
2. Используемые для камуфлирования различных форм военной агрессии и преступной деятельности. Такие эвфемизмы маскируют отрицательные понятия и создают положительный имидж вооруженных сил стран, вовлеченных в конфликт.
3. Используемые для обозначения органов власти и их деятельности [Кипрская, 2005; Панин, 2004].

Дж. Челик в своей классификации выделяет три группы турецких эвфемизмов по степени эвфемизации: слабая, средняя и сильная. Слабая степень эвфемизации позволяет прикрыть образование какой-либо дискриминации. Средняя степень эвфемизации применяется из необходимости высказать глубокое почтение высшим силам в ситуациях, связанных со смертью или болезнями. А последняя степень эвфемизации – самая сильная, применяется при описании взаимоотношений между мужчиной и женщиной, в том числе в контексте сексуальных отношений [Çelik, 2011].

Ян Чжон классифицирует эвфемизмы по способам образования и по их тематике. Способы образования, в свою очередь, подразделяются еще на две подгруппы – образованные вербальным способом и невербальным способом. Вербальный способ состоит из трансформации звукового оформления, трансформации лексики, а также трансформации грамматической структуры предложения. Невербальный способ делится на жесты или выражение лица, а также особенности использования интонаций [양정, 2018].

В южнокорейском политическом дискурсе довольно много политкорректных эвфемизмов, созданных на почве борьбы с дискриминацией физически и умственно неполноценных людей.

Это слова, описывающие физические недостатки людей, какие-либо особенности их физического строения и внешности [Чуб, Жарова, 2022]. Например, такие слова, как 맹인 [мэньин] – «слепой», 병어리 [понори] – «немой», 귀머거리 [квимогори] – «глухой», считаются непolitкорректными, оскорбляющими чувства людей, поэтому принято использовать эвфемистические замены, содержащие слово 장애인 [чанъэин] – «инвалид». То есть предпочтительными вариантами являются:

시각 장애인 [сигак чанъэин] – инвалид по зрению
청각 장애인 [чхонгак чанъэин] – инвалид по слуху
언어 장애인 [оно чанъэин] – инвалид по речи

В турецком политическом дискурсе прослеживается тенденция замены слов *sakat* или *özürlü* (инвалид) на выражения со словом *engelli* (человек с ограниченными возможностями) [Шафигуллина, Даминова, Тарасова, 2016]:

görme engelli – человек с ограничениями зрения
duyma engelli – человек с ограничениями слуха
konuşma engelli – человек с ограничениями речи

Выражения, связанные с темой преступления в корейском языке, часто заменяются на метафорические. Например, выражение 죄를 짓다 [чверыль читта] – «совершить преступление» – часто заменяется на эвфемизм 빨간 줄을 굶다 [ппальган чурыль кытта] – «подчеркнуть красным». Таким образом происходит отсылка к традиции корейцев подчеркивать в семейных реестрах имена членов семьи, имевших проблемы с законом [Чуб, Жарова, 2022]. Традиционно в Корее существовали семейные реестры, в которых велся учет всех членов семьи, и, если случалось, что кто-то нарушал закон, в этом списке фамилию подчеркивали красным. Подобная практика ведения семейных реестров и выделения преступников красным прекратилась в Южной Корее в 2008 году, но доказательства тому, что такие традиции существовали, остались в эвфемизмах [Ли Ханьль, 2018].

Выражения *отбывать тюремный срок, сидеть в тюрьме* заменяются на 콩밥을 먹다 [конпабыль мокта] – «есть бобовую кашу». В Южной Корее во второй половине XX века основным рационом тюремных заключенных была как раз каша из риса и соевых бобов. Тогда как выражение 두부를 먹다 [тубурыль мокта] – «съесть тофу» олицетворяет освобождение из мест лишения свободы. Белым цветом тофу символизируют новую жизнь, поэтому у южных корейцев сформировалась традиция угощать им отбывшего срок заключенного [Чуб, Жарова, 2022].

В южнокорейском языке присутствуют несколько лексических пластов: пласт исконной корейской лексики, пласт лексики китайского происхождения и пласт лексики, заимствованной из других языков. При необходимости эти пласты могут служить эвфемизмами друг для друга. Например, исконно-корейское слово 죽다 [чукта] – «умереть» – считается недостаточным для выражения почтения к умершему и часто заменяется на более возвышенные варианты с иероглифическими корнями: 작고하다 [чаккохада] – «завершить жизненный путь», 별세하다 [пёльсэда] – «покинуть бренный мир» или метафорический вариант 하늘 나라로 가다 [ханиль нарано када] – «уйти на небо», 별이 되다 [пёри тведа] – «стать звездой», 돌아가다 [торагада] – «вернуться в прежний мир» [Чуб, Жарова, 2022].

В турецком языке слово *ölmek* (умереть) заменяется на более возвышенные варианты:

Allah'ın davetine icabet etmek – откликнуться на божье приглашение
 can vermek – отдать жизнь
 gözlerini hayata yummak – закрыть глаза на жизнь
 ölüm şerbeti içmek – испить щербет смерти
 sonsuzluğa intikal etmek – перенестись в вечность

Согласно Ю. Н. Мазуру, при создании эвфемистических замен часто используется словообразовательная морфема (суффиксоид) – 사 [са], включенная в состав слов, обозначающих профессии, считающиеся престижными в корейском обществе, таких как 의사 [ыйса] – «врач», 변호사 [пёноса] – «адвокат», 교사 [кёса] – «преподаватель» [Мазур, 2001]. Например, 운전수 [унчжонсу] – «водитель, шофер» заменяется на 기사 [киса] – «инженер по автотранспорту», 간호원 [кановон] – «санитарка» на 간호사 [каноса] – «медсестра, медбрат». Слова 가정부 [качжонбу] – «домработница» или 식모 [синмо] – «кухарка» заменяются на 가사도우미 [касатоуми] – «помощница по хозяйству». Слово 백수 [пэксу] – «безработный», употребляемое

только в разговорах, эвфемизируется в 구직자 [кучжикча] – «соискатель, претендент на вакансию» и 취업 준비자 [чвиоп чунбичжа] – «человек, который готовится к поступлению на работу» [Чуб, Жарова, 2022].

В турецком языке эвфемизации также подвергаются наименования профессий, названия которых могут вызвать негативную коннотацию у их представителей. Так, слово *çöpçü* (мусорщик) в турецком языке считается оскорбительным для людей, работающих уборщиками мусора, и поэтому их называют *temizlik işçisi* (работник чистоты). Вместо слов *fedai* (вышибала) используют слова *koruma, güvenlik görevlisi* (ответственный за защиту, безопасность), вместо *tezgahtar* (продавец, продащица) используют *satış elemanı* (специалист по продажам) [Çelik, 2011].

В политическом дискурсе южнокорейского и турецкого языков прослеживается тенденция к эвфемизации следующих тем: физических недостатков людей, смерти, а также профессий, вызывающих негативные ассоциации с деятельностью их представителей.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Использование тех или иных эвфемизмов носителями корейского и турецкого языков обусловлено культурными и историческими особенностями данных языков. Явление эвфемии становится предметом исследований всё большего числа лингвистов не только в России, но и в Турции и в Южной Корее. В своих научных трудах они приводят определения понятия «эвфемизм», выделяют его отличительные особенности и предлагают наиболее приемлемые классификации политически корректных эвфемизмов, приведенные в данной статье. На основе этой классификации приводится сравнительно-сопоставительный анализ политкорректных эвфемизмов, используемых в южнокорейском и турецком политическом дискурсе.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Шафигуллина Л. Ш., Даминова Э. Р., Тарасова В. В. Политические эвфемизмы в средствах массовой информации (на материале американских и турецких печатных изданий начала XXI века) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2016. № 7 (61) : в 3 ч. Ч. 3. С. 170–173.
2. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М.: Советская Энциклопедия, 1969.
3. Гальперин И. Р. Очерки по стилистике английского языка. М.: Высшая школа, 1981.
4. 양정, 한국어 완곡표현 연구, 2018.
5. 강병창, 안혁. 완곡어법을 중심으로. 수사학 연구 제18호. 한국수사학회. 2013.

6. Pokholkova E. Political Correctness as Part of Language Policy in South Korean Mass Media // Proceedings of the 15th CEESOK International Conference on Korean Studies «New Trends in Korean Studies». Poznan: Adam Mickiewicz University, 2016.
7. Коротких Ж. А. Некоторые проблемы перевода неологизмов-эвфемизмов // Актуальные проблемы сопоставительного языкознания и межкультурные коммуникации: материалы Межрегиональной конференции. Уфа: Издательство Башкирского университета, 1999. С. 134–139.
8. Bilginer H. Batı dillerinde ve Türkçede güzel adlandırmalar // Türk Dili. Ekim, 2001. S. 441–445.
9. Güngör A. Tabu-Örtmece (Euphemism) Sözcük Üzerine. Atatürk Üniversitesi Türkiyat Araştırmaları Enstitüsü Dergisi. Erzurum, 2006.
10. Aksan D. Her Yönüyle Dil III. Ankara: TDK Yay, 1990.
11. Панин В. В. Политическая корректность как культурно-поведенческая и языковая категория: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тюмень, 2004.
12. Кипрская Е. В. Политические эвфемизмы как средство камуфлирования действительности в СМИ (на примере конфликта в Ираке 2003–2004 гг.): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ижевск, 2005.
13. Çelik C. Türkiye Türkçesinde Örtmece ve Tabu Kelimeler. Yayımlanmamış Yüksek Lisans Tezi. Gazimağusa Kuzey Kıbrıs, 2011.
14. Чуб А. И., Жарова Е. М. Проблема перевода корейских эвфемизмов на русский язык // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2022. Вып. 10 (865). С. 98–104.
15. Ли Ханьль. Непрямой дискурс корейского языка как переводческая проблема. М.: Московский государственный лингвистический университет, 2018.
16. Мазур Ю. Н. Грамматика корейского языка. М.: Муравей-Гайд, 2001.

REFERENCES

1. Shafigullina, L., Daminova, E., Tarasova, V. (2016). Politicheskiye evfemizmi v sredstvakh massovoi informatsii (na materiale amerikanskikh i turetskikh pechatnih izdaniy nachala XXI veka) = Political euphemisms in mass media (on the material of the American and Turkish printed editions of the beginning of the 21st century). (In Russ.)
2. Akhmanova, O. S. (1969). Slovar lingvisticheskikh terminov = A dictionary of linguistic terms. Moscow: Sovetskaya Entsiklopediya. (In Russ.)
3. Galperin, I. R. (1981). Ocherki po stilistike angliyskogo yazyika = Essays of English stylistics. Moscow: Vysshaya shkola. (In Russ.)
4. 양정 (2018). 한국어 완곡표현 연구. = Yang Jeong. (2018). Euphemism study in Korean. Seoul: Pakmunsa.
5. 강병창, 안혁. 완곡어법을 중심으로. 수사학 연구 제18호. 한국수사학회. 2013. = Kang Pyeongchang. (2013). An Hyeok. Euphemism study. Seoul: Declamation studies, 18.
6. Pokholkova, E. (2016). Political correctness as a part of language policy in the mass media in South Korea. In New Trends in Korean Studies : Proceedings of the 15th CEESOK International Conference on Korean Studies. Poznan: Adam Mickiewicz University.
7. Korotkikh, Zh. (1999). Nekotorye problemy perevoda neologizmov-jevfemizmov = Challenges of translating neological euphemisms. In Aktual'nye problemy sopostavitelnogo yazikovaniya i mezkulturnoi kommunikatsii : Proceedings of an international conference. Ufa: Bashkir State University. (In Russ.)
8. Bilginer, H. (2001). Batı dillerinde ve Türkçede güzel adlandırmalar. Türk Dili (pp. 441–445). Ekim.
9. Güngör, A. (2006). Tabu-Örtmece (Euphemism) Sözcük Üzerine. Atatürk Üniversitesi Türkiyat Araştırmaları Enstitüsü Dergisi, Erzurum.
10. Aksan, D. (1990). Her Yönüyle Dil III. Ankara: TDK Yay.
11. Panin, V. (2004). Politicheskaya korrektnost kak kulturno-povedencheskaya i yazikovaya kategoriya = Political correctness as cultural, behavioural and linguistic category: abstract of PhD in Philology. Tumen. (In Russ.)
12. Kiprskaya, E. (2005). Politicheskiye evfemizmi kak sredstvo kamuflirovaniya deystvitelnosti v SMI (na primere konflikta v Irake 2003–2004) = Political euphemisms as a tool of camouflaging reality in mass media (on the example of Irak's conflict in 2003–2004): abstract of PhD in Philology. Izhevsk. (In Russ.)
13. Çelik, C. (2011). Türkiye Türkçesinde Örtmece ve Tabu Kelimeler. Yayımlanmamış Yüksek Lisans Tezi. Gazimağusa Kuzey Kıbrıs. (In Turkish)
14. Chub, A., Zharova, E. (2022). Challenge of translating Korean euphemisms into Russian. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 10(865), 98–104. (In Russ.)

15. Lee, H. (1918). Nepriamoy diskurs koreyskogo yazyika kak perevodcheskaya problema = Indirect discourse of Korean as a translation challenge. Moscow: Moscow State Linguistic University. (In Russ.)
16. Mazur, Y. N. (2001). Grammatika koreyskogo yazyika = Grammar of Korean. Moscow: Muravey-Gaid publishing house. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Жарова Екатерина Максимовна

аспирант кафедры общего и сравнительного языкознания
Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Zharova Ekaterina Maksimovna

PhD Student, Department of General and Comparative linguistics
Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию	15.08.2023	The article was submitted approved after reviewing accepted for publication
одобрена после рецензирования	21.09.2023	
принята к публикации	26.09.2023	

Изучение интерференции в переводе: методологический аспект

М. С. Золина

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
masha.zolina.98@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается феномен стилистической интерференции не в традиционном понимании языкового контакта, а в рамках теории-гипотезы языкового спектра и частотно-типологической модели. Материалом послужили статьи по физике 2016–2017 годов на английском языке, их переводы на русский язык, а также непереводные статьи на русском языке. Делается вывод о том, что стилистическое уравнивание в переводе необходимо, так как оно позволяет привести переводной текст в соответствие с традицией языка перевода.

Ключевые слова: интерференция, теория-гипотеза языкового спектра, методология, эмоционально-экспрессивные средства, перевод научно-популярных текстов

Для цитирования: Золина М. С. Изучение интерференции в переводе: методологический аспект // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2023. Вып. 11 (879). С. 23–28.

Original article

Studying Interference in Translation: Methodological Aspect

Maria S. Zolina

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
masha.zolina.98@mail.ru

Abstract. The article deals with the phenomenon of stylistic interference not in the traditional sense of language contact, but within the framework of the theory-hypothesis of linguistic spectrum and the frequency-typological model. The English popular science articles on physics, their translations into Russian and originally Russian works of 2016–2017 were taken for analysis. It concludes that stylistic alignment in translation is necessary as it brings the translated text in line with the tradition of the target language.

Keywords: interference, theory-hypothesis of linguistic spectrum, methodology, emotionally expressive means, popular science translation

For citation: Zolina, M. S. (2023). Studying interference in translation: methodological aspect. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 11(879), 23–28.

ВВЕДЕНИЕ

Понятие интерференции может рассматриваться с различных позиций: с точки зрения психологии, психолингвистики, социолингвистики и т. д. Т. В. Жеребило дает определение интерференции в русле социолингвистики и полагает, что интерференция – это «отклонения от норм второго языка под влиянием родного в письменной и устной речи билингва» [Жеребило, 2010, с. 124]. Она отмечает, что данное понятие является одним из центральных в теории языковых контактов и упоминает фонетическую, грамматическую, синтаксическую, лексико-семантическую интерференцию. С позиции социолингвистики к проблеме интерференции подходят М. Ю. Розенцвейг и У. Вайнрайх, они также рассматривают интерференцию в рамках теории языковых контактов. М. Ю. Розенцвейг полагает, что интерференция проявляется на четырех уровнях языковой системы: лексико-семантическом, фонологическом, морфологическом и синтаксическом, однако подробно он останавливается на лексико-семантической и грамматической интерференции, так как рассмотрение проблемы на других уровнях на конкретном языковом материале было, по его мнению, вряд ли возможным. В диссертации он применяет сравнительно-сопоставительный метод изучения интерференции [Розенцвейг, 1975]. В свою очередь, У. Вайнрайх аналогично выделяет фонетическую, грамматическую и лексическую интерференцию [Вайнрайх, 1979] и также использует сравнительно-сопоставительный метод.

В переводоведении интерференция, как и в языкознании, исследуется с позиции лингвистической теории языковых контактов, где переводчик является искусственным билингом, для которого язык перевода (ПЯ) не является родным. В. Н. Комиссаров полагает, что в сознании билингва один язык доминирует над другим (исходный язык (ИЯ) доминирует над ПЯ), что приводит к тому, что билингв переносит в неродной язык особенности своего родного языка. Следовательно, по мнению В. Н. Комиссарова, влияние форм ИЯ на формы ПЯ – это отрицательное явление на всех уровнях языка, которое создает коммуникативные помехи в переводе. Как мы видим, переводческая интерференция рассматривается как деструктивное явление [Комиссаров, 1999].

Попутно заметим, что В. И. Черемисин предлагает различать переводческую интерференцию и трансференцию, под последней понимаются такие отклонения от норм ПЯ, которые положительно влияют на процесс развития и обогащения ПЯ [Черемисин, 1992]. Вышеуказанный ракурс

рассмотрения интерференции в языкознании и в переводоведении предполагает преобладание сопоставительного анализа, а именно сопоставления переводного текста (ПТ) с исходным текстом (ИТ), т. е. разноязычных текстов.

Однако аксиологический параметр интерференции / трансференции в ПТ определяется по отношению к норме и узусу ПЯ. На этом основании можно говорить о важности иного вида сопоставления – переводного текста с непереводаемыми на одном языке. Подобный вариант сопоставительного анализа применялся в переводоведческих исследованиях, но для других целей, а именно для определения лингвистического статуса языка перевода. Так, М. В. Умерова анализировала синтаксические и лексические особенности оригинальных русских текстов разной функционально-стилистической направленности и аналогичных текстов, переведенных с английского и немецкого языков на русский. Данное исследование обосновывает особый лингвистический статус языка переводов в принимающей культуре, а также в нем создается типология языковых особенностей, отличающих тексты переводов от непереводаемых произведений на русском языке [Умерова, 2003]. Сходные идеи высказала О. И. Палагина, которая аналогичным образом исследовала лингвистический статус языка переводов произведений с английского языка на русский. При этом она полагает, что элиминировать различия между переводными и оригинальными текстами невозможно по причине «мотивированности определенных отклонений от нормы и узуса переводящего языка» [Палагина, 2008, с. 3].

ЯВЛЕНИЕ ИНТЕРФЕРЕНЦИИ В ПЕРЕВОДЕ СКВОЗЬ ПРИЗМУ ЧАСТОТНО-ТИПОЛОГИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ

Цель данной статьи – показать значимость сопоставления переводных и непереводаемых текстов на одном языке для изучения и преодоления интерференции в переводе. Методологическим основанием здесь может служить частотно-типологическая модель перевода (ЧТМ), составленная Д. В. Псурцевым и имеющая в своей основе две концепции: теорию закономерных соответствий (ТЗС) Я. И. Рецкера и теорию языкового спектра (ТЯС) М. Д. Литвиновой. Д. В. Псурцев полагает, что смысл ТЗС заключается в том, что переводчик исходит из того, что в ИТ и ПТ имеются естественные эквиваленты, относящиеся к словосочетаниям, а значит и к синтаксическому уровню [Псурцев, 2019]. Использование их поможет переводчику избежать буквализма в процессе создания текста на ПЯ. Что касается ТЯС, в данной теории-гипотезе

была высказана мысль о том, что все явления в языке образуют языковой спектр, представляющий собой совокупность частот употребления этих явлений. У каждого языка складывается свой спектр: так, спектр английского языка будет отличаться от спектра русского языка. Знание частотности употребления тех или иных явлений поможет переводчику создать такой текст на ПЯ, который бы естественным образом вписывался в соответствующую традицию и удовлетворял бы ожиданиям реципиентов. Примечательно, что рассмотрение теории-гипотезы языкового спектра на материале английского и русского языков производилось на синтаксическом уровне, а другие уровни языка затронуты не были [Псурцев, 2019]. Нас же скорее будет интересовать ТЯС на семантическом уровне, потому что именно в коннотативном значении заложен стилистический компонент, обуславливающий связь стилистики и семантики. Зависимость языкового спектра (ЯС) от типа языка на семантическом уровне показывают лексикология и лексикография, когда отмечают, что в аналитических языках наблюдается большее количество многозначных слов, чем в синтетических [Максименко, 2022]. Если рассмотреть это наблюдение сквозь призму ЧТМ на примере переводов с английского языка (аналитический) на русский язык (синтетический), то оно будет означать большее распространение приема конкретизации.

Примером применения ЧТМ можно считать коммуникативно-прагматический подход Т. В. Воеводиной. Она полагает, что определяющую роль в практической стороне работы переводчика играет коммуникативная ситуация, в которой осуществляется перевод, и чтобы поддерживать коммуникативную ситуацию, текст должен иметь определенную форму и отвечать конкретным критериям, способствующим естественности восприятия ПТ в принимающей культуре [Воеводина, 2022]. Исследователь считает, что такие критерии, как пропорция высоких / низких элементов лексики и фразеологии, а также средняя длина высказывания (количество слов) мало подвержены колебаниям и довольно универсальны для каждой категории текстов. Данные критерии зависят от типа текстов, идиостиля автора и традиции, которой придерживается переводчик. Для переводчика это означает, что он должен так осуществить коммуникацию, чтобы не прерывать, а поддерживать ее, создавая такой текст на ПЯ, который будет подобен аналогичным исконным текстам на этом языке. Тем самым он заручится доверием читателя, для которого привычным критерием качества перевода является естественность и традиционность языковой формы [там же].

СТИЛИСТИЧЕСКАЯ ИНТЕРФЕРЕНЦИЯ В ПЕРЕВОДЕ НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫХ ТЕКСТОВ

Аналогичным образом, если сузить рассмотрение явления интерференции в переводе до изучения стилистической интерференции в переводе научно-популярных текстов, можно выявить необходимые преобразования на стилистическом уровне текста, которые помогут нивелировать интерференцию стилистических особенностей ИТ в ПТ.

Мы сконцентрировали свое внимание на стилистике английских и русских текстов научного функционального стиля, потому что именно в этом стиле в данной языковой паре наблюдаются заметные различия, главным из которых является ярко выраженная эмоциональность английского текста, что нехарактерно для русского научного стиля. Подобная особенность этого функционального стиля в английском языке стирает границу между собственно научными и научно-популярными текстами, что особенно заметно на современном этапе, когда популяризация науки стала частью культурной традиции англоязычного научного сообщества. Однако несмотря на обозначенную тенденцию в современном мировоззрении языки по-прежнему отличает разная степень «сдержанности» в проявлении эмоциональности даже в научно-популярных текстах. В. А. Виноградов полагает, что расхождения в системах взаимодействующих языков являются главным источником интерференции [Виноградов, 1990]. На наш взгляд, именно расхождения в стилистических параметрах и приводят к интерференции в переводе научной литературы разного рода с английского на русский язык.

Мы подсчитали количество эмоционально-экспрессивных средств (под этим имеются в виду эпитеты, стертые и авторские метафоры, фразеологические единицы, модальные выражения, инверсии), а также калькированных выражений в статьях, переведенных на русский язык за период 2016–2017 годов, и в непереводах статей, используя традиционный для переводоведения сравнительно-сопоставительный метод, но применительно к одноязычным текстам. Эмпирическим материалом исследования стали шесть современных статей (три неперевода статьи сходной тематики на русском языке по физике, общим объемом 3,35 п. л.; три статьи, переведенные на русский язык, общим объемом 2 п. л.). Непереводами были взяты из научного журнала «Успехи физических наук» и научно-популярного издания «В мире науки», а статьи, переведенные на русский язык, из российской версии американского журнала «Scientific American». Ниже представлены данные нашего анализа.

Таблица 1

ДАННЫЕ СРАВНИТЕЛЬНОГО АНАЛИЗА
НЕПЕРЕВОДНЫХ И ПЕРЕВОДНЫХ СТАТЕЙ
2016–2017 ГОДОВ

	непереводные	переводные
Статьи	3	3
Фрагменты с количеством слов	3 фрагмента (1015 слов)	3 фрагмента (1068 слов)
Эпитеты	3	7
Стертые метафоры	4	8
Авторские метафоры	0	10
Модальные выражения	3	9
ФЕ (фразеологические единицы)	1	1
Кальки	0	3
Инверсии	1	1

Данные таблицы свидетельствуют о том, что количество эмоционально-экспрессивных средств в переводных статьях выше, чем в непереводных: больше авторских и стертых метафор, эпитетов, модальных выражений; встречаются калькированные выражения. Иными словами, если принять во внимание объем выбранных фрагментов, мы видим значительное увеличение частотности эмоционально-оценочных средств выражения в переводных статьях по физике по сравнению с непереводными работами. Эти цифры показывают отклонения от стилистического спектра русских научных текстов в сторону аналогичного спектра английского научного стиля, что является

проявлением интерференции в переводе. Наличие калькированных выражений выявляет причину стилистической интерференции – зависимость формы ПТ от формы ИТ в ущерб традиции соответствующего стиля в ПЯ.

Далее рассмотрим на примере, какие дополнительные возможности для изучения интерференции открывают изложенные методологические основания при сопоставлении одноязычных текстов. В качестве иллюстрации возьмем отрывок из статьи на английском языке под названием «Black holes, wormholes and the secrets of quantum spacetime» («Черные дыры, кротовые норы и секреты квантового пространства-времени»), которая посвящена теоретической физике, а именно феномену квантовой запутанности. Ее автор Х. Малдасена приобрел широкую известность среди физиков-теоретиков своей концепцией построения Вселенной, за что был награжден Премией по фундаментальной физике в 2012 году¹. Отрывок непереводного русского текста был взят из статьи «Сверхтяжелые элементы», освещающей проблемы ядерной физики и опубликованной в том же журнале «В мире науки», который размещает статьи как отечественных, так и зарубежных физиков. Несмотря на различную тематику статей, оба рассматриваемых русских фрагмента аналогичны тем, что представляют собой часть описания определенной научной проблемы с выдвиганием гипотезы для ее решения. При этом обе статьи можно охарактеризовать как научно-популярные.

¹ URL: <http://www.sinp.msu.ru/en/node/16930>

2016-й год (оригинал)	2017-й год (перевод)	2016-й год (непереводная)
A sci-fi story involving our type of wormhole might look like the following. Imagine two young lovers, Romeo and Juliet. Their families do not like each other and so put Romeo and Juliet in different galaxies, forbidding them to travel. These lovebirds are very smart, however, and manage to construct a wormhole. From the outside the wormhole looks like a pair of black holes, one in Romeo's galaxy and one in Juliet's galaxy. The lovers decide to jump into the interior of their respective black holes. Now, according to their families, they simply committed suicide by jumping in and are never heard from again. Unbeknownst to the outside world, though, the geometry of the wormhole is such that Romeo and Juliet actually meet in the shared interior! And they can live together happily for a while before the bridge collapses, destroying the interior and killing them both [Maldacena, 2016, p. 30].	Научно-фантастическая история, грамотно использующая кротовую нору рассматриваемого вида, могла бы быть, например, такой. Представьте себе двух юных влюбленных, Ромео и Джульетту. Их семьи испытывают друг к другу неприязнь и поэтому расселили юношу и девушку по разным галактикам, запретив им встречаться друг с другом. Но голубки оказались умны и смогли соорудить кротовую нору, которая снаружи выглядит как пара черных дыр – одна в галактике Ромео, а другая в галактике Джульетты. Влюбленные решили прыгнуть каждый в свою черную дыру. Для своих семей они все равно что погибли, поскольку с тех пор никто и никогда о них больше не слышал. Незаметная для внешнего мира, геометрия кротовой норы такова, что Ромео и Джульетта встретятся в общей внутренней области, где и будут счастливо жить вместе, пока не рухнет мост, уничтожив их прибежище и убив их обоих [Малдасена, 2017, с. 86].	Впоследствии оказалось, что планетарная модель атома Резерфорда – Бора достаточно устойчива и хорошо работает вплоть до атомных номеров 173–175. Здесь следовало бы заметить, что атомная физика базируется на квантовой электродинамике – науке точной. Эта теория позволяет рассчитать огромную атомную станцию или маленький чип, и все будет работать абсолютно так, как это следует из фундаментальных законов электродинамики. В ядерной физике, к сожалению, до этого пока далеко. В ней до сих пор неизвестна природа ядерных сил, посредством которых в ядре взаимодействуют друг с другом протоны и нейтроны. Теория ядра находится еще в процессе создания. Однако если мы все-таки хотим определить границу существования ядер, нам надо понять или предположить, как выглядит ядро и каковы основные свойства ядерной материи [Чумаков, 2016, с. 13].

В данном примере мы видим проявление интертекстуальности, так как пересказывается сюжет классического английского произведения – трагедии У. Шекспира «Ромео и Джульетта». Фрагмент оригинала представляет собой развернутую метафору: автор интегрирует жанр научной статьи и жанр художественной прозы. Переводчик под влиянием оригинала сохраняет такой же уровень экспрессивности, неприемлемый для традиции русского научного стиля в целом и даже для текстов научно-популярного характера, для которых нехарактерны литературные образы, аллюзии и другие иностилевые элементы. Здесь необходимо учесть, что статья в научно-популярном журнале как письменный жанр отличается от лекции или устного выступления, популяризирующего научную проблему. На наш взгляд, переводчику следовало бы убрать интертекстуальность и развернутую метафору, так как данные экспрессивные средства не несут в себе никакой смысловой нагрузки в содержательном плане, а лишь вызывают недоумение у русскоязычного получателя своей необычностью для представления научной гипотезы.

Подтверждением сказанного может служить приведенный в примере фрагмент непереводной статьи, где говорится о взаимодействии протонов и нейтронов в ядре, об определении границ существования ядер и пр., но без привлечения литературных сюжетов или иных параллелей со взаимоотношениями людей. При этом статью В. Чумакова можно также отнести к научно-популярным текстам, что подтверждают модальные выражения

(следовало бы заметить, к сожалению, если мы все-таки хотим определить), противопоставление (огромную атомную станцию или маленький чип). Исконно русский текст здесь показывает те способы языкового выражения, которые привычны и традиционны в ПЯ для подобного содержания, т. е. входят в спектр стилистических средств русского научно-популярного текста и по этой причине могут выступать соответствиями для передачи смысла английского оригинала.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, исходя из выбранного нами подхода, можно сделать вывод о том, что стилистическое уравнивание в переводе необходимо, так как оно позволяет привести переводной текст в соответствие с традицией ПЯ и тем самым не создает помех в межъязыковой и межкультурной коммуникации. Мы не отрицаем важность традиционного в переводоведении сравнительно-сопоставительного метода и рассмотрения интерференции в рамках теории языковых контактов, так как перевод – это особый вид языкового контакта. Однако мы полагаем, что рассмотрение проблемы интерференции в рамках ТЯС и частотно-типологической модели на семантическом уровне на примере разноязычных текстов позволяет проследить источник интерференции, а сопоставление переводных и непереводных статей показывает пути, как нивелировать степень интерференции и выработать стратегию стилистического уравнивания в переводе.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Жеребило Т. В. Словарь лингвистических терминов. Назрань: Пилигрим, 2010.
2. Розенцвейг М. Ю. Проблемы языковой интерференции: дис. ... д-ра филол. наук. М., 1975.
3. Вайнрайх У. Языковые контакты : пер. с англ. Киев: Вища школа, 1979.
4. Комиссаров В. Н. Современное переводоведение : курс лекций. М.: ЭТС, 1999.
5. Черемисин В. И. Лексико-семантическая интерференция при переводе как особом виде языкового контакта (на материале англо-русских переводов): автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1992.
6. Умерова М. В. Лингвистический статус языка переводов: автореферат дис. ... канд. филол. наук. М., 2003.
7. Палагина О. И. Сопоставительный анализ лингвистических характеристик языка переводов (на материалах английского и русского языков): автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2008.
8. Псурцев Д. В. Частотно-типологическая модель перевода // Мосты. Журнал переводчиков. № 2 (62). 2019. С. 46–60.
9. Максименко О. И. Словарь языка писателя и толковые словари литературного языка: системные и количественные соотношения // Вестник РУДН. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2022. Т. 13. № 2. С. 307–322.
10. Воеводина Т. В. О соответствии перевода жанровым традициям ПЯ в свете социологической теории перевода // Мосты. Журнал переводчиков. № 2 (74). 2022. С. 10–16.
11. Виноградов В. А. Интерференция // Лингвистический энциклопедический словарь / под ред. В. Н. Ярцевой. М.: Советская энциклопедия, 1990. С. 197.
12. Maldacena J. Black holes, wormholes and the secrets of quantum spacetime // Scientific American. November, 2016. P. 28–31.
13. Малдасена Х. Черные дыры, кротовые норы и секреты квантового пространства-времени // В мире науки : пер. с англ. 2017. № 1/2. С. 84–89.
14. Чумаков В. Сверхтяжелые элементы // В мире науки. 2016. № 5/6. С. 12–24.

REFERENCES

1. Zherebilo, T. V. (2010). Slovar' lingvisticheskikh terminov = Dictionary of Linguistic Terms. Nazran': Piligrim. (In Russ.)
2. Rozentsveig, M. Yu. (1975). Problemy yazykovoi interferentsii = Problems of language interference: Senior Doctorate in Philology. Moscow. (In Russ.)
3. Weinreich, U. (1979). Yazykovyye kontakty = Language in contacts, transl. from English. Kiev: Vishcha shkola. (In Russ.)
4. Komissarov, V. N. (1999). Sovremennoe perevodovedenie = Modern translation studies: course of lectures. Moscow: EHTS. (In Russ.)
5. Cheremisin, V. I. (1992). Leksiko-semanticheskaya interferentsiya pri perevode kak osobom vide yazykovogo kontakta (na materiale anglo-russkikh perevodov) = Lexical and semantic interference in translation as a special type of language contact: abstract of PhD in Philology. Moscow. (In Russ.)
6. Umerova, M. V. (2003). Lingvisticheskii status yazyka perevodov = The linguistic status of the target language: abstract of PhD in Philology. Moscow. (In Russ.)
7. Palagina, O. I. (2008). Sopotavitel'nyi analiz lingvisticheskikh kharakteristik yazyka perevodov (na materialakh angliiskogo i russkogo yazykov) = The comparative analysis of the target language linguistic characteristics: abstract of PhD in Philology. Moscow. (In Russ.)
8. Psurtsev, D. V. (2019). Chastotno-tipologicheskaya model' perevoda = Frequency-typological model in translation. Bridges. Translators and Interpreters' Journal, 2(62), 46–60. (In Russ.)
9. Maksimenko, O. I. (2022). The Dictionary of the Author's Language and Explanatory Dictionaries of the Literary Language: System and Quantitative Correlations. RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics, 13(2), 307–322. (In Russ.)
10. Voevodina, T. V. (2022). O sootvetstvii perevoda zhanrovym traditsiyam PYA v svete sotsiologicheskoi teorii perevoda = On the correspondence of translation to the genre traditions of translation language in the light of sociological theory of translation. Bridges, Translators and Interpreters' Journal, 2(74), 10–16. (In Russ.)
11. Vinogradov, V. A. (1990). Interferentsiya = Interference. In Yartseva, V. N. (ed.), Lingvisticheskii ehntsiklopedicheskii slovar' = Linguistic Encyclopedic Dictionary. Moscow: Sovetskaya ehntsiklopediya. (In Russ.)
12. Maldacena, J. (2016). Black holes, wormholes and the secrets of quantum spacetime. In Scientific American (pp. 28–31).
13. Maldasena, Kh. (2016). Chernyye dyry, krotovyye nory i sekrety kvantovogo prostranstva-vremeni = Black holes, wormholes and the secrets of quantum spacetime. V mire nauki, 1/2, 84–89. (In Russ.)
14. Chumakov, V. (2016). Sverkhtyazhelye ehlementy = Superheavy elements. V mire nauki, 5/6, 12–24. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Золина Мария Сергеевна

аспирант кафедры общего и сравнительного языкознания
Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Zolina Maria Sergeevna

PhD student, Department of General and Comparative Linguistics
Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию	01.09.2023	The article was submitted approved after reviewing accepted for publication
одобрена после рецензирования	25.09.2023	
принята к публикации	26.09.2023	

Поликодовые тексты как элемент пропаганды (на примере северокорейских политических комиксов)

Д. В. Мавлеева

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
selezneva_dv@mail.ru

Аннотация. В современной геополитике одними из эффективных методов отстаивания государственных интересов являются информационные. С их помощью достигается необходимое воздействие на массовое сознание, осуществляется репрезентация того или иного политического события, а также дискредитация потенциального противника. В качестве важнейшего пространства, в котором это реализуется, выступают массмедиа. В рамках информационно-психологического воздействия применяются поликодовые (креолизованные) тексты.

Ключевые слова: пропаганда, поликодовый текст, креолизованный текст, политический дискурс

Для цитирования: Мавлеева Д. В. Поликодовые тексты как элемент пропаганды (на примере северокорейских политических комиксов) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2023. Вып. 11 (879). С. 29–34.

Original article

Polycode Text as an Element of Propaganda (on the example of North Korean political comics)

Darya V. Mavleeva

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
selezneva_dv@mail.ru

Abstract. In modern geopolitics, one of the effective methods of defending a country's interests is information impact. In such a way the necessary impact on the mass consciousness, the representation of a political event is achieved, and the potential adversary is also discredited. Mass media act as the most important space in which this is realized. As part of the information and psychological impact, polycode (creolized) texts are often used.

Keywords: propaganda, polycode text, creolized text, political discourse

For citation: Mavleeva, D. V. (2023). Polycode text as an element of propaganda (on the example of North Korean political comics). Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 11(879), 29–34.

ВВЕДЕНИЕ

В современной геополитике одними из эффективных методов отстаивания государственных интересов являются информационные. С их помощью достигается необходимое воздействие на массовое сознание, осуществляется репрезентация того или иного политического события, а также дискредитация потенциального противника. В качестве важнейшего пространства, в котором это реализуется, выступают массмедиа. Согласно Ю. В. Безбородовой и Л. В. Коростелевой, пропаганда представляет собой «политически мотивированное информационно-психологическое воздействие на эмоционально-волевую сферу массового сознания, с помощью которого внедряются политические идеи, взгляды, установки и формируется политическое поведение, которое не допускает альтернативной точки зрения» [Безбородова, Коростелева, 2019, с. 160].

Как пишет В. В. Вагизова, «проникновение приемов пропаганды как способа манипулирования человеческим сознанием из военно-политической области в другие сферы деятельности общества (PR-технологии, политическая агитация, политические массмедийные технологии и др.) заставило ученых обратить особое внимание на изучение данного вопроса» [Вагизова, 2021, с. 73]. В рамках информационно-психологического воздействия применяются поликодовые (креолизованные) тексты. Как пишет Ворошилова М. Б., «особую значимость в современной политической коммуникации, по мнению целого ряда исследователей [Бойко 2006; Магера 2005; Чудакова 2005 и др.], приобретают семиотически сложные, или креолизованные, тексты, в формировании содержания и прагматического потенциала которых взаимодействуют коды разных семиотических систем, которые, в свою очередь, интегрируются и перерабатываются реципиентом в некое единое целое» [Ворошилова, 2007, с. 73]. Многие исследователи считают, что в политической карикатуре важнейшее значение приобретает авторское начало, так как «ее образная система должна отражать индивидуальную интерпретацию событий, но большинство ученых давно согласилось, что эта интерпретация бесспорно несет на себе отпечаток национального коллективного сознания, и следовательно изучение политической карикатуры является значимым источником информации об общественном сознании» [там же, 2007, с. 74]. Таким образом, изучение поликодовых текстов представляет собой значительный интерес с точки зрения лингвокультурологии.

ПОЛИМОДАЛЬНЫЕ И ПОЛИКОДОВЫЕ ТЕКСТЫ

Согласно О. К. Ирисхановой, «различия между мультимодальностью (полиmodalностью) и поликодовостью применительно к тексту во многом носят установочный характер: мультимодальность в лингвистике ориентируется на изучение коммуникации «как она есть», поэтому, по сравнению с поликодовостью, чаще применяется по отношению к устной речи (речь, жесты, просодия), а поликодовость используется в лингвистических работах, в основном, по отношению к письменному тексту (текст и изображение)» [Ирисханова, 2021, с. 19]. Исследования, посвященные изучению креолизованных текстов, представлены в работах М. Б. Ворошиловой, Н. Ю. Григорьевой, С. О. Миловановой, Н. Б. Руженцевой, Л. В. Дубовицкой и др. Как пишут Т. Тапилин и И. А. Лешутина, «комикс является системой упорядоченных и объединенных общим сюжетом креолизованных текстов, оформленных в форме кадров» [Тапилин, Лешутина, 2019, с. 648].

Креолизованный текст состоит из двух элементов – вербального и иконического, «которые объединяют информацию в единое целое, стирая разницу между семантикой вербальных и иконических знаков: иконический элемент усиливает и несколько корректирует вербальный текст, создавая новое значение» [Безбородова, Коростелева, 2019, с. 160].

При изучении политических креолизованных текстов можно выделить несколько основных направлений:

- 1) семиотическое;
- 2) структурно-риторическое направление, рассматривающее вопросы взаимодействия языковой и иконической составляющей креолизованного текста;
- 3) коммуникативное направление, делающее акцент на проблеме коммуникативных стратегий и тактик [Ворошилова, 2013].

СЕВЕРОКОРЕЙСКИЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ КОМИКСЫ

Материалом данного исследования выступили северокорейские политические комиксы, опубликованные на портале uriminzokkiri.com **우리민족끼리** (досл.: 'среди нашего народа'), который представляет собой государственный северокорейский сайт, где в основном публикуются новости и который используется как средство интернет-пропаганды. Штаб-квартира сайта находится в Китайской Народной Республике, в городе Шэньян.

Сайт информационного агентства содержит раздел 시사만화, а также 그림, на которых представлены креолизованные тексты, высмеивающие внутреннюю и внешнюю политику Республики Корея, в том числе взаимоотношения с Соединенными Штатами Америки. Анализируя структуру текстов, можно отметить, что большая часть из них является политическими карикатурами, но при этом встречаются и целые политические комиксы, состоящие из нескольких креолизованных текстов, объединенных единой темой.

Рассмотрим некоторые из них. Текст, опубликованный 24 апреля 2023 года (см. рис. 1)¹, обличает проамериканские настроения южнокорейского политического истеблишмента во главе с президентом и ситуацию вокруг возможных обвинений в прослушке. Наряду с графическими приемами автор активно прибегает к языковой игре и каламбуру. Так в самом первом кадре диктор должен произнести: «Согласно секретным документам США шпионили за администрацией нашего президента», но вместо второго слога *통* слова «президент» *대통령* автор карикатуры использовал слово *똥*, означающее «фекалии», «экскременты». Как известно, корейский язык восприимчив к появлению большого количества неологизмов, отражающих определенные общественные трансформации, ввиду определенных лингвистических причин, в первую очередь структурных, а также экстралингвистических. Схожее с неологизацией явление – создание окказионализмов.

Согласно Т. В. Жеребило, окказионализмы остаются фактами авторской речи, не становясь при этом нормой литературного языка, в то время как неологизмы прочно закрепляются в словарном составе [Жеребило, 2010]. Окказионализмы используются с целью создания образности и тесно связаны с контекстом.

Во втором кадре вместо термина *동맹국* «страна-союзник», который обычно используется в Республике Корея в отношении США, употребляется термин *혈맹국* «кровный союзник». С одной стороны, последний термин означает более тесную связь и часто употребляется некоторыми консервативными гражданами и политиками в отношении американо-южнокорейского альянса. Тем не менее, так как первый слог *혈* означает «кровь», то в метафорическом отношении *혈맹국* может употребляться с отсылкой к жертвам, потерям и кровопролитию времен Корейской войны, на фоне которых этот союз возник. Как нам видится, именно к этой стране истории делают аллюзию автор комикса.

¹URL: <http://www.uriminzokkiri.com/index.php?ptype=cscree&mtype=vie&w&no=10699>

Рис. 1

В следующем кадре представлены мысли Юн Сок Ёля относительно ситуации с утечкой данных Пентагона: «Действительно, зачем этим *джентльменам* за нами следить?» В оригинале используется термин *양반*, исторически означающий дворянина, воспитанного человека, аристократа. Однако в современном корейском языке, в частности в его южнокорейском варианте, слово используется в том числе в саркастическом значении, при этом менее грубом чем обращение *눈*. Такая

многоплановая языковая игра обладает значительным экспрессивным потенциалом.

На следующем кадре автор приводит отсылку к предположительно некорректному высказыванию президента Южной Кореи Юн Сок Ёля в адрес американских конгрессменов: «Для Байдена будет так унижительно, если эти дебилы не примут это в конгрессе». Как известно, премьер-министр страны Хан Токсу опроверг данный факт, отметив, что формулировка не имела отношения к Конгрессу. Тем не менее автор данного политического комикса, целью которого, безусловно, является дискредитация противника, делает отсылку к данному резонансному инциденту.

В заключительных кадрах комикса президент приходит к выводу о том, что подозрения в шпионаже со стороны США нисколько не подрывают основы американо-южнокорейский альянса. В самой нижней части изображены жители Республики Корея, которые выкрикивают: «Ты высокопоставленный болван на побегушках у США! Оставайся в своей Америке!!!» В оригинале используется выражение со словом *하내비* – *하내비로 섬기다*. *하내비* – синоним к слову *할아버지* (дедушка). Дословно выражение означает «прислуживать как родному дедушке». Данное выражение было использовано из выступления Ким Ёчжон младшей сестрой председателя страны Ким Чен Ына, которая с 2021 года занимает пост заместителя директора Отдела пропаганды и агитации Центрального комитета Трудовой партии Кореи (ТПК). В той речи Ким Ёчжон использует его по отношению к президенту Украины, критикуя его проамериканскую политику и веру в пресловутый «ядерный зонтик».

Рассмотрим еще один комикс, опубликованный на том же сайте 19 мая 2023 года¹ и посвященный отношениям Республики Корея с Японией. В заголовке текста *윤재앙의 망언사전* автор называет Юн Сок Ёля *윤재앙* дословно Юн Катастрофа. Данное обращение используется уничижительно при отсылке к нынешнему президенту РК. Стоит отметить, что так критически называли и предыдущего президента Мун Чжэ Ина – *문재앙* – Мун Катастрофа. *망언사전* дословно означает «абсурдный словарь», что можно контекстуально перевести как «абсурдная терминология».

Текст критикует смену политики Южной Кореи в отношении Японии. Так на первом кадре мы видим, как президент Юн Сок Ёль замазывает написанные на стене требования официальных извинений и называет Японию стратегическим партнером. На следующем кадре (см. рис. 2)

премьер-министр Японии Фумио Кисида протягивает Юн Сок Ёлю яблоко со словами о том, что сожалеет о печальном опыте, который пришлось испытать многим людям в прошлом. В данном случае языковая игра построена на омонимии слов *사과* (沙果) «яблоко» и *사과* «извинение». Таким образом, вместо извинений за события первой половины XX века южнокорейский лидер принимает яблоко. Исторически данные омонимы отличались длительностью гласных, аналогично паре *눈* «снег / глаз», однако в современно корейском языке данное фонетическое различие постепенно стирается, особенно среди молодого поколения, и слова становятся не просто омографами, а полными омонимами.

Рис. 2

В ответ на яблоко Юн Сок Ёль говорит о том, чтобы премьер-министр Японии «не беспокоился слишком сильно» (*부담 가지지 말고*), что является отсылкой к реальной фразе президента, с которой он обратился к генеральному секретарю Совета национальной безопасности Японии Акиба Такэо с просьбой передать премьер-министру.

На последнем кадре критике подвергается фраза южнокорейского президента о том, что Япония «не должна вставать на колени с извинениями за события столетней давности» (*100년 전에 일어난 일 때문에 무릎을 꿇어라*)라고 하는 것은 받아들일 수 없다). В текстовом сопровождении внизу этого кадра автор приравнивает нынешнего президента страны к одному из пяти чиновников, служивших при дворе короля Кочжона и подписавших договор о протекторате.

В еще одном тексте (рис. 3)² северяне называют Юн Сок Ёля следующим Ли Ван Ёном – *현대판 리완용*. Ли Ван Ён известен тем, что будучи премьер-министром Корейской империи подписал Договор о присоединении Кореи к Японии в 1910 году. Сравнение с человеком, имеющим среди многих

¹<http://www.uriminzokkiri.com/index.php?ptype=cscree&mtype=view&no=10750>

²<http://www.uriminzokkiri.com/index.php?ptype=cscree&mtype=view&no=10613>

современных корейцев крайне негативную оценку, можно считать приемом «навешивания ярлыков», часто используемом для дискредитации противника. Стоит также отметить иконический компонент данного комикса – южнокорейский президент на большей части кадров изображен склоненным, в том числе на колени.

В середине данного текста встречается неологизм **친일절**, который появился в южнокорейских новостях после выступления Юн Сок Ёля с речью по случаю 104-й годовщины Первоапрельского движения за независимость Кореи **삼일절**, который является символом национального единения в борьбе за независимость от Японии. Неологизм появился заменой первого слова **삼** «один» на сино-корейскую морфему **친** (親) «дружественный», а также языковой игрой омонимов **일** (一) «один».

и 일본 (日本). Таким образом, вместо названия праздника получился неологизм, который контекстуально можно перевести как «день дружбы с Японией». Президент Юн настаивал на том, что Япония больше не милитаристское государство, а перспективный стратегический партнер, и тем самым вызвал большую волну критики среди оппозиции и населения.

Многие исследователи, такие как А. П. Чудинов [Чудинов, 2008], а вслед за ним и Гуань Шаоян, ссылаются на концепцию М. М. Бахтина и считают политическую карикатуру вторичным жанром. «Вторичные политические жанры обладают сложной композиционной структурой и выполняют рефлексивную функцию в качестве ответной реакции на высказывания и действия политиков» [Гуань Шаоян, 2018, с. 142].

Таким образом, мы видим, что в процессе создания политических комиксов используются различные визуальные эффекты, а также языковая игра. «Креолизованный текст в системе аргументации способствует осознанию пропагандируемой идеи на всех уровнях восприятия» [Безбородова, Коростелева, 2019, с. 162]. Взаимодействие визуальной и вербальной составляющей позволяет оказать необходимое воздействие на массовое сознание адресата, дискредитировать потенциального противника. Для многих политических карикатур характерен оценочный, агрессивный формат подачи информации в процессе репрезентации событий международной и внутренней политики государства-противника, а также отстаивание определенных политических интересов их создателей.

Рис. 3

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Безбородова Ю. В., Коростелева Л. В. Креолизованный текст в структуре пропагандистского дискурса // Политическая лингвистика. 2019. № 6 (78). С. 159–163.
2. Вагизова В. В. Политическая карикатура как жанр поликодового текста в структуре пропагандистского дискурса // Современные исследования социальных проблем. 2021. Т. 13. № 2. С. 71–91.

3. Ворошилова М. Б. Креолизованный текст в политическом дискурсе // Политическая лингвистика. 2007. № 3 (23). С. 73–78.
4. Ирисханова О. К. Полиmodalный дискурс как объект исследования // Полиmodalные измерения дискурса. М.: Языки славянских культур, 2021. С. 15–32. (Studia Philologica).
5. Тапилин Т., Лешутина И. А. Комикс как поликодовый текст и средство обучения // Славянская культура: истоки, традиции, взаимодействие. XX Кирилло-Мефодиевские чтения: Материалы Международной научно-практической конференции (в рамках Международного Кирилло-Мефодиевского фестиваля славянских языков и культуры), Москва, 22–24 мая 2019 года / главный редактор М. Н. Русецкая. М.: Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина, 2019. С. 646–650.
6. Ворошилова М. Б. Политический креолизованный текст: ключи к прочтению: монография. Екатеринбург: Уральский гос. пед. ун-т, 2013.
7. Жеребило Т. В. Словарь лингвистических терминов. Изд. 5-е, испр. и доп. Назрань: Пилигрим, 2010.
8. Чудинов А. П. Политическая лингвистика: учеб. пособие. 3-е изд., испр. М.: Флинта : Наука, 2008.
9. Гуань Шаоян. Политическая карикатура, или мультимodalный политический дискурс // Политическая лингвистика. 2018. №6 (72). С. 140–143. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/politicheskaya-karikatura-ili-multimodalnyy-politicheskij-diskurs> (дата обращения: 12.08.2023).

REFERENCES

1. Bezborodova, Yu. V., Korosteleva, L. V. (2019). Creolized Text in the Structure of Propaganda Discourse. *Political Linguistics*, 6(78), 159–163. (In Russ.)
2. Vagizova, V. V. (2021). Political Cartoon as a Genre of Polycode Text within the Propaganda Discourse. *Modern Studies of Social Issues*, 13(2), 71–91. (In Russ.)
3. Voroshilova, M. B. (2007). Kreolizovannyi tekst v politicheskom diskurse = Creolized Text in Political Discourse. *Political Linguistics*, 3(23), 73–78. (In Russ.)
4. Iriskhanova, O. K. (2021). Polimodal'nyy diskurs kak ob'yekt issledovaniya = Polymodal discourse as an object of research. *Polimodal'ny'e izmereniya diskursa = Polymodal Dimensions of Discourse* (pp. 15–32). Moscow: LRC Publishing House. (Studia Philologica). (In Russ.)
5. Tapilin, T., Leshutina, I. A. (2019). Komiks kak polikodovyj tekst i sredstvo obucheniya = Comic-Book as Polycode Text and Learning Tool. In Rusieczkaya, M. N. (ed.), *Slavyanskaya kul'tura: istoki, tradicii, vzaimodejstvie. XX Kirillo-Mefodievskie chteniya* (pp. 646–650) : Proceedings of the International Scientific Conference. Moscow, 22–24 May 2019. Moscow: Pushkin State Russian Language Institute. (In Russ.)
6. Voroshilova, M. B. (2013). *Politicheskij kreolizovannyj tekst = Political Creolized Text*. Ekaterinburg: Ural State Pedagogical University. (In Russ.)
7. Zherebilo, T. V. (2010). *Slovar' lingvisticheskix terminov = Dictionary of Linguistic Terms*. 5th ed., revised and supplemented. Nazran': Piligrim. (In Russ.)
8. Chudinov, A. P. (2008). *Politicheskaya lingvistika = Political Linguistics: Textbook*. 3rd ed., revised. Moscow: Flinta : Nauka. (In Russ.)
9. Guan, Sh. (2018). Political cartoon or multimodal political discourse. *Political Linguistics*, 6(72), 140–143. <https://cyberleninka.ru/article/n/politicheskaya-karikatura-ili-multimodalnyy-politicheskij-diskurs> (date of access: 12.08.2023). (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Мавлеева Дарья Владимировна

кандидат филологических наук
доцент кафедры восточных языков переводческого факультета
Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Mavleeva Darya Vladimirovna

PhD (Philology)
Associate Professor at the Department of Oriental Languages
Faculty of Translation and Interpreting, Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию	29.08.2023	The article was submitted approved after reviewing accepted for publication
одобрена после рецензирования	23.09.2023	
принята к публикации	26.09.2023	

Лингвистическая интерференция: эволюция понятия, современное понимание и корреляция со смежными понятиями

Т. С. Мозоль

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
yoondanhee@gmail.com

Аннотация. Проблема изучения интерференции является важнейшей в области языковых контактов. Понимание сущности интерференции необходимо для разностороннего изучения взаимодействия языков. Однако несмотря на важность данного явления среди ученых нет единого мнения относительно того, что можно считать интерференцией и чем интерференция отличается от других смежных понятий, в частности заимствования. В данной работе интерференция понимается как все виды изменений (в том числе заимствование), которые возникают в контактирующих языках в любом направлении в речи и в языковой системе.

Ключевые слова: интерференция, языковой контакт, заимствование, перенос, контактно-обусловленные изменения

Для цитирования: Мозоль Т. С. Лингвистическая интерференция: эволюция понятия, современное понимание и корреляция со смежными понятиями // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2023. Вып. 11 (879). С. 35–41.

Original article

Language Interference: Evolution of the Concept, Current Understanding and Correlation with Related Concepts

Tatiana S. Mozol

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
yoondanhee@gmail.com

Abstract. The problem of studying interference is very important in the field of language contact. Understanding the essence of interference is necessary for a comprehensive study of language interaction. However, despite the importance of this phenomenon, there is no consensus among scholars as to what can be considered interference and how interference differs from other related concepts, in particular borrowing. In this paper, interference is understood as all kinds of changes (including borrowing) that occur in contacting languages in any direction in speech and in the language system.

Keywords: interference, language contact, borrowing, transfer, contact-induced change

For citation: Mozol, T. S. (2023). Language interference: evolution of the concept, current understanding and correlation with related concepts. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 11(879), 35–41.

ВВЕДЕНИЕ

В современном мире значительно активизировались процессы взаимодействия и взаимовлияния различных культур и языков, что придает вопросу изучения языкового контакта и возникающего в ходе него явления интерференции особую значимость и актуальность. Проблема интерференции является одной из важнейших в вопросе языковых контактов. Как справедливо отмечает Л. И. Баранникова, исследование принципов и закономерностей взаимодействия языков невозможно без изучения интерференции [Баранникова, 1972].

Проблеме изучения интерференции и интерференционных изменений посвящены многочисленные труды ученых: работы У. Вайнрайха (1953/1979), Ю. А. Жлуктенко (1962, 1974), Т. П. Ильяшенко (1963, 1970), Л. И. Баранниковой (1966, 1972), М. Верещагина (1968, 1969), Н. А. Баскакова (1972), Э. Хаугена (1972), В. Ю. Розенцвейга (1972), Л. В. Щербы (1974), Г. М. Бурденюка (1978), Ю. Ю. Дешириевой (1981), А. Е. Карлинского (1980, 1990, 2011), Ю. Л. Благодравовой (1983), Н. Б. Мечковской (1983), В. А. Виноградова (1983, 1990); С. Томасон и Т. Кауфмана (1988), Ван Коэстэма (1988, 2000), Т. Одлина (1989), К. Майерс-Скоттон (2002, 2006), А. Ю. Русакова (2003), Л. П. Крысина (1974), Д. Уинфорда (2002, 2003, 2010), А. Айхенвальд (2002, 2007), А. Ю. Русакова (2003), В. В. Алимова (2003, 2004, 2005), Ж. Баганы (2004, 2006, 2008, 2009), Б. Хейна и Т. Кутевой (2005), Е. А. Баклановой (2009), Р. И. Хашимова (2019) и др.

Как подчеркивает языковед Ж. Багана, при работе с понятием интерференции мы сталкиваемся с проблемой отсутствия единой и общепринятой терминологии на фоне недостаточной изученности проработанности данной проблемы [Багана, 2008; Багана, Хапилина, 2016].

ТЕРМИН «ИНТЕРФЕРЕНЦИЯ»: ПОИСК АЛЬТЕРНАТИВЫ

Следует отметить, что в последние годы ряд зарубежных исследователей избегают использование термина «интерференция», ввиду, по их мнению, отсутствия четкого определения и наличия коннотации «намеренности» у слова «интерференция» в английском языке. При этом в качестве альтернативы предлагаются разные термины, которые также не имеют четкого наполнения и создают еще больший разнобой в терминологии.

Так, Д. Винфорд вместо термина «интерференция» использует термины «контакто-обусловленные изменения» (contact-induced change) и «межъязыковое влияние» (crosslinguistic influence,

CLI) в качестве общих терминов, которые позволяют включить всевозможные «формы воздействия одного языка на другой»¹ [Winford, 2003, с. 13]. В последние годы данные термины широко используются зарубежными лингвистами.

Кроме того, с конца XX в. некоторые ученые, занимающиеся вопросами изучения второго языка (Д. И. Слобин, 1985; Э. Келлерман и М. Шарвуд-Смит, 1986; Г. Зобл, 1984; Ю. Г. Батлер, 2013 и др.) вместо термина «интерференция» также используют термин «межъязыковое влияние». Ф. Ван Коэстэм (1988, 2000) использует термин «перенос» (transfer), выделяя два вида переноса – заимствование (borrowing) и наложение (imposition). Однако, как отмечает Л. Ортега, такие термины, как «интерференция» и «перенос», стали менее популярны, поскольку их использование подразумевает, что межъязыковое влияние «затрудняет изучение иностранного языка» [Ortega, 2019, с. 415].

Б. Хейн и Т. Кутева используют термин «контактно-обусловленное влияние» (contact-induced influence), также широко понимая его перенос «как перенос лингвистического материала из одного языка в другой (форма, значение, одновременный перенос формы и значения, синтаксические отношения или их любая комбинация)» [Heine, Kuteva, 2005, с. 2, 7]. При этом они отмечают, что термин «интерференция» является универсальным термином, который включает в себя все обусловленные языковым контактом процессы [там же].

По мнению К. Майерс-Скоттон, в английском языке термин «интерференция» имеет коннотацию намеренного действия и предлагает использовать вместо него термин «контактный феномен (contact phenomena)». Как отмечает К. Майерс-Скоттон, контактный феномен может выражаться разных формах, суть которых заключается в совместном использовании элементов двух языков определенным образом или влиянии грамматики одного языка на грамматику другого [Myers-Scotton, 2006, с. 234].

Кроме того, ряд ученых рассматривают интерферентные явления как проявления «конвергенции». При этом зарубежные лингвисты по-разному понимают и используют данный термин. Так, А. Айхенвальд понимает конвергенцию предельно широко, говоря о том, что языки, находящиеся в контакте, постепенно становятся более похожими друг на друга [Aikhenvald, 2007]. К. Майерс-Скоттон понимает термин в более узком смысле, при этом отмечая асимметричность общественно-политических отношений между разными странами и носителями разных языков. Она рассматривает конвергенцию как явление поступательных

¹ Зд. и далее перевод наш. – Т. М.

процессов языковой аттриции, языкового сдвига, смерти языков и образования креольских языков, результатом которого становится лингвистическое преобразование, в котором морфемы из одного языка, а соответствующая им абстрактная лексика – из другого [Myers-Scotton, 2002; Myers-Scotton, 2006].

При этом значительное количество зарубежных исследователей продолжают оперировать термином «интерференция» (I. Mennen, 2004; J. Durlík, S. Szewczyk, M. Muszynski & Z. Wodniecka, 2016; P. Anat, T. Degani, S. Awawdy, R. Yassin & N. Koren, 2017; L. Newlin-Łukowicz, 2015; G. Smith, 2002; D. Quinto-Pozos, 2008; S. Thomason 2009, 2010 и др.).

В русском языке термин «интерференция» не имеет подобных коннотаций, а предлагаемые зарубежными авторами разные термины не отличаются четкостью, еще больше усугубля терминологическую путаницу. У зарубежных лингвистов отсутствует единство во мнениях, они рассматривают (взаимо) влияние языков, используя разные термины и разные теоретические основания. Создается впечатление, что предлагаемые учеными многочисленные термины взамен термину «интерференция» акцентируют внимание лишь на определенных аспектах сложного процесса (взаимо)влияния языков.

Ввиду вышесказанного представляется оправданным использовать зонтичный термин «интерференция» для обозначения влияния языков друг на друга в условиях контакта, однако данный термин требует уточнения и определения его содержания.

ПОНЯТИЯ «ИНТЕРФЕРЕНЦИЯ» И «ЗАИМСТВОВАНИЕ»

Исследователи по-разному понимают и трактуют термин «интерференция», существует большое количество разных мнений о том, что такое интерференция.

Наличие большого количества разных подходов к толкованию данного термина служит маркером его актуальности, с одной стороны, а с другой – подчеркивает недостаточную методическую проработанность данного вопроса [Багана, Хапилина, 2016].

Можно выделить несколько подходов к пониманию и использованию термина «интерференция» среди лингвистов и их понимание отношения между интерференцией и заимствованием. При этом следует констатировать отсутствие четкого консенсуса между лингвистами, что можно считать заимствованием, а что – интерференцией.

Одна группа ученых наиболее широко трактует понятие «интерференция», объединяя при этом понятия интерференции с заимствованием:

У. Вайнрайх (1953); Ю. А. Жлуктенко (1974); С. В. Семченский (1973), Л. В. Щерба (1958); Р. М. Гуле (1971); Р. И. Хашимов (2019), Р. И. Хашимов и Е. А. Сотникова (2021) и др. При этом ряд ученых считают интерференцию подвидом заимствования (А. Айхенвальд, 2002, 2007; Л. Траск, 2000). Другие ученые разделяют понятия «интерференции» и «заимствования», указывая на их различия или даже противопоставляя их: Е. А. Бакланова (2009), Дж. Хит (1993), С. Томасон и Т. Кауфман (1988), Л. И. Баранникова (1972); Ж. Багана (2008); Е. А. Карлинский (2011) и др.

Сторонники широкой трактовки под языковой интерференцией понимают все виды изменений, обусловленные межъязыковыми связями и языковым контактом, включая сюда и заимствования.

У. Вайнрайх отмечает наличие двух типов лингвистической интерференции:

- 1) заимствование или перенос элементов одного языка в другой;
- 2) межъязыковое отождествление элементов двух языков и изменение одного из элементов под воздействием отождествленного с ним элемента другого языка [Вайнрайх, 1979].

Ю. А. Жлуктенко также достаточно широко трактует термин «интерференция». По его мнению, интерференция включает в себя все структурные языковые изменения, все изменения в значениях, свойствах и составе единиц языка, возникающие в следствие языкового контакта [Жлуктенко, 1974]. Заимствования он считает одним из видов лексической интерференции.

С другой стороны, А. Айхенвальд, вслед за Л. Траск (2000), определяет заимствование как «перенос характеристик любого типа из одного языка в другой в результате контакта» [Aikhenvald, 2007, с. 4]. При этом оба лингвиста считают, что «интерференция» – это непреднамеренный перенос лингвистических характеристик из первого языка во второй язык, отмечая, что это относится в большей степени к изучению второго языка. Таким образом, эти ученые относят интерференцию к одной из разновидностей заимствования.

Ж. Багана (2008), Ж. Багана и Е. В. Хапилина (2016), вслед за У. Вайнрайхом, считают интерференцией все виды контактных изменений в системе языка и включают сюда лексические заимствования. При этом Ж. Багана отмечает, что процесс интерференции отличается от процесса заимствования. Заимствования могут быть окказиональными, единичными, а интерференция предполагает интенсивные контакты и массовые заимствования. Для процесса заимствования необходима ситуация языкового контакта, при этом билингвизм не

является обязательным условием. Заимствование может происходить на социальном, а не на индивидуальном уровне [Багана, 2008].

С. Томасон и Т. Кауфман понимают под интерференцией все изменения в контактирующих языках и выделяют два типа интерференции: заимствование и языковой сдвиг (субстратная интерференция), рассматривая таким образом две ситуации, в которых действует интерференция.

Это заимствование иноязычных элементов с сохранением языка, подвергающегося интерференционному воздействию, с одной стороны, и ситуация языкового сдвига – с другой [Thomason, Kaufman, 1988].

Л. В. Щерба в работе «О понятии смещения языков» выделяет три вида интерференционного воздействия:

- 1) иноязычные заимствования;
- 2) изменения в том или ином языке, обусловленные влиянием иностранного;
- 3) факты, являющиеся результатом недостаточного усвоения какого-либо языка [Щерба, 1958, с. 41].

Второй тип интерференции, выделенный Л. В. Щербой, как отмечает Е. А. Бакланова, можно также рассматривать в связи с феноменом языковой интерференции. По мнению Е. А. Баклановой, интерференция в языке отличается от заимствования тем, что при заимствовании элементы системы языка-донора проникают в систему языка-реципиента и адаптируются к ней, а при интерференции изменениям подвергается сама система заимствующего языка [Бакланова, 2009].

Дж. Хит под «интерференцией» понимает структурное и / или семантическое изменение форм одного языка под влиянием другого языка, противопоставляя интерференцию прямому заимствованию языковых элементов (морфем, слов и т. п.) [Heath, 1989]. А. Бэкас относит к заимствованиям элементы (слова или грамматические конструкции) из одного языка, ставшие частью другого языка, а к интерференции (или переносу) – использование нелексического материала (грамматических моделей, семантических признаков и пр.) одного языка в другом языке [Baskus, 2021].

Л. И. Баранникова понимает интерференцию как «изменение в структуре или элементах структуры одного языка под влиянием другого языка» [Баранникова, 1972, с. 88]. Баранникова считает, что интерференция и заимствование не только различные явления, но во многом прямо противоположные, а разграничение заимствования и интерференции помогает лучше понять природу интерференции. Л. И. Баранникова также отмечает, что «заимствования представляют собой

процесс, при котором элементы одной системы, проникая в другую, подвергаются различного рода ассимиляциям, а при интерференции изменениям подвергается сама «заимствующая» система вследствие появления в ней новых единиц и новых типов отношений между структурными элементами» [Баранникова, 1972, с. 89–90].

Ряд исследователей видят интерференцию как однонаправленный процесс, уделяя внимание только интерференции в направлении от первого (родного) языка на второй (иностранной). Подобная точка зрения нашла свое отражение в работах В. А. Виноградова (1990) З. Х. Джанхотовой, Е. И. Горбулинской и Э. Л. Коковой (2016) и др. Напротив, Л. А. Джекобовиц выделяет два вида интерференции – «интерференцию» и «обратную интерференцию» (backlash interference). В качестве определения термина «интерференция» он использует формулировку У. Ф. Макей (1965) об использовании элементов одного языка в речи на другом языке [Maskey, 1965], а «обратной интерференцией» он называет «проникновение в родной язык изучаемого иностранного и изменение в родном языке под влиянием изучаемого иностранного языка» [Jakobovits, 1968, с. 33]. Об обратной интерференции также говорят Н. Ю. Авина (2000); М. Я. Гловинская (2001); М. А. Калюга, Н. В. Райан, 2003; С. Е. Кузьмина (2009); Н. В. Матюшина (2015); Л. П. Тарнаева (2008); Ж. Багана (2011); Ю. С. Блажевич (2011) и др.

Л. Джохансон (2000) предлагает использовать термины «заимствование» (adoption) и «наложение» (imposition) в зависимости от направления интерференции: в первом случае это направление от второго (иностранного) языка к первому (родному), во втором случае – наоборот. В. В. Бабушкина (2017) разграничивает интерференцию первого и интерференцию второго порядка соответственно.

Перенос норм первого языка во второй является наиболее распространенным, в то время как не во всех случаях нормы второго языка переносятся в первый. В связи с этим представляется оправданным выделять «прямую» и «обратную» интерференцию, приняв за основное направление перенос норм из первого языка во второй.

А. Е. Карлинский (2011) критически относится к широкому толкованию понятия интерференция У. Вайнрахом и его последователями, считая его слишком «абстрактным и неоднородным», также подчеркивая важность учета направления влияния языков. А. Е. Карлинский относит к интерференции только отклонения от нормы, возникающие в речи билингва на втором языке под влиянием родного. Для обозначения случаев

отклонения от нормы в речи билингва на родном языке, которые возникают под влиянием второго, он использует термин «интеркаляция». По мнению А. Е. Карлинского, интерференция и интеркаляция представляют собой чисто речевые явления. Однако факт речи может со временем стать фактом языка. Элементы второго языка, попадая посредством интеркаляции в первый язык, могут стать важнейшим фактором языкового изменения. Как отмечает А. Е. Карлинский, при интеркаляции, главным образом, в речь на родном языке проникают лексические единицы (слова и словосочетания). Таким образом, речь идет о лексических заимствованиях, которые по сути могут быть описаны в тех же терминах, что и интеркаляция. Заимствование, по мнению А. Е. Карлинского, это факты интеркаляции, сопровождаемые утратой индивидуально-речевого характера, которые приобрели общественную значимость и стали элементом языковой системы. Таким образом, включение элементов другого языка через интеркалированную речь в систему первого языка А. Е. Карлинский предлагает называть «транскаляцией» [Карлинский, 2011, с. 95]. Результат взаимодействия языков в речи А. Е. Карлинский называет «речевой мутацией», а изменения в языковой системе – «языковой диффузией». На стадии речевой мутации А. Е. Карлинский выделяет интерференцию и интеркаляцию, а на стадии языковой диффузии – трансференцию и транскаляцию. В первом случае речь идет о синхронном взаимодействии, не оказывающем влияния на саму языковую систему, во втором – о языковом изменении, связанным с проникновением иноязычных элементов (единиц и моделей) в языковую систему, что в дальнейшем ведет к ее перестройке.

А. Е. Карлинский и многие ученые указывают на необходимость разделения интерференции на речевую и языковую (Л. И. Баранникова, 1972; Р. И. Хашимов, 2019; У. Вайнрайх 1953, 1979), при этом более широким понятием является термин «лингвистическая интерференция», который включает в себя речевую и языковую. Интерференция на речевом уровне проявляется на уровне речевой нормы. Однако факты речевой интерференции могут перерасти в факты языковой интерференции – вызвать соответствующие изменения в самой языковой системе. Кроме того, с социальной и лингвистической точки зрения можно выделить следующие ситуации интерференции:

1) интерференция в результате контактов языковых коллективов, носителей языка или диалекта;

2) интерференция в результате взаимодействия системы родного (первого) и иностранного (второго) языка в процессе освоения последнего [Баранникова, 1972].

Вслед за У. Вайнрайхом, Ж. Баганой мы предлагаем также опираться на широкую трактовку термина «интерференция», поскольку явление интерференции является многогранным и многоаспектным. В нашем понимании интерференция – это все виды изменений (фонетико-фонологические, синтаксические, лексико-семантические и т. д.), которые возникают в контактирующих языках в любом направлении (от первого языка ко второму и наоборот). При этом интерференция может быть речевой и языковой. Опираясь на подход У. Вайнрайха, Л. А. Джекобовица, Е. А. Карлинского и др., предложим понимание явления «интерференция». Интерференция понимается нами в самом широком ее смысле, как сказано выше, при этом различаются языковая и речевая интерференция, а также учитывается ее направление.

————— ← > → —————

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проблема изучения интерференции является одной из важнейших и при этом не до конца исследованных в теории языковых контактов. При этом, несмотря на значимость интерференции в вопросе изучения взаимодействия языков, следует констатировать отсутствие единой позиции среди лингвистов относительно данного термина. В последнее время зарубежные лингвисты предлагают многочисленные альтернативные термины, которые при этом не отличаются четкостью, что в определенной степени усугубляет терминологический разнобой. Ввиду вышесказанного представляется оправданным использовать зонтичный термин «интерференция» для обозначения влияния языков друг на друга в условиях контакта. Мы предлагаем опираться на широкую трактовку термина «интерференция», поскольку явление интерференции является многогранным и многоаспектным. В нашем понимании интерференция – это все виды изменений (фонетико-фонологические, синтаксические, лексико-семантические и т. д.), которые возникают в контактирующих языках в любом направлении (от первого языка ко второму и наоборот) на уровне как речевой нормы, так и языковой системы.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Баранникова Л.И. Сущность интерференции и специфика ее проявления // Проблемы двуязычия и многоязычия / под ред. П. А. Азимова, Ю. Д. Дешериева, Ф. П. Филина. М.: Наука, 1972. С. 88–98.
2. Багана Ж. Об отношении заимствования и интерференции // Научные ведомости БелГУ. 2008. № 11 (51). С. 46–50.
3. Багана Ж., Хапилина Е. В. Контактная лингвистика. М.: Флинта, 2016.
4. Winford D. An Introduction to Contact Linguistics. Oxford: Blackwell, 2003.
5. Ortega L. Second Language Acquisition as a Road to Bilingualism // The Cambridge Handbook of Bilingualism / ed. by A. De Houwer, L. Ortega. Cambridge / NY: Cambridge University Press, 2019. P. 408–434.
6. Heine B., Kuteva T. Language contact and grammatical change. NY: Cambridge University Press, 2005.
7. Myers-Scotton C. Multiple voices. An introduction to bilingualism. Oxford: Blackwell Publishing, 2006.
8. Aikhenvald A. Y. Grammars in contact. A cross-linguistic perspective // Grammars in Contact. A Cross-Linguistic Typology / A. Y. Aikhenvald, R. M. W. Dixon (eds.). Oxford: Oxford University Press, 2007. P. 1–66.
9. Myers-Scotton C. Contact linguistics: Bilingual encounters and grammatical outcomes. Oxford: Oxford University Press, 2002.
10. Вайнрайх У. Языковые контакты. Состояние и проблемы исследования. Киев: Вища школа, 1979.
11. Жлуктенко Ю. А. Лингвистические аспекты двуязычия. Киев: Вища школа, 1974.
12. Thomason S. G., Kaufman T. Language contact, creolization, and genetic linguistics. Berkeley: University of California Press, 1988.
13. Щерба Л. В. Избранные работы по языкознанию и фонетике. Ленинград: Изд-во Ленинградского университета, 1958. Т. 1.
14. Бакланова Е. А. Лексические заимствования и проблема интерференции в тагальском языке: дис. ... канд. филол. наук. М., 2009.
15. Heath J. From code-switching to borrowing: Foreign and Diglossic Mixing in Moroccan Arabic. London, NY: Kegan Paul International, 1989.
16. Backus A. Usage-based Approaches // The Routledge Handbook of Language Contact / ed. by E. Adamou, Y. Matras. London, NY: Routledge, 2021.
17. Mackey W. F. Language teaching analysis. London: Longmans, Green & Co., 1965.
18. Jakobovits L. A. Dimensionality of Compound-Coordinate Bilingualism // Language Learning. 1968. Vol. 18 (30). P. 29–55.
19. Карлинский А. Е. Взаимодействие языков: билингвизм и языковые контакты. Алматы: КазУМОиМЯ, 2011.

REFERENCES

1. Barannikova, L. I. (1972). Sushhnost' interferencii i specifika ee projavlenija = The nature of interference and the specifics of its manifestation. In Azimov P. A., Desheriev Ju. D., Filin F. P. (eds.), Problems of bilingualism and multilingualism (pp. 88–98). Moscow: Nauka. (In Russ.)
2. Baghana, J. (2008). Ob otnoshenii zaïmstvovaniya i interferentsii = Interrelations between Borrowings and Language Interference. Belgorod State University Scientific Bulletin, 11(51), 46–50. (In Russ.)
3. Baghana, J. Hapilina, E. V. (2016). Kontaktnaja lingvistika = Contact linguistics. Moscow: Flinta. (In Russ.)
4. Winford, D. (2003). An introduction to contact linguistics. Oxford: Blackwell.
5. Ortega, L. (2019). Second language acquisition as a road to bilingualism. In De Houwer, A., Ortega, L. (eds.), The Cambridge Handbook of Bilingualism (pp. 408–434). Cambridge / NY: Cambridge University Press.
6. Heine, B., Kuteva, T. (2005). Language contact and grammatical change. NY: Cambridge University Press.
7. Myers-Scotton, C. (2006). Multiple voices. An introduction to bilingualism. Oxford: Blackwell Publishing.
8. Aikhenvald, A. Y. (2007). Grammars in contact. A cross-linguistic perspective. In Aikhenvald, A. Y., Dixon, R. M. W. (eds.), Grammars in contact. A cross-linguistic typology (pp. 1–66). Oxford: Oxford University Press.
9. Myers-Scotton, C. (2002). Contact linguistics: Bilingual encounters and grammatical outcomes. Oxford: Oxford University Press.
10. Weinreich, U. (1979). Languages in contacts. Status and problems of study. Kiev: Visha shkola. (In Russ.)
11. Zhluktenko, Ju. A. (1974). Lingvisticheskie aspekty dvujazychija = Linguistic aspects of bilingualism. Kiev: Visha shkola. (In Russ.)
12. Thomason, S. G., Kaufman, T. (1988). Language contact, creolization, and genetic linguistics. Berkeley: University of California Press.
13. Shherba, L. V. (1958). Izbrannye raboty po jazykoznaniju i fonetike = Selected works in linguistics and phonetics (vol. 1). Leningrad: Leningrad University Press. (In Russ.)
14. Baklanova, E. A. (2009). Leksicheskie zaïmstvovaniya i problema interferencii v tagal'skom jazyke = Lexical Borrowings and the Problem of Interference in the Tagalog Language: PhD in Philology. Moscow. (In Russ.)

15. Heath, J. (1989). From code-switching to borrowing: Foreign and diglossic mixing in Moroccan Arabic. London, NY: Kegan Paul International.
16. Backus, A. (2021). Usage-based Approaches. In Adamou, E., Matras, Y. (eds.), The Routledge Handbook of Language Contact. London, NY: Routledge.
17. Mackey, W. F. (1965). Language teaching analysis. London: Longmans, Green & Co.
18. Jakobovits, L. A. (1968). Dimensionality of compound-coordinate bilingualism. *Language learning*, 18(30), 29–55.
19. Karlinskij, A. E. (2011). *Vzaimodejstvie jazykov: bilingvizm i jazykovye kontakty = Language interaction: bilingualism and language contacts*. Almaty: Kazakh Ablai khan University of International Relations and World Languages.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Мозоль Татьяна Сергеевна

кандидат педагогических наук, доцент
заведующая кафедрой восточных языков переводческого факультета
Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Mozol Tatiana Sergeevna

PhD (Pedagogy), Associate Professor
Head of the Oriental Languages Department, Faculty of Translation and Interpretation
Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию	14.06.2023	The article was submitted approved after reviewing accepted for publication
одобрена после рецензирования	25.06.2023	
принята к публикации	26.09.2023	

Научная статья
УДК 81'25

Симметрия / асимметрия при передаче адвербиалий на русский язык (на материале переводов художественного произведения Э. Уортон «Эпоха невинности»)

Е. В. Неваленая

*Белгородский государственный национальный исследовательский университет, Белгород, Россия
chupilko@bsu.edu.ru*

Аннотация. В статье анализируется вопрос художественного перевода адвербиалий, включающих в свою основу семантический признак выполнения действия. Сравнительно-сопоставительное исследование художественного текста позволило установить, что при переводе, лексические единицы транспонируются при помощи причастных и деепричастных оборотов. Определено, что перевод адвербиалий отличается асимметричностью как плана содержания, так и плана выражения.

Ключевые слова: художественный текст, перевод, симметрия, асимметрия, адвербиалии, план содержания, план выражения

Для цитирования: Неваленая Е. В. Симметрия / асимметрия при передаче адвербиалий на русский язык (на материале переводов художественного произведения Э. Уортон «Эпоха невинности») // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2023. Вып. 11 (879). С. 42–49.

Original article

Symmetry and Asymmetry in the Translation of Adverbials in E. Wharton's "Age of Innocence" in English and Russian

Ekaterina V. Nevalenaya

*Belgorod National Research University, Belgorod, Russia
chupilko@bsu.edu.ru*

Abstract. The article is devoted to the issue of literary translation of adverbials, which include the semantic feature of performing an action in their basis. A comparative study of the literary text made it possible to establish that during translation, lexical units are transposed using participial and adverbial turns. It is determined that the translation of adverbials is characterized by the presence of asymmetry of both the content plan and the expression plan.

Keywords: literary text, translation, symmetry, asymmetry, adverbials, the content plan, the formal plan

For citation: Nevalenaya, E. V. (2023). Symmetry and asymmetry in the translation of adverbials in E. Wharton's "Age of innocence" in English and Russian. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 11(879), 42–49.

ВВЕДЕНИЕ

Изучением и структурированием адвербиалий на семантическом, лексическом и синтаксическом уровнях ученые занимаются на протяжении полувека. Так, начиная со второй половины XX в., Т. Р. Левицкая и А. М. Фитерман обозначили адвербиальность как «двухсемность», и адвербиальной называлась «сема действия и сема, передающая характер этого действия» [Левицкая, Фитерман, 1973, с. 23]. Далее И. В. Игнатова в 2003 году конкретизировала термин *адвербиальный глагол*, определив его как «глагольное слово, обладающее усложненной структурой значения» [Игнатова, 2004, с. 3], в котором взаимодействуют семы действия наряду с периферийными семами адвербиальной характеристики выполняемого действия. В результате проведенного сравнительно-сопоставительного анализа в 2013 году Л. М. Зиннатуллина пришла к выводу о том, что среди адвербиалий можно выделить *адвербиальные фразеологизмы*, определяемые как единицы, «соотносимые с наречием и выполняющие в предложении функции наречия» [Зиннатуллина, 2013, с. 9]. Н. В. Ковшикова исследовала *адвербиальные модификаторы*, описываемые как «наречия, оканчивающиеся на *-ly* и выступающие в роли модификаторов глагола, имени прилагательного, наречия и предложения» [Ковшикова, 2013, с. 90].

Несомненно, интерес исследователей обусловлен сложноструктурностью адвербиалий, которые при переводе на русский язык, являющийся синтетическим, требуют дополнительных средств для передачи структуры семантики образа действия или интенсификации, содержащейся в исходной единице английского языка, например, при помощи наречия.

Н. К. Гарбовский понимает *перевод* как «речевое произведение, созданное переводчиком» [Гарбовский, 2007, с. 7]. Представляется интересным рассмотреть адвербиалии в аспекте художественного перевода. Для нас значимо следующее определение *художественного перевода*, которое представляет в качестве способа «транспонирования образов сознания одного народа на почву сознания другого» [Огнева, 2012, с. 8]. В качестве дополнения к определению термина обратимся к трактовке В. В. Сдобникова, К. Е. Калинина и О. В. Петровой, основной задаче – «порождении на переводной язык речевого произведения, способного оказывать художественно-эстетическое воздействие на получателя перевода» [Сдобников, Калинин, Петрова, 2020, с. 56]. Отличительной чертой при описании переводных единиц будет применение в данном исследовании метода сравнительно-сопоставительного анализа художественного произведения

и его четырех переводов на русский язык. Целью является стремление выявить особенности, наблюдаемые при переводе адвербиалий. В качестве основных параметров при перекодировке текста будут учитываться следующие способы:

1. «Знаковый» – способ, где «преобразования осуществляются на формально-знаковом уровне текста» [Огнева, 2012, с. 9];
2. «Смысловой» – способ, основанный на «предварительной идентификации денотата и нахождении ему иноязычного эквивалента на переводном языке» [там же].

Выделенные способы перекодировки являются основными в проводимом исследовании для определения тенденций перевода адвербиалий оригинального произведения Э. Уортон «Эпоха невинности» в четырех переводах на русский язык переводчиками: М. И. Беккер, Л. П. Ярковой, В. И. Святкиной, М. Гребенюк.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

В проводимом исследовании под *адвербиалией* предлагается понимать лексическую единицу с семантически обусловленным признаком наречия, которая выражает качественную или количественную составляющую – характеристику образа действия, меры, степени и манеры.

Основными семантическими классами, представленными для исследования, послужили адвербиалии, которые выражены следующими частями речи: *адвербиальным глаголом*, *адвербиальными фразеологическими единицами* и *адвербиальным модификатором*.

В семантическом классе адвербиальных глаголов, помимо основного, были выделены:

- *адвербиальный неологизм*, под которым понимается «глагольное слово, происходящее от новообразованного понятия, неологизма, которое включает в себя сему выполнения данного действия» [Дехнич, Чупилко, 2020, с. 46].
- *метафорический адвербиальный глагол*, под которым понимается способность адвербиального глагола иметь схожие параметры в механизме выполнения действия «неназванного предмета или явления другим субъектом» [Дехнич, Чупилко, 2019, с. 230].

Основные положения глоссемантики – лингвистической науки, создателем которой является Л. Ельмслев, где основополагающими терминами считаются *план содержания* и *план выражения*, определяющиеся «противопоставительно и соотносительно как взаимно противоположные функции одной и той же функции» [Ельмслев, 2006,

ВАРИАНТЫ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПЕРЕВОДА АДВЕРБИАЛЬНЫХ ГЛАГОЛОВ

Перевод под авторством М. И. Беккер	Перевод под авторством Л. П. Яркиной	Перевод под авторством В. И. Святкиной	Перевод под авторством М. Гребенюк
...[С]ловом, если б он даже согласовал свое прибытие с антрепренером примадонны, он не мог бы явиться в Академию в момент более значительный, чем тот, когда она пела: «Он любит – не любит – он любит меня!» – окропляя падающие лепестки ромашки чистыми, как росинки, звуками [Уортон, 2011, с. 56].	...[Ч]то даже если бы он согласовал свое появление с антрепренером мадам Нильсон, то и тогда он не смог бы явиться в Оперу в момент более подходящий, чем тот, когда примадонна запела: «Любит – не любит – ОН ЛЮБИТ МЕНЯ!» обрывая и разбрасывая по сцене лепестки ромашки [Уортон, 2002, с. 5].	...[Н]у, скажем, если бы он соотнес свое прибытие с появлением импресарио примадонны, то непременно упустил бы его. Ему непременно нужно было появиться в Академии именно тогда, когда она поет: «Любит – не любит – он любит меня!» – и бросает на пол лепестки маргаритки, и в зал льются звуки не менее чистые, чем утренняя роса [Уортон, 2013, с. 5–6].	...[Ч]то даже если бы он заранее согласовал свое прибытие с антрепренером примадонны, то не смог бы появиться в ложе Музыкальной Академии в более подходящий момент, чем когда она запела чистым, как хрусталь, голосом, обрывая лепестки ромашки: «Любит... не любит... ОН ЛЮБИТ МЕНЯ!» [Уортон, 2017, с. 7].

с. 85], определяют смысл лексемы и способ ее выражения. При сравнительно-сопоставительном анализе перевода, где план содержания и план выражения служат предметом исследования, выявляются симметрия или асимметрия внутреннего наполнения и внешней организации переводных единиц по отношению к оригинальному тексту. Симметрия – это четкая организация, полное соответствие норм и структур исходного языка (ИЯ) при передаче содержания сообщения на переводной язык (ПЯ)¹. Асимметрия, в данном случае, прямо противоположное явление, которое может проявляться как на семантическом, так и синтаксическом уровнях. Асимметрия – это «отступление от упорядоченности, регулярности, единообразия в строевании и функционировании языковых единиц»².

Проанализируем перевод *адвербиальных глаголов, адвербиальных фразеологических единиц и адвербиальных модификаторов* на конкретных примерах из произведения Э. Уортон «Эпоха невинности» в контексте их переводов на русский язык разными переводчиками.

1. Адвербиалии, представленные *адвербиальными глаголами* времени и манеры (по классификации И. В. Игнатовой), описаны в следующем контексте:

...if he had **timed** his arrival in accord with the prima donna's stage-manager he could not have entered the Academy at a more significant moment than just as she was singing: "He loves me – he loves me not – HE LOVES ME! –" and **sprinkling** the falling daisy petals with notes as clear as dew (E. Wharton. *The age of innocence*. 2022. P. 2).

Согласно проанализированным англо-английским словарным записям глагола *to time*,

¹ URL: <https://slovar.cc/rus/lingvist.html> (дата обращения: 23.10.2022).

² URL: <https://slovar.cc/rus/lingvist.html> (дата обращения: 23.10.2022).

представленным в словаре Merriam-Webster Dictionary, близким к контексту является значение «to cause to keep time with something»³ (заставлять придерживаться запланированного времени). Адвербиальную характеристику глагола в контексте *...if he had **timed** his arrival in accord with...* можно перевести следующим образом:

...если бы он рассчитал по времени свое прибытие в соответствии с...⁴

Следует отметить, что следующий за адвербиальным глаголом предлог *in accord with* (*синхронизировать / спланировать выполнить действие одновременно с*) указывает на контекстуально определенное значение анализируемого адвербиального глагола.

Адвербиальный глагол *to sprinkle*, имеющий значение «to shake small amounts of a liquid or a substance such as sugar over the surface of something»⁵ («трясти, распространяя мелкие частицы жидкости или вещества, такого как сахар, над поверхностью чего-либо»), функционирующий в следующем контекстуальном окружении *she was singing ... and **sprinkling** the falling daisy petals* возможно перевести при помощи метафоризации и замены тема-рематических отношений лексических единиц:

...она пела, и падающие лепестки ромашек рассыпались...

Проанализируем переводы адвербиальных глаголов, выполненные М. И. Беккер, Л. П. Яркиной, В. И. Святкиной и М. Гребенюк (см. табл. 1).

³ URL: <https://www.merriam-webster.com/> (дата обращения: 27.12.2022).

⁴ Зд. и далее поясняющий перевод наш. – Е. Н.

⁵ URL: <https://www.merriam-webster.com/> (дата обращения: 27.12.2022).

Адвербиальный глагол *to time*, образованный по конверсии, передан переводчиками М. И. Беккер, Л. П. Яржиной и М. Гребенюк при помощи глагола «согласовал», что обусловлено следующим за ним производным предлогом *in accord with* (в соответствии с). Только В. И. Святкина использует глагол *соотнес*, который также утрачивает имевшуюся адвербиальность при переводе в плане содержания. Таким образом, симметрия как плана содержания, так и плана выражения.

При переводе адвербиального глагола *to sprinkle* М. Гребенюк прибегает к приему опущения при передаче его на русский язык, что приводит к асимметрии плана содержания и плана выражения. В свою очередь, М. И. Беккер употребляет симметричный глагол *окроплять*, который ярко выражает вложенную в него образность и стилистическую окраску, дающую возможность визуализировать манеру выполняемого действия. Вариант Л. П. Яржиной *обрывая и разбрасывая*, для перевода которого используется прием добавления, демонстрирует асимметрию как плана содержания, так и плана выражения, что исключает наличие в единице перевода адвербиальности. В. И. Святкина использует стилистически нейтральную по сравнению с представленными ранее переводами адвербиального глагола *to sprinkle* лексическую единицу *бросает*, которая также утрачивает образность производимого действия.

2. Адвербиальная фразеологическая единица:

...[I]nstead of waiting till **the cold-and-gin congested nose** of one's own coachman gleamed under the portico of the Academy [Wharton, 2022, с. 1].

Фразеологическая единица *the cold-and-gin congested nose*, выявленная в художественном контексте, при анализе компонентов демонстрирует, что прилагательные *cold-and-gin congested*, определяющие существительное *nose*, представлены

сложным прилагательным *cold-and-gin*, употребленном в качестве характеристики состояния существительного, где первый компонент является простым прилагательным, выражающим состояние *cold* (холодный, замерзший), а второй компонент представлен образованным по конверсии прилагательным от существительного *gin* (подвергшийся воздействию алкогольного напитка), определяющим причину названного состояния; определение дополнено адвербиалией *congested*, выраженной страдательным причастием *перегруженный, наполненный*. Исходя из того, что может быть корректно понято и истолковано «только в том случае, если понимание ситуации оказывается шире смыслового содержания тех слов, которые составляют фразу» [Шульга, 2002, с. 5], следует использовать прием смыслового развития при переводе на русский язык: *набухший от холода и выпитого джина нос*. В таблице 2 представлены официальные варианты художественного перевода адвербиального фразеологизма.

Сравнительно-сопоставительный анализ рассматриваемого адвербиального фразеологизма и его переводных вариантов показывает, что вариант М. И. Беккер (*покрасневший от холода и джина нос*), как и вариант Л. П. Яржиной (*налившийся кровью от холода и джина нос*), асимметричны в плане содержания, но сохраняют симметрию плана выражения по отношению к оригинальному адвербиальному фразеологизму. Авторы перевода транспонируют адвербиальность фразеологической единицы через причастный оборот: употребленное автором произведения определение *congested* переводится причастиями *налившийся кровью* и *покрасневший*, которые указывают на результат и внешний индикатор описываемой характеристики существительного *nose*. Переводы В. И. Святкиной (*блеснет сизый от мороза и джина нос*) и М. Гребенюк (*замерзший и накачавшийся джином кучер, сверкая красным носом*) асимметричны

Таблица 2

ВАРИАНТЫ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПЕРЕВОДА АДВЕРБИАЛЬНОГО ФРАЗЕОЛОГИЗМА

Перевод под авторством М. И. Беккер	Перевод под авторством Л. П. Яржиной	Перевод под авторством В. И. Святкиной	Перевод под авторством М. Гребенюк
...[Н]е дожидаясь, пока под крытой галереей Академии блеснет покрасневший от холода и джина нос его собственного кучера [Уортон, 2011, с. 36].	...[Н]е дожидаясь, пока под крытой галереей Академии блеснет налившийся кровью от холода и джина нос его личного кучера [Уортон, 2002, с. 1].	...[В]место того, чтобы ждать три часа, пока под портиком Академии блеснет сизый от мороза и джина нос их кучера [Уортон, 2013, с. 53]	...[И] не ждать, пока ваш замерзший и накачавшийся джином кучер, сверкая красным носом , наконец-то покажется из-за угла [Уортон, 2017, с. 4].

Таблица 3

ВАРИАНТЫ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПЕРЕВОДА АДВЕРБИАЛЬНОГО МОДИФИКАТОРА

Перевод под авторством М. И. Беккер	Перевод под авторством Л. П. Яркиной	Перевод под авторством В. И. Святкиной	Перевод под авторством М. Гребенюк
...[O]н словом или взглядом многозначительно указывал на нижнее окно прелестной кирпичной виллы, под косым углом выступающей из-за правой кулисы [Уортон, 2011, с. 25].	...[O]н словами или взглядами умоляюще указывал ей на окошко нижнего этажа кирпичного домика, выступающего из-за правой кулисы [Уортон, 2002, с. 5].	...[И] словом или взглядом давала понять, что впервые слышит о его замыслах, всякий раз, когда он решительно указывал на стрельчатое окно в правом крыле красивого кирпичного дома [Уортон, 2013, с. 5].	...[Ч]то не понимает его коварных умыслов, когда тот многозначительно указывал на нижнее окно симпатичной кирпичной виллы, выступающей из правой кулисы [Уортон, 2017, с. 5].

оригинальному адвербиальному фразеологизму как в плане содержания, так и в плане выражения. Тем не менее переводные единицы сохраняют стилистическую окраску оригинального текста. В. И. Святкина предлагает использовать для определения существительного *нос* причастный оборот (*сизый от мороза и джина нос*), чтобы подчеркнуть адвербиальную характеристику описываемого состояния. Отличительной чертой перевода М. Гребенюк является применение смыслового развития, в котором переводчик, применяя метод выявления причинно-следственных связей, описывает

состояние героя (*замерзший и накачавшийся джином кучер, сверкая красным носом*).

2. Следующий пример отражает функционирование *адвербиального модификатора* в контексте художественного произведения:

...[B]y word or glance, he **persuasively indicated** the ground floor window of the neat brick villa **projecting obliquely** from the right wing [Уортон, 2017, с. 4].

В рассматриваемом контексте выявлены адвербиальные модификаторы, представленные

Таблица 4

ТЕНДЕНЦИИ СИММЕТРИЧНОГО / АСИММЕТРИЧНОГО ПЕРЕВОДА АДВЕРБИАЛИИ

Автор	М. И. Беккер	Л. П. Яркиной	В. И. Святкина	М. Гребенюк	Симметричность перевода (в %)		Асимметричность перевода (в %)	
					ПС	ПВ	ПС	ПВ
Ед. перевода	ПС	ПС	ПС	ПС	ПС	ПВ	ПС	ПВ
the cold-and-gin congested nose	ПВ Асимм. Симм.	ПВ Асимм. Симм.	ПВ Симм. Асимм.	ПВ Симм. Асимм.	50	50	50	50
timed	Симм. Асимм.	Симм. Асимм.	Симм. Асимм.	Симм. Асимм.	100	0	0	100
sprinkling	Симм. Симм.	Симм. Асимм.	Симм. Асимм.	Симм. -	75	25	25	75
persuasively indicated	Симм. Асимм.	Симм. Симм.	Симм. Асимм.	Симм. Асимм.	100	25	0	75
projecting obliquely	Симм. Асимм.	Асимм. Асимм.	-	Асимм. Асимм.	25	0	75	100
	Итого				70	20	30	80

составными именными сказуемыми *persuasively indicated* (*вопросающе указывал*) и *projecting obliquely* (*выступающий под наклоном*). Наречия *persuasively* и *obliquely* с суффиксом *-ly* усиливают манеру и образность выполнения действия глаголом. Как утверждает Н. В. Ковшикова: «в зависимости от семантики глагола и наречий, последние или сужают семантику глагола или же еще больше выделяют и подчеркивают характеристики действия» [Ковшикова, 2013, с. 60]. Рассмотрим предложенные варианты переводчиков для передачи адвербиального модификатора в Таблице 3.

Перевод Л. П. Ярковой (*умоляюще указывал*), симметричный как в плане содержания, так и в плане выражения оригинальному адвербиальному модификатору. Тогда как М. И. Беккер и М. Гребенюк выбрали идентичные единицы (глагол + наречие) – *многозначительно указывал*. Перевод В. И. Святкиной антонимичен при передаче наречия адвербиального модификатора по отношению к оригинальному тексту (*решительно указывал*).

В то же время второй адвербиальный модификатор *projecting obliquely* в переводе В. И. Святкиной опущен. Перевод М. И. Беккер сохраняет наречную характеристику и формирует адвербиальную сему при помощи описательного перевода с использованием существительного с предлогом + действительного причастия – *под косым углом выступающей*. Далее для перевода адвербиального модификатора *projecting obliquely* Л. П. Яркова и М. Гребенюк применили лексическую единицу *выступающий* (угол дома). Нивелировка адвербиального модификатора *obliquely* привела к асимметрии в плане содержания и плане выражения.

Далее полученные результаты были отражены в таблице (см. табл. 4), где ПВ – план выражения, ПС – план содержания.

Исходя из проведенного сравнительно-сопоставительного анализа и расчета возможности перевода адвербиалии симметрично в плане

содержания и плане выражения, было выявлено, что в плане содержания единицы перевода симметричны в 70% случаев, в то время как в плане выражения наблюдается высокая частотность асимметричного перевода лексических единиц с адвербиальной характеристикой, а именно 80%.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Рассмотрение адвербиальных единиц в аспекте переводоведения на примере одного оригинального текста и нескольких его переводов путем проведенного сравнительно-сопоставительного анализа позволило выявить следующее:

1. Разные виды адвербиалий передаются переводчиками на русский язык при помощи одиночных причастий, причастных оборотов и сочетаний существительное / глагол / прилагательное+наречие, а именно:
 - 1.1. *Адвербиальные глаголы* переданы при помощи деепричастий.
 - 1.2. *Адвербиальные фразеологические единицы* переведены при помощи причастных оборотов.
 - 1.3. *Адвербиальные модификаторы* переводятся при помощи конструкций «наречие + глагол», «существительное с предлогом».
2. Симметрия преобладает при передаче плана содержания адвербиалий, но по причине разноструктурности языков, в плане выражения наблюдается асимметрия.

Данный факт, безусловно, заслуживает углубленного изучения для формирования полной картины функционирования адвербиалий путем проведения масштабного исследования качественного и количественного анализа плана содержания и плана выражения в преломлении к изучению симметрии и асимметрии, возникающей при переводе текстов на разноструктурные языки.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Левицкая Т. Р., Фитерман А. М. Пособие по переводу с английского языка на русский. М.: 1973.
2. Игнатова И. В. Английские адвербиальные глаголы в словаре и тексте: дис. ... канд. филол. наук. Тула, 2004.
3. Зиннатуллина Л. М. Адвербиальные фразеологические единицы в английском и русском языках: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Казань, 2013.
4. Ковшикова Н. В. О когнитивно-прагматических компонентах адвербиальной группы // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2013. № 11. С. 81–84.
5. Гарбовский Н. К. Теория перевода. М.: Издательство Московского университета, 2007.
6. Огнева Е. А. Художественный перевод: проблемы передачи компонентов переводческого кода: монография. 2-е изд., доп. М.: Эдитус, 2012.

7. Сдобников В. В., Калинин К. Е., Петрова О. В. Теория перевода. Коммуникативно-функциональный подход: учебник для студентов лингвистических вузов и факультетов иностранных языков. М.: Издательский дом ВКН, 2020.
8. Дехнич О. В., Чупилко Е. В. Адвербиальные неологизмы и их разнообразие в современном английском языке // Современные исследования социальных проблем. Красноярск. 2020. Том 12. № 4-2. С. 45–53.
9. Дехнич О. В., Чупилко Е. В. Адвербиальные глаголы с метафорическим значением в дискурсивном пространстве современной английской прозы // Филология, лингводидактика и международные отношения: исследования молодых ученых: сборник научных работ студентов, магистрантов и аспирантов. Белгород, 2019. С. 229–232.
10. Ельмслев Л. Прологомены к теории языка: пер. с англ. / сост. В. Д. Мазо. М.: КомКнига, 2006.
11. Уортон, Э. Век наивности / пер. с англ. М. Беккер. М.: РИПОЛ Классик, 2011.
12. Уортон Э. Эпоха невинности / пер. с англ. Л. Яркина. М.: Центрполиграф, 2002.
13. Уортон Э. Век невинности / пер. с англ. В. Н. Святкина. М.: Седьмая книга, 2013.
14. Уортон Э. Эпоха невинности / пер. с англ. М. Гребенюк. Барнаул: Фабула, 2017.
15. Шулга Е. Н. Когнитивная герменевтика. М., 2002.
16. Ковшикова Н. В. Виды адвербиальной модификации в английском языке // Университетские чтения – 2013: материалы научно-методических чтений ПГЛУ. Пятигорск: ПГЛУ, 2013. Ч. II. С. 59–62.

REFERENCES

1. Levitskaya, T. R., Fiterman, A. M. (1973). *Posobiye po perevodu s angliyskogo yazyka na russkiy* = Manual for translation from English into Russian. Moscow. (In Russ.)
2. Ignatova, I. V. (2004). *Angliiskie adverbial'nye glagoly v slovare i tekste* = English adverbial verbs in the dictionary and text: PhD in Philology. Tula. (In Russ.)
3. Zannatullina, L. M. (2013). *Adverbial'nyye frazeologicheskiye upotrebleniya v angliyskom i russkom yazykakh* = Adverbial phraseological units in English and Russian languages: PhD in Philology. Kazan. (In Russ.)
4. Kovshikova, N. V. (2013). *O kognitivno-pragmaticheskikh komponentakh adverbial'noy gruppy* = On the cognitive and pragmatic components of the adverbial group (pp. 81–84). Tambov: Gramota.
5. Garbovsky, N. K. (2007). *Teoriya perevoda* = Translation theory. Moscow: Moscow University Press. (In Russ.)
6. Ogneva, E. A. (2012). *Khudozhestvennyy perevod: problemy peredachi komponentov koda perevoda* = Literary translation: problems of transfer of components of the translation code: monograph. 2nd ed., additional. Moscow: Editus. (In Russ.)
7. Sdobnikov, V. V., Kalinin K. E., Petrova O. V. (2020). *Teoriya perevoda. Kommunikativno-funksional'nyy podkhod* = Theory of translation. Communicative and functional approach: textbook for students of linguistic universities and faculties of foreign languages. Moscow: Publishing House of the Russian Academy of Sciences. (In Russ.)
8. Dekhnych, O. V., Chupilko, E. V. (2020). *Adverbial'nye neologizmy i ikh raznoobrazie v sovremennom anglyskom yazyke* = Adverbial neologisms and their diversity in modern English (pp. 45–53). Krasnoyarsk.
9. Dehnych, O. V., Chupilko, E. V. (2019). *Adverbial'nye glagoly s metaforicheskim znacheniem v discursivnom prostranstve sovremennoy angliyskoy prozy* = Adverbial verbs with metaphorical meaning in the discursive space of modern English prose (pp. 229–232). Belgorod.
10. Elmslev, L. (2006). *Prolegomeny k teorii yazyka* = Prolegomena to the theory of language, transl. from English / comp. V. D. Mazo. Moscow: KomKniga. (In Russ.)
11. Wharton, E. (2011). *The age of naivety*, translated from English by M. Becker. Moscow: RIPOL Classic. (In Russ.)
12. Wharton, E. (2002). *The Age of Innocence*, translated from English by L. Yarkina. Moscow: Tsentrpoligraf. (In Russ.)
13. Wharton, E. (2013). *The Age of Innocence*, translated from English by V. N. Svyatkina. Moscow: The Seventh Book. (In Russ.)
14. Wharton, E. (2017). *The age of innocence*, translated from English by M. Grebenyuk. Barnaul: Fabula. (In Russ.)
15. Shylga, E. N. (2002). *Kognitivnaya germenevtika* = Cognitive hermeneutics. Moscow. (In Russ.)
16. Kovshikova, N. V. (2013). *Vidy adverbial'noy modifikatsii v angliyskom yazyke* = Types of adverbial modification in English PGLU (pp. 59–62). Pyatigorsk: PGLU. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Неваленая Екатерина Владимировна

ассистент кафедры иностранных языков

Белгородского государственного национального исследовательского университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Nevalenaya Ekaterina Vladimirovna

Teaching Assistant of the Department of Foreign Languages

Belgorod National Research University

Статья поступила в редакцию	23.08.2023	The article was submitted approved after reviewing accepted for publication
одобрена после рецензирования	22.09.2023	
принята к публикации	26.09.2023	

Изучение специфики жанра дипломатического донесения второй половины XVIII века

О. В. Нешкес

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
Nesh_86@mail.ru

Аннотация. Статья является завершением цикла статей в рамках комплексного изучения проблематики испанского дипломатического дискурса второй половины XVIII века. В статье рассматривается композиционно-стилистическая специфика, функционально-прагматические и стратегические аспекты жанра дипломатического донесения прошедшей эпохи. Статья написана с применением методов стилистического, коммуникативно-функционального и статистического анализа. Результаты исследования могут представлять интерес для специалистов в области гуманитарных и общественных дисциплин.

Ключевые слова: жанр дипломатического донесения, персуазивность, образ «другой» страны, Россия, Испания

Для цитирования: Нешкес О. В. Изучение специфики жанра дипломатического донесения второй половины XVIII века // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2023. Вып. 11 (879). С. 50–56.

Original article

Studying the Specificity of the Genre of Diplomatic Report in the Second Half of the 18th Century

Olga V. Neshkes

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
Nesh_86@mail.ru

Abstract. The article is a completion of a series of articles within the framework of a comprehensive study of the problems of Spanish diplomatic discourse in the second half of the 18th century. The article deals with the compositional and stylistic specificity, functional, pragmatic and strategic aspects of the genre of the diplomatic report. The article has been written using the methods of stylistic, communicative-functional and statistical analysis. The results of the study may be of interest to specialists in the humanities and social sciences.

Keywords: genre of diplomatic reporting, persuasion, image of the “other” country, Russia, Spain

For citation: Neshkes, O. V. (2023). Studying the specificity of the genre of diplomatic report in the second half of the 18th century. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 11(879), 50–56.

ВВЕДЕНИЕ

В фокусе нашего исследования находится один из слабоизученных в лингвистическом ключе жанров дипломатического дискурса – жанр дипломатического донесения, представляющий собой важный документальный источник о различных аспектах (экономике, истории, внутренней и внешней политике и др.) страны пребывания дипломатов, на основании которого правительствами иностранных государств принимаются решения в сфере международных отношений. Дипломатические донесения помогают взглянуть на изнанку процессов взаимодействия государств, при этом на начальном этапе становления такого взаимодействия формируются, а затем закрепляются стереотипные представления о «других» странах [Испания и Россия: дипломатия и диалог культур, 2018; Постерняк, 2021; Филимонова, 2019]. В связи с этим эпоха зарождения межгосударственных отношений, в частности России и Испании, представляет интерес для нашего изучения.

В первой четверти XVIII века Россия и Испания впервые установили дипломатические отношения, однако именно во второй половине XVIII века произошла активизация российско-испанских отношений во многом из-за пересечения интересов в ходе освоения североамериканских территорий со стороны обеих империй [Россия и Испания на северо-западе Америки во второй половине XVIII века, 2020]. Интенсификации взаимоотношений держав сопутствовал рост документооборота, в частности, увеличение объема дипломатических сообщений, поступающих от испанских посланников в России в адрес их руководства в Испании (короля Карла III, Государственного секретаря правительства Испании).

В качестве эмпирической базы исследования мы использовали 60 дипломатических донесений испанских посланников в России за период с 1761 по 1792 гг. В результате анализа данного массива документов нам удалось сделать некоторые наблюдения и выводы в отношении жанровой специфики, в том числе, типичных языковых средств, используемых в таких видах дипломатических бумаг, которые обеспечивают персуазивное воздействие на адресата при донесении существенной по оценке адресанта (посланника) информации о российско-испанских отношениях второй половины XVIII века, включая сферы общих интересов и конфликтов стран, а также представления адресанта об особенностях российского государства.

КОМПОЗИЦИОННЫЕ, СТИЛИСТИЧЕСКИЕ, ИНТЕНЦИОНАЛЬНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ЖАНРА ДИПЛОМАТИЧЕСКОГО ДОНЕСЕНИЯ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII В.

Как отмечают исследователи истории дипломатической службы, в частности Н. В. Литвак, в период Нового времени в Европе уже был сформирован некоторый перечень задач посла, включавший сбор сведений, анализ и описание страны его пребывания, например, «формы правления, размеров и границ государства, нравов народа; количества крепостей, кораблей и войск; обычных и дополнительных доходов, богатств; наступательных и оборонительных союзов с другими государствами; торговых потоков, изобилия и плодородия; недовольства народа и придворных, его причины (религиозные или иные) ...» [Литвак, 2018, с. 87]. Постепенно была выработана конвенциональная модель дипломатического донесения, которая предполагала подробное описание адресантом проблемы, формулирование предложений. Содержание подготавливаемых дипломатом данных, а также форма их представления, включающая определенные композиционные и стилистические особенности, оказывали влияние на позиции, восприятие ситуации высшим политическим руководством. Использование необычных, привлекающих внимание слов, выражений, различных деталей способствовало привлечению внимания адресата и запоминанию преподносимой адресантом информации [там же].

Жанру дипломатического донесения присущи определенные стилистические правила оформления, выражающиеся в употреблении ритуальных формул речи и клише – обращения (*Excelentísimo Señor; Muy señor mío*), прощания (*Dios guarde a V. E. muchos años como deseo*), формирующих этикетную рамку, которая, в свою очередь, выполняет контакто-устанавливающую и контакто-размыкающую функции [Кожетева, 2012].

Композиционная структура дипломатического донесения представляется довольно формализованной, она включает преамбулу, введение, фактологическую часть, аргументационную часть с основными выводами и заключение. В фактологической и аргументационной частях дипломатического документа в наибольшей степени реализуются его функции – информирования и персуазивного воздействия, последнее направлено на убеждение адресата или побуждение его к каким-либо действиям [Чернявская, 2006]. Данные функции непосредственно связаны с вверенными послу задачами: с одной стороны, с необходимостью доведения до своего правительства

своевременной и верифицированной информации, а с другой – с выражением экспертного мнения дипломата о событиях, касающихся страны их службы.

Информирование и персуазивное воздействие являются взаимосвязанными функциями, поскольку приводимые в документах факты (в том числе в виде цитирования или обращения к прежде фигурировавшим документам) выступают для адресата источником аргументации.

Так, например, испанский посланник, ссылаясь на направленные ранее в его адрес документы – географическую карту, подчеркивает важность содержащихся в ней информации и повествует о намерении провести дальнейшие изыскания в отношении хода русских экспедиций, указывая на необходимость воспрепятствовать продвижению русских в Калифорнии (...*importa mucho que los impidamos*), при этом говоря от лица *мы*, автор донесения производит персуазивное воздействие, имплицитно побуждая адресата к действию.

Mui señor mío: *U.C. me ha remitido una Carta Geográfica* <...> previniéndome que como los Rusos han hecho sus varias ocasiones viajes a la California con mejor éxito que otras naciones, *procure* con maña y *disimulo* saber si se han repetido tales expediciones: qual ha sido su éxito o si te ha abandonado esta idea, cuios progresos *importa mucho que los impidamos*¹.

Отметим также, что ввиду отличительной особенности дипломатического языка, заключающейся в сдержанном характере изложения [Терентий, 2010], в донесениях редко используются лексемы, обозначающие категоричность или полную уверенность в отношении вероятности совершения событий или достоверности той или иной информации, выражаемые от первого лица, например, *sin duda, seguramente, por cierto*. При этом суждения дипломатов вербализируются имплицитно, благодаря направлению внимания адресата на выделяемые адресантом смысловые фрагменты за счет включения в текст модальных конструкций со значением вероятности, дейктических средств (указательных местоимений) и оценочной лексики.

В прилагаемом примере испанский посланник маркиз де Альмодовар высказывает предположение (*tal vez fueron causa de que no se pensase*) о причинах не воплотившейся в жизнь третьей Камчатской

экспедиции. В качестве аргументации автор приводит довод об обеспокоенности и *ужасных лишениях* коренных народов Восточной Сибири (*las quejas, las terribles extorsiones*), которые *расстрогали правительство* (*movieron la compasión*). Употребляемая здесь экспрессивно-оценочная лексика выступает средством прагматического фокусирования.

las quejas que hubo de la Provincias Orientales de la Siberia, y *las terribles extorsiones* que fue preciso hacer en aquellos Pueblos, apenas sujetos para poder juntar lo necesario, y llevar a efecto esta expedición, *movieron la compasión* de esta Corte, y *tal vez fueron causa de que no se pensase tan presto en tercera expedición*².

Примечательно, что авторы дипломатических донесений использовали указательные местоимения (*esta emperatriz, esta corte, este imperio, este ministerio*) как субституцию имен собственных. Такая замена подчас являлась способом ситуативной эвфемизации ввиду того, что передаваемые дипломатами сообщения имели секретный характер.

Mui Señor mio: Habiendo comunicado *esta soberana* al famoso Haller profesor de *esta Academia* parte de sus descubrimientos en la América...³

СОСТАВЛЯЮЩИЕ ПЕРСУАЗИВНОЙ СТРАТЕГИИ АДРЕСАНТОВ ДИПЛОМАТИЧЕСКИХ ДОНЕСЕНИЙ

Указательные местоимения как дейктические средства принадлежат к области прагматики, соотносясь с ситуацией коммуникации [Арутюнова, 1988], они маркируют принадлежность к «своему» и «чужому» / «своим» и «чужим» [Матвеева, 2007]. Систематическое употребление указательных местоимений вместе с ключевыми в тематическом аспекте лексическими единицами (*corte, imperio, país, frontera, América etc.*), обозначающих так называемый круг «своих» и «чужих» национальных интересов, территорий, людей и т. п., являлось средством прагматического фокусирования и одной из составляющих коммуникативно-прагматической стратегии персуазивности.

¹ Informe del enviado español a Rusia, conde Lacy al secretario de Estado del gobierno español, el marqués de Grimaldi, sobre el desarrollo de la costa californiana por parte de los rusos, San Petersburgo, 11/22 de octubre de 1772, España. Ministerio de Cultura y Deporte. Archivo General de Indias, Estado 86 B.100. Здесь и далее текст цитат приведен в соответствии с оригинальной орфографией архивных документов – дипломатических донесений второй половины XVIII в.

² Informe del enviado español a Rusia, marqués de Almodóvar, al secretario de estado del gobierno español, Don Ricardo Wall sobre el comercio con Rusia, 18 de septiembre/7 de octubre de 1761, España. Ministerio de Cultura y Deporte. Archivo Histórico Nacional, Estado 3392

³ Informe del enviado español a Rusia, Conde Lacy, al Secretario de Estado del Gobierno español, Marqués de Grimaldi, sobre las intenciones de la emperatriz rusa de continuar las conquistas en el continente americano, San Petersburgo, 11 de mayo/ 30 de abril de 1773, España. Ministerio de Cultura y Deporte. Archivo General de Indias, Estado 86 B.100.

Мы провели статистический анализ частоты употребления дейктических средств с учетом тематической вариативности донесений, выделив четыре магистральные темы:

- 1) об открытиях, совершенных русскими в ходе экспедиций в северную часть Тихого океана;
- 2) о предотвращении угроз для Испанской короны, связанных с освоением русскими американского континента;
- 3) о торговых отношениях с Российской империей;
- 4) о внутреннем устройстве Российской империи (география, экономика, внутренняя и внешняя политика, история, население).

В результате анализа данных мы пришли к следующим заключениям:

- маркеры «чужого» (*esta corte, aquel imperio, otra potencia*) численно преобладают над маркерами «своего» (*nuestro país, nuestra América, nuestra frontera etc.*);
- дейктические средства сконцентрированы в документах, тема которых связана с нарастанием конфликтного потенциала в отношениях государств (см. диаграмму 1).

Обозначение круга «чужих» сопровождалось присвоением оценочных значений в рамках аксиологической шкалы «друг – враг» с применением

оценочной лексики, модальных и эмфатических конструкций.

Посланники испанского двора в России в течение нескольких десятилетий второй половины XVIII века последовательно убеждали свое правительство в том, что успехи русских в плаваниях к территориям Северной Америки представляют опасность для территориальных и экономических интересов Испанской короны (*No pierde de vista esta Soberana el abrirse una comunicación con la América; conquistas ventajosas a este Imperio*).

No pierde de vista esta Soberana el abrirse una comunicación con la América, cuya empresa ha intentado en vano hasta ahora pero viendo que los medios practicados no eran suficientes han tomado el del paso por el Norte de la Mar del Sur; y dicen, sin determinar que grado, que han llegado a tierra firme... Esta noticia llegó tres días de Kamtschastka, y se tiene con la mayor reserva así como las expediciones que se intentan hacer en continuación de los Descubrimientos en aquellas partes viendo que será el modo de abrirse este Imperio un nuevo ramo de comercio¹.

¹ Informe del enviado español a Rusia, vizconde de la Herrería, al Secretario de Estado del Gobierno español, marqués de Grimaldi, sobre la continuación de las expediciones de investigación rusas a

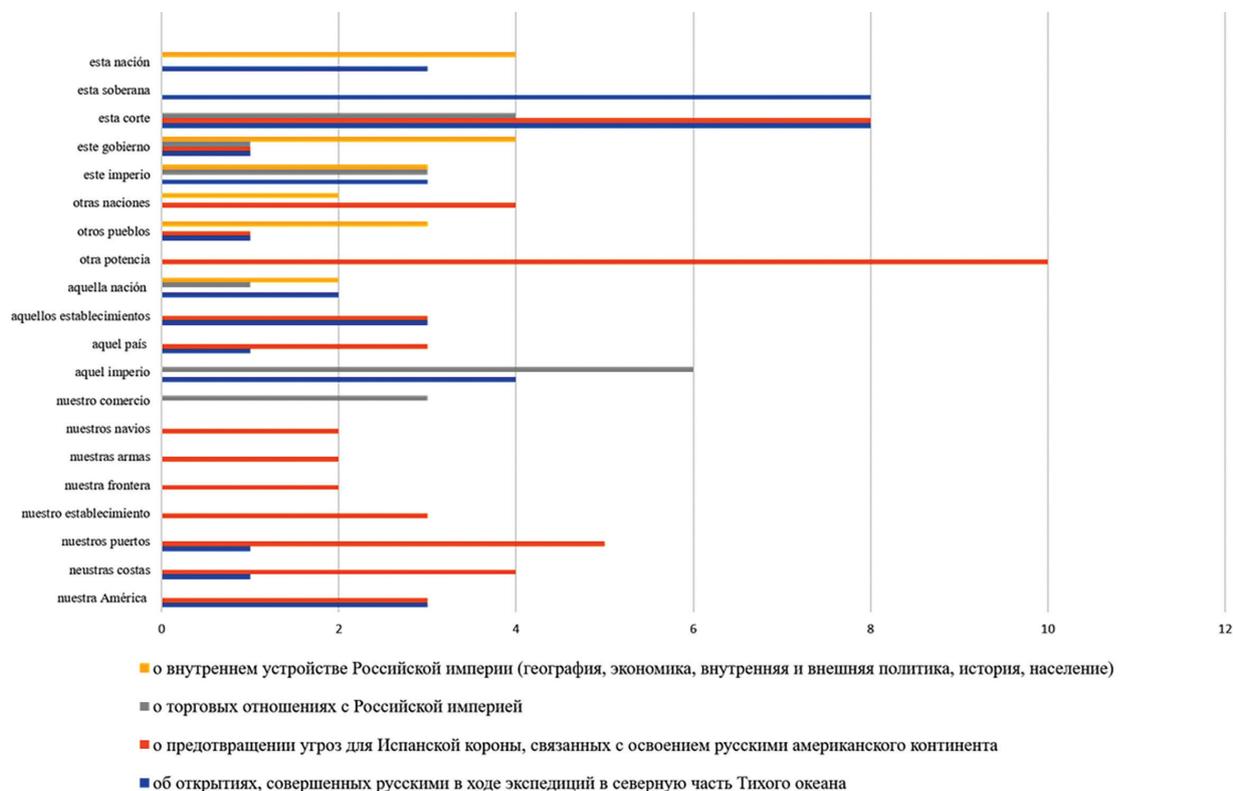

Диаграмма 1. Дейктические маркеры «свое / чужое» в разрезе тем дипломатических донесений с указанием абсолютной частоты

Esta soberana... podría... continuar después sus conquistas ventajosas a este Imperio el que según el [plan] tiene más derecho que ninguna otra Potencia a la América¹.

Одновременно с этим испанские посланники подчеркивали чрезвычайные выгоды от партнерства с Россией в области торговли (*para comunicarse mutuamente los beneficios y ventajas, que trahe el Comercio*).

...no puede menos de comprenderse que las ha destinado la Providencia *para comunicarse mutuamente los beneficios y ventajas, que trahe el Comercio a la humana sociedad, sin que la envidia y la emulación puedan ponerle cotos, a vista de lo que exhige de una, y otra el zelo de su propia conservación y prosperidad².*

Еще одним элементом персуазивной стратегии адресантов дипломатических сообщений являлось выделение особенностей различных аспектов устройства «чужого» государства – Российской империи. В основе этого лежал способ представления круга «чужих» с определенным ограниченным набором смыслов, репрезентируемых как исчерпывающие. В научной литературе такой подход именуется стереотипизацией [Маркина, 2016].

Проанализировав контексты использования номинаций *Rusia, ruso / (a) / (s), imperio, país*, мы выявили наличие воспроизводимости оценочных предикатов, присваивающих объекту оценивания следующие характеристики: обширная территория (*grande, vasto imperio*), экспансионизм (*conquistas ventajosas, provincias conquistadas*), тяжелые климатические условия (*climas más destemplados y rigurosos*), деспотическая форма правления (*monarquía despótica*), что в совокупности с употреблением интенсификаторов (*todo, lo mas, ningún, la suma, muy, la mayor parte*) указывает на процесс стереотипизации.

El Gobierno es en el fondo en toda la Rusia propria de los más despóticos de hecho...³

América, 30/20 de noviembre de 1767, España. Ministerio de Cultura y Deporte. Archivo General de Indias, Estado 86 B.100.

¹ Informe del enviado español a Rusia, Conde Lacy, al Secretario de Estado del Gobierno español, Marqués de Grimaldi, sobre las intenciones de la emperatriz rusa de continuar las conquistas en el continente americano, San Petersburgo, 11 de mayo/ 30 de abril de 1773, España. Ministerio de Cultura y Deporte. Archivo General de Indias, Estado 86 B.100.

² Nota del Cónsul español en Rusia Antonio de Colombi sobre comercio con el Imperio Ruso, 1792, España. Ministerio de Cultura y Deporte. Archivo Histórico Nacional, Estado 4691.

³ Memoria sobre el estado actual de Rusia, sin firmar, en la que se resumen para el «Ministerio del Rey» noticias sobre la organización

...en los climas más destemplados y rigurosos⁴.

De los Catorce Gobiernos en que está dividido este Vasto Imperio...⁵

Будучи носителями ранее сложившихся представлений в испанской лингвокультуре о России, испанские посланники способствовали укоренению стереотипов, усвоенных ими благодаря известным к XVIII веку источникам, в которых мы также обнаруживаем упоминания о деспотическом правлении в России, холодном, суровом климате и необъятных размерах далекой России. Примерами этих письменных памятников являются исторические трактаты падре Мануэля Тринкадо [Trincado, 1760] и Мануэля де Вильегас и Пиньятели [Villegas y Piñateli, 1736], записки о Московии С. Герберштейна [Герберштейн, 1866], а также художественные произведения, например, пьеса авторства Лопе де Вега «Великий князь Московский» [Vega, 2020] и др.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итог, отметим, что категоризация дискурсивного пространства дипломатии на «своих» и «чужих» детерминирует выбор речевой стратегии и языковых средств ее реализации. Используемые в жанре дипломатического донесения такие средства прагматического фокусирования, как дейксис, оценка в рамках семантической дихотомии «друг – враг», репродуцирование стереотипных оценок способствуют формированию и закреплению у адресата определенного представления или образа «другой» страны. При этом конвенционально закрепленная композиционная структура дипломатического документа обеспечивает оптимальную реализацию его функций – информирования и персуазивного воздействия.

Представляется, что дальнейшее изучение различных аспектов жанра дипломатического донесения может быть перспективным для лингвистических и других исследований междисциплинарного характера.

полítica y social, demografía, rentas anuales y fuerzas militares de aquel imperio. 1784. España. Ministerio de Cultura y Deporte. Archivo General de Indias, Diversos, 50, № 3.

⁴ Nota del Cónsul español en Rusia Antonio de Colombi sobre el comercio con Rusia, Madrid, 14 de enero de 1792, España. Ministerio de Cultura y Deporte. Archivo Histórico Nacional, Estado 4691.

⁵ Informe del enviado español a Rusia, marqués de Almodóvar, al secretario de estado del gobierno español, Don Ricardo Wall sobre el comercio con Rusia, 18 de septiembre/7 de octubre de 1761, España. Ministerio de Cultura y Deporte. Archivo Histórico Nacional, Estado 3392

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Испания и Россия: дипломатия и диалог культур. Три столетия отношений. España y Rusia: diplomacia y diálogo de culturas. Tres siglos de relaciones / отв. ред. О. В. Волосюк. М.: Индрик, 2018.
2. Постерняк К. П. Динамика вербализации образа-концепта «Россия» в британском медиадискурсе XX–XXI вв.: дис. ... канд. филол. наук. Ростов-на-Дону, 2021.
3. Филимонова М. А. Дихотомия «Свой / Чужой» и ее репрезентация в политической культуре Американской революции. СПб.: Алетея, 2019.
4. Россия и Испания на северо-западе Америки во второй половине XVIII века (по материалам испанских архивов): монография в документах / сост., под общ. ред. А. Ю. Петрова ; ред.-сост. В. Н. Косторниченко ; А. Ю. Петров, В. Н. Косторниченко, А. А. Альварес Солер, Э. В. Вилар, О. В. Нешкес ; пер. с исп. О. В. Нешкес, А. В. Иволгин, Д. С. Шмарёв. Рязань: Рязанский государственный университет им. С. А. Есенина, 2020.
5. Литвак Н. В. Становление дипломатической службы как рефлексивного института: обоснование концепции: дис. ... д-ра соц. наук. М., 2018.
6. Кожетева А. С. Лингвопрагматические характеристики дипломатического дискурса: на материале вербальных нот: дис. ... канд. филол. наук. М., 2012.
7. Чернявская В. Е. Дискурс власти и власть дискурса: проблемы речевого воздействия. М.: Флинта : Наука, 2006.
8. Терентий Л. М. Дипломатический дискурс как особая форма политической коммуникации // Вопросы когнитивной лингвистики. 2010. № 1 (022). С. 47–56.
9. Арутюнова Н. Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. М.: Наука, 1988.
10. Матвеева А. А. Дейксис как маркер категории «свой – чужой» // Вестник Челябинского государственного университета. № 13. 2007. С. 47–52.
11. Маркина В. М. Репрезентация других в медиа: (вос)создание стереотипов и контрстратегии изображения инаковости // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2016. № 3. С. 147–158.
12. Trincado M. Compendio histórico, geográfico y genealógico de los soberanos de Europa: descripción de sus Cortes, religion y fuerzas, con la serie de sus Príncipes hasta el año de 1760. Madrid: Andrés Ortega, 1760.
13. Villegas y Piñateli M. Historia de Moscovia: Y Vida de Sus Czares, Con Una Descripción de Todo El Imperio, Su Gobierno, Religión, Costumbres, y Genio de Sus Naturales Madrid: F. Monge, 1736.
14. Герберштейн Сигизмунд фон. Записки о Московии (rerum moscoviticarum commentarii) Барона Герберштейна / Сигизмунд фон Герберштейн. СПб.: Тип. В. Безобразова и комп., 1866.
15. Vega L. El Gran Duque de Moscovia. SAGA Egmont, 2020.

REFERENCES

1. Volosyuk, O. V. (ed.). (2018). Ispaniya i Rossiya: diplomatiya i dialog kul'tur. Tri stoletiya otnoshenij. España y Rusia: diplomacia y diálogo de culturas. Tres siglos de relaciones. = Spain and Russia: dialogue of cultures. Three centuries of relationship. Moscow: Indrik. (In Russ.)
2. Posternyak, K. P. (2021). Dinamika verbalizacii obraza-koncepta «Rossiya» v britanskom mediadiskurse XX–XXI vv. = Dynamics of verbalization of the image-concept “Russia” in the British media discourse of the 20th–21st centuries: PhD in Philology. Rostov-on-Don. (In Russ.)
3. Filimonova, M. A. (2019). Dihotomiya «Svoj / Chuzhoj» i ee reprezentaciya v politicheskoy kul'ture Amerikanskoj revolyucii = The “Own / Alien” dichotomy and its representation in the political culture of the American Revolution. St. Petersburg: Aleteya. (In Russ.)
4. Petrov, A. Yu. (ed.). (2020). Rossiya i Ispaniya na severo-zapade Ameriki vo vtoroj polovine XVIII veka (po materialam ispanskih arhivov): monografiya v dokumentah = Russia and Spain in the Northwest of America in the second half of the 18th Century (on materials from Spanish archives): monograph in documents. Compiler, under general editorship of A. Yu. Petrov; compiling editor V. N. Kostornichenko; authors: A. Yu. Petrov, V. N. Kostornichenko, A. A. Alvarez Soler, E. V. Vilar, O. V. Neshkes; transl. from Spanish. O. V. Neshkes, A. V. Ivolgin, D. S. Shmarev. Ryazan: Ryazan State University named after S. A. Yesenin Publishing house. (In Russ.)
5. Litvak, N. V. (2018). Stanovlenie diplomaticheskoy sluzhby kak refleksivnogo instituta: obosnovanie koncepcii = Formation of the diplomatic service as a reflexive institution: substantiation of the concept: Senior Doctorate in Social Sciences. Moscow. (In Russ.)
6. Kozheteva, A. S. (2012). Lingvopragmaticheskie harakteristiki diplomaticheskogo diskursa: na materiale verbal'nyh not = Linguopragmatic characteristics of diplomatic discourse: based on the material of verbal notes: PhD in Philology. Moscow. (In Russ.)
7. Terentii, L. M. (2010). Diplomatic discourse as a specific form of political communication. Issues of Cognitive Linguistics, 1(022), 47–56. (In Russ.)
8. Chernyavskaya, V. E. (2006). Diskurs vlasti i vlast' diskursa: problemy rechevogo vozdejstviya = The discourse of power and the power of discourse: problems of speech influence. Moscow: Flinta: Nauka. (In Russ.)

9. Arutyunova, N. D. (1988). Tipyazykovykh znachenij: Ocenka. Sobytie. Fakt = Types of language meaning: Evaluation. Event. Fact. Moscow: Nauka. (In Russ.)
10. Matveyeva, A. A. (2007). Deictic Marker of the Category “We and They”. Bulletin of Chelyabinsk State University, 13, 47–52. (In Russ.)
11. Markina V. M. (2016). The representation of the ‘others’ in media: (re)production of stereotypes and counter-strategies of othering. Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes, 3, 147–158. (In Russ.)
12. Trincado, M. (1760). Compendio histórico, geográfico y genealógico de los soberanos de Europa: descripción de sus Cortes, religion y fuerzas, con la serie de sus Príncipes hasta el año de 1760. Madrid: Andrés Ortega. (In Span.)
13. Villegas y Piñateli M. (1736). Historia de Moscovia: Y Vida de Sus Czares, Con Una Descripción de Todo El Imperio, Su Gobierno, Religión, Costumbres, y Genio de Sus Naturales. Madrid: F. Monge.
14. Herbershtein, S. von. (1866). Zapiski o Moskovii (rerum moscoviticarum commentarii) Barona Herbershtejna = Literally Notes on Muscovite Affairs. Saint Petersburg: V. V. Bezobrazova i komp. (In Russ.)
15. Vega, L. (2020). El Gran Duque de Moscovia. SAGA Egmont.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Нешкес Ольга Владимировна

аспирант кафедры испанского языка и перевода переводческого факультета
Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Neshkes Olga Vladimirovna

Postgraduate student, Department of the Spanish Language and Translation
Faculty of Translation and Interpreting, Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию	19.05.2023	The article was submitted approved after reviewing accepted for publication
одобрена после рецензирования	28.06.2023	
принята к публикации	26.09.2023	

О сложностях в понимании иранского таāрофа с точки зрения носителей русского языка

А. Носрати¹, Л. В. Вотинова²

¹Исфаганский университет, Исфаган, Иран
a.nosrati@fgh.ui.ac.ir

²Университет Алламе Табатабаи, Тегеран, Иран
avrova_miss@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается роль особой формы этикетного поведения – таāрофа – в иранской лингвокультуре с учетом национально-культурных особенностей его народа. Выявляются семантические и прагматические особенности иранских формул таāрофа и их эквиваленты на русском языке. Целью данной работы является определение наиболее сложных для понимания языковых оборотов и форм иранского таāрофа для носителей русского языка. Анализ показал, что возникающие сложности в понимании таāрофа русским народом обусловлены языковыми, культурными, социальными, психологическими факторами и различиями двух народов.

Ключевые слова: иранский таāроф, речевой этикет, национально-культурная специфика, иранская лингвокультура, русский язык, смысловая нагрузка

Для цитирования: Носрати А., Вотинова Л. В. О сложностях в понимании иранского таāрофа с точки зрения носителей русского языка // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2023. Вып. 11 (879). С. 57–64.

Original article

On the Difficulties in Understanding the Iranian Taārof from the Perspective of Russian Speakers

Ardalan Nosrati¹, Liliya V. Votina²

¹University of Isfahan, Iran, Isfahan
a.nosrati@fgh.ui.ac.ir

²Allameh Tabataba'i University, Iran, Tehran
avrova_miss@mail.ru

Abstract. The article deals with the role of a special etiquette form – taārof – in the Iranian linguaculture, considering the national and cultural characteristics of Iranian people. The semantic and pragmatic features of the Iranian formulas of taārof and their equivalents in Russian are revealed. The present paper aims to identify the language patterns and forms of the Iranian taārof which are the most difficult to understand for Russian native speakers. The analysis revealed that the difficulties occurring in the understanding of taārof by the Russian people are due to linguistic, cultural, social, psychological factors and the differences between the two peoples.

Keywords: Iranian taārof, speech etiquette, national and cultural specificity, Iranian linguaculture, Russian language, semantic load

For citation: Nosrati, A., Votina, L. V. (2023). On the difficulties in understanding the Iranian taārof from the perspective of Russian speakers. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 11(879), 57–64.

ВВЕДЕНИЕ

Изучение любого иностранного языка предполагает не только заучивание слов и грамматики, но и понимание языковой культуры народа изучаемого языка. Так как «язык есть как бы внешнее проявление духа народов: язык народа есть его дух, и дух народа есть его язык, и трудно представить себе что-либо более тождественное» [Гумбольдт, 2000, с. 68]. Рассматривая язык через призму культуры, А. Вежбицкая подробно останавливается на принципе «ключевых слов» языка, который обслуживает данную культуру. Ученый считает, что «язык — и, в частности, его словарный состав — представляет собою лучшее доказательство реальности «культуры» в смысле исторической передаваемой системы «представлений» и «установок» [Вежбицкая, 2001, с. 44].

Некоторые преподаватели и студенты не уделяют должного внимания устойчивым выражениям, фразеологизмам, поговоркам и пословицам, а также особенностям коммуникативного поведения в языковой среде. Каждой культуре присущи собственные традиции общения между людьми, этикет, нормы поведения. Различия в культуре поведения, нормах общения, в условиях межкультурной коммуникации могут способствовать возникновению конфликтной ситуации, а слова будут интерпретироваться через призму своей культуры. «Существует понятие культурного шока, под которым понимается осознание резкого расхождения материальных или духовных культур двух народов, проявляющееся в условиях личного непосредственного контакта с представителями другой культуры и сопровождающееся непониманием, неадекватной интерпретацией или прямым отторжением чужой культуры с позиций собственной культуры» [Прохоров, 2011, с. 11]. Последствия культурного шока могут быть самыми разными, непредсказуемыми, несмотря на то, что в последние годы активно идет процесс глобализации и расширения межкультурного общения между различными странами. Иранская лингвокультура основана на многовековых традициях, нормах и устоях общества, а также зависит от уровня образования, личностных характеристик конкретного носителя персидского языка и культуры.

Рассмотрение специфики общения носителей иранской лингвокультуры в ситуации таарофа позволило авторам провести исследование, представляющее интерес для углубленного изучения современных дискурсивных практик в сфере коммуникативного поведения и принятых в социуме. Кроме того, выявляются семантические и прагматические особенности иранских формул

таарофа и их эквиваленты на русском языке. Это актуально, так как знание данной специфики речевого акта может способствовать решению проблем коммуникативного взаимодействия в различных ситуациях общения. Целью данной работы является определение наиболее сложных для понимания языковых оборотов и форм иранского таарофа для носителей русского языка и предоставление качественных и быстрых способов усвоения и осмысления таарофа русскоязычными учащимися. Новизна работы состоит в том, что впервые приведены анализ усвоения формул иранского таарофа русскоязычными слушателями, сопоставление некоторых иранских и русских этикетных любезностей, даны способы решения недопониманий в коммуникативной и лингвокультурной сфере. Анализ показал, что возникающие сложности в понимании таарофа русским народом обусловлены языковыми, культурными, социальными, психологическими факторами и различиями двух народов. Кроме того, отсутствием эмоционального акцентирования (или меньшей его выраженностью) и смысловой нагрузки в русском языке при определенных коммуникативных ситуациях, в которых произносится таароф в персидском языке и наоборот.

Неотъемлемой частью современной иранской культуры общения является таароф. В последние десятилетия таароф как выражение иранской уникальной национально-культурной специфики стал объектом пристального внимания иранских русистов и зарубежных исследователей. К ним относятся труды М. Резаи Азин (2013), З. Ахмади (2014, 2015), А. Носрати (2015, 2022), О. М. Сотовой (2019), Н. А. Филина, А. С. Ходунова (2019), М. Шафаги, А. Годрати (2022), Ф. Ахмади Бэни (2022).

«Таароф в лингвокультурном и социальнолингвистическом аспектах интерпретируется как трансакция или набор трансакций, направленных на установление и регулирование социальных отношений, в рамках которых участники общения прекрасно знают правила игры, обмениваясь вежливыми устойчивыми и стереотипными выражениями, когда говорящий или слушающий в конкретных обстоятельствах стремится замаскировать свои чувства от собеседника. Так что выбор в общении того или иного этикетного поведения таарофа в зависимости от конкретной ситуации — чрезвычайно сложный феномен, который приходится решать каждому иранцу» [Носрати, 2022, с. 173–174]. «Именно таароф нередко вызывает у европейцев впечатление лицемерности и манипулятивности поведения иранцев» [Ахмади, 2015, с. 170].

Зейнаб Ахмади дает следующее определение таарофу: «"Таароф" представляет собой сложную и многоаспектную систему общественных

и бытовых отношений, которая воплощается непосредственно в поведении и речи – как устной (в большей степени), так и письменной» [Ахмади, 2014, с. 106]. Еще один аспект таърофа, интересный с точки зрения психолингвистики и лингвокультурологии, – это положительные стороны данного этикетного поведения. А. Носрати замечает, что в основе иранского таърофа лежат такие признаки, как: вежливость, уважение, гостеприимство, скромность и сохранение лица [Носрати, 2022]. М. Резаи Азин тоже подходит к таърофу с позиций культуры, считает, что «ввиду повышенной этикетности общения иранцы редко отказывают в просьбе, предпочитая уходить от ответа, что часто ведет к неправильной трактовке их поведения иностранцами. Иранец старается не говорить собеседнику "нет" или не отказывать ему прямо» [Резаи Азин, 2013, с. 213].

Итак, исходя из вышеизложенных определений таърофа иранскими исследователями, можно подходить к таърофу как формальному (протокольному) явлению, обусловленному этикетным поведением и лишеному искренности – чувств и эмоций. Тут принято различить три признака таърофа:

- 1) эксплицитно доброжелательное отношение к собеседнику;
- 2) сохранить социальное равновесие между коммуникантами;
- 3) поддержать гармоничную коммуникацию и регулировать отношения.

МАТЕРИАЛ И МЕТОДЫ

Материал исследования составляет 200 персидских контекстов. В качестве персоязычного материала мы обратились к нашим личным

наблюдениям и записям устной речи. В работе использованы методы непосредственного наблюдения, коммуникативно-прагматического и сопоставительного анализа.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ И ДИСКУССИЯ

Носителям русского языка свойственны открытость в общении даже с малознакомым человеком, осторожность к излишней любезности и похвале. Русский человек, который слышит любезные фразы от малознакомого собеседника, считает его воспитанным и приятным собеседником, но в том случае, когда любезностей чрезмерно много, может посчитать его человека с плохими намерениями. С одной стороны, иранский речевой этикет предполагает соблюдение дистанции, а с другой стороны, содержит в себе вежливые фразы, которые создают благоприятную, теплую и доверительную обстановку, искренность которой может понять только другой иранец.

Среди российских студентов, изучающих фарси, были случаи полного недопонимания в Иране, который можно характеризовать «культурным шоком». Например, водитель такси отказался брать деньги за проезд, используя популярную фразу таърофа *قابلی نداره* (не стоит ничего). Студенты с недоумением, но с некоторой радостью принимали предложение водителя, но, выйдя из машины, водитель тут же последовал за ними с просьбой оплатить проезд. Ниже приведено сопоставление некоторых иранских и русских этикетных любезностей и таърофа. Мы выбрали наиболее распространенные формы таърофа в ситуациях, с которыми чаще всего может столкнуться иностранец в Иране.

Таблица 1

СОПОСТАВЛЕНИЕ НЕКОТОРЫХ ИРАНСКИХ И РУССКИХ ЭТИКЕТНЫХ ЛЮБЕЗНОСТЕЙ И ТАЪРОФА

Эквивалент на русском языке	Дословный перевод	Смысловое значение фразы	Таъроф на фарси
Поход в гости (при входе в чей-то дом)			
Отсутствует.	Вы столько усилий приложили, чтобы прийти	Добро пожаловать	قدم رنجه فرمودید (خیلی خوش آمدید)
Вы дорогу потеряли? / заблудились? (в случае, если опоздали) Близко по смыслу: <i>Ну наконец-то вы к нам пришли / приехали.</i>	Что случилось? Вы дорогу потеряли?	Какое чудо совершилось, что вы к нам пришли	چی شده راه گم کردید / چه عجب که تشریف آوردید منزل ما

Эквивалент на русском языке	Дословный перевод	Смысловое значение фразы	Таӊроф на фарси
Отсутствует. Близко по смыслу: <i>Чувствуйте себя как дома</i>	Это ваш дом	Расслабьтесь / почувствуйте себя комфортно	خانه خودتان هست (یعنی راحت باشید)
Заходите / проходите, что стоять у порога?!	Заходите в дом, у двери плохо (некрасиво стоять у порога)	Заходите в дом	بفرمایید داخل، دم در بد است (یعنی زشت است دم در ایستادید)
Добро пожаловать	Вы принесли мир	Добро пожаловать	صفا آوردید (خوش آمدید)
Отсутствует. Близко по смыслу: <i>все в порядке / с радостью помогу / ничего страшного</i>	Вы милостивы	Вы для нас милостивы (в ответ на «Извините, что вас беспокоил»)	مُراحمید (در پاسخ به تعارف ببخشید مزاحم شدم)
В гостях			
Отсутствует.	Я вскормлен вашей милостью	Я вам обязан (при угощении гостей, ответ на «здесь нет соли»)	نمک پرورده هستیم (در موقع پذیرایی در پاسخ به تعارف نمک ندارد)
При уходе гостей			
Приходите к нам чаще / еще	Приходите в эти края снова	Приходите в наш дом ещё раз	باز هم تشریف بیاورید
Отсутствует. Близко по смыслу: <i>всего доброго!</i>	Добро пожаловали (пришли)	Прощальное пожелание – Благополучно добраться	خیلی خوش آمدید (آرزو می کنم به خوشی و سلامتی بروید)
В магазине			
Отсутствует. Близко по смыслу: <i>Это за счет заведения / я угощаю</i>	Это не заслуживает вас	Не стоит ничего	قابل شما را ندارد
Отсутствует. Близко по смыслу: <i>Если не трудно</i>	Без труда	Пожалуйста	بی زحمت
Отсутствует.	Хозяин заслуживает этого	Хозяин заслуживает этого в ответ на «не стоит ничего»)	صاحبش قابل دارد (در پاسخ به قابل شما را ندارد)
Отсутствует. Близко по смыслу: <i>Благодарю Вас / спасибо за комплимент</i>	Ваше мнение – ваша милость	Спасибо, ваше мнение ценно для меня (ответ на «Эта одежда тебе идет»)	نظر لطف شماست (در پاسخ به مثلا این لباس به شما میاد)
Отсутствует. Близко по смыслу: <i>На здоровье</i>	Используйте на радость	Пользуйтесь с удовольствием (ответ продавца на отзыв покупателя)	به شادی استفاده کنید (در پاسخ به خرید مشتری)
Таӊроф на работе			
Для меня это честь / гордость	Причина для гордости	Для меня это гордость (например, работать с вами)	باعث افتخار است (مثلا باعث افتخار است که با شما کار میکنم)
Мы к вашим услугам	Мы к вашим услугам	Мы к вашим услугам	باعث افتخار است (مثلا باعث کاری هست می توانم انجام بدهم)

Эквивалент на русском языке	Дословный перевод	Смысловое значение фразы	Таӊроф на фарси
Отсутствует.	Мы не удовлетворены вашим трудом	Не стоит утруждать себя	راضی به زحمت نیستیم (در پاسخ به انجام کاری از جانب مخاطب)
Извините, что не смог помочь	Стыдящийся	Извините, что не смог помочь	شرمنده (یعنی ببخشید نتوانستم کاری برای شما بکنم)
Отсутствует.	Ваш враг – стыдящийся	Ничего страшного, что вы не смогли помочь (ответ на стыдящийся)	دشمنت شرمنده (در پاسخ به تعارف شرمنده)
Как прикажете / как скажете	Все что вы прикажете	Как вы скажете / как прикажете	هرچی شما امر بفرمایید
Как вы считаете целесообразным / как вы скажете	Как вы посчитаете целесообразным и нужным	Как вы считаете целесообразным	هر طور شما صلاح بدانید
Отсутствует. Близко по смыслу: <i>Всегда пожалуйста / Это моя работа</i>	Это моя обязанность	Я всегда рад (-а) услужить	انجام وظیفه است
Отсутствует. Близко по смыслу: <i>Разрешите мне идти / будут еще указания?</i>	Нет ли у Вас распоряжений?	Разрешите мне идти? / Будут еще указания?	فرمایشی ندارید؟
Отсутствует.	Мне более нечего доложить	Нечего сказать	عرضی نیست (در پاسخ به فرمایشی ندارید؟)
Приглашение кого-то в дом			
Отсутствует. Близко по смыслу: <i>Добро пожаловать, еще приходите</i>	Ваш шаг / след на глазу	Добро пожаловать, еще приходите	قدمتان روی چشم (یعنی خیلی خوش آمدید، تشریف بیاورید)
Отсутствует. Близко по смыслу: <i>Заходи чай попить/приходи хоть чай попить</i>	Одна чашка чая не имеет этих разговоров	Чашка чая не стоит обсуждения, даже чтобы отказываться (заходите в гости)	یه استکان چایی که این حرفا را ندارد
Отсутствует.	Будьте владельцем прихода	Будьте благородным	صاحب تشریف باشید (در پاسخ به «کی تشریف آوردید؟»)
Отсутствует. Близко по смыслу: <i>Чувствуйте себя, как у себя дома</i>	Вы владелец этого дома	Это ваш дом, не стесняйтесь (чувствуйте себя комфортно)	صاحب اختیارید شما (یعنی خانه خودتان است)
Отсутствует.	Придем к вашим услугам	Придем к вам	شرفیاب میشیم / خدمت می رسیم (در پاسخ به تشریف بیارید، یعنی میاییم خانه شما)
Оказание помощи			
Я рад, что смог помочь	Я стал рад, что оказал помощь	Я рад, что смог помочь	خوشحال شدم کمکی کردم
Если я смогу чем-то помочь, скажите мне	Если от меня может поступить помощь, скажите мне	Если я смогу чем-то помочь, скажите мне	اگر از بنده کمکی برمیاد بهم بگویید
Отсутствует.	Даст Бог, я отплатю за любезность	Вы оказали любезность (в ответ на чье-то гостеприимство или на помощь кому-то)	انشالله جبران کنیم (در جواب به مهمان نوازی کسی یا کمک به کسی)

Эквивалент на русском языке	Дословный перевод	Смысловое значение фразы	Таӑроф на фарси
Отсутствует. Близко по смыслу: <i>спасибо, вы мне очень помогли</i>	Спасибо вам, что мне уделите время	Спасибо, что вы мне помогли (у вас было время мне помочь)	ممنون، از شما به ما رسیده (یعنی شما زیاد به ما کمک کردید)
Отсутствует.	Мы много утруждали вас.	Вы много трудились	خیلی توی زحمت افتادید (یعنی خیلی کار کردید برای ما)

Исходя из приведенных в таблице примеров, мы видим, что в общих чертах повседневная вежливость в России и в Иране схожа между собой. Единственным и главным отличием является более яркая выраженность смысловой нагрузки в иранском таӑрофе при переводе на русский язык, в связи с чем создается сложность в его понимании для носителей русского языка.

Очевидно, что дословный перевод и незнание смыслового значения таӑрофа – главное препятствие в его понимании. Изучение специфики реализации таӑрофа как этикетного поведения в персидской лингвокультуре выявляет, что наибольшая сложность в понимании таӑрофа носителями русского языка состоит в разном употреблении его формул, эквивалент которых отсутствует в русском языке. Кроме того, в большинстве случаев эта сложность обусловлена национально-культурным и психологическим восприятием русскоговорящих, изучающих персидский язык. При некоторых обстоятельствах, когда отсутствуют даже базовые знания иранской культуры и языка, носители русского языка не совсем точно различают смысл таӑрофа. Они испытывают смущение от некоторых его форм и не понимают, как себя дальше вести и как отвечать.

Русскому студенту, изучающему фарси стоит научиться различать вежливость и гостеприимство от чисто формального таӑрофа, обусловленного этикетом для того, чтобы выстраивать правильные отношения с носителями персидского языка.

Стоит отметить, что иранский таӑроф – сложный и многогранный феномен – кроме устойчивых общих выражений существуют такие формы, которые могут озвучить друг другу при общении только близкие люди или же люди одного пола. В случае использовании неподходящего таӑрофа можно задеть чувства собеседника и даже обидеть его. Например, формула *چی شده راه گم کردید* (букв.: 'что случилось, вы дорогу потеряли') в некоторых ситуациях может трактоваться как жалоба в ироническом употреблении.

Со временем изучающие фарси ближе знакомятся с иранской культурой и с пониманием и уважением относятся к иранскому таӑрофу как

к неотъемлемой части повседневной культуры общения. Кроме того, они начинают активно использовать его при общении с иранцами, тем самым между собеседниками создается более понятная и комфортная атмосфера общения, которая не заставляет кого-либо испытывать смущение.

Несмотря на то, что в последние годы персидский язык в России стал популярным для изучения, именно речевая культура иранского народа остается неизученной и непонятной для русскоязычных студентов, изучающих фарси.

Наиболее продуктивным способом решения этого вопроса мы считаем создание словаря иранской вежливости и таӑрофа, внедрение курса «иранский этикет и культура речи» в образовательные программы соответствующих направлений подготовки, создание обучающих и методических пособий. На первом этапе изучения языка полезным будет просмотр иранских образовательных мультфильмов, предназначенных для иранских детей, в которых учат вежливости и этикету. Для среднего и продвинутого уровня – просмотр иранских фильмов и сериалов.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проанализировав рассмотренные нами устойчивые выражения иранского таӑрофа, можно сделать выводы, что в некоторых типичных ситуациях общения между иранским таӑрофом и вежливостью в русском языке есть кое-что общее, а главной проблемой является дословный перевод устойчивых фраз и выражений таӑрофа. При правильном смысловом переводе носителю русского языка они будут вполне понятны. Отсутствие эквивалента некоторых выражений таӑрофа затрудняет его изучение для иностранцев, основной сложностью при этом является не только понимание смысла выражения, но и истинные намерения, психическое состояние говорящего и этикетное поведение по отношению к собеседнику. Результат и реакция на такое обусловлены обстоятельствами, в которых осуществляется речь.

Так как таӑроф при разных обстоятельствах может носить разный семантический смысл,

носитель русского языка не только на первых этапах изучения языка, но и на более продвинутом уровне может истолковать выражение неправильно. Наиболее характерным примером служит покупка в магазине. Услышав фразу *قابل نداره* (ничего не стоит / бесплатно), студент-иностранец может развернуться и пойти на выход. А услышав фразу *قدم تان روی چشم* (добро пожаловать / приходите к нам), изучающий фарси и не знающий значения выражения, переведет его как «ваш след / шаг на

глазу» и попытается найти что-то похожее в родном языке. Первое, что может прийти в голову – это выражение *бельмо на глазу*, которое имеет негативный смысл «раздражающий, мешающий». В результате может произойти недопонимание между собеседниками и застать врасплох.

Изучение культуры речи персидского языка и таарофа – основа для правильной, богатой и грамотной речи всех иностранных студентов, изучающих фарси.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию : пер. с нем. / общ. ред. Г. В. Рамишвили ; послесл. А. В. Гулыги и В. А. Звегинцева. М.: Прогресс, 2000.
2. Вежбицкая А. Понимание культур через посредство ключевых слов / предисл., пер. с англ. А. Д. Шмелева. М.: Языки славянских культур, 2001.
3. Прохоров Ю. Е., Стернин И. А. Русские: коммуникативное поведение. М.: Флинта : Наука, 2011.
4. Носрати А. Пожелание как компонент русского и персидского речевого этикета и как компонент иранского таарофа: культурологический подход // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2022. № 5 (168). С. 171–177.
5. Ахмади З. Вежливость в Иране и России: общее и различное // Наука и школа. 2015. № 1. С. 167–174.
6. Ахмади З. Вежливость и понятие «Таароф» в иранской культуре // Наука и школа. 2014. № 3. С. 102–106.
7. Резаи Азин М. Русское коммуникативное поведение с позиции носителя Персидского языка // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2013. № 2. С. 211–215.

REFERENCES

1. Gumbol'dt, V. fon. (2000). Izbrannyye trudy po yazykoznaniiyu = Selected works on linguistics. Translation from German. Ed. by G. V. Ramishvili ; Afterword by A. V. Gulyga, V. A. Zvegintsev. Moscow: Progress. (In Russ.)
2. Vezhbitskaya, A. (2001). Ponimanie kul'tur cherez posredstvo klyuchevykh slov = Understanding cultures through keywords. A. Vezhbitskaya; predisl., translation from English. A. D. Shmeleva. Moscow: LRC Publishing House. (In Russ.)
3. Prokhorov, Yu. E., Sternin, I. A. (2011). Russkiye: kommunikativnoye povedeniye = Russians: communicative behavior. Moscow: Flinta : Nauka. (In Russ.)
4. Nosrati, A. (2022). Pozhelaniye kak komponent russkogo i persidskogo rechevogo etiketa i kak komponent iranskogo taarofa: kul'turologicheskiy podkhod = Wish as the component of the Russian and Persian speech etiquette and as the component of the Iranian taarof: culturological approach. Izvestia of the Volgograd State Pedagogical University, 5(168), 171–177. (In Russ.)
5. Akhmadi, Z. (2015). Politeness in Iran and Russia: common and different features. Science and School, 1, 167–174. (In Russ.)
6. Akhmadi, Z. (2014). Politeness and concept “taarof” in the Iranian culture. Science and School, 3, 102–106. (In Russ.)
7. Rezai Azin, M. (2013). Russian communicative behaviour from the perspective of the speaker of Persian. Vestnik of Voronezh State University. Series: Linguistics and intercultural communication, 2, 211–215. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Носрати Ардалан

кандидат филологических наук

старший преподаватель кафедры русского языка Исфаганского университета

руководитель Русского центра фонда «Русский мир» Исфаганского университета

Вотинова Лилия Владимировна

магистр истории Казанского Федерального Университета
магистр лингвистики Университета Алламе Табатабаи
Представитель Россотрудничества в Исламской Республике Иран

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS**Nosrati Ardalan**

PhD (Philology)
Senior Lecturer in the Department of the Russian Language, University of Isfahan
Head of the Russian Center of the Ruskiy Mir Foundation, University of Isfahan

Votinova Liliya Vladimirovna

Master of History of Kazan Federal University
Master of Linguistics, Allameh Tabataba'i University
Representative of Rossotrudnichestvo in the Islamic Republic of Iran

Статья поступила в редакцию	19.05.2023	The article was submitted approved after reviewing accepted for publication
одобрена после рецензирования	24.06.2023	
принята к публикации	26.09.2023	

Южнокорейский вебтун «В окружении богов» как образец поликодового текста: вербальные, визуальные и лингвокультурологические особенности перевода

Е. А. Похолкова¹, Е. А. Понкратова²

^{1,2}Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия

¹pokholkova@gmail.com

²evgeniyaponkratova@yandex.ru

Аннотация. В статье анализируется перевод поликодового текста с корейского языка на русский, а именно веб-комикса, первой части трилогии Чу Хомина «В окружении богов». Произведение представляет особый интерес для исследования, поскольку автор заимствует элементы традиционной религиозной культуры – буддийские и шаманские представления о загробном мире. В работе рассматриваются лингвистические и экстралингвистические трудности с точки зрения коммуникативно-функционального подхода, адекватности перевода с учетом особенностей оригинала и требований принимающего языка.

Ключевые слова: поликодовый текст, комикс, вебтун, особенности перевода

Для цитирования: Похолкова Е. А., Понкратова Е. А. Южнокорейский вебтун «В окружении богов» как образец поликодового текста: вербальные, визуальные и лингвокультурологические особенности перевода // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2023. Вып. 11 (879). С. 65–71.

Original article

South Korean Webtoon “Along with the Gods” as a Polycode Text: Verbal, Visual and Cultural Aspects of Translation

Ekaterina A. Pokholkova¹, Evgeniya A. Ponkratova²

^{1,2}Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia

¹pokholkova@gmail.com

²evgeniyaponkratova@yandex.ru

Abstract. The article analyzes a translation of polycode text, the first part of Chu Homin’s webtoon “Along with the Gods”. The work is a subject of great interest for research since the author borrows elements of traditional religious culture, namely the Buddhist and shamanistic views on the afterlife. Focusing on the characteristic aspects of the original work and features of the target language, the paper examines linguistic and extralinguistic translation challenges according to functional-communicative approach and approximation of the translation.

Key words: polycode text, comics, webtoon, translation aspects

For citation: Pokholkova, E. A., Ponkratova, E. A. (2023). South Korean webtoon “Along with the Gods” as a polycode text: verbal, visual and cultural aspects of translation. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 11(879), 65–71.

ВВЕДЕНИЕ

В настоящее время во многих сферах общественной жизни происходит переход от вербальных средств коммуникации к невербальным, в частности к изобразительным. Паралингвистические средства как набор определенных знаков быстро стали неотъемлемой частью повседневной жизни, оказывая на нее сильное влияние. Стремительный рост визуальной информации в письменных источниках привел к формированию нового направления в науке – исследований поликодовых текстов. Сегодня ученые относят к ним множество печатного материала: плакаты, газеты, листовки, журналы, сайты, презентации, комиксы, графические романы, вебтуны и пр., т. е. «произведения, созданные на основе взаимодействия языковых знаков со знаками других семиотических систем» [Ариас, 2011, с. 62].

С нашей точки зрения, вебтуны можно определить как гипоним по отношению к манхве, корейской разновидности комиксов. Современные южнокорейские вебтуны часто включают в себя элементы традиционной культуры, в рамках которых раскрываются проблемы корейского общества. Одним из таких примеров является цифровой комикс «В окружении богов», автор Чу Хомин (кор. 주호민), который публиковался на онлайн-платформе «Naver Webtoon» в период с 2010 по 2012 год¹. Комикс делится на три большие части: «Заброшенный мир», «Мир смертных» и «Мифы». В первой части, которую мы рассматриваем в данной работе, автор отправляет читателя в путешествие по кругам ада в компании Ким Чахона, обыкновенного офисного работника, которому предстоит пройти семь судебных разбирательств, в ходе чего короли подземного мира будут вершить его судьбу.

ОСОБЕННОСТИ ПОЛИКОДОВЫХ ТЕКСТОВ

В таких текстах вербальные и изобразительные элементы формируют «одно визуальное, структурное, смысловое и функциональное целое, которое обеспечивает комплексное воздействие на адресата» [Анисимова, 1992, с. 73]. Каждая отдельно взятая знаковая система задействована в формировании общего значения текста, смысл языковой и неязыковой части ясен только благодаря пониманию текста в целом.

Е. Е. Анисимова в своей работе делит тексты с паралингвистическими средствами на три группы: тексты с нулевой креолизацией,

тексты с частичной креолизацией и тексты с полной креолизацией [там же].

В текстах с нулевой креолизацией изображение отсутствует и не является важной частью построения структуры текста. В текстах с частичной креолизацией изображение и вербальная часть не зависят друг от друга, т. е. изобразительный элемент служит лишь вспомогательным инструментом по отношению к вербальной части и не влияет на структурную организацию всего текста.

При исследовании комиксов нас прежде всего интересуют тексты с полной креолизацией. В подобных текстах «вербальная часть не может существовать независимо от изобразительной части – между обоими компонентами устанавливаются синсемантические отношения. Вербальная часть ориентирована на изображение или отсылает к нему, а изображение выступает в качестве обязательного элемента текста» [Анисимова, 1992, с. 74].

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА КОМИКСОВ КАК ОБРАЗЦОВ ПОЛИКОДОВОГО ТЕКСТА

Большинство текстов с полной креолизацией зависят от возможностей холста, однако у комиксов выделяется ряд особенностей, которые связаны не только с расположением изображений в кадре, но и с жанровыми и даже культурными особенностями.

С точки зрения семиотики комиксы – это вид визуального повествования, ядром которого выступают изображения и текст. Являясь двумя половинами одного целого, они могут нести в себе различные коммуникативные задачи. Изображения могут быть как реалистичными, так и абстрактными, иконическими. Текст же не только передает вербальное сообщение, но и обладает визуальным воздействием. Он выражен графикой, имеет разные формы, цвета, занимает разные части холста, что делает его частью визуальной составляющей. Наравне с основным текстом фон формируют различные надписи, существующие в рамках представленного пейзажа. Также важную роль в получении читателем сообщения играют фреймы (от *англ.* frame – последовательность изображений, заключенных в отдельные кадры) – благодаря их расположению реципиент понимает, как правильно складывать текст и изображение в единое целое. Например, когда читатель запоминает, как выглядит персонаж или фон на первой панели, исключается необходимость дублировать их в дальнейшем, если, конечно, не будет внесено какое-то изменение в поведение героя. В зависимости от жанра и целевой аудитории авторами используются различные сочетание текста,

¹ 주호민. 신과 함께. Чу Хомин. В окружении богов. 2010–2012. URL: <https://comic.naver.com/webtoon/list?titleId=697685>

фреймов и изображения, которые могут быть изменены издателем и переводчиком в переводе.

Некоторые ученые называют такого рода трансформации транскреациями, которые выходят за рамки межъязыкового взаимодействия. Как отмечает итальянский исследователь Ф. Занеттин, «комиксы – это прежде всего визуальные тексты, которые могут включать (а могут и не включать) вербальный компонент, при переводе комиксов межъязыковая интерпретация («собственно перевод») происходит в контексте визуальной интерпретации» [Zanettin, 2008, с. 9]. Язык – это только одна из систем, в той мере, в какой нас устраивает определение языка как системы, участвующих в переводе комиксов, где «оригинальный», так и «переводной» содержат в себе различные знаковые системы [там же, с. 10].

Перевод комиксов на другой язык – это прежде всего их перевод в другую визуальную культуру, а значит задействованы не только языки с лингвистической точки зрения, но и различные культурные традиции и различные способы оформления комиксов. Другими словами, перевод комиксов подразумевает не только межъязыковую замену словесного материала. Комиксы, переведенные на другие языки, также могут претерпеть трансформации, которые подразумевают под собой перенос из языка визуального в вербальный и наоборот, который ранее не был описан.

ГРАФИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА ВЕБТУНА «В ОКРУЖЕНИИ БОГОВ»

Графика – важное смыслообразующее звено наравне с самим текстом, и шрифт является одной из ее составляющих. Текст фиксирует слова героев, слова и размышления автора, исторические справки, фоновые звуки.

В англоязычных комиксах авторы часто используют изменение насыщенности шрифта для выделения рематической части, однако в корейских и других азиатских комиксах такой прием практически не используется. В языке присутствует специальная тематическая частица, которая позволяет разграничивать тему и рему предложения. Поэтому на шрифт в тексте влияют другие факторы. Например, в рассматриваемом нами вебтуне жирным или полужирным выделяется фраза, которую герой резко произносит или громко выкрикивает, также она может дополнительно выделяться курсивом. Еще одна функция курсива – изменение характера сообщения, например, с его помощью выделяются объявления по громкой связи или реплика собеседника по телефону. Жирным шрифтом и курсивом также выделяют ономастопозитическую лексику и фоновые

восклицания. Для разделения речи героев и автора используются разные стили шрифта.

При переводе комиксов переводчик сталкивается с пунктуационными нормами и традициями корейского языка, и эти отличия необходимо учитывать при переводе, что не всегда наблюдается в многочисленных любительских переводах.

Особенностью корейского текста является использование тильды «~», которая отсутствует в русскоязычном пространстве. Обычно она ставится в конце фразы, чтобы показать смягчение тона, либо удлинение звука. Часто стоит после междометий, но иногда может демонстрировать наигранность или манерность речи. Рассмотрим некоторые примеры:

얼릉루 까궁~ Ку-ку, мой сладкий!

택배 왔습니다~! Доставка!

원귀야~ 거기 있니~? Неупокоенная душа! Ты т-а-а-а-м?

Как видно из предложений выше, при переводе мы опускали данный знак и передавали его эмотивную функцию другими лексическими или стилистическими средствами.

Еще один знак препинания, заслуживающий пристального внимания переводчиков – многоточие. В русском языке многоточие представлено последовательностью трех точек «...», тогда как в корейском самой распространенной является последовательность шести точек «.....», встречается также и форма, состоящая из трех, как и в русской традиции. В энциклопедии правил корейского языка для младших классов внимание акцентируется на том, что в интернет-пространстве, где шрифт не соответствует печатному, к шести или трем точкам, составляющим многоточие, добавляется точка в конце, соответственно их количество увеличивается с шести до семи и с трех до четырех¹.

Важной функцией многоточия в корейском языке является указание на пропуск целой фразы в диалоге. Например: “네가 정말 그랬어?” “.....” Для корейского текста частое использование многоточия – один из главных показателей разговорной речи. Многоточие также выражает прерывистый характер речи, затрудненность, которая вызвана эмоциональными потрясениями. Однако при переводе на русский язык часть многоточий будет опускаться, поскольку языковые особенности разговорной речи чаще будут выражаться при помощи других стилистических средств.

¹Энциклопедия правил корейского языка для младших классов. URL <https://terms.naver.com/entry.naver?docId=3559233&cid=58583&categoryId=58594>

Необходимо также отметить, что в переводе мы используем двоеточие и тире, которые редко употребляются в корейском тексте.

Трудностью, с которой сталкивается переводчик на графическом уровне, является сохранение объема фразы, с учетом размера филактеров. В ряде случаев при переводе с восточного языка на русский короткая фраза разрастается, поскольку иероглифическая лексика обладает более широким семантическим полем. Поэтому в ряде случаев на одно слово в исходном языке приходится несколько в переводящем. При переводе художественной литературы специалист легко сможет решить такую задачу, применив описательный перевод, а вот при работе над комиксом, где важно сохранить первоначальный размер фразы, описательный перевод представляется мало возможным, поскольку происходит нарушение визуальной связи между текстом и изображением. При работе над переводом вебтуна мы столкнулись с этой проблемой: приходилось прибегать к приему компрессии, подбору коммуникативных аналогов, опущению местоимений. Однако вопрос компрессии требует глубокого освещения, который мы планируем затронуть в наших дальнейших работах.

ЛЕКСИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА ВЕБТУНА «В ОКРУЖЕНИИ БОГОВ»

Одной из самых трудных задач при переводе комиксов является передача оноματοпоэтической лексики.

Оноματοпоэтические слова в корейском языке можно разделить на три большие группы: единицы, которые имеют полное соответствие, единицы, которые имеют неполные аналоги, и единицы, не имеющие полного аналога в русском [Воловик, 2018]. К первой группе можно отнести звук гудка машины – 빵빵빵 [ппан-ппан-ппан] («бип-бип»), мяуканье кошки 야옹야옹 [яон-яон] («мяу-мяу») и многие другие, ко второй – шелест листы 우수수 [усусу] («шурх»), русское слово «шелест» обладает более широкой семантикой, оно может использоваться не только для описание шума листы, но и переворачивания листов бумаги, 두근두근 [тугын-дугын] («тук-тук») – стук сердца. К лексическим единицам, для которых в русском языке сложно подобрать аналоги, можно отнести, например, звук эскалатора – 웅웅웅 [ун-ун-ун], гудок поезда – 빵 [ппан], звук движения поезда – 콧콧콧 [ква-ква-ква]. Мы остановились на следующих вариантах – звук эскалатора передали как «врум-врум», гудок поезда как «б-и-и-п», а звук движения поезда «звяк-звяк».

При переводе оноματοпоэтических слов переводчик имеет право пойти тремя путями – дать точный эквивалент, использовать описательный перевод или в крайнем случае применить прием опущения.

Приведем некоторые оноματοпоэтические слова, эквивалентом которым в переводе выступила такая же звукоподражательная лексика:

- 딸깍 [тталккак] – звук кликания мышкой – «клик-клик»;
- 띠리리리 [тти-ри-ри-ри] – звук рингтона – «дзинь-дзинь»;
- 후다닥 [худадак] – вид быстро убегающего человека или животного – «топ-топ».

Рассмотрим примеры оноματοпоэтической лексики, эквивалентом которой в переводе выступили иные лексические средства:

- 화끈 [хвагын] – вид покрасневших щек – «вспых»;
- 와근바글 [вагын-багыль] – звук, который издает толпа, рой насекомых, стая животных – «гомон»;
- 웅찢 [унчиль] – вид сильного испуга – «шок»;
- 찰찰찰 [чхаль-чхаль-чхаль] – звук просеивания муки через сито – сеет-сеет.

Можно заметить, что в корейском языке многие оноματοпоэтические слова обладают широкой семантикой, поэтому в переводе был подобран тот эквивалент, который необходим в той или иной коммуникативной ситуации. Так, например, 와근바글 [вагын-багыль] используется не только для описания шума толпы, но и жужжания роя насекомых, и криков животных. В переводе мы остановились на варианте «гомон», поскольку в комиксе изображаются пересуды людей.

Отдельного внимания при работе с комиксами также требуют междометия, которые отражают эмоциональные реакции персонажей. При переводе междометий на русский язык мы либо находили наиболее близкий эквивалент, либо прибегали к приему опущения, либо передавали значение при помощи других стилистических средств.

- 어으, 추워. Холодрыга (*опущение, но эмоциональность передана через разговорную форму*).
- 아이씨~ 왜 이렇게 안 와? Почему так долго?! (*опущение, но эмоциональность передана посредством знака препинания*)
- 아오~ Наконец-то (*передача другими лексическими средствами*).
- 야~ 빨랑빨랑 안 다닐래? Что-то вы не особо торопитесь (*опущение*).
- 야. Эй (*передано, эквивалент – междометие*).

Другой сложностью для переводчика на лексическом уровне становятся имена собственные (ИС). При переводе ИС из комикса «В окружении богов» мы использовали четыре метода согласно классификации Д. И. Ермоловича [Ермолович, 2009]: транскрипцию, в случае с переводом корейских ИС по системе Л. Р. Концевича [Концевич, 2014], транспозицию, калькирование и воссоздание. Так, при работе с антропонимами и теонимами мы прибегали к практической транскрипции.

Оригинал	Перевод
김자홍	Ким Чахон
이덕춘	Ли Токчхун

Исключением стали два теонима – имя владыки загробного мира и судьи ада Вырванных языков *염라왕* (*Ёмна-ван*) и имя бодхисатвы-спасителя *지장보살* (*Чичжан-посаль*). Оба слова восходят к санскриту, в отличие от других теонимов, имеющих китайское происхождение. Исходя из этого, в переводе мы воспользовались методом транспозиции и передали имя главы пятого ада устоявшимся в русской традиции вариантом «Яма», а имя бодхисатвы как «бодхисатва Кшитигарбха», основываясь на данных энциклопедии [Мифы народов мира, 1987].

При переводе названий адов мы действовали путем калькирования, отражая в переводе иероглифическое значение слов. Такое решение кажется нам вполне оправданным, учитывая, что в названии ада присутствует указание на виды наказаний, которым подвергаются грешники. Необходимо отметить, что в отечественном корееведении, в отличие от синологии, не сложилось устойчивой традиции описания адов и их названий, поскольку отсутствует единство и в корейской традиции.

- 도산지옥 刀山地獄 (刀 «нож», 山 «гора», 地獄 «ад») – ад Гор острых лезвий
- 화탕지옥 火湯地獄 (火 «огонь», 湯 «кипяток») – ад Огненного котла
- 한빙지옥 寒氷地獄 (寒 «холодный», 氷 «лед») – ад Холодного льда
- 검수지옥 劍樹地獄 (劍 «меч», 樹 «дереву») – ад Леса острых клинков
- 발설지옥 拔舌地獄 (拔 «выдергивать», 舌 «язык») – ад Вырванных языков
- 독사지옥 毒蛇地獄 (毒 «яд», 蛇 «змея») – ад Ядовитых змей
- 거해지옥 鋸解地獄 (鋸 «пилить», 解 «расчленять») – ад Распиливания тел
- 철상지옥 鐵床地獄 (鐵 «железо», 床 «кровать») – ад Железного ложа

- 풍도지옥 風途地獄 (風 «ветер», 途 «дорога») – ад Дороги ветров
- 흑암지옥 黑闇地獄 (黑 «черный», 闇 «сумрак, ночь») – ад Кромешной тьмы

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА ВЕБТУНА «В ОКРУЖЕНИИ БОГОВ»

Согласно теории Эварда Холла, различия между культурами можно обосновать контекстом [Hall, 1976]. Так, существуют низкоконтекстные культуры, в которых большая часть сообщения содержится в словах, а не в контексте сообщения. В рамках этих культур собеседники четко выражают свои мысли, желания, намерения, не предполагая, что их можно понять, исходя из ситуации в целом. Также выделяются высококонтекстные, те, в которых языковое сообщение передается не только при помощи вербального компонента, но и неязыкового контекста: статуса, иерархии, внешнего вида. Люди, принадлежащие такой культуре, говорят мало, часто выражаются расплывчато, собеседнику остается лишь угадывать невысказанное по жестам, взгляду, мимике. Используется много намеков, игры слов, витиеватых сравнительных оборотов. Это касается не только общения и поведения человека в обществе, но и текстов, созданных внутри таких культур, в которых отражаются эти особенности.

Корейская культура так же, как китайская и японская, относится к высококонтекстным, и это прослеживается в комиксе «В окружении богов». Как уже было сказано выше, в вебтуне происходит художественное переосмысление традиционной культуры, а именно идей буддизма, шаманизма и конфуцианских канонов. Мир, в который попадает читатель, полон гротеска. С первых страниц становится понятно, что система адов взята из буддийских представлений о десяти адах и десяти владыках, которые ими правят. Чу Хомин использует не только персонажей буддийского фольклора, но и фрески из буддийских монастырей в качестве фона. Человек, мало знакомый с восточной культурой, вряд ли обратит на них внимание, хотя они несут в себе важное значение – на каждой из них изображен сюжет, напрямую связанный с событиями, которые описываются в вебтуне. Например, фреска из монастыря Мунсуса изображает бодхисатву Кшитигарбху, изображения из монастырей Хынчхонса, Хваимса, Тхондоса показывают десять королей ада и круги ада, где грешники получают наказание.

Примечательно, что Чу Хомин в качестве основной палитры использует пять цветов, применяемые в буддийской живописи, а именно: желтый или

золотой цвет (黃), белый (白), красный (赤) и черный цвет (黑). Необходимо отметить, что они играют важную роль в корейской культуре, образуя важное концептуальное понятие *обансэк* (오방색 (五方色)), которое указывает на связь между сторонами света¹. Так, желтый или золотой цвет (黃) символизирует центр, синий или зеленый (靑) – восток, белый (白) – запад, красный (赤) – юг, а черный цвет (黑) – север. У каждой стороны света есть анималистический символ: защитником центра является желтый дракон, востока – синий (зеленый) дракон, запада – белый тигр, юга – красная птица, черная черепаха с змеиной шеей².

Пять цветов и пять сторон упоминаются в третьей главе комикса, когда читатель знакомится с хранителями пяти сторон света – Хонвоном, владыкой центральной части, Тхэхо, владыкой востока, Сохо, владыкой запада, Ёмчже, который отвечает за южную сторону, и Чонуком, владыкой севера. Первое, что бросается в глаза, – цвет одежды, указывающий на традиционную связь между палитрой и сторонами света. Владыка центральной

части носит желтую униформу, Тхэхо одет в синюю, на владыке запада белый халат, на Ёмчже в красная униформа, у Чонука ярким элементом в одежде является черный воротник.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Вебкомикс, являясь поликодовым текстом, содержит в себе две равнозависимые части вербальное и невербальное. При переводе необходимо учитывать их взаимосвязь, на то как они влияют на восприятие реципиента.

На лексическом уровне главными трудностями при переводе стали оноματοпоэтическая лексика, междометия и имена собственные. При работе над данными средствами необходимо пользоваться комплексом переводческих трансформаций, руководствуясь прагматикой текста. Хотелось отметить, что междометия и звукоподражательные слова нередко будут передаваться посредством иных лексических или синтаксических средств. Культурологический уровень особенно важен при работе с текстами высококонтекстных культур; для адекватного, грамотного перевода специалист должен обладать знаниями о современных реалиях жизни и о традиционной культуре.

¹ Энциклопедия понятий. URL: <https://terms.naver.com/entry.naver?docId=1224298&cid=40942&categoryId=31447>.

² Там же

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Ариас А.-М. Поликодовый текст как семиотико-семантическое и эстетическое знаковое единство (на примере немецкой карикатуры) // Известия Санкт-Петербургского университета экономики и финансов. 2011. Вып. 6. С. 62–64.
2. Анисимова Е. Е. Паралингвистика и текст (к проблеме креолизованных и гибридных текстов) // Вопросы языкознания. 1992. Вып. 1. С. 71–78.
3. Zanettin F. Comics in Translation: An Overview // Comics in Translation / ed. by F. Zanettin. Routledge, 2008. P. 1–32.
4. Воловик А. А. Проблемы и способы перевода звуко- и образоподражательной лексики с корейского языка на русский язык // Язык. Культура. Личность. Материалы международной научной конференции студентов и аспирантов. 2018. Вып. 4. С. 55–62.
5. Ермолович Д. И. Методика межъязыковой передачи имен собственных. М.: Всероссийский центр переводов, 2009.
6. Концевич Л. Р. О необходимости следовать единой русской практической транскрипции корейских слов // Насущные вопросы кириллизации корейских имен собственных. Актуальные проблемы унификации системы транскрипции : сборник докладов научно-практического семинара. 2014. С. 11–14.
7. Мифы народов мира: энциклопедия / гл. ред. С. А. Токарев. 2-е изд. М.: Советская энциклопедия, 1987. Т. 1.
8. Hall E. Beyond Culture. New York: Bantam Doubleday Dell Publishing Group, 1976.

REFERENCES

1. Arias, A.-M. (2011). Polikodovyy tekst kak semiotiko-semanticheskoye i esteticheskoye znakovoye edinstvo (na primere nemetskoy karikatury) = Polycode text as a semiotic-semantic and aesthetic symbolic unity (on the example of a German caricature). Izvestia of St. Petersburg University of Economics and Finance, 6, 62–64. (In Russ.)

2. Anisimova, E. E. (1992). Paralingvistika i tekst (k probleme kreolizovannykh i gibridnykh tekstov) = Paralinguistics and text (on the issue of creolized and hybrid texts). *Voprosy yazykoznaniiya*, 1, 71–78. (In Russ.)
3. Zanettin, F. (2008). Comics in Translation: An Overview. In Zanettin, F. (ed.), *Comics in Translation* (pp. 1–32). Routledge.
4. Volovik, A. A. (2018). Problemy i sposoby perevoda zvuko- i obrazopodrazhatelnoy leksiki s koreyskogo yazyka na russkiy yazyk = Problems and ways of translating of onomatopoeic words from Korean to Russian. *Language. Culture. Personality. Materials of the international conference of students and postgraduates*, 4, 55–62. (In Russ.)
5. Ermolovich, D. I. (2009). Metodika mezhyazykovoy peredachi imen sobstvennykh = Proper names: theory and practice of interlingual translation. (In Russ.)
6. Kontsevich, L. R. (2014). O neobkhodimosti sledovat edinoy russkoy prakticheskoy transkriptsii koreyskikh slov = On the need of following an unified Russian practical transcription of Korean words. In *Current issues of cyrillization of Korean proper names. Actual problems of unification of the transcription system* (pp. 11–14) : Collection of reports of the scientific and practical seminar. (In Russ.)
7. Tokarev, S. A. (1987). *Mify narodov mira = Myths of the world nations* (vol. 1): Encyclopedia. 2nd ed. Moscow: Sovetskaya entsyklopedia. (In Russ.)
8. Hall, E. (1976). *Beyond Culture*. New York: Bantam Doubleday Dell Publishing Group.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Похолкова Екатерина Анатольевна

кандидат филологических наук, доцент
декан переводческого факультета
доцент кафедры восточных языков переводческого факультета
Московского государственного лингвистического университета

Понкратова Евгения Андреевна

преподаватель кафедры восточных языков переводческого факультета
Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Pokholkova Ekaterina Anatolievna

PhD (Philology), Associate Professor
Head of the Faculty of Translation and Interpreting
Associate Professor at Oriental Languages Department, Moscow State Linguistic University

Ponkratova Evgenia Andreevna

Lecturer, Oriental Languages Department
Faculty of Translation and Interpreting, Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию
одобрена после рецензирования
принята к публикации

12.08.2023
25.09.2023
26.09.2023

The article was submitted
approved after reviewing
accepted for publication

Научная статья
УДК 81'42+811.11

Героизация и демонизация образа преступника в немецкоязычных СМИ и тривиальной литературе (на материале криминальной хроники и детективного романа)

Е. А. Северина¹, М. Б. Рыбакова²

^{1,2}Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
¹ratriniada@mail.ru, ²eva212@inbox.ru

Аннотация. В статье анализируются языковые средства, служащие формированию образа преступника в современной немецкоязычной криминальной хронике и детективном романе. Особое внимание авторы уделяют целенаправленной героизации и демонизации деструктивного общественного поведения при помощи определенных языковых стратегий, приобретающих интерпретативный аспект путем погружения в глобальный апокалиптический контекст. Каждая из указанных стратегий подробно описывается и иллюстрируется примерами на немецком языке.

Ключевые слова: медийный дискурс, криминальная хроника, детективный роман, образ преступника, героизация образа преступника, демонизация образа преступника

Для цитирования: Северина Е. А., Рыбакова М. Б. Героизация и демонизация образа преступника в немецкоязычных СМИ и тривиальной литературе (на материале криминальной хроники и детективного романа) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2023. Вып. 11 (879). С. 72–80.

Original article

Heroization and Demonization of the Image of a Criminal in the German-Language Media and Trivial Literature (on the basis of a crime chronicle and a detective novel)

Ekaterina A. Severina¹, Margarita B. Rybakova²

^{1,2}Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
¹ratriniada@mail.ru, ²eva212@inbox.ru

Abstract. The article deals with the analysis of the linguistic means that form the image of a criminal in the modern German-language crime chronicle and detective novel. The authors of the article pay special attention to the glorification and demonization of destructive social behavior with the help of certain language strategies that acquire an eschatological character of the use of absorption in a global apocalyptic context. Each of these strategies is described in detail and illustrated with examples in German.

Keywords: media discourse; crime chronicle, detective novel, the image of a criminal, heroization of the image of a criminal, demonization of the image of a criminal

For citation: Severina, E. A., Rybakova, M. B. (2023). Heroization and demonization of the image of a criminal in the German-language media and trivial literature (on the basis of a crime chronicle and a detective novel). Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 11(879), 72–80.

ВВЕДЕНИЕ

Проблема преступности является важной для любого общества, независимо от его культурной и языковой специфики. Современные специалисты исследуют широкий круг вопросов, которые, однако, можно сгруппировать следующим образом:

- 1) что оказывает влияние на формирование преступной личности;
- 2) какие социологические и психологические факторы обуславливают мотивы преступных действий;
- 3) можно ли при помощи лингвистических средств составить социокультурный или социолингвистический «портрет» преступника, релевантный для тривиальной литературы и СМИ.

С точки зрения гуманитарных наук важным является вопрос популярности детективного жанра, который представлен сегодня в разных форматах, таких как литературное произведение, художественный фильм, телевизионный сериал, аудиопьеса или компьютерная игра, которые транслируются и распространяются, соответственно, по разным коммуникационным каналам.

Отметим, что на сегодняшний день освещению расследования преступления наиболее «приспособлен» медийный дискурс, а также дискурс тривиальной литературы. Наш анализ корпуса текстов, публикуемых в СМИ, свидетельствует о том, что описание деструктивных проявлений в общественной жизни занимает существенное место и имеет давнюю традицию.

Нередко реальные события служат в дальнейшем основой сюжета детективного романа. Нами отмечено, что журналист и писатель используют определенные средства, способствующие привлечению внимания массового читателя, удержанию его внимания и формированию отношения к преступной личности. При этом применяются стратегии героизации и демонизации преступника, которые придают материалу сенсационность, динамичность, правдивость и достоверность, что, в свою очередь, стимулирует рост продаж контента, содержащего элемент детектива: наличие преступника и расследующей инстанции, описание места, способов и состава преступления, информации о преступнике, включая его социокультурные и / или социолингвистические характеристики и пр.

МАТЕРИАЛ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Эмпирическим материалом настоящего исследования служат публикации в немецкоязычном медийном дискурсе разных лет за период в таких изданиях, как «Zeit», «Stern», «der Spiegel», «Blick»,

«Thueringer Allgemeine» и др., а также немецкие популярные детективные произведения разных временных эпох: «Мадемуазель де Скюдери» Э. Т. А. Гофмана¹, «Лето убийц» О. Боттини², «Мальчик без тайн» Шт. Брюггентиса³, «Злой волк» Н. Нойхауса⁴.

При исследовании медийных текстов и текстов тривиальной литературы нами применяются лингвистические методы анализа материала, предусматривающие сбор корпуса текстов с его последующим обобщением и дальнейшей когнитивной интерпретацией полученных результатов.

Следует отметить, что под медийными текстами мы понимаем сообщение в том или ином жанровом оформлении, представленное в прессе [Федоров, 2010].

Под тривиальной литературой, к которой традиционно причисляют детективный жанр, мы понимаем литературу, обладающую развлекательным характером, ориентированную на широкую читательскую публику и противопоставленную «высокой, серьезной» [Раренко, 2022].

СТРАТЕГИИ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ОБРАЗА ПРЕСТУПНИКА: ГЕРОИЗАЦИЯ И ДЕМОНИЗАЦИЯ

Освещение нарушений порядка и рассмотрение личности преступника занимают существенную часть газетного пространства и имеют давнюю традицию. Одним из первых печатных изданий, публиковавших криминальную хронику, является «Erweiterte Unholdenzeitung» (1590) [Hestermann, 2015]. Журналист стремится как можно более красочно описать преступление, что позволит привлечь внимание наибольшего количества читателей к данному явлению. Запоминающийся образ нарушителя правопорядка способствует созданию сенсационного материала и одновременно располагает к формированию феномена медийного образа преступника. В прессе нередко правонарушителя нарекают звучным прозвищем: *Der Ripper von Magdeburg*⁵ (ср. *рус.* Потрошитель Магдебурга), *Todespfleger von Luzern*⁶ (ср. *рус.* Медсестра

¹ Hoffmann E. T. A. Das Fräulein von Scuderi. Klett Edition Deutsch. München. Proswetschenie. Moskau. 1995.

² Bottini O. Im Sommer der Mörder. Fischer Verlag GmbH, Frankfurt am Main, 2006. S. 457

³ Brüggenthies St. Der geheimnislose Junge. Eichborn AG, Frankfurt am Main, 2009. S. 510.

⁴ Neuhaus N. Böser Wolf. Ullstein Buchverlage GmbH, Berlin, 2012. S. 476.

⁵ Bolsinger. Stern. 30.05.2021. URL: <https://www.stern.de/p/crimeplus/fallgeschichten/der-detektiv-und-der-ripper-von-magdeburg-9522036.html> (дата обращения: 22.01.2023).

⁶ Blick. Das ist er! Blick. 08.10.2018. URL: <https://www.blick.ch/schweiz/der-todespfleger-von-luzern-das-ist-er-id98680.html> (дата обращения: 22.01.2023).

смерти Люцерна), *Kirmesmörder*¹ (ср. *рус.* ярмарочный убийца), порождая образ отталкивающего персонажа, который в то же время вызывает интерес у массового читателя.

Воздействие на общественное мнение при помощи оценочных суждений и скрупулезно подобранного и обработанного новостного контента «всё больше превалирует в современных СМИ» [Акимцева, 2019, с. 28]. Одновременно с тем, медийный дискурс выступает в роли медиатора, не только транслируя содержательно-фактуальную информацию, но и подмечая общественные настроения и «социально значимые в данный период времени явления и понятия» [Титкова, 2014, с. 10], раскрывая их в новых публикациях.

Медийный дискурс развивается вместе с обществом и представляет собой «многомерное преобразование информации с целью ее широкого тиражирования» [Календр, 2016, с. 328]. Он отображает различные грани социальной жизни, среди прочего подробно останавливаясь на описании преступлений, одновременно философствуя над одной из значимых социальных дилемм / констант: является ли личность преступника продуктом непосредственно общества или она наследуется по биологической линии?

В нашей работе мы ставим перед собой цель рассмотреть типичные средства визуализации характера, манеры поведения, облика и т. д. преступника в медийном дискурсе и детективном романе. Нередко в СМИ журналист создает искусственный образ, наделяет его определенными качествами, самостоятельно интерпретирует его поступки, содействуя тем самым формированию феномена медийного образа преступника. При этом автор придерживается «правила оперативной подачи фактического материала, сохраняя также эмоционально экспрессивную оценочность медиасообщения» [Северина, 2020, с. 232]. В детективе преступник – ключевая фигура и важнейший элемент во вселенной детективного романа, так как без преступника не было бы ни преступления, ни расследования [Crueger, 2016]. Преступление, расследование и разоблачение преступника, равно как и его дальнейшее наказание представляют собой основополагающие понятия детективного канонического произведения.

Таким образом, при описании деструктивного общественного поведения мы выделяем два магистральных подхода проработки образа преступника:

- а) героизация образа преступника. Согласно словарю-справочнику, под героизацией понимают «придание кому-либо героических черт»². Иными словами, вырисовывается образ благородного преступника, который действует во имя возвышенной цели, либо преступник наделяется такими качествами, которые вызывают восхищение и уважение у расследующей инстанции;
- б) демонизация образа преступника, в этом случае автор наделяет описываемого персонажа качествами врага, как агрессора³, который представляет собой угрозу и преследует разрушительные цели.

Рассмотрим более подробно вышеуказанные примеры и проведем анализ примеров из немецкоязычной криминальной хроники и детективных романов.

СТРАТЕГИЯ ГЕРОИЗАЦИИ ОБРАЗА ПРЕСТУПНИКА

В современных медийных текстах нередко журналисты отмечают особый статус нарушителя закона, который объясняет его манеру поведения и дает ему своего рода «право» на деструктивные поступки. Следует отметить, что у некоторых лиц, преступивших закон, описываемых в СМИ и литературе, могут отсутствовать черты, типичные для преступника: агрессия, игнорирование потребностей и интересов окружающих, ограниченность круга интересов, эгоизм и т. п.

В нашей статье мы рассмотрим в качестве иллюстративного примера медийный образ личности всемирно известного английского уличного художника и один из его поступков. В СМИ его упоминают под псевдонимом – Бэнкси, и по-прежнему строят догадки по поводу его настоящего имени:

Wer Banksy ist oder wie er wirklich heißt, weiß bis heute niemand⁴. – До сих пор никто не знает, кто такой Бэнкси и как его в действительности зовут.

Своим творчеством Бэнкси стремится привлечь внимание общественности на социально значимые темы, обнажая негативные явления.

² Новые слова и значения. Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 60-х годов / под ред. Н. З. Котеловой и Ю. С. Сорокина. М.: Советская энциклопедия, 1971

³ Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный словарь. М.: Русский язык, 2000.

⁴ DPA. Moderner Robin Hood: Schau über Street-Art-Künstler Banksy. Zeit. 03.06.2022. URL: <https://www.zeit.de/news/2022-06/02/viele-prominente-bei-eroeffnung-von-the-mystery-of-banksy> (дата обращения: 22.01.2023).

¹ Der Spiegel. „Also du bist die Gisela“. Der Spiegel. 31.07.1977. URL: <https://www.spiegel.de/kultur/also-du-bist-die-gisela-a-79eb8b5f-0002-0001-0000-000040859404> (дата обращения: 22.01.2023).

Международное признание он получил благодаря отличительному сатирическому стилю работ в технике трафаретного рисунка. Данная манера выполнения уличных работ обусловлена ограниченностью во времени при создании уличного рисунка. Нередко полотном для его очередной картины становятся административные здания, за расписывание которых полагается административная ответственность. Не раз в средствах массовой информации фигурировала информация о том, что Бэнкси задержан полицией. Так, в издании «Wiener Zeitung» появилась статья о предположительном аресте художника:

Die angebliche Verhaftung des Banksy¹.

Однако все сводки о его аресте оказывались ложными новостями, направленными на эмоциональное потрясение читателя. Стремясь привлечь внимание наибольшего количества читателей и «повысить тираж» издания, журналисты прибегали к клевете при помощи броского заголовка, сообщающего заведомо недостоверную информацию об аресте уличного художника:

Breaking news graffiti künstler banksy in london verhaftet².

Следует отметить, что заголовки с неподтвержденными сведениями осознанно формулируются в форме утверждения, так как подобный материал преподносится в виде сенсации. Также в некоторых изданиях в лиде журналист открыто сообщает ложные новости, преподнося их как сенсацию:

Nicht nur eine Meldung, sondern eine Sensation: Der britische Künstler Banksy soll laut einem Internetportal festgenommen worden sein³. – Не просто репортаж, а сенсация: по сообщению интернет-портала, британский художник Бэнкси арестован.

В своих граффити Бэнкси освещает такие резонансные явления, как жестокость и произвол власть имущих, замена духовных ценностей

избыточным потребительством, эксплуатация животных ради дохода и др. В СМИ журналисты создают образ самоотверженного художника, описывая стремление Бэнкси обратить внимание общественности на глобальные социальные проблемы при помощи граффити:

Wichtige Themen wie Krieg, Migration, Überwachung und Konsumgesellschaft⁴. – Важные вопросы, такие как война, миграция, контроль за населением при помощи цифровых технологий и избыточное потребление.

Нередко ради размещения своих произведений художнику приходится преступать закон и проникать на запретную или частную территорию, однако, в средствах массовой информации такое поведение не только не возбраняется, а напротив преподносится как героическое, о чем говорят следующие заголовки, где художника именуют гением граффити. Сравнения, например: «Graffiti-Genie: Banksy» (*Carre D'Artistes*. 15.06.2022)⁵ и аллегория «Робин Гуд современности», например: «Moderner Robin Hood: Schau über Street-Art-Künstler Banksy» (*DPA. Zeit*. 03. 06. 2022)⁶ имеют положительную коннотацию и вызывают у читательской аудитории стойкие ассоциации, оправдывающие его поступки и позволяющие художнику преступать закон во имя благих целей. Рассмотрим следующий отрывок:

So widmete der Künstler sein Bild "Game Changer", das er 2020 heimlich im Flur eines Krankenhauses in Southampton aufgehängt hatte, dem Krankenhauspersonal. Das Bild zeigt einen kleinen Jungen, der seine Superhelden-Figuren Batman und Spiderman in den Müll geworfen hat und nun mit einer neuen Lieblingsfigur spielt – einer Krankenschwester mit Mundschutz und Umhang⁷. – Свою картину «Game Changer», которую художник тайно повесил в коридоре больницы в Саутгемптоне в 2020 году, он посвятил персоналу больницы. На

¹ WZ. Die angebliche Verhaftung des Banksy. Wiener Zeitung. 20.10.2014. URL: https://www.wienerzeitung.at/nachrichten/kultur/medien/676829_Die-angebliche-Verhaftung-des-Banksy.html (дата обращения: 22.01.2023).

² Alamy. Breaking news graffiti Künstler Banksy in London verhaftet. Alamy. URL: <https://www.alamy.de/fotos-bilder/breaking-news-graffiti-k%C3%BCnstler-banksy-in-london-verhaftet.html?sortBy=relevant> (дата обращения: 22.01.2023).

³ Bischoff B. Warum der Künstler Banksy nicht festgenommen wurde. Nordbayern. 20.10.2014. URL: <https://www.nordbayern.de/2.5886/schlagzeilen/warum-der-kunstler-banksy-nicht-festgenommen-wurde-1.3959714> (дата обращения: 22.01.2023).

⁴ Kaul M. «The Mystery of Banksy» – A Genius Mind. Szenemagazin. 23.02.2023. URL: <https://szenemagazin.ch/event/item/1022-the-mystery-of-banksy-a-genius-mind> (дата обращения: 22.01.2023).

⁵ Carre D'Artistes. Entdecken Sie das mysteriöse Graffiti-Genie: Banksy! Carre D'Artistes. 15.06.2023. URL: <https://www.carredartistes.com/de-de/blog/entdecken-sie-das-mysteriose-graffiti-genie-banksy> (дата обращения: 22.01.2023).

⁶ DPA. Moderner Robin Hood: Schau über Street-Art-Künstler Banksy. Zeit. 03.06.2022. URL: <https://www.zeit.de/news/2022-06/02/viele-prominente-bei-eroeffnung-von-the-mystery-of-banksy> (дата обращения: 22.01.2023).

⁷ DPA. Moderner Robin Hood: Schau über Street-Art-Künstler Banksy. Zeit. 03.06.2022. URL: <https://www.zeit.de/news/2022-06/02/viele-prominente-bei-eroeffnung-von-the-mystery-of-banksy> (дата обращения: 22.01.2023).

картинке изображен маленький мальчик, который выбросил своих супергероев Бэтмена и Человека-паука и теперь играет с новым любимым персонажем – медсестрой в хирургической маске и плаще.

Героизация нарушителя порядка осуществляется при помощи положительной оценки, вербализуемой через такие лексемы, которые несут вне общего контекста в себе позитивное значение – «Künstler», «Superheld», «Lieblingsfigur». В приведенном примере автор восторженно описывает поступок Бэнкси: *der Künstler widmete sein Bild «Game Changer» dem Krankenhauspersonal*. Журналист подчеркивает, что художник вешает свою картину безвозмездно: *er hatte 2020 heimlich im Flur eines Krankenhauses in Southampton aufgehängt*. Таким образом, журналист преподносит информацию в таком ключе, что Бэнкси проник тайно в здание больницы, не с целью хулиганства, а чтобы не привлечь внимание к своей персоне и не отвлекать сотрудников, совершая акт дарения.

Во время пандемии коронавируса медицинские работники ежедневно проявляли мужество и самоотверженность, перерабатывая, заботясь о большом потоке пациентов и выполняя колоссальный объем работы. Бэнкси нарушил строгий проходной режим, который был установлен в больницах во время пандемии, и противоправно проник в здание больницы. Он повесил в коридоре одну из своих картин в знак благодарности медицинским работникам. С одной стороны, художник нарушил строгие правила посещения больницы в разгар коронавируса. Но в то же время его целью было в очередной раз напомнить о твердости духа медиков в борьбе с тяжелым испытанием. Смещение акцента по оси *хулиганство – не привлечь внимание* способствует созданию образа бескорыстного художника, который оставляет свое произведение в дар персоналу больницы. В то же время данный поступок значительно влияет на популярность уличного художника и на стоимость его работ.

СТРАТЕГИЯ ДЕМОНИЗАЦИИ ОБРАЗА ПРЕСТУПНИКА

В средствах массовой информации журналист зачастую не ставит перед собой цель подробно раскрыть личность преступника и дать глубокий анализ его поступкам, объяснить мотивы его поведения. В медийном дискурсе не производится критический анализ социальной и психологической модели поведения преступника. Задача журналиста – передать фактологический материал: имя преступника или преступной группы, имя пострадавшего / -их,

хронологическую последовательность действий и т.д. Журналист несомненно может останавливаться на антиобщественных взглядах и отрицательном отношении к нравственным ценностям человека, совершившего преступления, однако эта информация носит фоновый характер.

Интерес читателя к теме поддерживается не столько в тексте, сколько в его сильной позиции – в заголовке. Заголовок несет функцию аттракции, иными словами, он служит фактором привлечения внимания читателя к материалу. Рекламная функция заголовка осуществляется при помощи использования аллитерации:

Diebe, Dresden, Diamanten – Der Juwelendiebstahl aus dem Grünen Gewölbe¹.

Dreiste Diebe machten auf Burg ungewöhnliche Beute².

Grausame Taten, die er nicht begangen haben will³.

- фразеологических выражений, вплетенных в заголовок: *Falsches „stilles Örtchen“: Diebstahl war eine Verwechslung*⁴;
- признание собственной вины преступником через перепорученную речь от лица обвиняемого: *Ja, ich bin ein Mörder*⁵;
- подчеркивания факта вынужденности совершаемого преступления: *Grausame Taten, die er nicht begangen haben will*⁶; *Ich weiß, ich bin ein Mörder – aber ich will keiner sein*⁷;

¹ MDR. Juwelendiebstahl im Grünen Gewölbe. Der Mitteldeutsche Rundfunk. 2019. URL <https://www.mdr.de/nachrichten/sachsen/dresden/dresden-radebeul/gruenes-gewoelbe-juwelen-diebstahl-prozess-100.html> (дата обращения: 27.01.2023).

² Steinmetz H. Dreiste Diebe machten auf Burg ungewöhnliche Beute. Kleine Zeitung. 14.11.2022. URL: https://www.kleinezeitung.at/kaernten/feldkirchen/6215224/Kueroiser-Diebstahl-im-Glantal_Dreiste-Diebe-machten-auf-Burg (дата обращения: 27.01.2023).

³ Koblenz M. Grausame Taten, die er nicht begangen haben will. Berner Zeitung. 19.05.2020. URL <https://www.bernerzeitung.ch/grausame-taten-die-er-nicht-begangen-haben-will-858942801748> (дата обращения: 27.01.2023).

⁴ DPA. Falsches „stilles Örtchen“: Diebstahl war eine Verwechslung. Süddeutsche Zeitung. 23.12.2022. URL <https://www.sueddeutsche.de/panorama/notfaelle-bremerhaven-falsches-stilles-oertchen-diebstahl-war-eine-verwechslung-dpa.urn-newsml-dpa-com-20090101-221223-99-04480> (дата обращения: 27.01.2023).

⁵ S. »Ja, ich bin ein Mörder«. Der Spiegel. 30.06.1991. URL <https://www.spiegel.de/politik/ja-ich-bin-ein-moerder-a-0625a544-0002-0001-0000-000013490563> (дата обращения: 27.01.2023).

⁶ Koblenz M. Grausame Taten, die er nicht begangen haben will. Berner Zeitung. 19.05.2020. URL: <https://www.bernerzeitung.ch/grausame-taten-die-er-nicht-begangen-haben-will-858942801748> (дата обращения: 27.01.2023).

⁷ Kronen Zeitung. „Ich weiß, ich bin ein Mörder – aber ich will keiner sein“. Kronen Zeitung. 26. Juni 2022. [Электронный ресурс]. URL https://www.genios.de/presse-archiv/artikel/KRON/20220626/-ich-weiss-ich-bin-ein-moerder-aber/KRONE_202206261122540170.html (Дата обращения: 27.01.2023)

– усиление при помощи отрицательно окрашенной лексики: *Grausame Taten – mit Heimtücke begangen*¹.

Заголовок также может реализовывать содержательную функцию, которая способствует передаче адекватного представления о содержании текста. Тема в заголовке к тексту зачастую выражена опосредованно, что не только заинтересовывает читателя и побуждает к прочтению всего сообщения, но и после ознакомления с материалом позволяет ретроспективно осмыслить заголовок в совокупности с целым текстом.

Так, автор медиатекста выступает в роли лидера мнений, способный оказывать влияние на формирование точки зрения читательской аудитории. В некоторых случаях описание события в определенном ключе способствует созданию образа преступника, не имеющего под собой реального прототипа и основывающегося на домыслах и предположениях журналиста:

Frau stirbt bei Wohnungsbrand in Niederböhmersdorf: Großeinsatz der Feuerwehr².

Так, в 2015 в произошедшем пожаре в деревне Нидербемерсдорф, в котором погибла пожилая женщина, журналист обвинил ее внука, утверждая, что это умышленный поджог:

2015 soll ein 36-Jähriger in Niederböhmersdorf versucht haben, seine Oma mit einer Überdosis eines Antidepressivums zu töten – so die Anklage³.

Эту новость подхватили другие новостные издания, в том числе и местный телевизионный канал «JenaTV» с материалом *Seniorin bei Wohnhausbrand getötet*⁴. Лишь в конце 2022 года следствие доказало, что молодой человек не причастен к поджогу. Он, напротив, старался спасти свою парализованную родственницу. Однако по-

¹ Ronneburger J.-U. Grausame Taten – mit Heimtücke begangen. Saarbrücker Zeitung. 05.02.2022. URL: <https://www.presreader.com/germany/saarbruecker-zeitung/20220205/282389812886805> (дата обращения: 27.01.2023).

² Scholz M. Frau stirbt bei Wohnungsbrand in Niederböhmersdorf: Großeinsatz der Feuerwehr. Thüringer Allgemeine. 16.06.2015. URL: <https://www.thueringer-allgemeine.de/leben/blaulicht/frau-stirbt-bei-wohnungsbrand-in-niederboehmersdorf-grosseinsatz-der-feuerwehr-id220977029.html> (дата обращения: 27.01.2023)

³ MDR. Prozess wegen versuchten Mordes an Großmutter – Angeklagter schweigt. Der Mitteldeutsche Rundfunk. 25.10.2022. URL: <https://www.mdr.de/nachrichten/thueringen/ost-thueringen/greiz/prozess-versucher-mord-grossmutter-brandstiftung-gericht-100~amp.html> (дата обращения: 27.01.2023).

⁴ JenaTV. Seniorin bei Wohnhausbrand getötet. JenaTV. 16.06.2015. URL: https://www.jenatv.de/mediathek/28689/Seniorin_bei_Wohnhausbrand_getoetet.html (дата обращения: 27.01.2023).

сле необоснованного обвинения в прессе мужчины на семь лет жил с «ярлыком» преступника.

Взаимодействие между СМИ и индивидом оказывает определенное воздействие на восприятие событий реципиентом, происходящих в современном мире. Таким образом, при получении большого объема информации из разных источников от реципиента требуется умение критически анализировать новостной материал. В то же время на журналиста ложится большая ответственность за предоставление качественного и достоверного новостного контента.

СТРАТЕГИЯ ГЕРОИЗАЦИИ И ДЕМОНИЗАЦИИ ОБРАЗА ПРЕСТУПНИКА В СОВРЕМЕННОМ НЕМЕЦКОМ ДЕТЕКТИВНОМ РОМАНЕ

Для понимания жанровой специфики современного немецкого детектива необходимо сделать следующее уточнение. В немецкой тривиальной литературе широко представлен региональный детективный роман *Regionalkrimi*, который отличается от детективных романов других стран эксплицитно и имплицитно выраженным локальным или региональным колоритом.

Одной из жанровых характеристик детективного романа является скрупулезное описание места происшествия *Tatort*. Данное понятие мы трактуем широко: как место происшествия и как юридический термин, место совершения преступления. При этом *Tatort* включает в себя, по нашему мнению, как конкретную локацию, т.е. место, где был обнаружен труп, или совершено преступление, так и в более широком смысле населенный пункт и страну [Рыбакова, 2022]. Соответственно, при этом возможны как локализация, так и расширение пространства до европейского и мирового масштаба. Приведем пример из романа Оливера Боттини «Лето убийц» (2007). Событие развивается на окраине маленького городка Кирхцартена, близ Фрайбурга, Баден-Вюртемберг, где происходит пожар в сарае одного из фермеров. Преступники подожгли сарай, чтобы скрыть место хранения оружия. Представители расследующей инстанции выходят на след, ведущий в бывшие республики Югославии и связанный с событиями 1991 г.

Именно описание места преступления служит в дальнейшем толчком к применению автором детектива стратегии демонизации / героизации или использованию смешанной (гибридной) стратегии. Наибольший интерес представляет собой гибридная стратегия, так как она реализуется за счет смещения акцента в описании места преступления в сторону «кровавых» деталей или в сторону личности преступника.

При описании места происшествия находят свою реализацию и эсхатологические мотивы. Так, нередко используются сравнения с адом.

Sah aus, als hätte einer die Pforte zur Hölle geöffnet (Bottini, S. 14).

Луиза Бони, расследующая данное дело, вынуждена параллельно бороться и с собственными демонами, которые олицетворяют ее тягу к алкоголю и мешают заниматься своими прямыми обязанностями:

...und seine Beamten im Kampf gegen ihre Dämonen unterstützte (Bottini, S. 28).

Напомним, что в немецкоязычной детективной литературе одним из первых образов преступника является персонаж Рене Кардильяка в новелле Э. Т. А. Гофмана «Мадемуазель де Скюдери» (1818), которую принято считать предтечей детективного жанра. Образ Рене Кардильяка является амбивалентным, так как вызывает и восхищение, и ужас у других персонажей и у читателя. С одной стороны, это известный успешный ювелир, который пользуется почетом и уважением горожан:

In Wirklichkeit war Cardillac in der ganzen Stadt als ehrlicher, offener und hilfsbereiter Bürger bekannt (Hoffmann, S. 21).

При описании используются лексемы с однозначно позитивной коннотацией: *ehrlich* (честный), *offen* (открытый) и *hilfsbereit* (готовый помочь). Однако, его внешность дает читателю повод насторожиться и сформировать мнение относительно его истинной сущности:

Cardillac sei ein böser, ja gefährlicher Mensch (Hoffmann, S. 21)

С другой стороны, серийный убийца, совершающий *merkwürdige, furchtbare Verbrechen* (странные, ужасающие преступления) и объясняющий свое стремление убивать проклятием и злым роком.

При описании реакции общественности на преступления используются отсылки к демоническими силам и дьяволу, что характерно для литературы эпохи романтизма и находит свое продолжение в современных произведениях, как было продемонстрировано в вышеупомянутом романе О. Боттини:

Sofort glaubten viele Leute an das Wirken übernatürlicher, dunkler Mächte ... der Teufel selbst schütze die

Verbrecher, die ihm ihre Seelen verkauft hätten (Hoffmann, S. 16).

Примеры двойственной реакции, которую вызывают преступники и преступные группы, можно найти и в современных детективных романах. Так, в романах Шт. Брюггентиса и Н. Нойхауса действуют организованные педофильские преступные группы, образованные обеспеченными, высоко-поставленными и знаменитыми людьми.

Авторы дают оценку действиям преступникам опосредованно, через характеристику их деструктивных действий и через чувства, вызываемые ими у расследующей инстанции:

Pia schauderte bei der Vorstellung daran, welch entsetzliches Martyrium diese Mädchen hinter sich hatte (Neuhaus, S. 90).

In den Gesichtern der Runde las Pia das, was sie selbst empfand: Betroffenheit, Fassungslosigkeit und Abscheu (Neuhaus, S. 105).

...die Grausamkeit des Verbrechens nicht ertragen hätte (Brüggenhies, S. 487).

Смушение, растерянность и отвращение при этом начинает испытывать и сам читатель.

Несмотря на очевидную жестокость и цинизм их преступлений, расследующие инстанции восхищаются способностью преступников организовать и поддерживать идеальную работу своих групп. Используются однокоренные лексемы со значением «совершенный».

Die ganze **Perfektion** der Organisation mutete deutsch an (Brüggenhies, S. 487).

Die Organisation war eine deutsche. In vollständiger **Perfektion** (Brüggenhies, S. 491).

Das System funktionierte **perfekt** (Neuhaus, S. 464).

Следует отметить и тот факт, что безупречная организация преступлений связана с устоявшимся стереотипом о немецкой педантичности и стремлении к совершенству.

В случае представления преступника в литературном тексте, мы наблюдаем смешение тенденций демонизации и героизации преступника. Преступник (или преступница, преступники) может принадлежать высшим слоям общества, быть успешным и богатым. Как отмечает П. Нуссер в своей монографии, посвященной детективному роману, среда интеллектуалов и богатой знати (профессора,

дипломаты, зажиточные пенсионеры, предприниматели и статусные граждане), символизирующая *heile Welt*, наиболее подходит для выдвижения группы подозреваемых и преступника как такового [Nusser, 1992]. Его преступным умом «восхищается» детектив. Этот почет и уважение вступают в антитетические отношения с совершаемыми им преступлениями, что формирует у читателя в конечном итоге позитивный образ расследующей инстанции, обеспечивающий безопасность жителей данного региона.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В ходе анализа эмпирического материала нами установлено, что журналисты и писатели прибегают к стратегиям героизации и демонизации образа

преступника. Нами выявлено, что в жанре криминальной хроники данные стратегии представлено отдельно. Их выбор обусловлен намерением издания и журналиста. В отличие от текстов криминальной хроники дискурса СМИ в текстах детективного романа преобладает применение смешанной стратегии. Акцент на стратегию героизации или демонизации образа преступника обусловлен замыслом автора детективного романа. Ключевую роль в формировании образа преступника играет описание места происшествия. Преобладание деталей преступления над размышлениями расследующей инстанции объективно приводит к демонизации образа преступника, в то время как фокус действия инспектора полиции или иного представителя расследующей инстанции позволяет снизить степень его демонизации за счет героизации образа инспектора полиции.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Федоров А. В. Словарь терминов по медиаобразованию, медиапедагогике, медиаграмотности, медиакомпетентности. Таганрог: Изд-во Таганрог. гос. пед. ин-та, 2010.
2. Раренко М. Б. Массовая литература как социальный феномен // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2022. Вып. 6 (861). С. 151–156.
3. Hestermann Th. Der Gruseleffekt: Wie Gewaltberichte des Fernsehens unsere Weltsicht beeinflussen. 2015. URL: <https://www.praeventionstag.de/dokumentation/download.cms?id=2397> (дата обращения: 22.01.2023).
4. Акимцева Ю. В. Дискурс прессы как важный фактор формирования концептуальной картины мира британцев // Дискурс профессиональной коммуникации. 2019. Т. 1. № 3. С. 26–40.
5. Титкова О. И. К определению рекуррентности // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2014. № 8 (694). С. 9–18.
6. Календр А. А. Медийный дискурс как преобразование информации // Мир науки, культуры, образования. 2016. № 5 (60). С. 326–329.
7. Северина Е. А. Языковые способы гибридации современного немецкоязычного фельетона // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2020. Вып. 11 (840). С. 230–239.
8. Crueger H. 111 Gründe, Krimis zu lieben. Berlin: Schwarzkopf & Schwarzkopf Verlag GmbH, 2016.
9. Рыбакова М. Б. Специфика описания категории «Tatort» на примере немецкого детективного романа Шт. Брюнгентиса «Мальчик без тайн» // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2022. Вып. 13 (868). С. 68–73.
10. Nusser P. Der Kriminalroman. Stuttgart: Verlag J. B. Metzler, 1992.

REFERENCES

1. Fedorov, A. V. (2010). Slovar terminov po mediaobrazovaniju, mediapedagogike, mediagramotnosti, mediakompetentnosti = Media Education Dictionary: Media Education, Media Literacy, Media Studies, Media Competence. Taganrog: Taganrog State Pedagogical Institute. (In Russ.)
2. Rarenko, M. B. (2022). Mass literature as a social phenomenon. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 6(861), 151–156. (In Russ.)
3. Hestermann, Th. (2015). Der Gruseleffekt: Wie Gewaltberichte des Fernsehens unsere Weltsicht beeinflussen. <https://www.praeventionstag.de/dokumentation/download.cms?id=2397>
4. Akimtseva, Y. V. (2019). Discourse of the British press as the main factor of the formation of conceptual vision of the world. Professional Discourse and Communication, 1(3), 26–40. (In Russ.)

5. Titkova, O. I. (2014). The problem of defining the notion of recurrence revisited. *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities*, 8(694), 9–18. (In Russ.)
6. Kalendr, A. A. (2016). Media discourse as information reconstruction. *The world of science, culture, education*, 5(60), 326–329. (In Russ.)
7. Severina, E. A. (2020). Linguistic strategies of hybridization of modern German-language feuilleton. *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities*, 11(840), 230–239. (In Russ.)
8. Crueger, H. (2016). *111 Gründe, Krimis zu lieben*. Berlin: Schwarzkopf & Schwarzkopf Verlag GmbH.
9. Rybakova, M. B. (2022). Specificity of the Description of the Tatort Category on the Example of the German Detective Novel by St. Bruggentis “The Boy without Secrets”. *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities*, 13(868), 68–73. (In Russ.)
10. Nusser, P. (1992). *Der Kriminalroman*. Stuttgart: Verlag J. B. Metzler.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Северина Екатерина Андреевна

кандидат филологических наук
старший преподаватель кафедры второго иностранного языка
Института иностранных языков им. М. Тореза
Московского государственного лингвистического университета

Рыбакова Маргарита Борисовна

старший преподаватель кафедры немецкого языка и перевода переводческого факультета
Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Severina Ekaterina Andreevna

PhD (Philology)
Senior Lecturer at the Department of the Second Foreign Language
M. Torez Institute of Foreign Languages, Moscow State Linguistic University

Rybakova Margarita Borisovna

Senior Lecturer at the Department of German Language and Translation
Faculty of Translation and Interpreting, Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию	22.08.2023	The article was submitted approved after reviewing accepted for publication
одобрена после рецензирования	23.09.2023	
принята к публикации	26.09.2023	

Основные факторы, обуславливающие стабильность и динамическое развитие норм современного французского языка

И. А. Семина

*Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
isemfirs@mail.ru*

Аннотация. Французский язык демонстрирует способность адаптироваться к новым когнитивным и коммуникативным потребностям. Он проявляет качества, которые позволяют ему, с одной стороны, противостоять изменениям, а с другой – обеспечивать непрерывное обновление. Стабилизирующие факторы французского языка представлены лингвистической традицией Французской Академии, а традиция непрерывного обновления показана на примере института рекламы.

Ключевые слова: стабилизирующие факторы, Французская Академия, обогащение словаря, источники нормообразования, средства массовой информации, институт рекламы

Для цитирования: Семина И. А. Основные факторы, обуславливающие стабильность и динамическое развитие норм современного французского языка // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2023. Вып. 11 (879). С. 81–88.

Original article

Stability and Dynamic Development of Modern French Norm: Major Factors

Irina A. Semina

*Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
isemfirs@mail.ru*

Abstract. The French language proves to be very adaptive to cognitive and communicative demands of today. It demonstrates the ability to combine different approaches to language change: it resists innovation in some cases and allows continuous updating in others. Language stabilization is provided by the French Academy's policy, while language updating is realized within modern institutional types of discourse. The present article describes language updating on the material of French commercial advertising.

Keywords: stabilizing factors, French Academy, vocabulary enrichment, sources of language norm, mass media, commercial advertising

For citation: Semina, I. A. (2023). Stability and dynamic development of modern French norm: major factors. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 11(879), 81–88.

ВВЕДЕНИЕ

Используемый в течение нескольких веков самыми разными носителями во всех четырех концах света, французский язык наглядно продемонстрировал реальную способность адаптироваться к новым когнитивным и коммуникационным потребностям. Современный французский язык способен проявлять диаметрально противоположные качества, которые, с одной стороны, позволяют ему противостоять как внешним, так и внутренним изменениям, с другой, обеспечивают способность непрерывного обновления.

К стабилизирующим, регулирующим и унифицирующим факторам, активно влияющим на развитие французского языка, можно отнести такие государственные институты, как Французская Академия, и систему образования, а также письменную форму языка. В то же время стремительно меняющиеся потребности современного общества обуславливают наличие факторов, обеспечивающих динамическое развитие французского языка, в том числе его диверсификацию и обновление, которые способны повлечь за собой нарушение существующих норм и правил.

В настоящей статье стабилизирующие факторы, определяющие развитие французского языка, представлены лингвистической институциональной традицией, основным символом которой является Французская Академия. Противоположная тенденция иллюстрируется на примере института рекламы, выражающего наиболее динамические изменения как словарного состава, так и грамматического строя французского языка.

Основная цель настоящей статьи состоит в том, чтобы выяснить, как Французская Академия, с одной стороны, и институт рекламы, с другой, представляют себе развитие современного французского языка, в том числе приемлемые для них средства и способы его диверсификации и обогащения. Для исследования основных факторов развития норм французского языка был выбран сравнительно-сопоставительный подход, а также лексико-семантический, синтаксический и стилистический методы анализа.

СТАБИЛИЗИРУЮЩИЕ, РЕГУЛИРУЮЩИЕ И УНИФИЦИРУЮЩИЕ ФАКТОРЫ, ВЛИЯЮЩИЕ НА РАЗВИТИЕ СОВРЕМЕННОГО ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА

Словарь Французской Академии

Словарь Французской Академии, первое издание которого было осуществлено в 1694 году, является

официальным нормативным языковым словарем во Франции. На сегодняшний день словарь выдержал восемь полных изданий. Первые публикации (в виде отдельных брошюр) последнего девятого издания словаря стали появляться в 1984 году по инициативе М. Дрюона. В 1992 году был напечатан первый том словаря (от *A* до *Enzyme*). К 2000 году была завершена работа над вторым томом (от *Écène* до *Mappemonde*). Третий том (от *Maquereau* до *Quotité*) увидел свет в 2011 году. В настоящее время в разработке находится четвертый том словаря, материалы которого частично публикуются в *Journal officiel*. Девятое издание отличается невиданным увеличением словарного состава французского языка (примерно на 28000 слов по сравнению с восьмым изданием), которое главным образом обусловлено как развитием науки и техники, так и совершенствованием средств коммуникации и общественных нравов.

Обогащение словаря за счет специальной лексики

Французская Академия всегда придерживается единого правила: специальные термины могут быть включены в словарь только в том случае, если они приобрели общеупотребительный характер. По мнению Французской Академии, общеупотребительная лексика нуждается в особой защите в эпоху стремительного роста специальных терминологии и регистров, а также профессиональных жаргонизмов.

За последние десятилетия в словарь Французской Академии были включены термины, относящиеся к генетике, биохимии, информатике, нефтехимии, ядерной физике и другим областям науки и техники. При этом особое внимание уделяется единству подходов к научным терминам, ясности и понятности их дефиниций. Чтобы убедиться в этом, достаточно ознакомиться со словарными статьями таких слов, как *Quark* (кварк) или *Quantique* (квант). Несмотря на то, что данные термины относятся к высоким технологиям, посвященные им словарные статьи написаны ясным, понятным неспециалистам языком без использования математических формул или схем. При этом следует особо отметить, что открытость словаря современной научной терминологии обеспечивается не в ущерб традиционным гуманитарным и научно-техническим сферам деятельности, которым Французская Академия продолжает уделять большое внимание.

Случаи исключения лексем из словаря остаются по-прежнему достаточно редкими. Исключению подлежат слова, которые уже давно вышли из употребления и для которых практически

невозможно найти примеров употребления в специальной литературе. Например, из девятого издания были исключены следующие устаревшие научные и технические термины: в области ботаники – *Monophylle*, в области химии – *Narcotine* и *Perchlorure*, в металлургии – *Pigne*. Кроме того, из девятого издания были исключены вышедшие из употребления производные слова, смысл которых понятен без всяких объяснений, например: *Apercevant*, *Babillement* (болтовня), *Polypeux* (полипозный) или *Processionnellement* (торжественной процессией).

По мнению Французской Академии, недопустимым является исключение из словаря лексем, которые употребляются в интеллектуальной литературе. Наоборот, словарь призван пояснять актуальные и устаревшие значения слов, необходимых для понимания научной литературы, входящей в интеллектуальное наследие Франции.

Обогащение словаря за счет просторечных слов и арготизмов

При внимательном рассмотрении новых слов, включенных в девятое издание словаря, сразу обращает на себя внимание тот факт, что неологизмы вносятся в нормативные словари со значительной задержкой¹. Подобная практика считается совершенно естественной, поскольку под нормой понимается образцовое употребление языка, признанное наиболее просвещенными членами общества.

Именно поэтому удивительным и неожиданным представляется включение в девятое издание просторечных слов и арготизмов, таких, например, как: *arsouille* (имя существительное женского рода, просторечное – *хулиган, шпана*); *badigoinces* (имя существительное женского рода, просторечное – *губы*); *baffe* (имя существительное женского рода, просторечное – *запещина*); *bagnole* (имя существительное женского рода, просторечное – *тачка, драндулет*); *balèze* (прилагательное, арготизм – *здоровенный*); *balle* (существительное женского рода, употребляется только во множественном числе, арготизм – *франк* в стандартном французском).

В связи с подобными включениями неологизмов в словарь Французской Академии возникает целый ряд закономерных вопросов. Чем объясняется наличие подобного рода лексики в нормативном словаре, даже если имеется пометка «просторечное слово» или «арготизм»? Можно ли полагать, что такого рода слова в значительной

степени вошли в употребление и имеют право быть представленными в нормативных словарях? На каком основании можно поставить в один ряд общеизвестное прилагательное *balèze* и существительное ограниченного применения *badigoinces*? По каким критериям проводится отбор слов, подлежащих включению в новое издание словаря Французской Академии? Является ли Французская Академия на самом деле более открытой нововведениям, чем это принято полагать?

Нововведения в области орфографии

Французская Академия традиционно уделяет большое внимание орфографии. С самого первого издания своего словаря она приняла за основу в области правописания гармоничное соотношение между «старой орфографией», определяемой этимологией слова, и орфографией, обусловленной его произношением, на которой настаивали реформаторы той эпохи. В предисловии к девятому изданию Французская Академия подчеркивает свою приверженность данному традиционному подходу в области реформирования орфографии.

На протяжении XVIII и XIX веков Французская Академия дважды вносила изменения в написание тысяч слов. Девятое издание словаря также включает в себя упрощенную или измененную орфографию слов, которая уже прижилась и получила широкое распространение в обществе. Упрощения или изменения в орфографии затрагивают прежде всего образование и согласование сложных слов, а также замены диакритического знака в слове в соответствии с его произношением. Например, помимо традиционного, но необъяснимого написания *é* в таких словах как *afféterie*, *allègement* или *allègrement*, девятое издание словаря допускает также написание *è* (*affèterie*, *allègement*, *allègrement*), что в полной мере соответствует произношению данных слов. В последнем издании словаря к традиционной орфографии глагола *assener*, в которой отсутствует диакритический знак, добавляется вторая форма написания *asséner* с *é*.

Иначе обстоит дело с написанием слов *crèmerie* и *événement*, измененная орфография которых (*crèmèrie* и *évènement*) не получила широкого употребления. Именно поэтому на заседаниях от 12 и 19 марта 1987 года Французская Академия приняла решение сохранить традиционную орфографию данных слов. По всей видимости, потребуются годы, чтобы выяснить, какой из двух орфографических вариантов сохранится во французском языке.

¹ Dictionnaire de l'Académie française. 9-e édition. URL: <https://www.academie-francaise.fr/le-dictionnaire/la-9e-edition>

Другие источники нормообразования в области французского языка

Словарь Французской Академии и другие нормативные словари

Словарь Академии уже давно не является единственным источником образцового употребления французского языка. По сути дела, последнее завершённое издание академического словаря датируется 1935 годом, в то время как девятое ещё не завершено. Именно поэтому для выяснения образцового употребления слов приходится обращаться к другим источникам нормообразования. К таковым, несомненно, можно отнести широко используемые и постоянно обновляемые *le Petit Robert* и *le Petit Larousse*, которые учитывают все трудности нормообразования во французском языке. В этой связи можно констатировать, что роль Академии как регулирующего и унифицирующего фактора, воздействующего на развитие французского языка, становится все более символической.

Роль государства в нормативации французского языка

Особое место в современном французском языке занимает научно-техническая терминология, призванная разработать и предоставить точные наименования для новых понятий и достижений. С 1984 года ответственность за данную работу лежит на Генеральном комиссариате Франции (*Commissariat général de la langue française*), который в 1989 году был переименован в Генеральную делегацию по французскому языку (*Délégation générale à la langue française – DGLF*), а в 2001 году – в Генеральную делегацию по французскому языку и языкам Франции (*Délégation générale à la langue française et aux langues de France – DGLFLF*).

В современном мире многие научно-технические новшества неразрывно связаны с английскими терминами. Например, *scanner* и *tuner* вошли во французский язык одновременно с широким внедрением данных изобретений в повседневную жизнь. Засилье англицизмов способствовало возникновению ложных представлений о том, что, с одной стороны, все научно-технические новшества имеют иностранное происхождение, а с другой – отсутствует возможность заменить английские термины французскими. Правительство Франции отреагировало на засилье англицизмов созданием терминологических комиссий по разработке французских слов для обозначения научно-технических

инноваций. С этого момента проблемы научно-технической терминологии перестали быть чисто лингвистическими и приобрели политическое звучание. Основная задача DGLFLF состоит в том, чтобы обеспечить соблюдение закона Тубона об использовании французского языка, датированного от 4 августа 1994 года, указа об обогащении французского языка от 3 июля 1996 года и поправок, внесенных декретом от 25 марта 2015 года.

Закон Тубона призван защитить официальный язык Французской республики, а также обеспечить его использование в юридических текстах (в том числе трудовых договорах) и коммерческой документации (описание товаров, гарантии и инструкции по их применению). Кроме того, закон Тубона закрепляет примат традиционных франкоязычных терминов над англицизмами. В свою очередь постановление от 3 июля 1996 года предписывает использование французской терминологии в государственных учреждениях и ведомствах.

Генеральная делегация по французскому языку и языкам Франции координирует свою деятельность с Французской Академией, Комиссией по обогащению французского языка и группами экспертов по составлению и дополнению терминологических списков (ранее специализированные комиссии по терминологии и неологии).

При этом следует отметить, что закон Тубона был критически встречен французской общественностью, которая усмотрела в его положениях покушение на личные свободы. После рассмотрения жалоб на данный закон Конституционный совет Франции постановил, что принцип свободы мысли и слова, закрепленный в статье 11 Декларации прав человека и гражданина, исключает любую попытку регулирования и унифицирования словарного запаса частных лиц и сотрудников СМИ. По мнению Конституционного совета, данное положение не распространяется на юридических лиц и госслужащих.

Язык и средства массовой информации

Развитие средств массовой информации и современных технологий оказывает существенное влияние на эволюцию французского языка. Передаваемая по телевидению, радио или Интернету информация имеет многомиллионную аудиторию, многочисленные представители которой стремятся использовать в своей собственной речи услышанные в передачах и блогах слова и выражения. Таким образом, звучащая в СМИ речь политиков, журналистов и актеров, а также реклама способствуют реанимированию устаревших лексических и грамматических форм, возрождению забытых

синтаксических конструкций, появлению и распространению новых способов словообразования.

В современную эпоху, для которой характерно доминирование зрительных образов, устная речь по-прежнему играет существенную роль в массовых коммуникациях. Например, произнесенные политиками крылатые фразы повторяются в комментариях и таким образом становятся известными широкой публике. Манера говорить некоторых популярных ведущих в СМИ может также стать заразной и получить широкое распространение.

Кроме того, благодаря СМИ становится общепотребительной абстрактная философская и психоаналитическая лексика и терминология. Например, за последние годы увеличилась средняя частота употребления таких глаголов, как *interpeller*, *s'investir*, *assumer*, *privilégier*, *poser problème*, *sécuriser*, *responsabiliser*. Одновременно с этим повседневные разговоры изобилуют прилагательными *fiable*, *gratifiant*, *mature*, *performant*, *obsolète* или *incontournable*. Подобного рода лексика, уже давно ставшая отличительной чертой интеллектуалов, склонных к неоправданно усложненным формулировкам, в настоящее время является характерной для медийного дискурса и даже пытается покорить современный роман. Можно сказать, что именно такая лексика стала самым интересным персонажем романа Ж. Дютура *Le séminaire de Bordeaux*, опубликованного в 1987 году.

Вполне обоснованно было бы предположить, что широко употребляемая интеллектуальная или псевдоинтеллектуальная лексика своим навязчивым или претенциозным характером способна вызвать улыбку или даже раздражение. Тем не менее, с точки зрения функционирования и развития языка, в подобном употреблении нет ничего шокирующего. Действительно, в девятое издание словаря Французской академии вошли следующие новообразования:

- глагол первой группы *privilégier*, образованный от общепотребительного прилагательного *privilégié*;
- образованное от глагола *se fier* прилагательное *fiable*;
- посредством английского языка вновь вошло в употребление устаревшее прилагательное *obsolète*;
- образованное от глагола *contourner* прилагательное *incontournable*;
- образованное от прилагательного *taciturne* существительное *taciturnité*;
- существительное *cohabiteur*, образованное от существительного *cohabitation*.

При этом следует отметить, что вошедшие в девятое издание новые слова образованы в соответствии с существующими во французском языке словообразовательными моделями. Данный критерий обогащения языка является основополагающим для Французской академии.

ФРАНЦУЗСКИЙ ЯЗЫК И ИНСТИТУТ РЕКЛАМЫ

В настоящее время особое место в языковом творчестве, несомненно, принадлежит рекламе, поскольку именно в ней наблюдается самое активное новаторство в области словарного состава и синтаксиса французского языка. Более того, можно без всяких преувеличений предполагать, что в современную эпоху именно авторы рекламных текстов наряду с поэтами (которые, к сожалению, пользуются значительно меньшей популярностью) используют без всяких ограничений возможности французского языка и его способность к обновлению. Ни для кого не секрет, что широкая публика часто попадает под обаяние предлагаемых рекламой новых слов и выражений. Теме не менее следует отметить, что, будучи во власти стереотипа, согласно которому любое отсутствующее в словаре слово не является нормативным, она сначала подвергает нововведение критике, а затем под воздействием многократных употреблений с легкостью его принимает. Надо полагать, что в рекламе именно языковое оформление производит наибольшее впечатление и остается в памяти потребителя, который иногда уже и не вспомнит, о каком рекламируемом продукте идет речь. Таким образом, сменив несколько наименований во французском языке (*réclame*, *publicité*, *pub*), за последние десятилетия реклама, оставаясь средством коммуникации, превратилась в искусство информировать и убеждать, которое успешно использует не только преимущества визуально-звукового ряда, но и богатство языка.

Реклама в авангарде языкового новаторства

Забывая о том, чтобы как можно лучше и полнее использовать возможности, предоставляемые языком как средством общения, мир рекламы взял на себя ведущую роль в деле освобождения от норм и правил, которые веками навязывались в качестве образцового употребления французского языка. В подтверждение сказанному достаточно вспомнить, как еще в 1960-е годы Р. Этиембль описывал влияние рекламы на французский язык. В своих статьях и монографиях [Etiemble, 1965; Etiemble,

1966] известный французский писатель и профессор Сорбонны анализирует языковые особенности, которые в настоящее время являются характерными для французского языка в целом, а в 1960-е годы рассматривались лишь как специфические черты рекламы. К таковым Э. Этьембль относит прежде всего аббревиатуры (которые через 60 лет стали менее употребительными), сокращения, нестандартные синтаксические конструкции и заимствования из английского языка.

Приводимые Р. Этьемблем аббревиатуры в рекламе, такие как B.Z.F. (SoundCloud), T.C.F. (тест на знание французского языка), K2R (пятновыводитель), свидетельствуют о недолговечности некоторых из них. В настоящее время аббревиатуры в рекламе встречаются значительно реже, при этом они все более широко используются в разговорной речи, хотя часто забываются составляющие их слова. Например: T.U.C. – Travaux d'utilité collective ; Z.U.P. – Zone à urbaniser en priorité ; RER – Réseau express régional (используется с 1979 года); C.N.C.L. – Commission nationale de la communication et des libertés. P.C.V. не является аббревиатурой в чистом виде, так как составляющие ее буквы являются первыми в каждом из трех слогов глагола *percevoir* (собирать – *о налоге*). Некоторые английские аббревиатуры, такие как *radar* или *laser*, стали широко употребляться в качестве французских слов.

Приводимые Р. Этьемблем сокращения в рекламе (*astap* – fam., à cet après-midi; *OK d'ac; formid*) уже давно широко употребляются в разговорной речи. В настоящее время к ним добавились многочисленные новые аббревиатуры: *trois heures du mat; le petit dej; l'appart; le pro; la sécu* и т. п. Можно также услышать *dem* (démission); *comm* (commission) и *provoc* (provocation).

Р. Этьембль приводит также примеры используемых в рекламе нестандартных синтаксических конструкций: *magasin pilote; tarif étudiant*. В настоящее время способ словообразования посредством соположения получил широкое распространение и шокирует лишь наиболее строгих пуристов. Приведем еще несколько часто встречаемых в рекламе примеров данного синтаксического словообразования: *la pause café; le problème vaisselle; la fiche cuisine; le match retour; stratégie jeunesse; cuisson progrès; responsable formation; problème peau; directeur médias*. На самом деле подобный способ словообразования известен довольно давно: слово *hôtel-Dieu* появилось еще в средние века, а *timbre-poste* – в XIX веке. Более современные выражения *cousu main* и *assurance vieillesse* уже давно стали привычными и воспринимаются как нормативные.

Смелые новаторские решения в рекламе

В настоящее время именно в рекламе встречаются примеры лексико-синтаксических способов словообразования, заимствованных из молодежного сленга, несмотря на мнение пуристов, согласно которому подобные употребления являются нарушением существующих во французском языке норм и правил. Так, например, в молодежном сленге глаголы *assurer* и *craindre* употребляются как непереходные. В ходе слияния нескольких слов в одно устойчивое выражение зачастую опускаются предлоги: *branché cinéma, accro informatique*. Аналогичным образом предлоги опускаются после непереходных глаголов: *penser conserves; voyager vacances; parler polaroid*. Нормативные сочетания частей речи (например, глагола с наречием) также претерпевают изменения: *habiller confortable; bronzer idiot*. Несмотря на то, что некоторые из вышеперечисленных конструкций все еще сохраняют пикантность новизны, их использование в речи несомненно способствует более свободному обращению с синтаксическими конструкциями. Так, уже практически общепринятым стало употребление глаголов *aimer* и *adorer* без прямого дополнения: (*la mer*), *j'adore!*

К слову сказать, подобный способ словообразования не является совершенно новаторским. В современном французском языке существует большое количество глаголов, которые в определенные исторические эпохи стали одновременно употребляться как переходные и непереходные, что со временем было зафиксировано в Академическом словаре: *il réfléchit; il réfléchit la lumière; il réfléchit à son avenir*. В настоящее время большое количество глаголов подвержены аналогичным процессам, которые еще не получили своего завершения.

В современном мире реклама зачастую предлагает языковые формы, которые привлекают внимание своей необычностью и нестандартностью. Многократно повторенные и распространенные на радио и телевидении, в прессе и Интернете, нововведения незаметно становятся привычными для публики и, если они способны заполнить некую языковую лауну, с легкостью переходят в разряд общеупотребительной лексики.

Творческий поиск форм и смыслов. Игра слов в рекламе

Общеизвестная предрасположенность французского языка к игре слов охотно и успешно используется в рекламном дискурсе. Приведем несколько примеров игры слов в рекламе:

- В рекламном слогане *une moquette qui a une réputation sans taches* (ковер с незапятнанной репутацией) игра слов основана на актуализации прямого и переносного значения существительного *tache* (пятно).
- В рекламном слогане *nougâtez-vous* неологизм *se nougâter* ассоциируется одновременно с существительным *nougat* (нуга) и с глаголом *se gâter* (баловать себя). На русский язык данную игру слов можно перевести, лишь актуализируя значения обеих лексем: «Побалуйте себя лакомством из нуги».
- Рекламный слоган *ceints et saufs* представляет собой измененный вариант известного выражения *sain et sauf* (целый и невредимый), в котором обыгрываются значения двух омофонов *ceint* (защищенный) и *sain* (здоровый).
- Рекламный текст *Synthol, protégez-nous* иронично уподобляет эффективность антисептического средства *Synthol* защите ангела-хранителя.
- Реклама известной марки коньяка *Mettez-vous Martell en tête* также основана на игре слов-омофонов. В ней известное выражение *se mettre martel en tête* (очень сильно беспокоиться) претерпевает изменение (вместо лексики *martel* (молоток) используется название коньяка *Martell*), которое ассоциируется с другим устойчивым выражением «ударить в голову» (об алкоголе). Ирония анализируемой игры слов заключается в том, что опьянение коньяком может иметь как положительные, так и отрицательные последствия, ведь ударивший в голову алкоголь способен стать серьезной головной болью.
- Реклама другой марки коньяка *Hennessy soit-il* переинтерпретирует известную формулу *Ainsi soit-il*, используемую в итоговых или ключевых моментах масонских ритуалов. При этом особый иронический эффект возникает благодаря смене стиливого регистра языка.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенный в статье лингвистический анализ позволяет, на наш взгляд, сделать следующие выводы:

1. Французская академия, являющаяся символом лингвистической институциональной традиции, относится к стабилизирующим, регулирующим и унифицирующим факторам, определяющим

развитие французского языка. При включении неологизмов в свой нормативный словарь Французская академия как правило придерживается двух основных принципов: во-первых, новые слова должны приобрести общепотребительный характер; во-вторых, они должны быть образованы по существующим во французском языке словообразовательным моделям.

2. Несмотря на заявление Французской академии о том, что под нормой понимается образцовое употребление языка, признанное наиболее просвещенными членами общества, в девятое издание словаря включено немало просторечных слов и арготизмов. В этой связи возникает вопрос о критериях, по которым проводится отбор слов, подлежащих включению в Академический словарь. Очевидным, на наш взгляд, является тот факт, что, оставаясь стабилизирующим фактором, воздействующим на развитие французского языка, Академия становится все более открытой нововведениям.

3. Словарь Академии уже давно не является единственным источником образцового употребления французского языка. Среди других нормообразующих источников особую популярность получили постоянно обновляемые *le Petit Robert* и *le Petit Larousse*.

С 80-х годов XX века существенно возросла роль государства в нормативировании французского языка. В настоящее время государственные институты призваны не только защищать официальный язык Франции, но и до известной степени регулировать его обогащение.

Благодаря новым технологиям СМИ и интернет оказывают все большее влияние как на развитие французского языка, так и на его нормативирование.

4. В настоящее время ведущая роль в языковом творчестве принадлежит рекламе, в которой наблюдается самое активное новаторство в области словарного состава и синтаксиса французского языка. Языковые особенности, которые в 60-е годы XX века рассматривались как специфические черты рекламы, сегодня являются характерными для французского языка в целом. Некогда используемые главным образом в рекламе аббревиатуры, сокращения, нестандартные синтаксические конструкции и заимствования из английского языка получили широкое распространение и стали общепотребительными.

5. В настоящее время в рекламе широко используются типичные для молодежного сленга лексико-синтаксические способы словообразования. Влияние молодежного сленга, способствующего более свободному обращению с синтаксическими

конструкциями в рекламе, выражено в использовании таких средств, как соположение, пропуск предлогов или употребление переходных глаголов в качестве непереходных.

6. Предрасположенность французского языка к игре слов охотно и успешно используется в рекламном дискурсе, что, несомненно, повышает его эстетическую ценность.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Etiemble R. La langue de la publicité. Cahiers de la publicité. 1965. № 15. P. 105–112. URL: https://www.persee.fr/doc/colan_1268-7251_1965_num_15_1_4986
2. Etiemble R. Le français dans la publicité. 1966.
3. Михнова М. Н. Французская Академия и понятие нормы французского языка в XVII веке // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2015. № 1 (64). С. 169–176.
4. Пономарева Н. Н. Некоторые явления относительности и изменчивости литературной нормы во французском языке // Вестник Кыргызско-Российского славянского университета. 2017. Т. 17. № 9. С. 152–155.
5. Клоков В. Т. Современный взгляд на языковую политику Франции // Известия Саратовского университета. Сер. Филология. Журналистика. 2009. Т. 9. Вып. 2. С. 41–46.

REFERENCES

1. Etiemble, R. (1965). La langue de la publicité. Cahiers de la publicité, 15, 105–112. https://www.persee.fr/doc/colan_1268-7251_1965_num_15_1_4986
2. Etiemble, R. (1966). Le français dans la publicité.
3. Mikhnova, M. N. (2015). Frantsuzskaya Akademiya i ponyatiye norma frantsuzskogo yazyka v XVII veke = The French Academy and the concept of the norm of the French language in the 17th century. Scientific notes of Orel state university. Series: Humanities and social sciences, 1(64), 169–176. (In Russ.)
4. Ponomareva, N. N. (2017). Nekotorye yavleniya otноситel'nosti i izmenchivosti literaturnoy normy vo frantsuzskom yazyke = Some phenomena of relativity and variability of the literary norm in the French language. Herald of KRSU, 17(9), 152–155. (In Russ.)
5. Klokov, V. T. (2009). Sovremennyy vzglyad na yazykovuyu politiku Frantsii = A modern look at the language policy of France. Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism, 9(2), 41–46. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Семина Ирина Александровна

доктор филологических наук, доцент

профессор кафедры лексикологии и стилистики французского языка факультета французского языка Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Semina Irina Aleksandrovna

Doctor of Philology (Dr. habil.), Associate Professor

Professor at the Department of French Lexicology and Stylistics

Faculty of the French Language, Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию
одобрена после рецензирования
принята к публикации

01.09.2023
25.09.2023
26.09.2023

The article was submitted
approved after reviewing
accepted for publication

Проблема перевода масдара с арабского языка на русский

Л. С. Тюрева

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
tyurewa@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена проблеме перевода имени действия (масдара) с арабского языка на русский. Называя действие, масдар, как и глагол, обладает категорией процессуальности, т. е. обозначает действие как процесс, в его развитии и движении. Арабско-русский словарь обычно не приводит такие значения масдара, в частности, и из-за отсутствия их эквивалентов в русском языке. Приводимые в словаре значения масдаров обычно соответствуют их субстантивированному варианту. В статье рассматриваются различные способы перевода масдара на русский язык.

Ключевые слова: имя действия, процессуальность, инфинитив, различные формы глагола, девербативы

Для цитирования: Тюрева Л. С. Проблема перевода масдара с арабского языка на русский // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2023. Вып. 11 (879). С. 89–96.

Original article

The Problem of Translating the Name of an Action (Masdar) from Arabic into Russian

Lyudmila S. Tyureva

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
tyurewa@yandex.ru

Abstract. The article is devoted to the problem of translating the name of an action (masdar) from Arabic into Russian. Naming an action, masdar, like a verb, has a category of processality, i.e. it designates an action as a process, in its development and movement. Arabic-Russian dictionary usually does not give such meanings of masdar, in particular, and because of the lack of their equivalents in the Russian language. The meanings of masdars given in the dictionary usually correspond to their substantive variant. The article discusses various ways of translating masdar into Russian.

Keywords: action name, procedural, infinitive, various forms of the verb, deverbatives

For citation: Tyureva, L. S. (2023). The problem of translating the name of an action (masdar) from Arabic into Russian. Vestnik of the Moscow State Linguistic University. Humanities, 11(879), 89–96.

ВСТУПЛЕНИЕ

Имя действия (масдар) в арабском языке является названием действия или состояния, обозначаемого соответствующим глаголом, без какого-либо указания на лицо, время, залог и другие характеристики глагола. В этом смысле масдар по своей семантике приближается к русскому инфинитиву и инфинитиву других языков. По замечанию Б. М. Гранде, масдар «включается в систему глагола и рассматривается вместе с ним как категория, регулярно образуемая от всех глаголов и глагольных основ, простой и производных» [Гранде, 1963, с. 186].

Но будучи по определению именем, он и является таковым по форме, т. е. обладает категориями рода, числа, падежа, определенности / неопределенности. В то же время масдар обладает способностью управлять объектом аналогично глаголу, от которого он образован, т. е. прямым дополнением либо дополнением с предлогом, что сближает его с глаголом.

Довольно часто масдар субстантивируется, т. е. утрачивает способность глагольного управления и полностью переходит в категорию имен существительных. Таким образом, одна и та же лексема может быть и масдаром, и субстантивированным масдаром, т. е. именем существительным. Показателем субстантивации масдара является наличие у слова формы множественного числа.

Мы не рассматриваем в этой статье субстантивированные масдары, поскольку, будучи фактически существительными, они не вызывают каких-либо затруднений при переводе. Масдары от глаголов, передающих признак или качество предмета, и ряд других масдаров, не относящихся к указанным категориям, также не являются проблемой перевода. Например:

مَرَنَ - مُرُونَةٌ	быть гибким – гибкость	كَبُرَ - كِبْرٌ	быть большим – большая величина
--------------------	------------------------------	-----------------	---------------------------------------

А что касается масдаров от глаголов, означающих действие, то свойственное им такое категориальное значение глагола, как процессуальность, требует учета его при переводе. Процессуальность – это обозначение действия как процесса в развитии, в движении. Это так называемые масдары «в глагольном значении», и они создают некоторые трудности в процессе перевода. Эта тема мало исследована.

ПРОБЛЕМА ПЕРЕДАЧИ ПРОЦЕССУАЛЬНОСТИ МАСДАРА ПРИ ПЕРЕВОДЕ

Известный российский арабист-филолог, автор работ по теории перевода. Н. Д. Финкельберг отмечала, что «в вокабуляре арабского языка существуют словоформы, в которых на морфологическом уровне не различаются адъективность и субстантивность, субстантивность и процессуальность, адъективность и процессуальность. Уточнение происходит только в рамках трехуровневой классификационной структуры: семантика – морфология – синтаксис при решающей роли семантико-синтаксической функции слова в речи» [Финкельберг, 2010, с. 165]. Под словоформами, в которых на морфологическом уровне не различаются субстантивность и процессуальность, имеются в виду масдары. С этим связаны некоторые трудности в узнавании и переводе масдара на русский язык.

Говоря о проблеме перевода масдара, следует отметить, что арабско-русский словарь, как правило, не приводит глагольное значение масдара. Рядом с глаголом I породы в словаре всегда указывается масдар без перевода, и в словарной статье данного корня масдар I породы не всегда приводится. Масдары производных пород рядом с глаголом не приводятся, а в словарной статье дается обычно значение субстантивированного масдара, в котором утрачена его глагольная сущность (см. табл. 1).

Таблица 1

Глагол	Словарное значение	Масдар (в том числе субстантивированный)	Словарное значение
سَأَلَ (а)	спрашивать	سُؤَالٌ (أَسْئَلَةٌ)	вопрос
أَصْلَحَ	реформировать	إِصْلَاحٌ (ات)	реформа
سَاعَدَ	помогать	مُسَاعَدَةٌ (ات)	помощь
إِسْتَقَلَّ	стать независимым	إِسْتِقْلَالٌ	независимость
سَيَّطَرَ	господствовать, властвовать; управлять	سَيِّطْرَةٌ	господство, власть; контроль

Арабское предложение	Вариант перевода с использованием словарного значения масдара	Наш вариант перевода
وأكد العمل على معالجة العلاقة بين بغداد وأربيل	Он подчеркнул работу по урегулированию отношений между Багдадом и Эрбилем.	Он подчеркнул, что идет работа по урегулированию отношений между Багдадом и Эрбилем.
الرئيس الإيراني يؤكد وقوف طهران إلى جانب دمشق في مرحلة "إعادة الإعمار"	Президент Ирана подчеркнул стояние Тегерана рядом (на стороне) с Дамаском на этапе восстановления страны (заголовок)	Президент Ирана подчеркнул, что его страна будет поддерживать (стоять рядом) Дамаск на этапе восстановления страны
رفضت وزارة «الخارجية» و«البيت الأبيض» التعليق	Государственный департамент США и Белый дом отвергли (этот) комментарий.	Государственный департамент США и Белый дом отказались комментировать (это).

Таким образом, при отсутствии перевода масдара в арабско-русском словаре его значение обычно выводится из значения глагола. Переводческая проблема заключается в нахождении адекватного способа передачи имени действия на русском языке, т. е. его глагольных лексико-грамматических и функциональных особенностей, в частности, категории процессуальности.

ПЕРЕВОД МАСДАРА С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ГЛАГОЛЬНЫХ ФОРМ

В некоторых случаях масдар легко переводится на русский язык, когда в арабско-русском словаре имеется соответствующее русское субстантивное отглагольное образование. Например:

لكنهم ما زالوا منقسمين حول تحديد سقف لسعر واردات الغاز -

Но они по-прежнему расходятся во мнениях по поводу *установления* (определения) потолка цен на импортируемый газ¹.

В данном примере русское слово «установление» является отглагольным именем, выражающим действие, и точно передает значение арабского масдара *تحديد*.

Но чаще мы сталкиваемся с ситуацией, когда в русском языке отсутствуют соответствующие отглагольные имена и требуется найти другой

способ передать «глагольную сущность» арабского масдара.

А. Д. Швейцер, советский и российский лингвист, следующим образом комментировал необходимость переводческих трансформаций: «В самом деле, многие переводческие трансформации, составляющие ‘технология’ перевода, восходят в конечном счете к функционально-структурным расхождениям между ‘сталкивающимися’ друг с другом в процессе перевода языками» [Швейцер, 1988, с. 11]. И далее: «Одной из причин (хотя и не единственной) описанной трансформации является наличие ‘безэквивалентных форм’ в одном из взаимодействующих друг с другом в процессе перевода языков» [там же, с. 12].

Рассмотрим следующие примеры (см. табл. 2).

В первом арабском предложении «глагольная сущность» масдара проявляется в использовании предлога *على*, из чего следует, что лексема *العمل* не означает просто «работа», а «осуществление работы». Мы нашли вариант перевода с помощью глагола «идет работа».

Во втором предложении мы трансформировали словосочетание «стояние на стороне» в «стоять рядом или поддерживать» и использовали в переводе вместо масдара глагольную форму будущего времени, которая диктуется контекстом.

В последнем примере перевод масдара *التعليق* именем существительным «комментарий» привел к грубой смысловой ошибке. Осуществленный нами перевод масдара с помощью инфинитива «комментировать» позволил избежать этой ошибки.

¹ Эд. и далее перевод наш. Арабские предложения заимствованы из газеты *الشرق الأوسط*, 2022–2023. – Л. Т.

Таблица 3

Арабское предложение	Вариант перевода с использованием словарного значения масдара	Перевод с использованием инфинитива вместо значения масдара
نشطت موسكو تحركاتها الدبلوماسية واتصالاتها مع الأطراف المختلفة لتطويق تصعيد عسكري محتمل في مناطق شمال شرقي سوريا	Москва активизировала свои дипломатические шаги и контакты с различными сторонами для блокады возможной военной эскалации на северо-востоке Сирии.	Москва активизировала свои дипломатические шаги и контакты с различными сторонами, чтобы сдерживать возможную военную эскалацию на северо-востоке Сирии.
أكد أنّ كلّ القوى السياسية وافقت على ضرورة الإصلاح الأمني	Он подчеркнул, что все политические силы согласились с необходимостью реформы в области безопасности.	Он подчеркнул, что все политические силы согласились с необходимостью реформировать систему безопасности.
يقرر المجلس دعم منظمة التحرير الفلسطينية بكل الوسائل، لتمكينها من مواجهة حرب الإبادة التي يشنها العدو الإسرائيلي عليها	Совет утверждает поддержку ООП всеми средствами для предоставления ей возможности противостояния войне на уничтожение, которую ведет против нее израильский враг.	Совет постановляет поддержать ООП всеми средствами, с тем чтобы дать ей возможность противостоять войне на уничтожение, которую ведет против нее израильский враг.

Будучи по форме именем, масдар является абстрактным названием действия, и с этой точки зрения он близок к инфинитиву и часто употребляется в значении последнего. Поэтому использование инфинитива при переводе масдара во многих случаях обеспечивает адекватность перевода (см. табл. 3).

Сравнение двух вариантов перевода с использованием словарного значения масдара и с использованием инфинитива вместо значения масдара однозначно показывает преимущество второго способа в том, что касается точности перевода, его стиля и зачастую большей лаконичности.

Особенно нагляден последний пример, в котором три масдара переведены с помощью инфинитива.

Во многих случаях адекватность перевода масдара достигается путем использования других форм глагола (см. табл. 4).

Данные примеры иллюстрируют некорректность перевода с использованием словарных значений масдаров как с точки зрения нарушения стилистических норм русского языка, так и в плане возникающей в ряде случаев двусмысленности перевода.

Так, в переводе первого предложения слово *нахождение* можно трактовать двояко: как

Таблица 4

Арабское предложение	Вариант перевода с использованием словарного значения масдара	Перевод с использованием глагольных форм вместо значения масдара
أعلنت وزارة النقل السورية الخميس العثور على 15 شخصاً متوفين قبالة الشواطئ السورية	В четверг министерство транспорта Сирии сообщило о нахождении тел 15 человек у берегов Сирии.	В четверг министерство транспорта Сирии сообщило, что у берегов Сирии были найдены тела 15 человек.
أعربت المتحدثة باسم البيت الأبيض لدى سؤالها عن هذه المناورات العسكرية عن قلق الولايات المتحدة	Представитель Белого дома при ее вопросе (спрашивании ее) об этих военных учениях, выразила обеспокоенность США.	Представитель Белого дома, когда ее спросили об этих военных учениях, выразила обеспокоенность США.
أكد السوداني استمراراً بغداد في أداء دورها في استضافة الحوار السعودي – الإيراني	Аль-Судани подчеркнул продолжение Багдадом исполнения его роли в проведении саудовско-иранского диалога на территории его страны.	Аль-Судани подчеркнул, что Багдад продолжит играть свою роль в проведении саудовско-иранского диалога на территории его страны.

Таблица 5

Арабское предложение	Вариант перевода с использованием словарного значения масдара	Перевод с использованием деепричастия вместо значения масдара
<p>إِرْتَكَبَ الدَّبْلُومَاسِيُونَ الْجُنَرَالَيْنِ وَقَبُولِ مُطَالِبَهُمَا الْأَمْرِيكِيِّونَ خَطَأً تَذَلِيلِ وَمُعَامَلَتَهُمَا بِإِعْتِبَارِهُمَا لَا عَيْبِيْنَ سِيَاسِيِيْنَ طَبِيعِيِيْنَ.</p>	<p>Американские дипломаты совершили ошибку <i>баловства</i> двух генералов, <i>принятия</i> их требований и <i>обращения с ними</i> в качестве нормальных политических игроков.</p>	<p>Американские дипломаты совершили ошибку, <i>потакая</i> двум генералам, <i>принимая</i> их требования и <i>обращаясь с ними</i> как с нормальными политическими игроками.</p>

субстантивное отглагольное образование от глагола *находить*, так и соответствующее образование от глагола *находиться*. Такой перевод не отвечает требованию однозначности.

Второе предложение содержит масдар со слитным местоимением *سؤالها*. Вариант перевода с опорой на словарное значение «ее вопрос», который напрашивается в первую очередь, искажает смысл высказывания, так как это был не «ее вопрос», а «вопрос, обращенный к ней». А перевод с помощью искусственно образованной лексики «спрашивание», передающей значение масдара, не может быть приемлемым стилистически. В данном случае мы использовали глагольную форму, которая позволила избежать и смысловую и стилистическую ошибок.

В третьем примере словарное значение масдара «продолжение» привносит некоторую неопределенность в перевод, поскольку не несет в себе указания на прошлое, настоящее или будущее время. Исходя из контекста, мы сочли возможным использовать в переводе личную форму глагола будущего времени.

Следует отметить также, что используемые при переводе масдаров формы глагола могут

обладать различными морфологическими категориями времени, залога, вида и т. д., что диктуется синтаксическим и лексическим контекстом. В ряде случаев возможно использование деепричастий (см. табл. 5).

Приведенные примеры подтверждают, что во многих случаях инфинитив, различные формы глагола и деепричастия надежно позволяют отразить в переводе глагольную сущность масдара.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ДЕВЕРБАТИВОВ ПРИ ПЕРЕВОДЕ МАСДАРОВ

Не во всех случаях масдар может быть переведен на русский язык путем замены его значения глагольной формой. Еще одним решением проблемы может быть использование девербатов.

Девербатив – имя существительное, образованное от глагола и обозначающее действие или процесс, т. е. субстантивное отглагольное образование. Например: *читать – чтение; писать – письмо*. Попробуем найти в русском языке девербативы для передачи глагольного значения некоторых арабских масдаров (см. табл. 6).

Таблица 6

Глагол и масдар	Словарные значения	Девербатив
سَأَلَ - سُؤَالٌ	спрашивать – вопрос	спрашивание
أَصْلَحَ - إِصْلَاحٌ	реформировать – реформа	реформирование
سَاعَدَ - مُسَاعَدَةٌ	помогать – помощь	<i>устар.</i> вспоможение (<i>оказание помощи, поддержки</i>)
سَيَّطَرَ - سَيِّطْرَةٌ	господствовать, управлять – господство, власть; контроль	контролирование
دَعَّمَ - دَعْمٌ	поддерживать – поддержка	поддерживание
رَحَّبَ - تَرْحِيْبٌ	приветствие	<i>устар.</i> : приветствование
لَعَبَ - لَعْبٌ	играть – игра	играние (<i>не используется</i>)
تَغَلَّبَ عَلَى - التَّغْلِبُ عَلَى	преодолевать – преодоление	преодоление

Приведенные примеры показывают, что большинство полученных девербативов, за исключением лексем *реформирование* и *преодоление*, являются искусственными образованиями, практически не используемыми в русской речи. Из этого можно сделать вывод, что способ перевода арабского масдара с помощью русского девербатива используется только при наличии соответствующих лексем в русском языке.

Приведем пример с девербативом «преодоление», который может показывать либо процесс, либо результат действия глагола *преодолеть*.

أعرب السناتور الروسي أليكسي بوشكوف عن وجهة نظر مفادها أن الولايات المتحدة ، ببراعة مميّزة ، تنصّت من مساعدة الحلفاء الأوروبيين ،

في التغلب على أزمة الطاقة

– Российский сенатор Алексей Пушков высказал мнение, что Соединенные Штаты со свойственным им прагматизмом уклонились от оказания помощи европейским союзникам в преодолении энергетического кризиса.

В данном предложении девербатив «преодоление» адекватно передает значение арабского масдара *على التغلب*. Однако переводчик сталкивается с еще одной проблемой перевода масдара. Словосочетание *مساعدة الحلفاء* имеет два варианта перевода: *помощь союзников* и *помощь союзникам*. В словосочетаниях такого типа, относящихся к категории несогласованного определения (арабский термин «идафа»), в роли второго члена словосочетания при масдаре может быть либо «деятель», либо «объект действия». Если «деятель» присутствует в этом словосочетании, то называющее его слово займет место второго члена идафы. А «объект действия» следует далее либо в форме винительного падежа, либо с предлогом *لِ*. Например, *مساعدة الولايات المتحدة الحلفاء الأوروبيين* – *помощь Соединенных Штатов европейским союзникам*. Если «деятель» не назван, место второго члена идафы занимает объект действия. В нашем предложении *مساعدة الحلفاء* – это *помощь союзникам*.

Приведем еще один пример. Арабский глагол *طالب* (*требовать*) управляет двумя дополнениями: прямым дополнением в значении «требовать *от кого-л.*» и косвенным дополнением с предлогом *بِ* «требовать *чего-л.*». Словосочетание с масдаром *مطالبة* (*требование*) в качестве первого члена идафы может содержать в себе субъекта этого действия («деятели»), который занимает место второго члена идафы. В этом случае прямое дополнение

(«объект действия», в данном случае тот, *от кого* требуют) может быть присоединен к словосочетанию двояко:

مطالبة الفلسطينيين لإسرائيل بالانسحاب من الضفة الغربية

– ...требование палестинцев к Израилю покинуть Западный берег Иордана.

مطالبة الفلسطينيين لإسرائيل بالانسحاب من الضفة الغربية

– ...требование палестинцев к Израилю покинуть Западный берег Иордана.

Идафа *مطالبة الفلسطينيين* содержит в себе субъекта действия «палестинцы», а объект «Израиль» в первом случае остается прямым дополнением при масдаре *مطالبة*, а во втором случае присоединяется с помощью предлога *لِ*. Оба варианта одинаково частотны.

Если субъект действия не показан в словосочетании, то место второго члена идафы после масдара занимает объект, т. е. бывшее прямое дополнение.

مطالبة إسرائيل بالانسحاب من الضفة الغربية

– требование к Израилю покинуть Западный берег Иордана.

Такая фраза часто встречается в качестве заголовка материала. Переводчик должен учитывать данные положения грамматики, чтобы не допустить ошибку, выбрав вариант перевода «требование Израиля», который кажется очевидным на первый взгляд.

Еще один способ раскрытия глагольного значения масдара – использование русского девербатива вместе со словарным значением масдара.

Рассмотрим значения глаголов, масдары которых употребляются достаточно часто, и попробуем найти правильный перевод этих масдаров (см. табл. 7).

Таким образом, мы раскрыли процессуальное содержание масдаров, уйдя от формального перевода данных лексических единиц, подсказанного словарем: «ущерб», «контроль», «помощь» и «соглашение» соответственно. К словарному значению масдара мы добавили девербативы, которые и позволяют придать ему «процессуальность», т. е. представить действие, заложенное в масдаре, как процесс, в движении (см. табл. 8).

В первых двух примерах мы использовали девербативы, которые и придали свойство «процессуальности» масдарам. В третьем примере синтаксис предложения предопределил использование деепричастия совокупно со значением масдара.

Таблица 7

Глагол	Перевод	Масдар	Словарное значение	Наш перевод
أضرّ	наносить ущерб, вредить	إضرار	-	нанесение ущерба
سيطر	контролировать	سيطرة	контроль	установление контроля
ساعد	помогать, оказывать содействие	مساعدة	помощь	оказание помощи, содействия
اتفق	заключать соглашение, договариваться	إتفاق	соглашение	заключение, достижение соглашения, договоренности

Таблица 8

Арабское предложение	Вариант перевода с использованием словарного значения масдара	Перевод с использованием девербатива вместе со значением масдара
وكم شعرت بشيء من السرور لما زرت الجزائر لأول مرة بعد الاستقلال ورأيت أن المدينة الجديدة عادت جزائرية وزالت عنها فرنسيتها	Как я был рад, когда впервые посетил город Алжир после <i>независимости</i> и увидел, что город снова стал алжирским и утратил свои французские черты.	Как я был рад, когда впервые посетил город Алжир после <i>завоевания (страной) независимости</i> и увидел, что город снова стал алжирским и утратил свои французские черты.
كان يُفترض القيام بعملية دقيقة للسيطرة على هذه المجموعة التي تمكنت من سرقة هذا المبلغ الضخم.	Предполагалось провести деликатную операцию <i>для контроля</i> над этой группой, которой удалось украсть эту огромную сумму.	Предполагалось провести деликатную операцию <i>по установлению контроля</i> над этой группой, которой удалось украсть эту огромную сумму.
يتجاوز التأثير السلبي لهذه الخطوة أسواق النفط إلى التأثير على نمو الاقتصاد العالمي والإضرار بالمستهلكين في الدول المستوردة للنفط	Негативное влияние этого шага выходит за рамки нефтяных рынков и влияет на рост мировой экономики и <i>ущерб</i> потребителям в странах-импортерах нефти.	Негативное влияние этого шага выходит за рамки нефтяных рынков, затрагивая рост мировой экономики и <i>нанося ущерб</i> потребителям в странах-импортерах нефти.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Перевод означает передачу содержания иноязычного текста путем создания на языке перевода коммуникативно равноценного текста. Большое место в переводе арабского текста на русский занимает выбор наиболее эффективных приемов перевода арабского масдара, который относится к промежуточному глагольно-субстантивному разряду слов. Частотность использования масдара в арабском тексте очень высокая. В каждом арабском предложении можно найти как минимум один масдар, но на практике их бывает больше. Означая имя действия, масдар заменяет собой и инфинитивную форму глагола.

В данной статье мы рассмотрели проблему перевода масдара «в глагольном значении» на русский язык. Приведенные примеры иллюстрируют целый ряд способов перевода этого имени действия на русский язык, среди которых: инфинитив, различные формы глагола, деепричастие, русский девербатив от соответствующего глагола (если такие лексемы существуют) и, наконец, девербатив, добавленный к словарному значению масдара.

Приведенные нами примеры подтверждают также некорректность перевода масдара с использованием его словарного значения, что может привести к смысловой ошибке или, в лучшем случае, к стилистической погрешности.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Гранде Б. М. Курс арабской грамматики в сравнительно-историческом освещении. М.: Издательство восточной литературы, 1963.
2. Финкельберг Н. Д. Арабский язык. Теория и технология перевода. М.: Восточная книга, 2010.
3. Швейцер А. Д. Теория перевода: Статус, проблемы, аспекты. М.: Наука, 1988.

REFERENCES

1. Grande, B. M. (1963). Kurs arabskoj grammatiki v sravnitel'no-istoricheskom osveshhenii = Arabic Grammar Course in Comparative Historical Lighting. Moscow: Izdatel'stvo Vostochnoj Literatury. (In Russ.)
2. Finkel'berg, N. D. (2010). Arabskii yazyk. Teoriya i tekhnologiya perevoda = Arabic language. Theory and technology of translation. Moscow: Vostochnaya kniga. (In Russ.)
3. Shveitser, A. D. (1988). Teoriya perevoda: Status, problemy, aspekty = Translation Theory: Status, Problems, Aspects. Moscow: Nauka. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Тюрева Людмила Семеновна

Заслуженный профессор Московского государственного лингвистического университета
старший преподаватель кафедры восточных языков переводческого факультета
Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Tyureva Lyudmila Semyonovna

Honorary Professor of Moscow State Linguistic University
Senior Lecturer, Department of Oriental Languages, Faculty of Translation and Interpreting,
Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию	05.08.2023	The article was submitted approved after reviewing accepted for publication
одобрена после рецензирования	20.09.2023	
принята к публикации	26.09.2023	

Лингвокультурный концепт «Христос» в испанских фразеологизмах

О. В. Федосова¹, М. В. Кутьева²

¹Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
fedossova@yandex.ru

²Российский Экономический Университет им. Г. В. Плеханова, Москва, Россия
kuteva.mv@rea.ru

Аннотация. В статье рассматриваются особенности семантической трансформации лингвокультурного концепта «Христос» в составе фразеологических единиц современного испанского языка (пиренейский вариант). Отталкиваясь от семантической реконструкции библейского образа Христа, авторы анализируют разрушение первичной семантической структуры концепта, ее языковые и экстралингвистические предпосылки.

Ключевые слова: фразеологизмы в испанском языке, испанский дискурс, концепт Христос, библеизмы, испанская языковая картина мира

Для цитирования: Федосова О. В., Кутьева М. В. Лингвокультурный концепт «Христос» в испанских фразеологизмах // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2023. Вып. 11 (879). С. 97–103.

Original article

The Linguistic and Cultural Concept of “Christ” in Spanish Phraseological Units

Oksana V. Fedosova¹, Marina V. Kutieva²

¹Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
fedossova@yandex.ru

²Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia
kuteva.mv@rea.ru

Abstract. The article discusses features of the semantic transformation of the linguistic and cultural concept of “Christ” as part of the phraseological units of the modern Spanish language (the Pyrenean version). Starting from the semantic reconstruction of the biblical image of Christ, the authors analyze the destruction of the primary semantic structure of the concept, its linguistic and extralinguistic prerequisites.

Keywords: phraseological units in Spanish, Spanish discourse, the concept of Christ, biblical studies, Spanish language view of the world

For citation: Fedosova, O. V., Kutieva, M. V. (2023). The linguistic and cultural concept of “Christ” in Spanish phraseological units. Vestnik of the Moscow State Linguistic University. Humanities, 11 (879), 97–103.

ВВЕДЕНИЕ

Культоним «Христос» (исп. *Cristo*) является одним из базовых концептов западной и восточноевропейской культур на протяжении почти двух тысячелетий. Емкость и культурная значимость этого концепта определяется существованием Библии – самой издаваемой и самой переводимой книги в мире, священной книги для всех христиан. Для лингвистов, искусствоведов и литературоведов Библия – это еще и уникальный культурный и художественный памятник, своего рода гипертекст, на отсылках и аллюзиях к которому на протяжении сотен лет базируется культура европейской цивилизации. Без преувеличения можно утверждать, что библейские образы являются многослойными символами, заключающими в себе важнейшие культурные смыслы христианских наций, и как таковые они включены в национальные картины мира в виде базовых концептов европейской ментальности. Со сменой парадигмы в языковых исследованиях со структурной на антропоцентрическую ученые-языковеды во всем мире все чаще обращают свой взгляд на анализ образов Библии в языке [Жолобова, 2005; Кузнецова, 2015; Лаврентьева, 2017; Мед, 2008; Luque Nadal, 2010; Mellado Blanco, 2017]. Сегодня, в эпоху культурного слома, когда на наших глазах меняется привычная картина мира, рушатся вековые убеждения и традиционные моральные принципы, веками базировавшиеся на основе христианских ценностей, такие исследования приобретают особую актуальность, так как позволяют проследить особенности изменения национальной ментальности через трансформацию семантической структуры библейских концептов в языке.

Обладая наибольшей культурной значимостью в христианских культурах, лингвокультурный концепт «Христос» претерпел и наибольшие семантические сдвиги, что является общей тенденцией для всех культурно маркированных языковых единиц.

В данной статье мы ставим перед собой задачу показать трансформацию семантики универсального концепта «Христос» в испанской языковой картине мира (пиренейский национальный вариант) на материале рекуррентных в современном испанском дискурсе фразеологизмов.

В языки культоним «Христос» вошел, прежде всего, через ономастику и фразеологию. В испанском языке соответствующий концепт представлен тремя группами номинаций:

- 1) имена собственные *Cristo, Jesús u Jesucristo*, образующие ядро концепта;
- 2) непрямые наименования, в том числе перифрастические, такие как *el Salvador*,

Salvador del mundo, Nazareno, el Divino Nazareno, el hijo de Dios, el hijo del Hombre, el Señor, Nuestro Señor, el Mesías, el Resucitado, el Redentor, составляющие ближнюю периферию концепта;

- 3) метафорические номинации типа *Pastor, el Buen Pastor, Divino Cordero, Cordero de Dios, el Santísimo cordero de Dios, Piedra angular, alfa u omega* – дальняя периферия концепта.

В испанских фразеологических единицах (*dalee* ФЕ) самыми частотными номинациями являются те, что образуют ядро образа; косвенные и метафорические номинации Христа, характерные для самой Библии, а также тексты религиозно-философского содержания в современных испанских фраземах практически отсутствуют.

ОСОБЕННОСТИ СЕМАНТИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЫ БИБЛЕЙСКОГО ОБРАЗА «ХРИСТОС»

За точку отсчета в нашем исследовании мы принимаем библейский образ Христа как культурный архетип и основу лингвокультурного концепта «Христос» в испанской языковой картине мира.

Для сравнения обратимся к семантической реконструкции первичного, библейского образа Христа, выполненного на основе библейских текстов в переводах на испанский язык пятигорским ученым Л. Г. Денисенко, которая выделила 17 главных сем, составляющих семантический портрет библейского Иисуса Христа. Это Мудрость (*Sabiduría*), Бесконечность (*Infinitud*), Святость (*Santidad*), Троица (*Trinidad*), Всеведение (*Omnisciencia*), Верность (*Fidelidad*), Любовь (*Amor*), Всемогущество (*Omnipotencia*), Самосуществование (*Auto existencia*), Самодостаточность (*Auto-suficiencia*), Правосудие / Справедливость (*Justicia*), Неизменность (*Inmutabilidad*), Милосердие (*Misericordia*), Вечность (*Eternidad*), Доброта (*Bondad*), Благодать / Милость (*Gracia*), Вездесущность (*Omnipresencia*) [Денисенко, 2013].

Другое подобное исследование ранее проводилось на материале английского перевода Библии *New International Version (NIV)* исследователем С. В. Первухиной (Волгоград, 2003). В результате ее работы по созданию семантического портрета Христа были выделены следующие семы: Божественная сущность, Сила / Власть, Управление, Человеческая сущность, Служение, Мудрость, Защитник / Покровитель, Надежность, а также эмотивные семы, среди которых исследователь выделяет две группы:

- 1) семы, отражающие эмоции и отношение Иисуса Христа к людям (любящий,

чудесный, нежный, удивительный, испытывающий печаль, заботливый, таинственный, невраждебный);

- 2) семы, которые отражают отношение людей к Нему (любимый, уважаемый, почитаемый, высоко ценимый) [Первухина, 2003].

Так, основу семантического портрета библейского Иисуса Христа на материале испанских переводов Библии образуют две группы сем:

- 1) проявление божественной природы Христа: Бесконечность, Вездесущность, Всеведение, Всемогущество, Самосуществование, Самодостаточность, Вечность, Неизменность, Троица, Мудрость / Знание;
- 2) проявление новых качеств, которые Христос принес на Землю: Любовь, Милосердие, Верность, Справедливость / Правосудие, Доброта, Благодать / Милость;

Для сравнения мы обратились к результатам подобной реконструкции, выполненной на материале английских переводов Библии. В этом случае семантический портрет Христа отличается наличием семы «Человеческая сущность» и рядом эмотивных сем, в которых раскрывается его человеческая природа. Сами авторы, подводя итоги своих исследований, подчеркивают, что хотя семантический портрет «является объективным данным текста» (Библии. – О. Ф.), он в то же время является «исследовательским конструктом» [Первухина, 2003, с. 19], в котором выделенные семы – это лишь «отправные точки смыслообразования» и объективно «каждый читатель имеет в сознании свое понимание Иисуса Христа, которое не будет совпадать полностью с представленным семантическим портретом. Оно будет зависеть от социально-культурного опыта читателя, от его эмоционального дейксиса и личных переживаний» [там же].

Таким образом, исходные смыслы могут быть эмоционально интерпретированы и переосмыслены народным сознанием в процессе исторической и культурной эволюции общества, трансформации его ценностей. Эти процессы объективны, и они неизбежно манифестируются в коллективной ментальности, в языке, в речевом поведении его носителей.

КУЛЬТОНИМ «ХРИСТОС» В СОСТАВЕ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ ИСПАНСКОГО ЯЗЫКА

Фразеологический состав испанского языка изобилует идиомами, имеющими в качестве сигнификативного макрокомпонента библеизм-культоним *Cristo*. Характерно, что такие ФЕ не выпадают из

современного испанского дискурса, как это наблюдается в других национальных речевых культурах, но по-прежнему остаются рекуррентными, и частотность их использования высока, о чем свидетельствует, в частности, непрерывное возникновение многочисленных коллоквиальных дублетов и фразеологических вариантов. Например:

- провербиальное выражение *donde Cristo dio las tres voces y no lo oyeron* (где Христос издал три возгласа, но его не услышали), бытующее в испанском обиходном дискурсе в усеченном виде *donde Cristo dio las tres voces*, имеет не менее четырех дублетных выражений:
donde Cristo perdió el mechero = *donde Cristo perdió la gorra* = *donde Cristo perdió el gorro* = *donde Cristo perdió el zapato* = *donde Cristo perdió los clavos*) [Calero Fernández, 1999];
- междометный устойчивый оборот-восклицание *¡Por Cristo!* лег в основу серии дублетов:
¡Por los clavos de Cristo! = *¡Por las llagas de Cristo!*
¡Por las llagas de Jesús! = *¡Por las siete llagas!*
- сравнительный фразеологический оборот *sentar como a un Cristo dos pistolas* распространен в нескольких вариантах:
como a (un) Cristo dos pistolas
ir como a un Cristo un par de pistolas
sentar como a un santo cristo un par de pistolas
estar como a un santo Cristo dos pistolas.

Высокая частотность подобных оборотов приводит к вымыванию первичной семантики культонима *Cristo*, а затем и к полной ее утрате.

Испанская фразеология насчитывает значительное число ФЕ, включающих в качестве денотативно-сигнификативного макрокомпонента культоним *Cristo* и другие номинации этого ряда. Один только Словарь Испанской Королевской Академии (DRAE) включает не менее 10 устойчивых оборотов такого типа:

estar hecho un cristo (букв.: 'быть как Христос') – представлять собой жалкое зрелище;

como a un cristo dos pistolas (букв.: 'как Христу два пистолета') – быть неподходящим, неподобающим;

donde Cristo dio las tres voces (букв.: 'где Христос трижды воззвал') – очень далеко;

sacar el cristo (букв.: 'вытянуть Христа') – прибегнуть к крайнему и решительному доводу и др.¹

¹ URL: <https://dle.rae.es/cristo/definición>

Больше идиом с Cristo мы находим в других словарях:

ni cristo le afea; ni cristo padre; ni Cristo que lo valga; ser capaz de marear a Cristo; a mal cristo mucha sangre; ¡y Cristo con los penitentes (con todos)!; como Cristo con los mercaderes; como Cristo y Satanás; como el Cristo es mi padre; hecho un Santo Cristo; como el pie de Cristo; más duro que el pie de Cristo; como la túnica de Cristo; ponerle a uno como la túnica de Cristo; ¡cuerpo de Dios / de mi Cristo!; estar ojo al Cristo con uno; ¡jojo al Cristo (al gallo), que es la plata!; armar la de Dios es Cristo; ¡Hasta verte, Cristo mío! ¡Hasta ver al Cristo!; estar con el Cristo en la boca и др. [Calero Fernández, 1999; Carbonell Basset, 2002].

Обращает на себя внимание апеллятивизация культонима Cristo через написание имени со строчной буквы (в абсолютном большинстве примеров академического словаря испанского языка)¹, а также через появление неопределенного артикля перед именем: *estar hecho un cristo, ni por un cristo*, что с одной стороны, расширяет семантику образа (она как бы делится, распространяется на всех, множится на бесконечное число); с другой стороны, происходит «вымывание» семантики первичного образа – он стирается, бледнеет, изнашивается от бесконечного тиражирования вплоть до полной утраты структурообразующих сем. Не случайно наиболее употребительными, «расхожими», идиомами являются местоименные фразеологизмы: *todo cristo* (каждый, всякий, любой) и *ni cristo / ni cristo le afea / ni cristo padre / ni Cristo que lo valga* (никто), где образная семантика максимально стерта.

Десемантизация концепта «Cristo» в испанских фразеологизмах объективируется также через междометные фразеологические конструкции типа *¡Por los clavos de Cristo!*, *¡Ni Cristo que la fundó!*, *¡Voto a Cristo!*, *¡Y Cristo con los penitentes!* Несмотря на формальную отсылку к образу Христа, все эти конструкции представляют собой обезличенное выражение просьбы, брани, божбы, проклятья и других эмотивно-прагматических посылов.

Особое место среди испанских фразеологизмов принадлежит причастному обороту с Cristo: *estar hecho un cristo / un nazareno* (букв.: 'быть как Христос' / 'как назарянин'). Здесь концепт «Cristo» выступает в качестве семантического ядра фраземы. Для реконструкции его семантики мы обратились к ряду лексикографических источников. Так, академический словарь испанского языка

(DLE) дает следующее толкование компонента «Христос» в составе испанских ФЕ: «persona que presenta un estado lastimoso»² (букв.: 'человек, находящийся в плачевном состоянии'). Согласно другим источникам *estar hecho un Cristo* имеет значения: быть израненным, быть в плохом состоянии, быть грязным («herido o en mal estado; sucio»)³; «быть израненным, истощенным или в грязной и рваной одежде» («estar herido, delgado o con gora sucia y rota»)⁴. Так, все словари выделяют три основных значения данной ФЕ, и все они указывают на внешние признаки плохого физического состояния человека.

Подобная семантика характеризует глагольный фразеологизм *poner a alguien como un Cristo / como un nazareno* (букв.: 'обращаться с кем-то как с Христом / как с назарянином'):

- 1) оскорблять кого-л.;
- 2) пачкать грязью;
- 3) жестоко обращаться с кем-то («insultarle, ensuciarle, maltratarle a alguien con crueldad»)⁵.

Очевидно, что основой семантики компонента-библейзма *Cristo* в составе вышеназванных ФЕ является отсылка к физическим страданиям библейского Христа, которого толпа забрасывала грязью, камнями и т. д. В этом смысле высказывание «El mendigo estaba hecho un Cristo» (букв.: 'Нищий был, как Христос') в испанском дискурсе интерпретируется как «нищий представлял собой жалкое зрелище, он был оборван, грязен и худ»⁶.

Таким образом, наблюдается переосмысление образа Христа в коллективном народном сознании, что в бытовом речевом поведении объективируется в сужении семантики исходного концепта «Христос» через вымывание божественной составляющей этого образа, а также в стилистическом снижении библейского образа Спасителя, что манифестируется в его тиражировании в устойчивых оборотах разговорного стиля.

ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ С БИБЛЕИЗМОМ CRISTO В ИСПАНСКОМ НАЦИОНАЛЬНОМ ДИСКУРСЕ

На материале примеров, взятых со страниц образовательного испаноязычного форума «Erasmus en

¹ Ibid.

² URL: <https://dle.rae.es/cristo/>

³ URL: <https://sal.es-academic.com/9623/cristo>

⁴ URL: <https://dictionary.reverso.net/spanish-definition/cristo/forced>

⁵ URL: <http://elredondelito.es/refranes-dichos-y-expresiones-de-origen-biblico/>

⁶ URL: <https://dictionary.reverso.net/spanish-definition/cristo/forced>

aruros»¹, а также из Словаря оборотов и выражений испанского языка [Martínez López, Jorgensen, 2009, с. 124] рассмотрим, как раскрывается семантика ФЕ с культонимом «Христос» в испанском дискурсе:

Juan estuvo en las fiestas del pueblo y ha vuelto hecho un Cristo. – На праздниках Хуан был в деревне и вернулся – вылитый Христос².

Высказывание «ha vuelto hecho un Cristo» (вылитый Христос) носителями испанского языка декодируется следующим образом: «Вернувшись из деревни после гулянья, Хуан имел помятый и разбитый вид (вероятно, он слишком много выпил или с кем-то подрался)». Сравнение Хуана с Христом здесь основано на внешних признаках состояния человека: Христос страдал на Кресте от жажды, был небрит и измучен, Хуан тоже страдает от жажды, он также небрит и измучен. Приведенный пример демонстрирует не только сужение семантического объема концепта Христос в испанской языковой картине мира, но и стилистическое снижение образа: сравнение подгулявшего и теперь страдающего похмельем крестьянина с Христом отражает его десакрализацию в бытовом коллективном сознании испанцев.

Рассмотрим другие примеры:

Después del concierto de ayer, la plaza ha quedado hecha un Cristo. – Вчера после концерта вид у площади был, как у Христа.

Интерпретация этого образа носителями испанского языка будет приблизительно такой: «Площадь очень пострадала во время концерта: на ней осталось много мусора, бумаг, бутылок и пр., а также, возможно, кое-какие повреждения в виде перевернутых урн и т. п.» Или:

A su coche se le cayó un contenedor encima y está hecho un Cristo. – На его машину свалился контейнер, и она теперь как Христос.

Что интерпретируется следующим образом: «На его машину свалился контейнер, и теперь она разбита / в ужасном состоянии».

Приведенные примеры показывают трансформацию семантики концепта «Христос» в современном испанском дискурсе, выражающуюся в семантическом снижении (перенос значения с Богочеловека на неживые предметы) и одновременно

в расширении семантической структуры на неживой мир (антропоморфизм). На культурном уровне эта трансформация отражает обытовление культурного концепта «Христос» и утрату его первичного сакрального смысла.

Еще большей десакрализации концепт «Христос» подвергается в компаративных фразеологизмах типа *más feo que escupirle a Cristo* (страшнее, чем плюнуть в Иисуса Христа), *más feo que pegarle a Cristo* (страшнее, чем ударить Христа), которые служат для выражения отрицательной эстетической оценки.

Таким образом, семантическая структура концепта «Христос» в составе испанских ФЕ претерпела значительные изменения относительно библейского текста, и эти изменения носят многовекторный характер. На уровне коллективной ментальности все обозначенные языковые процессы сопровождаются десакрализацией образа Христа через его обытовление и тиражирование в обиходном дискурсе. При этом причины такого речевого поведения испанцев лежат не только в языковой плоскости – они носят, в первую очередь, экстралингвистический характер.

ЭКСТРАЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ОСНОВА ИЗМЕНЕНИЯ СТРУКТУРЫ КОНЦЕПТА «ХРИСТОС» В ИСПАНСКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА

Главным фактором, повлиявшим на десакрализацию культовых образов, является сама народная испанская культура, карнавальная по своей сути, со всеми ее родовыми чертами, такими как гротеск и травестия. Эта особенность национального сознания испанцев непосредственно материализуется в их карнавально-праздничной культуре, с которой связано множество поговорок. Образы Христа, Богородицы и святых – неотъемлемая часть этих празднеств.

В качестве примера приведем поговорку *A mal cristo mucha sangre* (Плохому Христу – много крови). Появление этого выражения непосредственно связано с карнавальной традицией. В контексте праздника оно трактуется следующим образом: «Раз ваш Христос (актер) никуда не годится, то давайте добавим больше крови (красной краски)!». В поговорке мы наблюдаем расширение семантики с переносом значения на любые артефакты, которым следует придать лучший вид, или использовать популистские средства и приемы для привлечения массового внимания.

Другой идиоматизм, связанный с традицией народно-площадных празднеств, представляющих

¹ URL: <https://expresionesyrefranes.com/2011/10/19/estar-hecho-un-cristo/>

² URL: <https://expresionesyrefranes.com/lista-de-expresiones-espanolas/>

страдания Христа – «hacer de Cristo» – имеет значение «играть роль Христа». Интересен на эту тему диалог из статьи в испанской газете *El Correo* «El año que haces de Cristo es tu año» («Год, когда ты исполняешь роль Христа, это твой год»):

– Cuando de niño veía la Pasión, ¿se imaginaba haciendo de Cristo?

– ¡Por supuesto! Desde siempre he sabido que haría de Cristo. Lo tenía muy claro¹. – Когда ребенком вы смотрели Страсти Христовы, вы представляли себя в роли Христа? – Конечно! Я всегда знал, что буду играть Христа. Я знал это точно.

Примечательным в этом смысле является тот факт, что синонимом ФЕ *estar hecho un Cristo* (*быть грязным, оборванным, находиться в бедственном положении*) в испанском языке выступает идиома *estar hecho un Judas* (*быть как Иуда; быть похожим на Иуду*). Понятно, что ассоциативной основой для возникновения и той, и другой идиомы стал общий библейский сюжет, объединивший их в одном контексте, тем не менее, поразительным и кощунственным, на первый взгляд, представляется такое уравнивание антиномичных концептов.

¹ Fonseca J. M. El año que haces de Cristo es tu año / Correo, 21 marzo 2016. URL: <https://www.elcorreo.com/bizkaia/nervion/201603/21/haces-cristo-20160321123449.html>

Объяснение заключается в характере ассоциативных связей. В данном конкретном случае ассоциативная отсылка в коллективном народном сознании относится не к библейскому тексту, а к традиционным и столь популярным в Испании карнавальным религиозным действиям, в которых и Христос, и Иуда – актеры, простые люди, играющие роли библейских персонажей. В таком контексте разницы между Христом и Иудой нет – они оба полноправные герои и участники карнавала, а их раны, синяки и порванная одежда – это образы, созданные при помощи красок.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, мы наблюдаем трансформацию исходного, библейского концепта «Христос» в языковом сознании испанцев через разновекторные процессы, проявляющиеся как в сужении, так и в расширении семантической структуры образа в составе ФЕ. Важным фактором такой трансформации является народная культура Испании. Карнавальная по своей сути она способствует обытовлению и тиражированию священных образов, утрате дистанции между человеком и Богом. Именно образы и сюжеты религиозных карнавальных празднеств, а не сама Библия приобретают значение прецедентного текста для возникновения ФЕ с компонентом-культонимом *Cristo* в испанском дискурсе.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Жолобова А. О. Фразеологические единицы библейского происхождения в английском, испанском и русском языках: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Казань, 2005.
2. Кузнецова И. В. Иисус Христос в устойчивых сравнениях славян // Сибирский филологический журнал. 2015. №3. С. 232–240.
3. Лаврентьева А. С. Десакрализация образов святых в испанском фольклоре // Rhema. 2017. № 1. С. 61–79.
4. Мед Н. Г. Национально-культурная специфика оценочных фразеологизмов (на материале испанской разговорной речи) // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2008. № 66. С. 68–74.
5. Luque Nadal L. Las referencias bíblicas en inglés y en español. Estudio culturoológico contrastivo // Odissea. 2010. № 11. P. 269–283.
6. Mellado Blanco C. Locuciones y proverbios de origen bíblico: creación y difusión en alemán y español // Revista de Letras (Centro de Humanidades Universidade Federal do Ceará/UFC – Fortaleza-CE). 2017. № 36. Vol. (1). P. 52–69.
7. Денисенко Л. Г. К вопросу о семантических характеристиках образа Иисуса Христа в библейских текстах // В мире науки и искусства: вопросы филологии, искусствоведения и культурологии»: материалы XXV Международной заочной научно-практической конференции. Новосибирск: СибАК, 2013. С. 87–93.
8. Первухина С. В. Семантический портрет Иисуса Христа в переводе Библии New International Version (NIV): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2003.
9. Calero Fernández M. A. Jesús y María en la fraseología religiosa del español y del catalán. Paremia. 1999. № 8. P. 77–84.
10. Carbonell Basset D. Diccionario del Argot: El Sohez. New York: McGraw-Hill, 2002.
11. Martínez López J. A., Jorgensen A. M. Diccionario de expresiones y locuciones del español. Madrid: Ediciones de la Torre, 2009.

REFERENCES

1. Zholobova, A. O. (2005). Frazеologicheskie edinicy biblejskogo proiskhozhdeniya v anglijskom, ispanskom i russkom yazykakh = Phraseological units of biblical origin in English, Spanish and Russian: abstract of PhD in Philology. Kazan'. (In Russ.)
2. Kuznetsova, I. V. (2015). Jesus Christ in Slavonic Fixed Similies . Siberian Journal of Philology, 3, 232–240. (In Russ.)
3. Lavrentyeva, A. S. (2017). The desacralization of saints as a result of the peculiarities of the functioning of the hagioanthroponyms in the Spanish folklore. Rhema, 1, 61–79. (In Russ.)
4. Med, N. G. (2008). National and cultural specificity of evaluative idioms (based on the material of Spanish colloquial speech material). Izvestia: Herzen University Journal of Humanities and Sciences, 66, 68–74. (In Russ.)
5. Luque Nadal, L. (2010). Las referencias bíblicas en inglés y en español. Estudio culturalológico contrastivo. Odisea, 11, 269–283.
6. Mellado Blanco, C. (2017). Locuciones y proverbios de origen bíblico: creación y difusión en alemán y español. Revista de Letras (Centro de Humanidades Universidade Federal do Ceará/UFC – Fortaleza-CE), 36(1), 52–69.
7. Denisenko, L. G. (2013). K voprosu o semanticheskikh kharakteristikakh obraza Iisusa Khrista v biblejskikh tekstakh = On the question of semantic characteristics of the image of Jesus Christ in Biblical texts. In the world of science and art: issues of philology, art history and cultural studies (pp. 87–93): materials of the XXV International correspondence scientific and practical conference. Novosibirsk: SiBAK. (In Russ.)
8. Pervukhina, S. V. (2003). Semanticheskij portret Iisusa Khrista v perevode Biblii New International Version (NIV) = Semantic Portrait of Jesus Christ in the Bible translation New International Version (NIV): abstract of PhD in Philology. Volgograd. (In Russ.)
9. Calero Fernández, M. A. (1999). Jesús y María en la fraseología religiosa del español y del catalán. Paremia, 8, 77–84. Barcelona.
10. Carbonell Basset, D. (2002). Diccionario del Argot: El Sohez. New York: McGraw-Hill.
11. Martínez López, J. A., Jorgensen, A. M. (2009). Diccionario de expresiones y locuciones del español. Madrid: Ediciones de la Torre.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Федосова Оксана Витальевна

доктор филологических наук, доцент
профессор кафедры испанского языка и перевода
Московского государственного лингвистического университета

Кутьева Марина Викторовна

кандидат филологических наук
доцент кафедры иностранных языков № 2
Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Fedosova Oksana Vitalievna

Doctor of Philology (Dr. habil.), Associate Professor
Professor at the Department of the Spanish Language and Translation
Moscow State Linguistic University

Kutieva Marina Viktorovna

PhD (Philology)
Associate Professor at the Foreign Languages Department No. 2
Plekhanov Russian University of Economics

Статья поступила в редакцию	02.08.2023	The article was submitted approved after reviewing accepted for publication
одобрена после рецензирования	10.09.2023	
принята к публикации	26.09.2023	

Научная статья
УДК 811.581.11

Метафоризация экономической лексики в медиадискурсе современного китайского языка

Н. Ю. Чечина

*Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
nataliachechina@yandex.ru*

Аннотация. В последние годы метафора стала одной из наиболее актуальных вопросов для исследования лингвистами разных стран. Как показывают современные исследования, метафоризации подвергается не только язык художественной литературы, но и язык науки в целом и терминология, в частности. Основываясь на теории концептуальных метафор Дж. Лакоффа и М. Джонсона, автор статьи проводит анализ метафорического употребления экономических терминов в современных китайязычных материалах СМИ.

Ключевые слова: экономическая терминология, медиадискурс, современный китайский язык, пространственные метафоры, онтологические метафоры, структурные метафоры

Для цитирования: Чечина Н. Ю. Метафоризация экономической лексики в медиадискурсе современного китайского языка // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2023. Вып. 11 (879). С. 104–110.

Original article

Metaphorization of Economic Terms in the Media Discourse of the Modern Chinese Language

Natalia Yu. Chechina

*Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
nataliachechina@yandex.ru*

Abstract. In recent years, metaphor has become one of the most pressing issues for research by linguists from different countries. As modern studies show, not only the language of fiction is metaphorized, but also the language of science and terminology, in particular. Based on the theory of conceptual metaphors by J. Lakoff and M. Johnson, the author of the article analyzes the metaphorical use of economic terms in modern Chinese-language media materials.

Keywords: economic terminology, media discourse, modern Chinese, orientational metaphors, ontological metaphors, structural metaphors

For citation: Chechina, N. Yu. (2023). Metaphorization of economic terms in the media discourse of the modern Chinese language. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 11(879), 104–110.

ВВЕДЕНИЕ

В последние десятилетия XX века все большее внимание ученых-лингвистов приковано к явлению метафоры. «Метафора пронизывает всю нашу повседневную жизнь и проявляется не только в языке, но и в мышлении, и в действии» [Lakoff, Johnson, 1980, с. 387].

Определенных успехов в исследовании данного явления удалось добиться благодаря переходу к динамическому взгляду на окружающую действительность как совокупность событий, происходящих вокруг человека. Различные теории и взгляды ученых на данный феномен позволяют получать новые сведения о процессе понимания сообщений, исходящих и принимаемых в ходе коммуникативной и когнитивной деятельности человека.

Лингвистическая наука всегда признавала универсальный характер метафоры как средства номинации новых явлений и предметов действительности на основе переосмысления уже знакомых наименований. Таким образом, метафора направлена либо на восполнение лексических лакун, либо на более глубокое понимание сути уже познанных объектов. «Ее универсальность проявляется в пространстве и во времени; в структуре языка и в функционировании. Она присуща всем языкам и во все эпохи; она охватывает разные аспекты языка и обнаруживается во всех его функциональных разновидностях» [Гак, 1988, с. 11]. Метафора – универсальный инструмент познания мира и мышления.

Метафора представляет собой квинтэссенцию универсального и специфичного, поскольку, с одной стороны, является орудием познания и мышления, а, с другой, опирается на национально-культурное мировоззрение человека. «Метафора, привычная для носителя того или иного языка, кажется неожиданной и странной человека, для которого этот язык чужой» [Склярская, 1993, с. 65]. Метафорическое понятие, которое создается языковой личностью, воплощает в себе всю совокупность представлений человека об окружающей действительности, которая лежит в основе миропонимания данного языкового коллектива и является общей для всех ее членов.

Несмотря на активные исследования данного явления, в современной науке отсутствует единое мнение по поводу природы метафоры и критериев метафоричности. Среди специалистов, которые занимались исследованиями данного феномена в контексте языка, культуры и мышления, можно выделить М. Блэка, Дж. Лакоффа, М. Джонсона, Э. Кассирера, А. Вежбицкую, Н. Д. Арутюнову, Ю. Д. Апресяна, В. Н. Телия, В. Г. Гака, Г. Н. Склярскую и др.

Дж. Лакофф и М. Джонсон выдвинули и развили теорию концептуальных метафор. Согласно их теории, существует традиционные (conventional) и новые (new) метафоры. К новым метафорам авторы относят образную метафору. Традиционные метафоры, в свою очередь, включают следующие виды:

- структурная метафора, когда одно понятие передается в терминах другого. Например, *time is money* (время – деньги).
- ориентационная или пространственная метафора (противопоставления *up – down* (верх – низ), *in – out* (внутри – снаружи), *front – back* (передняя сторона – задняя сторона), *near – far* (далеко – близко) и др. Например, *Thinking about her always gives me a lift*. (Мысли о ней всегда **поднимают** мне настроение.)
- онтологическая метафора, в основе которой лежат данные нашего опыта о физических объектах, где неодушевленным предметам приписываются признаки живого организма (*Inflation is hacking us into a corner*. – Инфляция **загоняет** нас в угол.)

Теория концептуальных метафор Дж. Лакоффа и М. Джонсона получила свое развитие не только в западной, но и в российской лингвистике.

Несмотря на то, что метафора пронизывает всю литературную историю Китая, на современном этапе в Китае отсутствует единая систематическая теория метафоры, в отличие от западной лингвистической науки. Однако в последние годы исследованию данного явления уделяется все больше внимания. Начиная с 1980 года был издан ряд работ, где рассматривалась природа метафоры в рамках риторики, – Юань Хуэй (袁晖, 1982), Ло Сяосю (骆小所, 1995), Ван Сицзе (王希杰, 1996) и др.) Гэн Чжаньчунь в своей монографии «Метафоры» рассматривает данное явление с разных точек зрения, в основном делая акцент на исследовании поэзии и восприятии искусства (耿占春, 1993). В последнее десятилетие исследованию метафоры посвящены работы таких китайских лингвистов, как Линь Шу'у (林书武), Чжао Яньфан (赵艳芳), Чжу Сяо'ань (朱小安) и др. В настоящее время в Китае наблюдается тенденция к междисциплинарным исследованиям явления метафоры.

МЕТАФОРИЗАЦИЯ В ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКОЙ ЛЕКSIКЕ

В настоящее время особую актуальность приобретают процессы формирования и развития языка науки, поскольку многие вопросы механизмов создания научных текстов до сих пор являются нерешенными. В этом контексте одним из ведущих

направлений исследований становится изучение терминологии как составной части языка науки. Представления ученых лингвистов о терминологии за последние годы также претерпели значительные изменения. Если раньше она рассматривалась как совокупность специальных лексических единиц, составляющих жесткую фиксированную систему, то сейчас главной тенденцией в терминоведении становится представление терминологии как одной из частей творческого научного процесса, которая развивается по универсальным закономерностям языка. В свою очередь, термин, к которому всегда предъявлялись жесткие требования, стал трактоваться как результат процесса познания, слово, создаваемое в ходе творческого акта.

Терминология как комплексная система включает две составляющие – терминопорождение, под которым понимаются все этапы зарождения и формирования научных концептов, и терминокрепление, то есть заключительный этап формирования знания.

Одним из наиболее активных процессов терминопорождения является метафоризация. На современном этапе развития терминоведения метафора перестала трактоваться как отклонение от нормальных механизмов функционирования языка, а рассматривается лингвистами как естественное явление для языка в целом и для терминологии, в частности. «Метафора – полноценный термин, связывающий научный концепт, выражаемый этим термином, с реальным предшествующим опытом» [Алексеева, 1998, с. 7]. Изменение подхода к рассмотрению метафоры в языке науки обусловлено процессами, происходящими в самой науке, сменой научных парадигм, когда ученые перешли от описания эмпирических наблюдений к объяснению противоречий.

Язык науки становится все более абстрактным, что неизбежно отражается на терминологии, которая является своего рода «зеркалом» главных тенденций развития науки. Термины как порождение языка науки должны соответствовать новым требованиям в развитии языка, являться адекватной вербализацией новых знаний. Учитывая повышение уровня абстрактности новых понятий, семантическая структура новых терминов стала более гибкой. Таким образом, изменение подхода к рассмотрению метафоризации в терминологии обусловлено как экстралингвистическими, так и интралингвистическими факторами.

В настоящее время метафора трактуется лингвистами как «универсальный семантический процесс переосмысления плана содержания термина», который имеет место во всех типах подъязыков, одним из которых является терминология.

МЕТАФОРИЗАЦИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКИ В МЕДИАДИСКУРСЕ СОВРЕМЕННОГО КИТАЙСКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ

Китайские лингвисты, которые занимаются вопросами явления метафоры в терминологии (M. Chen, 2010; 杨洋, 2012; Chunyu Hu, Yuting Xu, 2017; Feifei Han, 2017), основываясь на классификации Дж. Лакоффа и М. Джонсона, предлагают следующую типологию метафор в экономической терминосистеме современного китайского языка:

- пространственные (ориентационные) метафоры** (orientational metaphors):
 - положение «верх – вниз» (up – down metaphor);
 - образ «центр – периферия» (central – peripheral metaphor);
- онтологические метафоры** (ontological metaphor):
 - сфера-источник «жидкость» (liquid metaphor);
 - сфера-источник «путешествие» (journey metaphor);
 - сфера-источник «человек» (части тела, жизнедеятельность, здоровье и медицина) (human being metaphor, body part metaphor, health metaphor, life cycle metaphor);
- структурные метафоры** (structural metaphors):
 - сфера-источник «война» (war metaphor);
 - сфера-источник «машина» (machine metaphor).

Основываясь на данной классификации, рассмотрим более подробно данные виды метафор на примерах из материалов массмедиа КНР (газеты «Жэньминь жибао», новостного агентства «Синьхуа» и др.)

ПРОСТРАНСТВЕННЫЕ (ОРИЕНТАЦИОННЫЕ) МЕТАФОРЫ

Положение «верх – вниз»

- 1) 菜油库存不断回升 – Запасы растительного масла постоянно **растут**.
- 2) 美元指数3日小幅上涨 – 3-го числа индекс доллара США незначительно **вырос**.
- 3) 国际油价3日下跌 – 3-го числа мировые цены на нефть **упали**.
- 4) 今日云南现货市场糖价继续小幅下调。 – Цены на сахар на юньнаньском спот-рынке продолжают незначительно **снижаться**.

В примерах 1 и 2 в составе слов 回升 *huíshēng* (вновь подниматься) и 上涨 *shàngzhǎng* (расти) присутствуют морфемы 升, 上 (вверх), которые указывают на движение вверх. В примерах 3 и 4 слова 下跌 *xiàdiē* и 下调 *xiàtiáo* (снижаться, падать) состоят из морфемы 下 (вниз) и морфем 跌 (падать, спотыкаться) и 调 (корректировать), т. е. речь идет о движении вниз. Таким образом, происходит метафорический перенос направления движения на явления, которые происходят в экономике. В случае с движением вверх речь идет о росте, развитии или восстановлении экономической активности. Движение вниз означает спад, снижение экономических показателей.

Образ «центр – периферия»

- 1) 阿联酋中央银行将基准利率维持在 15 个基点。 – **Центральный банк** ОАЭ будет поддерживать базовую процентную ставку на уровне 15 процентных пунктов.
- 2) 中国驻韩大使：中韩关系不是韩美关系附属品。 – Посол КНР в РК: отношения Китая и Южной Кореи не являются **придатком** американо-корейских отношений.

Метафора «центр-периферия» берет за основу строение организма человека. Под «центром» понимаются основные, главные органы и системы человеческого организма, такие как сердце, мозг, кровеносная система и др. В свою очередь, «периферия» – внешние части, которые зависят от центра (волосы, ногти, пальцы и т. д.). Они важны для организма, но без них он продолжит существовать, чего нельзя сказать о «центре».

В примере 1 словосочетание 中央银行 (*центральный банк*) состоит из слов 中央 *zhōngyāng* (*центр, центральный*) и 银行 *yínháng* (*банк*). Центральный банк – это главный государственный орган, который отвечает за национальную валюту, денежное обращение и установление процентных ставок. Слово 中央 (*центр*) указывает на его важное место в экономической жизни страны.

В примере 2 в метафорическом значении употреблено слово 附属品 *fùshǔpǐn*, которое имеет значения «придаток, аксессуар, принадлежность». В составе этого слова присутствует морфема 附 «сопровождать, быть приложенным к чему-либо», которая указывает на зависимость, отношения принадлежности одного другому. Проводится параллель между главным и зависимым, центром и периферией, где второе не может существовать без первого.

Сфера-источник «жидкость»

Вода – источник жизни, одна из важнейших жидкостей, от которых зависит существование человека. Различные представления о движении воды находят свое отражение и в экономическом дискурсе. Все явления, которые происходят с водой как субстанцией, могут в переносном значении описывать экономические процессы.

- 1) 自贸浪潮助推海南咖啡产业 – «**Волна**» свободной торговли способствует развитию кофейной отрасли на Хайнане.
- 2) 尽管比特币价格最近有所回升，但仍出现了资金外流 – Хотя в последнее время цена на биткоин выросла, однако по-прежнему наблюдается **отток** капитала.
- 3) 股市悬崖勒马，商品市场波澜不惊 – Фондовый рынок вовремя опомнился. На товарном рынке «**тишь да гладь**».

В вышеуказанных примерах слова 浪潮 *làngcháo* (*волна*), 外流 *wàiliú* (*отток*), 波澜 *bōlán* (*вал, волна*) означают различные изменения совокупности физических признаков жидкости. На основании ассоциативного переноса у читателя складывается образ и понимание того, какие основные тенденции имеют место в экономической жизни.

Сфера-источник «путешествие»

- 1) 国债走强方向不变 – **Тенденция** к росту государственного долга сохраняется.
- 2) “新消费”热潮下，家电零售门店出路何在？ – В условиях бума «нового потребления» какой **выход** у розничных магазинов бытовой техники?
- 3) 应把“首店经济”作为重要创新路径 – «Экономику первого магазина» следует рассматривать как важный **путь** к инновациям.
- 4) 阿里地区坚持把改善民生作为经济社会发展的出发点和落脚点 – Округ Нгари рассматривает улучшение жизни населения как **отправную точку и конечную цель** социально-экономического развития.
- 5) “未来之城”是面向数字经济发展的模式和行动指南 – «Город будущего» – модель и **руководство** к действию по развитию цифровой экономики.

- 6) “十四五”循环经济发展**路线图**出炉 – Опубликовано **дорожная карта** развития циклической экономики в период 14-й пятилетки.

В повседневной жизни каждый человек ежедневно совершает путешествия, перемещаясь из одной точки в другую. Любое путешествие включает в себя 3 стадии: отправная точка, путь, место назначения. В китайском экономическом дискурсе экономика также рассматривается как своего рода путешествие, где достижение различных показателей маркирует постепенное движение к конечной цели.

В вышеописанных примерах слова: 方向 *fāngxiàng* (направление), 出路 *chūlù* (развитие; путь; выход из затруднительного положения), 路径 *lùjìng* (дорога, маршрут; путь), 指南 *zhǐnán* (руководство; путеводитель), 出发点 *chūfādiǎn* (исходный пункт; отправной пункт; начало пути), 落脚点 *luòjiǎodiǎn* (конечная цель), 路线图 *lùxiàntú* (дорожная карта) – показывают направления и пути будущего развития экономики, где начало экономической деятельности рассматривается как отправная точка путешествия, а экономическое процветание – его конечная цель.

Сфера-источник «человек»

(части тела, жизнедеятельность, здоровье и медицина)

- 1) 法治护航数字经济**健康发展** – Верховенство закона способствует **здоровому развитию** цифровой экономики.
- 2) 美联储显然更关心经济**低迷**问题，不过通胀高企的风险也不容忽视。– Очевидно, что ФРС США обращает большое внимание на проблемы, связанные с экономической **депрессией**, однако нельзя игнорировать и риск высокой инфляции.
- 3) 企业是经济活动的基本“**细胞**”，“**细胞**”活力旺盛，经济才能身强体健。– Предприятия – это основные «**клетки**» экономической деятельности. Только когда «**клетки**» активны, экономика может быть сильной и здоровой.
- 4) 靠系统改革破除治理**顽疾**，将生态优势转变为经济优势、民生福祉。– Опираясь на структурные реформы для устранения «**хронических заболеваний**» в сфере управления, можно превратить экологические преимущества в экономические и добиться благосостояния народа.

По утверждению Лакоффа и Джонсона, одной из самых очевидных онтологических метафор является метафора, где какой-либо физический

объект рассматривается как человеческий организм. Это позволяет описывать различные события, которые происходят с неодушевленными объектами, в терминах, которые используются для описания характеристик, признаков, действий, применимых к человеку.

Экономика как единый организм включает в себя различные сферы («органы») (пример 3), от нормального функционирования которых зависит здоровье всей системы (пример 1). Психическое и физическое здоровье является важным условием для дальнейшего развития организма человека. Говоря об экономике, различные «заболевания» (примеры 2, 4) препятствуют достижению экономического роста и требуют немедленного «лечения» в виде государственного вмешательства.

Метафоры, связанные с жизненным циклом человека

- 1) 网络文化产品逐步摆脱了模仿抄袭、低质**幼稚**、粗制滥造的标签。– Культурные интернет-продукты постепенно избавляются от ярлыков плагиата, некачественной и **незрелой** продукции и недобросовестного контроля.
- 2) 经验表明，一国经济在走向**成熟**的过程中，居民消费数量和质量提高将成为经济增长和结构升级的重要推动力。– Опыт показывает, что как только экономика страны достигает периода **зрелости**, рост потребления населения и повышение качества становятся главной движущей силой экономического роста и структурной модернизации.

Жизнь человека проходит несколько этапов: рождение, взросление, достижение зрелости, смерть. В метафорическом значении эти слова могут использоваться для описания различных фаз, которые проходит экономическая система в процессе своего развития.

В примере 1 слово **幼稚** *yòuzhì* (молодой; детский; младенческий) используется в метафорическом значении «незрелый» применительно к товарам интернет-компаний для создания образа низкокачественной продукции. Фаза жизненного цикла человека «младенчество» с помощью ассоциативного переноса рассматривается как начальная точка экономической деятельности, после которой должна наступить стадия развития.

В примере 2 слово **成熟** *chéngshú* (созреть; зрелый; зрелость) используется в переносном значении для характеристики конечного этапа развития экономической системы, где окончательно сформированы все основные функции и подсистемы.

Сфера-источник «война»

- 1) 中美贸易战期间, 中国出口的技术水平却在上升。 – В период **торговой войны** между КНР и США, технологический уровень экспорта Китая, напротив, растет.
- 2) 充分发挥国有经济战略支撑作用 – В полной мере выполнять вспомогательную роль в **стратегии** национальной экономики.
- 3) 刘鹤: 把握中国经济社会发展的客观趋势, **战胜**各种挑战 – Лю Хэ: адаптироваться к объективным тенденциям социально-экономического развития Китая, **одолеть** все вызовы.

Война – неотъемлемая часть жизни человечества. В любой исторический период в тех или иных странах и регионах мира проходят активные или пассивные военные действия. Тема войны постоянно присутствует в текстах средств массовой информации.

В примере 1 употребляется словосочетание **贸易战** *màoyì zhàn* (досл.: **贸易** – торговля, **战** – война), что наиболее ярко иллюстрирует использование метафоры войны в экономическом дискурсе. Китай и США как противоборствующие стороны ведут «боевые» действия в сфере торговли с целью захвата зарубежных рынков и защиты национальной экономики от зарубежной оккупации. Торговая война может являться частью экономической войны, которая охватывает более широкий «фронт боевых действий».

В качестве «врага» могут выступать другие страны, конкурирующие компании, индивидуальные предприниматели или барьеры на пути к экономическому росту. Для борьбы с ними используются различные стратегии и тактики (пример 2). Достижение своих целей (захват рынка, успешный сбыт товара, устранение препятствий) рассматривается как победа над «врагом» (пример 3).

Сфера-источник «машина»

- 1) 数字经济已成我国经济高质量发展新引擎 – Цифровая экономика стала новой **движущей силой** высококачественного развития экономики Китая.
- 2) 向高水平开放与**产业链**升级要未来 – Будущее за повышением уровня открытости и модернизацией **производственных цепочек**.
- 3) 任泽平: 市场**调整**因为情绪. 基本面未变 – Жэнь Цзэпин: **корректировка** рынка под влиянием

[рыночных] настроений. Основные показатели не изменились.

- 4) 上半年各地经济运行回归常态 – В первой половине года **функционирование** экономики всех регионов страны нормализовалось.
- 5) 证监会始终将恶性**操纵**市场作为监管执法打击的重点。 – Госкомитет КНР по регулированию рынка ценных бумаг всегда рассматривал в качестве главного объекта контроля **манипулирование** рынком в корыстных целях.

Различные механизмы, машины, станки и аппараты – хорошо знакомые конкретные объекты в повседневной жизни любого человека. После промышленной революции машинное производство значительно упростило труд человека и способствовало быстрому прогрессу человеческого общества. Метафоры, связанные с механизмами, в китайском экономическом дискурсе можно подразделить на несколько видов:

- 1) части механизма (примеры 1, 2);
- 2) рабочее состояние механизма (пример 5);
- 3) функционирование механизма (примеры 4, 6).

Механизм состоит из различных структурных компонентов, каждый из которых имеет свою функцию. Слово **机制** *jīzhì* (**механизм**) часто используется в переносном значении для описания экономической системы, где мотор или двигатель **引擎** *yǐnqíng* (пример 1) является важнейшей частью механизма. Однако без слаженной работы всех частей или деталей механизма (пример 2) невозможно нормальное функционирование всей системы.

В примере 4 автор использует слово **运行** *yùnxíng* (**работать, функционировать**) для описания физического процесса работы механизма (экономики). Когда механизм выходит из строя, необходимо срочно провести ремонт, чтобы избежать негативных последствий. «Поломка механизма» в данном случае ассоциируется с негативными тенденциями в экономике или проблемами в функционировании ее подсистем. Различные меры по «спасению» механизма, таким образом, это меры по восстановлению нормального функционирования экономики (примеры 4, 6).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В настоящее время всё более актуальными становятся исследования языка науки и, в частности, терминологии. Метафоризация, в свою очередь, представляет собой один из наиболее активных процессов терминообразования. Если в прошлом

метафора представлялась ученым лингвистам как отклонение от нормальных процессов функционирования языка науки, то в настоящее время метафора представляется естественным явлением для языка в целом. Метафора рассматривается как универсальное средство для номинации новых явлений и предметов действительности. В то же время метафора представляет собой квинтэссенцию универсального (орудие познания) и специфического (базируется на национально-культурном мировоззрении человека).

Среди ученых-лингвистов отсутствует единое мнение по поводу природы данного явления и критериев метафоричности. Большое развитие как в западной, так и в отечественной лингвистике получила теория концептуальных метафор

Дж. Лакоффа и М. Джонсона. Согласно этой теории метафоры подразделяются на пространственные, онтологические и структурные. Многие китайские лингвисты, которые занимались изучением явления метафоры, также основывались на теории концептуальных метафор.

Как видно из проведенного анализа, все виды метафор (структурные, онтологические, пространственные) встречаются в китайязычных текстах СМИ. Более частотное употребление того или иного типа обусловлено экстралингвистическими причинами (исторический и культурный фон страны, влияние классической литературы, отношение к религии и др.). Например, метафоры из сфер-источников «война», «человек» присутствуют в наибольшем количестве.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Lakoff G., Johnson M. *Metaphors we live by*. Chicago: University of Chicago Press, 1980.
2. Гак В. Г. Метафора: универсальное и специфическое // Метафора в языке и тексте. М.: Наука, 1988. С. 11–26.
3. Склярская Г. Н. Метафора в системе языка. СПб.: Наука, 1993.
4. Алексеева Л. М. Метафорическое терминообразование и функции терминов в тексте: дис. ... д-ра филол. наук. М., 1998.

REFERENCES

1. Lakoff, G., Johnson, M. (1980). *Metaphors we live by*. Chicago: University of Chicago Press.
2. Gak, V. G. (1988). *Metafora: universal'noe i specificheskoe = Metaphor: universal and specific*. In *Metafora v yazy'ke i tekste* (pp. 11–26). Moscow: Nauka. (In Russ.)
3. Sklyarevskaya, G. N. (1993). *Metafora v sisteme yazy'ka = Metaphor in the language system*. St. Petersburg: Nauka. (In Russ.)
4. Alekseeva, L. M. (1998). *Metaforicheskoe terminoporozhdenie i funkcii terminov v tekste = Metaphorical term generation and functions of terms in the text: Senior Doctorate in Philology*. Moscow, 1998. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Чечина Наталья Юрьевна

старший преподаватель кафедры китайского языка переводческого факультета
Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Chechina Natalia Yurievna

Senior Lecturer, Department of the Chinese Language,
Faculty of Translation and Interpretation, Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию	09.08.2023	The article was submitted
одобрена после рецензирования	15.09.2023	approved after reviewing
принята к публикации	26.09.2023	accepted for publication

Особенности комментариев как одного из видов метакommunikативной деятельности переводчика (на примере переводов произведений современной корейской литературы)

А. И. Чуб

*Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
heilige_engel@bk.ru*

Аннотация. В ходе коммуникации между представителями разных культур нередко возникают ситуации, когда представители одной культуры неверно считывают смыслы, которые имеют значение в определенной ситуации общения. В случае с художественной литературой помочь избежать такого нежелательного исхода может переводчик, который, пользуясь такими видами метакommunikативной деятельности, как переводческие комментарии, становится посредником между автором и читателем и обеспечивает успешное осуществление диалога между ними. В статье на примере переводов современной корейской литературы рассматриваются структурные и функциональные особенности переводческих комментариев, а также приводятся нецелесообразные примеры комментирования.

Ключевые слова: переводческие комментарии, примечания, метатекст, переводческая метакommunikация, прагматика перевода

Для цитирования: Чуб А. И. Особенности комментариев как одного из видов метакommunikативной деятельности переводчика (на примере переводов произведений современной корейской литературы) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2023. Вып. 11 (879). С. 111–118.

Original article

Peculiarities of Translator's Commentaries as One of the Types of Metacommunicative Activity (based on modern Korean literature translations)

Alena I. Chub

*Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
heilige_engel@bk.ru*

Abstract. In the process of intercultural communication, situations often arise when representatives of one culture incorrectly read culturally significant meanings from a layer of information perceived in specific discursive conditions. In the case of fiction, a translator can help avoid such an undesirable outcome. Using such type of metacommunicative activity as commentaries, he becomes an intermediary between the author and the reader and ensures successful implementation of the dialogue. The article discusses the structural and functional features of translator's commentaries, as well as inappropriate examples of commenting on the basis of modern Korean literature translations.

Keywords: translation comments, notes, metatext, translator's metacommunication, translation pragmatics

For citation: Chub, A. I. (2023). Peculiarities of translator's commentaries as one of the types of metacommunicative activity (based on modern Korean literature translations). Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 11(879), 111–118.

ВВЕДЕНИЕ

Одним из распространенных мнений в переводоведческих кругах является мнение о том, что при переводе важно сохранить задумку автора оригинала, его неповторимый стиль и уникальную манеру. С другой стороны, текст оригинала содержит особый культурный код, который зачастую бывает непонятен читателю, принадлежащему иному культурному полю. В такой ситуации помочь читателю познакомиться с непривычными для него реалиями и культурным контекстом, при этом не нарушив целостности авторского текста, должен переводчик и его метакоммуникативная стратегия. Переводческая метакоммуникация в данном случае может стать своего рода средством преодоления лингвокультурного барьера.

Однако «комментирование текста перевода в виде сносок приводит к дилемме и поиску баланса между пониманием текста перевода в его поэтической функции и восприятием произведения как единого целого в полном многообразии социокультурных, исторических, географических, этнографических смыслов и кодов» [Похолкова, 2020, с. 323]. Поэтому перед переводчиком всегда стоит задача через поддержание этого баланса обеспечить наиболее полную передачу коммуникативного потенциала исходного текста, в чем и заключается суть эффективной переводческой метакоммуникации.

В условиях, когда корейская литература привлекает все большее внимание как издательств, так и читающей аудитории интересным представляется рассмотреть эффективность метакоммуникативной деятельности переводчиков на примере переводов произведений современной корейской литературы. В качестве примеров будут использованы комментарии из корпуса переводческих комментариев, которые были отобраны проектно-учебной группой корейского отделения переводческого факультета МГЛУ методом сплошной выборки из переводов произведений корейских писателей, опубликованных в России после 1990 года.

МЕТАКОММУНИКАЦИЯ ПЕРЕВОДЧИКА

Перевод любого литературного произведения представляет собой с одной стороны диалог автора с читателем, а с другой – переводческую коммуникацию, но существующую не отдельно, а для того, чтобы наиболее точно передать коммуникативный потенциал авторского текста. Такая коммуникация переводчика осуществляется через создание примечаний, комментариев, предисловий или послесловий к переводу, и являет собой дополнительное метатекстовое поле, в котором

переводчик, обращается к читателю самостоятельно. Основанием для создания такого метатекстового поля становится необходимость пояснения потенциально неясных для читателя мест в исходном авторском тексте в случае комментариев и примечаний, и освещение биографии или творчества автора в случае с предисловиями или послесловиями. Таким образом, в переводе можно выделить два уровня коммуникации: авторский ядерный слой и наружный слой переводческой коммуникации, который представляет собой метатекст и создается переводчиком для общения с читателем по поводу исходного текста [Остапенко, 2014].

Авторский текст может содержать национально-специфичные элементы, а также аллюзии, цитаты, идиомы и другую информацию историко-филологического характера, для понимания которой необходимы определенные фоновые знания. Такие знания, как правило, имеются у получателей оригинального текста, но требуют дополнительного пояснения для представителей другой лингвокультуры. Кроме того в тексте могут присутствовать такие элементы сугубо авторской речи, как авторская игра слов, авторские неологизмы и пр. Они составляют особый слой, который становится основным источником возникновения лакун, и могут быть не всегда считаны даже представителями исходной культуры. Хотя при переводе такие лакуны могут быть пояснены в самом переводном тексте, стилистические рамки не позволяют переводчику сосредоточить внимание читателя на более подробном описании какого-либо явления, и в некоторых случаях метатекстуальный формат переводческого комментария может оказаться более подходящим.

Прагматическая теория перевода рассматривает текст как целенаправленное социальное действие адресанта, цели которого формируются в зависимости от конкретной коммуникативной ситуации и тактики общения с адресатом. В случае, если переводчик соблюдает соответствующие условия, коммуникация оказывается успешной. Коммуникативные неудачи могут произойти из-за гетерогенности культурных кодов коммуникантов и неправильного считывания речевой интенции автора [Похолкова, 2020].

Переводческий комментарий позволяет избежать перечисленных трудностей и коммуникативных неудач, обеспечивая передачу коммуникативного потенциала текста. Переводческие комментарии способствуют адекватному восприятию авторского текста и позволяют сохранить необходимый уровень воздействия на читателя. Являясь средством межкультурной языковой адаптации, комментарии становятся проводником между двумя языковыми культурами [там же].

Согласно В. Б. Кашкину и Д. И. Остапенко, переводческие комментарии выполняют просветительскую, лингвистическую, культурологическую и литературоведческую функцию и имеют две основные цели: пояснение вербального кода, что подразумевает комментирование лингвистических характеристик языковых единиц как оригинального, так и переводного текста, а также пояснение отдельных лакунарных единиц, составляющих культурный код [Кашкин, Остапенко, 2011].

Для осуществления эффективной переводческой метакоммуникации переводчику необходимо следовать определенной стратегии, которая должна подлежать актуализации при работе с каждым конкретным произведением. При этом существует ряд требований, которым переводчик должен отвечать априори. Например, для составления комментариев, способствующих адекватному восприятию авторского текста читателями, переводчик должен обладать экстралингвистическими знаниями, а также быть хорошо знаком с биографией и творчеством автора. Только так он сможет правильно истолковать контекстуальные нюансы авторского текста. Кроме того, при составлении комментариев переводчику необходимо учитывать несколько факторов. Во-первых, он должен учитывать фактор адресата, а именно целевую аудиторию, и, исходя из этого тщательно подходить к выбору информации, которая будет содержаться в комментарии [Арутюнова, 1981]. Переводчик должен представлять примерный уровень знаний реципиентов и, подходя к написанию содержательной части комментария, принимать в расчет уровень их подготовки. При этом следует избегать комментариев, которые содержат сведения, которые сами нуждаются в пояснении [Мильчин, Чельцова, 1999].

Если в авторском тексте есть информация, которая может затруднить понимание авторского сообщения, то переводчик должен пояснить ее, следуя единому подходу при выборе и освещении такой информации. Похожие объекты должны быть комментированы в одинаковой степени детализации, а в комментарии должна содержаться только релевантная информация, не упоминающая очевидных деталей, которые только отвлекают читателя от естественного хода повествования.

С. Г. Тер-Минасова предлагает два подхода к пояснению информации в комментариях, способствующих успешной реализации их функциональной составляющей, а именно абстрактно-энциклопедический и контекстно-ориентированный подходы, которые необходимо комбинировать [Тер-Минасова, 2000]. Абстрактно-энциклопедический подход предполагает включение в комментарий пояснений энциклопедической информации.

Такие комментарии содержат точные факты, но не относятся к авторскому тексту как таковому.

Контекстуально-ориентированный подход подразумевает не только пояснение справочной информации, но и выявление особенностей комментируемого объекта, а также установление того, какую роль он играет в художественном произведении.

КЛАССИФИКАЦИЯ ПЕРЕВОДСКИХ КОММЕНТАРИЕВ

Существуют различные подходы к классификации переводческих комментариев, как исходя из их структурной составляющей, так и по их функциональным признакам.

Переводческие комментарии могут быть размещены внутри основного текста в скобках, в виде подстрочных сносок под исходным текстом или за текстом (за пределами параграфа, раздела, главы или всего текста). Подстрочные и затекстовые комментарии связаны с текстом перевода определенным знаком [Остапенко, 2014].

Для типологизации комментариев по функциональному признаку Д. И. Остапенко предлагает следующую классификацию в соответствии с объектом комментирования [там же]. Рассмотрим каждый тип на примере переводческих комментариев из произведений корейской литературы.

1. Комментарии географического типа, поясняющие топонимы, могут содержать как справочную информацию, так и указывать на связь места с биографией автора или содержанием произведения.

- A.** На Западном море* нельзя увидеть, как встает солнце. Почему-то здесь дни всегда стоят ясные (с. 179).

*Желтое море в Корее называют Западным, а Японское – Восточным (Шин Кун-Суук. *Пожалуйста, позаботься о маме*).

- B.** Помнил только, что всегда было много народу, шума, гама и суеты. Он жил у пожилой пары приезжих китайцев, осевших в трущобах Тэ-рим-дона*. Они называли его Цзэ Яном (с. 130).

*Тэ-рим-дон – квартал (дон) на южной окраине Сеула (Сон Вонпхён. *Миндаль*).

2. Комментарии исторического типа содержат информацию об исторических персонажах или событиях, которые упоминаются в произведении.

- A.** Императрица Мёнсон* с прямым разрезом голубых глаз, наводивших страх на японцев, не была счастлива при жизни (с. 19).

*Императрица Мёнсон (Минби) (1851–1895), жена Кочжона, 26-го короля династии Ли (1392–1910), правившего Кореей вплоть до аннексии страны Японией (Квон Биён. *Последняя принцесса Кореи*).

- Б.** Говорят, во времена династии Чосон среди ученых-конфуцианцев бытовало такое выражение: «Никто не знает, в какую сторону прыгнут Хынсон* и лягушка» (с. 76).

*Корейский принц-регент, с 1863 по 1873 г. правил Кореей вместо малолетнего сына, отличался непредсказуемостью своих действий (Ким Онсу. *Планировщики*).

3. Комментарии культурологического типа поясняют культурные феномены, лакуны, аллюзии, цитаты, считывание которых может вызывать затруднение у читателя.

- А.** Думаешь, легко было так поступать замужней женщине*? (с. 252)

*В недавнем прошлом в Корее замужняя дочь считалась отрезанным ломтем, чужим человеком. Она не могла даже прийти в дом родителей без разрешения со стороны семьи мужа (Пак Вансо. *Очень одинокий человек*).

- Б.** Чхусок*, Рождество и новогодние праздники рабочие фабрики провели в забастовке (с. 77).

*Чхусок – один из главных семейных праздников в Корее. Празднуется 15-го числа 8-го лунного месяца (Пан Хёнсок. *Дом нашего будущего*).

4. Примечания науковедческого типа поясняют научные термины, понятия, факты и теории, которые приводятся в произведении.

- А.** Хотя и выглядит так, будто они вот-вот друг дружке глотку перегрызут, но на самом деле они нужны друг другу. Эти двое – что крокодил и крокодилов сторож* (с. 274).

*Небольшая птица, которая кормится мухами, привлеченными в пасть крокодила остатками гниющего мяса (Ким Онсу. *Планировщики*).

- Б.** С тех пор как исчезли мои экскременты, у меня появилась привычка заглядывать в унитаз после того, как сделаю по-большому, и я стал сомневаться в механизме Хиггса*, который мы изучали в школе (с. 99).

*Механизм Хиггса (точнее, механизм Андерсона-Хиггса), предложенный английским физиком Питером Хиггсом в 1964 году и основанный на предложении Филиппа Андерсона – теория, которая описывает, как приобретают массы все элементарные частицы (Чхон Мёнкван. *На краю жизни*).

5. Примечания лингвистического типа включают пояснение игры слов, неологизмов,

заимствований и прочих специфических языковых явлений [Остапенко, 2014].

- А.** Ей было жаль саму себя, напрасно суетившуюся сегодня для того, чтобы унять чувство потери сына, но решила идти до конца* (с. 169).

*В Корее выражение «идти до конца», используемое в разговоре между мужчиной и женщиной, если они не являются супругами, означает взаимное согласие на интимные отношения в каком-нибудь отеле (Пак Вансо. *Очень одинокий человек*).

- Б.** Тина, словно в шутку, вспоминала время открытия магазина портретов, как далекие времена, когда тигр курил табак* (с. 262).

*Старинная поговорка означает, что событие произошло давно (Пак Вансо. *Действительно ли была та гора?*)

Также, на наш взгляд, в данную классификацию необходимо включить комментарии справочного характера, которые поясняют общекультурные фоновые знания, не обусловленные культурой конкретной страны. Например, к комментариям такого типа мы смогли бы отнести следующие:

- А.** Чтобы купить Синичке настоящего медвежонка Тэдди, чтобы сводить ее в TGIF*, чтобы купить на стодневную годовщину отношений золотые кольца достоинством в восемнадцать карат, Ёндэ пришлось затянуть потуже пояс (с. 52).

*T.G.I. Friday's – популярная во всем мире американская сеть ресторанов (Ким Миволь. *Восьмая комната*).

- Б.** Их музыку трудно было отнести к какому-либо направлению, но все люди чувствовали ее душой. Она была сильнее, чем рок, свободней, чем джаз, обладала большим достоинством, чем классика, была ритмичнее, чем фанк* (с. 220).

*Фанк – одно из основополагающих течений афроамериканской музыки (Ким Чжун Хёк. *Библиотека музыкальных инструментов*).

- В.** Монахом ли полагался бы он на Триратну*, мирянином ли жил бы обычной жизнью, та земля была его кармической родиной, куда он хоть раз, да должен был навеститься (с. 8).

*Триратна – три драгоценности буддизма: Будда, Дхарма (закон) и Сангха (монашеская община) (Ли Мун Ёль. *Вспышки воспоминаний*).

НУЛЕВАЯ МЕТАКОММУНИКАЦИЯ

При переводе художественного текста переводчик стоит перед дилеммой о необходимости

комментирования той или иной единицы с учетом целевой аудитории и контекста. Решение о создании метатекстуального поля, его объема и содержании, принимается переводчиком для каждой единицы отдельно. Отсутствие такого метатекстуального поля в переводе, там где это необходимо, может снизить шансы на передачу коммуникативного потенциала исходного текста в достаточной мере. Такие комментарии можно назвать нулевыми, а само явление может быть обозначено как нулевая метакоммуникация.

Т. А. Казакова и Н. Н. Коробейникова предложили типологизировать виды нулевых комментариев на четыре подтипа [Казакова, 2006; Коробейникова, 2006].

Первый подтип – это собственно нулевой комментарий, когда игнорируются элементы текста, требующих объяснения.

Другие подтипы хотя и предполагают наличие комментария, по сути также являются нулевыми ввиду своей нерелевантности:

Второй подтип включает случаи искажения, неудачного или неадекватного комментирования.

К третьему подтипу относятся случаи избыточного комментирования, когда комментируются те объекты, пояснения к которым не требуются в силу определенных причин.

Последний подтип нулевого комментария – это технический комментарий. В нем переводчик сообщает, что не уверен в правильности объяснения. Такие комментарии не несут никакой информации для читателя и даже могут отрицательно сказаться на впечатлении о переводчике [Казакова, 2006; Коробейникова, 2006].

НЕЦЕЛЕСООБРАЗНОЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ КОММЕНТАРИЕВ (на примере переводов произведений корейской литературы)

Опираясь на эту типологизацию, а также классификацию, предложенную Е. А. Похолковой, мы попробовали выделить некоторые примеры нулевых комментариев из переводов корейской литературы [Похолкова, 2020]. Данные примеры являются иллюстрацией нецелесообразных случаев комментирования и призваны продемонстрировать то, насколько важна разработка эффективной метекоммуникативной переводческой стратегии.

Нецелесообразное введение транскрибированных реалий

Несмотря на обусловленность комментирования авторских единиц с помощью сносок во многих случаях,

нельзя игнорировать случаи нецелесообразного комментирования. Так, в некоторых случаях переводчики пренебрегают такими переводческими приемами, как генерализация, перефраз с помощью функциональных аналогий, вместо чего прибегают к введению транскрибированных реалий.

- А.** – Омони!* Знакомый голос прервал ее размышления. Когда она, приняв спокойное выражение лица, подняла голову, то увидела перед собой тихо сидевшую онджу (с. 34).

*Омони (кор.) – мать или мама по-корейски (*Квон Биён. Последняя принцесса Кореи*).

- Б.** Стол был уставлен разнообразными блюдами: несколько видов кимчи, кальбицим*, чапчэ**, чжоню*** – такой стол можно было увидеть разве что на богатой свадьбе (с. 211).

*Кальбицим – отварная говяжья грудина.

**Чапчэ – корейское рагу.

***Чжоню – мясо (рыба, овощи) в кляре (*Пак Вансо. Очень одинокий человек*).

- В.** – Аджумони*, – выкрикнул Фатсо. (с. 21)

*Аджумони (кор.) – доброжелательное, подчеркнуто родственное обращение к старшей женщине, более теплое и близкое, чем нейтральное или даже презрительное «аджума» (аналог на русском – тетка, гражданка), но при этом не задающее четко определенную роль, как омони (мама) (*Ли Мин Чжин. Дорога в тысячу ли*).

Корейские названия, приведенные в вышеперечисленных примерах, имеют аналоги в русском языке, либо могут быть переданы описательно. Записанные же в виде транскрипции, они нагружают текст и при их чрезмерном использовании могут запутать читателя.

Избыточность переводческого комментария

Другой категорией переводческих сносок, использование которых представляется нецелесообразным, являются избыточные сноски. Как правило, такие сноски освещают общечеловеческие ценности или информацию о понятиях, не являющихся культурно обусловленными, следовательно, понятные иностранному читателю, относящиеся к сфере общего развития и кругозора.

- А.** Началась Вторая мировая война* (с. 245).

*Вторая мировая война (1 сентября 1939 г. – 2 сентября 1945 г.) – крупнейший вооруженный конфликт в истории человечества (*Квон Биён. Последняя принцесса Кореи*).

- Б.** – Мне? Хм, кто мне нравится... Ну, например, Шарапова* (с. 94).

*Мария Шарапова – известная российская теннисистка (Ким Чжунхёк. *Ваша тень понедельник*).

- В.** Сонбэ, выслушайте меня внимательно. С этого момента я захожу на территорию суда по семейным делам* (с. 132).

*Государственный орган, разбирающий вопросы расторжения брака, раздела имущества и другие семейные вопросы, а также дела, связанные с преступлениями несовершеннолетних (Ким Чжунхёк. *Ваша тень понедельник*).

- Г.** Она с трудом подавила желание схватить со стола палочки для еды и метнуть их в его грудь, словно дротик из дартса* (с. 213).

*Дартс – игра, в которой игрок кидает дротик в круглую мишень, повешенную на стену. Игра зародилась несколько столетий тому назад на Британских островах (Ли Хён Су. *Сказание о новых кисэн*).

Не вызывает сомнений, что все единицы из этих примеров, ставшие объектами комментирования, являются общеизвестными для русскоязычного читателя, и переводчик не учел целевую аудиторию, нагрузив метатекстовое поле чрезмерной информацией.

Кроме того, избыточными являются сноски, комментирующие те элементы корейской культуры, которые из контекста становятся очевидны читателю, а следовательно, нулевые по своей функции. Рассмотрим некоторые примеры:

- Д.** «Ох, Господи, куда этот мир катится», – возмутился кто-то и зацокал языком* (с. 90).

*Корейцы прищёлкивают языком, цокают в знак осуждения (Ким Чжуен. *Рыбак не ломает камышей*).

- Е.** Прихватив с собой девочку, Сонгён первым делом заскочила в сервис-центр при районной администрации, чтобы сделать копию прописки Хаён по новому месту жительства* (с. 170).

*В Южной Корее действует примерно такая же система регистрации по месту жительства, что и в России (Со Миэ. *Единственный ребенок*).

Переводческие комментарии, искажающие задумку автора, ошибочные по сути или по форме

Существует также случай нецелесообразного использования комментария, когда при неправильном расставлении переводчиком акцентов нарушается коммуникативная задача.

- А.** Наволочка, которую, казалось, не стирали со времен Корейской войны* (с. 107).

*Корейская война – вооруженный конфликт между Северной и Южной Кореей, длившийся с 25 июня 1950 по 27 июля 1953 г. Война закончилась перемирием, официального окончания войны объявлено не было (Ким Миволь. *Восьмая комната*).

На данном примере видно, что коммуникативная задача нарушена: автор с юмором сообщает о том, что белье давно не стирали, а контекст предполагает наличие у читателя общей эрудиции о том, что Корейская война была более полувека назад.

- Б.** – Как можно вычерпать воды Хангана* маленьким черпаком? (с. 60)

*Ханган – река в Южной Корее. Длина – 514 км. Берет начало в хребте Тхэбэк, течет преимущественно по низкогорьям и холмистой местности, в низовьях по Ханганской низменности. Впадает в залив Канхваман Жёлтого моря. Протекает через г. Сеул (Ким Вон Иль. *Дом с глубоким двором*).

Цель коммуникации в данном случае – не дать энциклопедическое представление о географических свойствах, а привлечь внимание к тому, что автор с юмором отмечает, насколько сильным был дождь.

- В.** – Этот Хирохито-секи* захватил нашу страну, украл лучшую землю, рис, рыбу, а теперь наших молодых людей (с. 32).

*Хирохито – 124-й император Японии (25 декабря 1926 года – 7 января 1989 года). Принято считать, что в период подготовки к войнам – с Китаем (1937–1941) и Тихоокеанской войн (1941–1945) – и в ходе самих конфликтов оставался по большей части фигурой символической, призванной объединять и вдохновлять нацию. Конкретные планы по захвату территорий других государств разрабатывались министрами и военными, а Хирохито их лишь молчаливо утверждал (Ли Мин Чжин. *Дорога в тысячу ли*).

В данном примере переводчик поясняет, кем являлся император, но никак не комментирует оставленное в переводе в виде транскрипции корейское слово *секи*, являющееся ругательством.

Такие комментарии не выполняют своих функций и не способствуют пониманию читателем текста, что препятствует передаче авторского замысла и может стать причиной формирования негативного впечатления как о произведении, так и об авторе. Поэтому переводчику для того, чтобы избежать таких нежелательных последствий, перед началом работы над каждым новым произведением необходимо разрабатывать стратегию

для реализации более эффективной переводческой метакommunikации.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В заключение отметим, что главной задачей переводчика художественной литературы является передача коммуникативного потенциала произведения, что осложнено его лакунарностью. Переводчик, выступая в роли медиума, призван помочь читателям, принадлежащим другой лингвокультуре, считать все лингвистические и культурные коды произведения. Использование переводческих комментариев как одного из средств метакommunikативной деятельности переводчика там, где внутритекстовой интерпретации оказывается недостаточно, позволяет избежать коммуникативной неудачи, проявляющейся в неполной передаче

коммуникативного потенциала авторского текста. Комментарии, выступая в качестве компенсаторного приема, помогают восполнить лакуны, возникающие из-за различий национальных картин мира, носителями которых являются автор литературного произведения и получатель перевода.

Эффективность использования переводческих комментариев зависит от учета особенностей целевой аудитории, единого подхода к комментированию, обусловленности комментирования каждой конкретной единицы. Одной из важных задач переводчика при переводе является поиск баланса между сохранением культурных конвенций исходного языка и культуры, а также нивелированием различий между двумя языковыми культурами с целью адаптации текста для большего соответствия принимающей целевой культуре.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Похолкова Е. А. Роль переводческих комментариев в переводах южнокорейской литературы на русский язык // *Корейский полуостров: история и современность*. М.: ИДВ РАН, 2020. С. 322–337.
2. Остапенко Д. И. Функциональная и структурная характеристика метатекста (на материале переводческих предисловий и примечаний): дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2014.
3. Кашкин В. Б., Остапенко Д. И. О метакommunikации переводчика // *Вопросы когнитивной лингвистики*. 2011. Вып. 2 (027). С. 73–76.
4. Арутюнова Н. Д. Фактор адресата // *Известия Академии наук СССР. Серия литературы и языка*. 1981. Вып. 4 (40). С. 356–367.
5. Мильчин А. Э., Чельцова Л. К. *Справочник издателя и автора: Редакционно-издательское оформление издания*. М.: Олимп : Фирма «Издательство АСТ», 1999.
6. Тер-Минасова С. Г. *Язык и межкультурная коммуникация: учебное пособие*. М.: Слово/Slovo, 2000.
7. Казакова Т. А. *Художественный перевод. Теория и практика*. СПб.: ИнЪязиздат, 2006.
8. Коробейникова Н. Н. *Онтология комментария и его роль в понимании иноязычного художественного текста: автореф. дис. ... канд. филол. наук*. Барнаул, 2006.

REFERENCES

1. Pokholkova, E. A. (2020). Rol' perevodcheskih kommentariiev v perevodah yuzhnokorejskoj literatury na russkij yazyk = The role of translation comments in translations of South Korean literature into Russian. Moscow: Institute of the Far East of the Russian Academy of Sciences. (In Russ.)
2. Ostapenko, D. I. (2014). Funkcional'naya i strukturnaya harakteristika metateksta (na materiale perevodcheskih predislovij i primechanij) = Functional and structural characteristics of metatext (based on the material of translation introductions and notes): PhD in Philology. Voronezh. (In Russ.)
3. Kashkin, V. B., Ostapenko, D. I. (2011). O metakommunikacii perevodchika = About translator's metacommunication. Moscow: Issues of Cognitive Linguistics, 2(027), 73–76. (In Russ.)
4. Arutyunova, N. D. (1981). Faktor adresata = Recipient's factor. Izvestiya of the USSR Academy of Sciences. Literature and Language Series, 4(40), 356–367. (In Russ.)
5. Milchin, A. E., Cheltsova, L. K. (1999). Spravochnik izdatelya i avtora: Redakcionno-izd. oformlenie izdaniya = Publisher's and Author's Handbook: Editorial design of the publication. Moscow: Olympus: Publishing House AST. (In Russ.)
6. Ter-Minasova, S. G. (2000). Yazyk i mezhkul'turnaya kommunikaciya: uchebnoye posobie = Language and intercultural communication: study guide. Moscow: Slovo. (In Russ.)
7. Kazakova, T. A. (2006). Hudozhestvennyj perevod. Teoriya i praktika = Literary translation. Theory and practice. St. Petersburg: InYazizdat LLC. (In Russ.)
8. Korobejnikova, N. N. (2006). Ontologiya kommentariya i ego rol' v ponimanii inoyazychnogo hudozhestvennogo teksta = The ontology of commentary and its role in understanding a foreign literary text: PhD in Philology. Barnaul. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Чуб Алёна Игоревна

аспирант кафедры общего и сравнительного языкознания
Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Chub Alena Igorevna

PhD student, Department of General and Comparative Linguistics
Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию	18.08.2023	The article was submitted approved after reviewing accepted for publication
одобрена после рецензирования	20.09.2023	
принята к публикации	26.09.2023	

Динамические процессы в семантике фразеологизмов

Чэнь Сыфань¹, В. А. Пищальникова²

¹Синьцзянский университет, Урумчи, Китай

^{1,2}Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия

¹1476098038@qq.com, ²pishchalnikova@mail.ru

Аннотация. Авторы определяют ряд универсальных факторов, влияющих на изменение содержания фразеологизмов в разных языках, и устанавливают некоторые тенденции развития их структуры (изменение одного из компонентов структуры фразеологизма в русском языке, замена определенного иероглифа на семантически равнозначный, изменение порядка слов на обратный, сокращение количества элементов идиомы в русском и китайском языках) и семантики (расширение семантики, изменение семантики и исходной коннотации идиомы).

Ключевые слова: фразеологическая единица, фразеологическая система, семантика, семантическое изменение, коннотация

Для цитирования: Чэнь Сыфань, Пищальникова В. А. Динамические процессы в семантике фразеологизмов // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2023. Вып. 11 (879). С. 119–124.

Original article

Dynamic Processes in the Semantics of Phraseological Units

Chen Sifan¹, Vera A. Pishchalnikova²

¹Xinjiang University, Urumqi, China

^{1,2}Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia

¹1476098038@qq.com, ²pishchalnikova@mail.ru

Abstract. The authors define a number of universal factors that influence the change in content of Chinese phraseological units in different languages and establish some trends in the development of their structure (change of a component's structure in Russian, replacing a certain hieroglyph with a semantically equal one, changing the word order with reverse word order, reducing the number of elements in an idiom) and semantics (broadening of semantics, change of semantics and initial connotation of an idiom).

Keywords: phraseological unit, phraseological system, semantics, semantic change, connotation

For citation: Chen, Sifan, Pishchalnikova, V. A. (2023). Dynamic processes in the semantics of phraseological units. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 11(879), 119–124.

ВВЕДЕНИЕ

В процессе функционирования в качестве средства коммуникации язык претерпевает различные изменения, которые затрагивают все его элементы и их отношения, и идиоматические единицы не являются здесь исключением. Например, фразеологизм — 浆十饼, первоначально бывший свободным словосочетанием *похлебка да десяток лепешек*, в современном китайском языке является устойчивым и имеет значение — 一碗浆, 十个饼. 比喻小恩小惠 «мизерная выгода»¹. Те же процессы наблюдаются при образовании русских фразеологических сращений разного происхождения типа *очертя голову* «смело до безрассудства». Свободное словосочетание *очертя голову* изначально обозначало распространенный ритуал древнерусского воинства, когда перед сражением очерчивали мечом над головой магический круг, который был призван защитить воина и дать ему силы. С изменением реалий обычай постепенно забылся, а словосочетание в связи с утратой мотивации перешло в разряд фразеологизмов.

Исследователи отмечают две основные тенденции в изменении фразеологической системы:

- 1) внутренние структурные изменения фразеологизма (частичные изменения формы или состава конкретного фразеологизма), приводящие к расширению или сужению его содержания;
- 2) возникновение новых идиоматических единиц или их постепенная архаизация и исчезновение.

Любое изменение конкретного фразеологизма, появление нового или утрата старого приводят к количественным и качественным сдвигам в их системе, что формально проявляется в изменении сочетаемости идиом.

Цель настоящей статьи заключается в сравнении некоторых тенденций в структурно-семантической динамике китайских и русских фразеологизмов.

Материал исследования извлечен из различных китайских и общеизвестных русских словарей идиом и научной китайской литературы, посвященной исследованию фразеологических единиц (Ма Гофань, Гао Гэдун, 1982; Вэнь Дуаньчжэн, 1985; Сунь Вэйчжан, 1989; У Чжанькунь, 2007; Яо Сюань, 2013²).

Фразеологизм обычно понимается как свойственное только данному языку устойчивое сочетание слов, содержание которого не определяется значением входящих в него отдельных слов. Для

целей нашего исследования наиболее информативным является определение А. Л. Семенас: «Фразеологизм (или фразеологический оборот) – готовое выражение, которое является лексически неделимым, обладающим устойчивой структурой и семантической целостностью, характеризуется структурным многообразием формы и разным количественным составом» [Семенас, 2000, с. 127].

В китайской и русской культурах употребление фразеологизмов – показатель убедительности речи, ее эмоциональности, образованности говорящего, поэтому изданию словарей разных идиом и распространению последних уделяется большое внимание [武占坤, 2007, 页. 3]. Источники идиом различны, как неодинаковы и степень их изменения в истории существования языка; некоторые изменения настолько существенны, что уже требуют специальных комментариев.

В настоящее время русская фразеологическая система изучена детально и в разных аспектах, а китайская требует глубокого диахронического осмысления. Китайские лингвисты выделяют пять основных групп фразеологизмов китайского языка [姚锡远, 2013, 页. 18]:

1) **Чэньюй** (成语) как готовые выражения параллельной и непараллельной конструкций – «人们长期以来习用的、简洁精练的定型词组或短»³. Лаконичные стереотипные фразы или короткие предложения, которые используются в течение длительного времени и в большинстве случаев состоят из четырех иероглифов, например: 后来居上 – *выходить из отстающих в передовые*.

2) **Яньюй** (谚语) – поговорки, привычные выражения, по терминологии Л. А. Семенас: «在民间流传的固定语句, 用简单通俗的话反映出深刻的道理»⁴. Это устойчивые фразы, распространенные среди людей и отражающие глубокие истины простыми и понятными словами, например: 三百六十行, 行行出状元 – *существует триста шестьдесят профессий, и в каждой можно стать мастером*.

3) **Сехоуэй** (歇后语) – иносказания-недоговорки, двучленные устойчивые обороты, первая часть которых – загадка, вторая – отгадка: 半悬空中刷浆子 – 胡云 – *говорить вздор* (букв.: 'размазывать клейстер по поднебесью, клеить облака'). Словарь дает следующее определение этому фразеологизму: «由两个部分组成的一句话, 前一部分像谜面, 后一部分像谜底, 通常只说前一部分, 而本意在后一部»⁵. – Предложение, состоящее из двух частей, первая часть похожа на загадку,

¹汉语大辞典. URL: <http://www.hydc.com/cd>

² URL: <https://rus-phraseology-dict.slovaronline.com>

³ 现代汉语词典. 2016. С. 166.

⁴ 现代汉语词典. 2016. С. 1552

⁵ 现代汉语词典. 2016. С. 1447.

вторая часть похожа на ответ, обычно воспроизводится только первая часть, а первоначальный замысел заключается во второй части, например: 泥菩萨过江 – 自身难保 – *глиняный бодхисатва переходит вброд реку – даже собственное тело трудно сохранить в целостности.*

4) Термин **гуаньюньюй** (惯用语) появился только в 60-е гг. XX в. и обозначает тип фразеологических сочетаний, состоящих из трех иероглифов – «熟语的一种, 常以口语色彩较浓的固定词组表达一个完整的意思, 多用其比喻意义»¹. – Группа идиом, которая фиксирует очевидно разговорное метафорическое значение, например: 交白卷 – *провалиться на экзамене (букв.: 'сдавать чистый свиток')*. Такие фразеологизмы часто переводятся как народные речения. Китайские исследователи Ма Гофань, Гао Гэдун и Вэнь Дуанчжэнь считают возможным отнести этот тип фразеологизмов к поговоркам и называют отличительными особенностями гуаньюньюй частотное употребление в устной речи и выраженную разговорность [马国凡, 高歌东, 1982; 温端政, 1985].

5) **Суюй** (俗语), которые некоторыми исследователями относятся к гуаньюньюй, – «通俗并广泛流行的定型的语句, 简练而形象化, 大多数是劳动人民创造出来的, 反映人民的生活经验和愿望»². – Популярны и широко распространенные шаблонные предложения, лаконичные и наглядные, отражающими жизненный опыт и пожелания людей; большинство из них создано трудящимися людьми, например: 天下无难事, 只怕有心人 – *В мире нет трудных дел – нужны лишь усердные люди.*

СТРУКТУРНОЕ ИЗМЕНЕНИЕ ИДИОМАТИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ

В силу структурно-семантической устойчивости фразеологизмы используются в течение длительного исторического периода функционирования языка, однако под влиянием различных культурных, социальных, исторических факторов они постепенно изменяются. При этом некоторые изменения более очевидны, другие – менее. Внутреннее изменение идиоматической единицы проявляется в трех аспектах: структурном, семантическом, прагматическом.

Формальная вариативность фразеологизмов возникает, с одной стороны, в силу постоянного использования идиом в речи для выражения актуальных для индивидов смыслов, когда происходит некоторый сдвиг в значении в связи с конкретным прагматическим намерением

¹ Там же. С. 484.

² 现代汉语词典. 2016. С. 1247.

говорящего и, следовательно, возникает необходимость замены какого-то формального компонента для репрезентации этого нового смысла. С другой – такая вариативность является следствием стабильности содержательной стороны фразеологизма, компоненты которого составляют неделимое целое.

Синхронно сосуществуют классическая и современная формы как два варианта исходной идиомы. Поскольку оба варианта совпадают по семантике и прагматической функции, в коммуникации они могут произвольно заменяться по желанию говорящего без каких-либо условий.

При сопоставлении разных языковых систем наиболее специфично формальное изменение китайского фразеологизма, что определяется типологическими характеристиками языка и способами репрезентации содержания. Такое изменение может быть представлено тремя вариантами.

Изменение компонентов фразеологизма

Слова, которые когда-то были общеупотребительными, в силу разных причин постепенно снижают частотность или ими перестают пользоваться вообще. Некоторые современные формы фразеологизмов появляются вследствие замены отдельных иероглифов в классических формах другими, но с тем же значением. Так, классическая форма 宁为鸡口, 勿为牛后³ (букв.: 'Лучше быть клювом курицы, чем хвостом быка') заменяется современной формой 宁做鸡头, 不做牛尾 с тем же значением «Лучше быть первым среди последних». В русском языке могут быть отмечены аналогичные по семантике, но формально различные процессы, особенно в художественной речи (*выгрузить свою душу, искриться от счастья*), хотя в некоторых фразеологизмах замена одного из компонентов может быть и нормативной (*шевелить мозгами / шевелить извилинами*).

Инверсивный порядок слов

По замечанию П. С. Дронова, в русском языке инверсия характеризует едва ли не каждый третий контекст использования идиомы и часто изменяет ее тема-рематическое членение (явление топикализации) [Дронов, 2018]. В китайском языке в процессе употребления некоторых идиоматических выражений, особенно параллельных чэньюй, тоже возможно изменение порядка слов, что приводит к возникновению одного или двух вариантов исходной формы. Например, исходная форма 改天

³ 中华成语词典. 2008. С. 395.

换地 изменяется в 改地换天¹ (букв.: 'Смени землю на небо'), что означает «Измени себя радикально» и может относиться к преобразованию социальной среды или природы. Отметим, что такое изменение фразеологической единицы возможно далеко не всегда в силу чередования тонов и ритма в китайском языке.

Сокращение количества элементов фразеологизма

Структурное сокращение в основном встречается в чэньюй. Большинство китайских чэньюй имеют четыре иероглифа, поэтому некоторые, состоящие более чем из четырех компонентов, могут быть сжаты в четырехсимвольные по аналогии с этим форматом. При этом семантика фразеологизма разрушается, но можно сократить такие фразеологизмы и до трехсимвольных. За счет сокращений образуются (1) вариации с неравными слогами, объединенными одним инвариантным значением: 人自有天相 (шесть слогов) → 吉人天相 (четыре слога)². Хорошему человеку небо помогает, хорошему человеку всё удаётся; (2) 巧妇难为无米之炊 → 无米之炊³. Без риса даже искусной хозяйке каши не сварить. Эти варианты объединены общим метафорически представленным значением – «невозможно сделать что-то без необходимых условий». Возможно развитие сокращенных вариантов с изменением смысла всей фразы: 一举手之劳 → 举手之劳⁴ (букв.: 'Труд, который можно выполнить, просто подняв руку') – *делать что-то легко, без усилий*. Аналогичные процессы отмечаются и в русском языке (*нет дыма без огня – дым без огня и под.*), но более частотное расширение состава фразеологизма, особенно в разговорной и художественной речи (*сесть в лужу / сесть в глубокою лужу / сесть в самую лужу и под.*).

Изменение семантики фразеологизмов

Еще одним аспектом развития и изменения фразеологизмов является изменение семантики, происходящее в несколько этапов.

Расширение семантики

На ранней стадии формирования китайских идиоматических единиц их семантика часто бывает узкой. Однако в процессе длительного употребления

значение способно расширяться. Так, 天高地厚⁵ (букв.: 'Небо высоко, а земля огромна') имеет значение «грандиозный, высокий, далеко идущий». Во времена династии Юань (1271–1368) возникло расширение значения идиомы, и теперь она используется для обозначения доброты⁶ наряду со значением «быть невежественным и заносчивым, зазнаваться» (букв.: 'Не знать необъятности неба и земли'). В русском языке такое явление не встречается, а некоторое расширение семантики идиом связано с включением в его состав какого-либо компонента, сужение – с усечением: *последний писк изменчивой моды, но голод не тетка*.

Изменение семантики

Семантическое изменение, в отличие от семантического расширения, заключается в том, что постепенно изначальное значение исчезает из языка, а в общении используется только новое, тогда как при расширении возникшие в разное время значения фразеологизма синхронно сосуществуют (1) 大吹大擂⁷ (букв.: 'Громко трубить и бить в барабан') в значении «устраивать шумиху, похвальнось, бахвалиться» и (2) 梁上君子⁸ (букв.: 'Люди прячутся на балках крыши') в значении «человек, который не понимает ситуацию и оторван от реальности».

Изменение коннотации фразеологизма

В этом случае фразеологизмы, которые изначально выражали отрицательные или нейтральные коннотации, приобретают положительную коннотацию и наоборот. Например, 道貌岸然⁹ первоначально используется для обозначения достойного поведения и серьезности, торжественности и акцентирует положительное эмоциональное отношение к человеку как носителю такого поведения – 'представительный'. В современном китайском языке данный фразеологизм приобрел отрицательную окраску и используется для характеристики лицемерного человека [孙维张, 1989].

Подобные примеры в русских идиомах не отмечены. Интересна особая проблема фиксации во фразеологизмах культурной коннотации, связанной с этнопсихологическими особенностями носителей разных лингвокультур, но она требует специального исследования в рамках иной парадигмы.

¹中华成语词典. 2008. С. 186

²Там же. С. 264.

³Там же. С. 568.

⁴Там же. С. 311.

⁵Там же. С. 524.

⁶中华成语词典. 2004. С. 664.

⁷中华成语词典. 2008. С. 114.

⁸中华成语词典. 2004. С. 426.

⁹中华成语词典. 2004. С. 426.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Под влиянием культурных, социальных и исторических факторов идиоматическая единица изменяется структурно и семантически. В китайском языке на основе структурных изменений идиом могут возникать их варианты, объединяемые инвариантным семантическим содержанием, но наличие структурной модификации не всегда ведет к изменению значения. Наиболее частотные способы структурного изменения фразеологизмов – это замена определенного иероглифа на семантически равнозначный, что, как правило, не приводит

к изменению значения устойчивой единицы; изменение порядка слов на обратный, которое обычно сопровождается изменением значения фразеологизма; сокращение количества элементов идиомы.

К частотным способам изменения семантики фразеологизмов отнесем (1) расширение семантики, когда идиома приобретает в процессе функционирования новое значение; (2) утрата фразеологизмом этимологического значения и развитие нового; (3) изменение коннотации идиомы на противоположную при сохранении формального состава.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Семенас А. Л. Лексика китайского языка. М.: Муравей, 2000.
2. 武占坤. 汉语熟语通论. 河北: 河北大学出版社, 2007 = У Чжанькунь. Теория китайских идиом. Хэбэй: Хэбэйский университет, 2007.
3. 姚锡远. 熟语学纲要. 郑州: 大象出版社, 2013 = Яо Сиюань. Очерк фразеологии. Чжэнчжоу: Дасян, 2013
4. 马国凡, 高歌东. 惯用语. 呼和浩特: 内蒙古人民出版社, 1982 = Ма Гофань, Гао Гэдун. Привычные выражения. Хух-Хото: Народное издательство Внутренней Монголии, 1982.
5. 温端政. 歇后语. 北京: 商务印书馆, 1985 = Вэнь Дуаньчжэн. Сехоуюй. Пекин: Шануиньшугуань, 1985.
6. Дронов П. С. До потолка прыгать: лексико-грамматические изменения идиом семантического поля «Радость и удовольствие» // Научный диалог. 2018. № 12. С. 75–84.
7. 孙维张. 汉语熟语学. 吉林教育出版社, 1989 = Сунь Вэйчжан. Фразеология китайского языка. Образовательная пресса Цзилинь, 1989. С. 375–381.

REFERENCES

1. Semenias, A. L. (2000). *Leksika kitayskogo yazyka* = *Lexicon of the Chinese language*. Moscow: Muravei. (In Russ.)
2. 武占坤. 汉语熟语通论. 河北: 河北大学出版社, 2007. = Wu Zhankun (2007). *A General Theory of Chinese Idioms*. Hebei: Hebei University.
3. 姚锡远. 熟语学纲要. 郑州: 大象出版社, 2013. = Yao Xiyuan (2013). *Outline of Idioms*. Zhengzhou: Daxiang.
4. 马国凡, 高歌东. 惯用语. 呼和浩特: 内蒙古人民出版社, 1982. = Ma Guofan, Gao Gedong (1982). *Guan yong yu*. Hohhot: People's Publishing House of Inner Mongolia.
5. 温端政. 歇后语. 北京: 商务印书馆, 1985. = Wen Duanzheng (1985). *Xie hou yu*. Beijing: The Commercial Press.
6. Дронов, П. С. (2018). *Do potolka prygat'*: Lexical and Grammar Changes of Idioms of Semantic Field «Joy/Pleasure». *Scientific Dialogue*, 12, 75–84. (In Russ.)
7. 孙维张. 汉语熟语学. 吉林教育出版社, 1989. = Sun Weizhang (1989). *Chinese Idioms*. Jilin Educational Press.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Чэнь Сыфань

аспирант кафедры общего и сравнительного языкознания
Московского государственного лингвистического университета
Синьцзянский университет

Пищальникова Вера Анатольевна

доктор филологических наук, профессор
профессор кафедры общего и сравнительного языкознания Института иностранных языков имени М. Тореза
Московского государственного лингвистического университета
заведующий лабораторией психолингвистики
Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Chen Sifan

Postgraduate Student

at the Department of General and Comparative Linguistics, Moscow State Linguistic University

Xinjiang University, Urumqi, China

Pishchalnikova Vera Anatolievna

Doctor of Philology (Dr. habil.), Professor

Professor at the Department of General and Comparative Linguistics,

The Maurice Thorez Institute of Foreign Languages, Moscow State Linguistic University

Head of Psycholinguistics Laboratory, Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию	28.08.2023	The article was submitted approved after reviewing accepted for publication
одобрена после рецензирования	25.09.2023	
принята к публикации	26.09.2023	

Эгоцентрическая лексическая семантика китайского глагола 来

А. А. Шахаева

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
shakhaevaal@gmail.com

Аннотация. С приходом когнитивистики языковые явления рассматриваются как результат когнитивной деятельности человека, и семантика языкового знака так или иначе рассматривается в связи с субъектом сознания, в силу чего характеризуется субъективностью и эгоцентричностью. Представленная статья ставит целью определить степень эгоцентричности семантики китайского глагола 来, которая в грамматиках традиционно трактуется в тесной связи с говорящим лицом. Материалом исследования послужили контексты из корпусов современного китайского языка. Основные методы – метод компонентного и контекстуального анализа.

Ключевые слова: лексическая семантика, эгоцентричность, китайские глаголы направления движения, когнитивная лингвистика

Для цитирования: Шахаева А. А. Эгоцентрическая лексическая семантика китайского глагола 来 // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2023. Вып. 11 (879). С. 125–129.

Original article

The Egocentric Semantics of the Chinese Directional Motion Verb 来

Aleksandra A. Shakhaeva

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
shakhaevaal@gmail.com

Abstract. The article is devoted to the semantics of Chinese direction motion verb 来 based on parameters identified by L. Talmy. According to the analysis of the motion event components interaction (Figure, Ground, Path, Motion) with speaker in the verb's semantics, its egocentric features were revealed. The material for the research is contexts from online Chinese corpora. The research methods include component and context analyses.

Keywords: lexical semantics, egocentric, Chinese directional motion verbs, cognitive linguistics

For citation: Shakhaeva, A. A. (2023). The egocentric semantics of the Chinese directional motion verb 来. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 11(879), 125–129.

ВВЕДЕНИЕ

На сегодняшний день решение проблем языкового эгоцентризма становится все более актуальным, о чем говорят работы таких видных исследователей, как Е. С. Кубрякова, Ю. С. Степанов, Е. В. Падучева, А. В. Кравченко и др. По мнению В. А. Гуреева, это «свидетельствует о смене приоритетов, о переходе от лингвистики традиционной с ее доминирующим вниманием к языковым формам, рассматриваемым вне связей с разнообразными аспектами бытия языка, к лингвистике антропоцентрической, предполагающей исследование языка в непосредственной связи с индивидуумом» [Гуреев, 2004, с. 57]. Таким образом, новый взгляд на язык предполагает то, что индивидуальный опыт человека посредством когнитивной деятельности преломляется в языке и воссоздает свою субъективную картинку, в которой неизбежно присутствует и сам человек. Поэтому исходным пунктом для анализа любых языковых явлений является человек, и для современной лингвистики характерны такие понятия, как субъективность, эгоцентричность, а также говорящий и наблюдатель.

В китайском языке семантика базовых глаголов направления движения 来 и 去 всегда трактуется относительно говорящего лица. По точному замечанию Е. В. Падучевой, «говорящий как субъект сознания обнаруживает себя в контексте слов и синтаксических конструкций, где субъект состояния подразумевается семантикой предиката, но не выражен или даже не может быть выражен в тексте высказывания» [Падучева, 2019, с. 45]. В силу этого исследовательский интерес представляет фигура говорящего в семантике данных единиц.

Ранее¹ мы рассмотрели эгоцентричность семантики глагола 去 и выявили, что он является вторичным эгоцентриком. В данной статье мы обратимся к рассмотрению семантики глагола 来.

ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Глагол 来 наряду с глаголом 去 является базовым глаголом закрытой группы глаголов направленного движения в китайском языке и относится к эгоцентрическим единицами т. е. словам, «семантика которых подразумевает в качестве одного из участников описываемой ситуации говорящего» [Падучева, 2019, с. 17].

Обзор работ по грамматике китайского языка свидетельствует о том, что глагол 来 обозначает «общее направление к ГОВОРЯЩЕМУ лицу (здесь и далее выделено Шахаевой А. А.)» [Горелов, 1989, с. 52]; «при наличии *lai* место НАБЛЮДАТЕЛЯ

совпадает с КТД²» [Тань, 2002, с. 198]; «ориентиром глагола 来 обычно является местонахождение ГОВОРЯЩЕГО в момент речи» [Лян Сяонань, 2010, с. 58]. Глагол 来, по мнению Т. П. Задоевко и Хуан Шуин, передает идею перемещения, ориентированного по отношению к ГОВОРЯЩЕМУ [Задоевко, Хуан Шуин, 2010, с. 271].

Все это свидетельствует о том, что говорящий и/или наблюдатель должен быть одним из участников описываемой глаголом ситуации, т. е. являться одним из компонентов ситуации направленного движения, которая содержится в семантике единицы, «иными словами, в толкование значения этих языковых единиц входит предикат (речи, сознания, восприятия или близкий к нему), у которого говорящий является субъектом» [Падучева, 2019, с. 47].

МАТЕРИАЛ И МЕТОДИКА ИССЛЕДОВАНИЯ

Обращаясь к описанию ситуации направленного движения, которая представлена в семантике глагола 来, мы будем использовать введенные Л. Талми понятия для отражения концептуальной глагольной семантики: Фигура (Figure), Фона (Ground), Путь (Path) и Движение (Motion). «The basic motion event consists of one object (the 'Figure') moving or located with respect to another object (the referent-object or 'Ground'). It is analyzed as having four components: besides 'Figure' and 'Ground', there are 'Path' and 'Motion'. The 'Path' (with a capital P) is the followed or site occupied by the Figure object with respect to the Ground object. 'Motion' (with a capital M) refers to the presence per se in the event of motion or location (only these two motion states are structurally distinguished by language)» [Talmy, 1985, с. 61]. Так, значение глагола 来, которое представлено в работах по грамматике китайского языка, предполагает совпадение местоположения говорящего / наблюдателя с Фоном, но на наш взгляд, есть много примеров того, где в качестве ориентира движения выступает совсем не то место, где находится говорящий в момент речи [Шахаева, 2014]. Более того, сама фигура Говорящего приобретает разные характеристики в разных контекстах, что говорит о необходимости более детального рассмотрения места говорящего среди концептов, составляющих семантику ситуации направленного движения глагола.

Наряду с этим интересно проследить соотношение местоположения Говорящего и Фона в ситуациях направленного движения базовых глаголов 来 и 去, что позволит выявить, равнозначна ли фигура Говорящего и полностью ли

¹ См.: [Шахаева, 2020].

² КТД – конечная точка движения (сокращение Тань Аошуан).

противоположный вектор движения (Путь) отражается в семантике данных единиц.

ИССЛЕДОВАНИЕ

Для описания семантики эгоцентрика 来 вслед за Е. В. Падучевой обратимся к анализу режимов интерпретации ситуаций с глаголом. Методом сплошной выборки из корпусов современного китайского языка 北京语言大学BCC语料库¹, 北京大学中国语言学研究中心 CCL语料库², 现代汉语语料库检索³ были отобраны 150 контекстов с глаголом и разделены для анализа по двум режимам – речевому и нарративному. Ниже рассмотрим основные ситуации с глаголом 来, которые были выявлены в процессе анализа.

- (1) 下一件事我所知道的, 就是你来了。
- (2) 来这里一个多月, 我充分体会到农工们生活和劳动的艰苦。
- (3) 他来的时候你打个电话告诉我。我要见见他, 有两句话跟他说。
- (4) 你学哲学, 他马上来帮助你、指导你, 断章取义摘录许多经典著作里的词句背给你听, …。
- (5) 门口来了“强横叫化子”, 他大把的铜板施舍径大概也带些浪子气息。
- (6) 几十个骑着高头大马的人站在河堤上。虽然隔着几百米, 但她看到, 那些马和樊三爷家的大种马一模一样。日本鬼子! 日本鬼子来了, 日本鬼子到底来了 …。

К речевому режиму относятся предложения (1), (2) и (3), (4), к нарративному – предложения (5) и (6).

Рассмотрим компоненты *Фон*, *Фигура* и *Говорящий* в каждой из предложенных ситуаций.

Анализируя ситуации с позиции Говорящего, можно заметить, что фигура Говорящего в предложениях (1), (2) и (3), (4) отличается от Говорящего в предложении (6): в первом случае Говорящий – «я», первое лицо, во втором случае уже сложно говорить о Говорящем как таковом, в данном случае уместно говорить о коммуникативной роли говорящего, которую выполняет герой повествования – «она». В предложении (5) Говорящего в принципе нет, есть только повествователь, который не может быть отождествлен с Говорящим.

Рассмотрение предложений с позиций компонента *Фон* позволяет говорить о том, что в предложении (1) и (2) Фон, относительно которого совершается движение, т. е. конечная точка Пути, совпадает с местоположением говорящего: в первом случае это импликация – «я нахожусь в

данном месте», а во втором Фон конкретно обозначен – 这里 (данное место).

В предложении (4) мы наблюдаем дейктическую проекцию, т. е. вместо ориентации на говорящего «我» возникает ориентация на второго участника речевой ситуации – адресата «你», т. е. Фоном выступает местоположение не Говорящего, а местоположение адресата.

В предложении (3) Фон отличается от остальных тем, что не является фактическим местонахождением Говорящего в момент речи; в данном случае реализуется движение к месту, в котором ожидается присутствие говорящего или адресата. Такого рода ситуацию К. Годдар описывает следующим образом:

The speaker alludes to his or her expectation that someone (evidently the addressee, in this case) would be able to think 'X is in the place where I am' – even though in reality this expected situation never came to pass. – Говорящий ссылается на свое ожидание того, что кто-то (очевидно, что в данном случае это адресат) сможет подумать: «X находится в том месте, где нахожусь я» – событие, которое мыслится в реальности и в ожидаемой ситуации не будет реализовано [Goddard, 2011, с. 256].

Предложения (5) и (6) относятся к нарративному режиму. В предложении (5) Фоном выступает местоположение героя повествования – 她, такой род проекции Е. В. Падучева называет «нарративной проекцией» [Падучева, 2019, с. 281]. В предложении (5) можно наблюдать ситуацию, когда в качестве дейктического центра, Фона, выступает тема повествования.

Таким образом, мы можем наблюдать, что из всех рассмотренных ситуаций только в одном случае Фон находит семантическое выражение – в предложении (2), в остальных ситуациях Фон дейктически заполнен и не выражен поверхностно, он совпадает с местоположением фигуры Говорящего или местоположением героя повествования.

Как можно наблюдать, компонент Говорящий, «я», только в предложении (2) является Фигурой в ситуации движения; в предложении (1) Фигура – это собеседник, т. е. 2-е лицо – «ты»; в предложении (3) Фигура – 3-е лицо – «он»; в (5) и (6) предложениях Фигура – персонаж повествования.

Таким образом, в разных режимах интерпретации такие компоненты ситуации движения, как Фон и Говорящий, отличаются, в частности, диалогический режим допускает в качестве Фона не только местоположение Говорящего, но и место, которое как-то связано с говорящим – место ожидаемого присутствия Говорящего. Наряду с этим,

¹ URL: <http://http://bcc.blcu.edu.cn/>

² URL: http://ccl.pku.edu.cn:8080/ccl_corpus/

³ URL: <http://corpus.zhonghuayuwen.org/index.aspx>

если Фигура – говорящее лицо, то может наблюдаться и дейктическая проекция, т. е. Фоном выступает слушающий, и в такой ситуации происходит переориентация на слушателя.

Фигура Говорящего в разных режимах также отлична. Очевидно, что в нарративном режиме появляется нарративная проекция, т. е. исполнителем роли говорящего выступает персонаж повествования. Еще одним важным отличием нарративного режима от диалогического является фигура Наблюдателя, которая появляется только в нарративном режиме.

Анализ позволяет сделать еще одно важное наблюдение: в семантике глагола 来 Фон совпадает с местоположением фигуры Говорящего или местоположением героя повествования и, тем самым, всегда находит дейктическое заполнение, в отличие от семантики 去, ситуации с которым всегда требуют синтаксического заполнения, т. е. точного обозначения конечной точки движения.

Опираясь на схему, предложенную К. Годдардом при рассмотрении ситуации движения с английскими глаголами *come* и *go*, мы можем представить значение китайского глагола 来 следующим образом:

X 来 место «А» =
до начала движения X находился в каком-то месте
X необходимо быть в другом месте
по этой причине X совершал движение в течение
какого-то времени
в результате чего X попал в место «А»
некто в данном месте может подумать, что
X находится в том же месте, что и я.

Другими словами, кто-то в результате направленного движения с целью занять определенное место попал туда, где находится Говорящий «я», т. е. кто-то появился в поле зрения Говорящего и слушающего, если речь идет о речевом режиме. В нарративном режиме, как мы увидели выше, место «А» может совпадать с местоположением героя повествования или быть темой повествования. Исходя из этого, мы ясно понимаем

расположение места «А», в связи с чем оно часто не выражается семантически.

ВЫВОДЫ

Таким образом, при анализе компонентов ситуации направленного движения семантики китайского глагола 来 были выявлены следующие позиции Говорящего в семантике глагола в диалогическом режиме:

- Говорящий = Фон движения Фигуры;
- Говорящий = Фигура;
- Говорящий = ожидаемое место;
- Говорящий выпадает из ситуации направленного движения, и Фон перефокусируется на адресата сообщения (дейктическая проекция).

В нарративном режиме ориентация на Говорящего заменяется на ориентацию на героя повествования или на тему повествования.

Всё это свидетельствует о том, что глагол 来 так же, как и 去, является вторичным, т. е. мягким эгоцентриком, но степень его эгоцентричности гораздо выше.

Подводя итог, мы можем констатировать, что ситуация направленного движения, которая отражена в семантике глагола 来, помимо таких компонентов, как Фон, Фигура, Путь, Движение, содержит компонент Говорящий, местоположение которого совпадает с Фоном, о чем свидетельствует тот факт, что в речевом режиме для него не характерно эксплицитно указывать конечную точку движения – местоположение говорящего. В отличие от семантики глагола 去, где «в семантике глагола не наблюдается Говорящий как участник ситуации движения» [Шахаева, 2020, с. 145]. То есть, несмотря на то что оба глагола относятся к мягким эгоцентрикам, соотношение компонентов *Говорящий* в семантике базовых китайских глаголов направленного движения 来 и 去 не равнозначно, следовательно, мы можем утверждать, что они не противопоставлены по компоненту Путь (вектор движения) и привычная интерпретация их значений *к говорящему* и *от говорящего* не совсем корректна.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Гуреев В. А. Языковой эгоцентризм в новых парадигмах знания // Вопросы языкознания. 2004. № 2. С. 57–67.
2. Падучева Е. В. Эгоцентрические единицы языка. 2-е изд. М.: Издательский дом ЯСК, 2019.
3. Шахаева А. А. Эгоцентричность семантики китайского глагола направленного движения 去 // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2020. Вып. 8 (837). С. 139–149.
4. Горелов В. И. Теоретическая грамматика китайского языка. М.: Просвещение, 1989.
5. Тань Аошуан. Проблемы скрытой грамматики: синтаксис, семантика и прагматика языка изолирующего строя (на примере китайского языка). М.: Языки славянской культуры, 2002.

6. Лян Сяонань, Ду Хунцзюнь. Особенности значения «ориентированность движения» у китайских глаголов движения lai и qu // Язык, сознание, коммуникация: сб. статей / отв. ред. В. В. Красных, А. И. Изотов. М.: МАКС Пресс, 2010. Вып. 41. С. 55–58.
7. Задоевко Т. П., Хуан Шуин. Начальный курс китайского языка. 5-е изд., испр. и доп. М.: Восточная книга, 2010. Ч. 2.
8. Talmy L. Lexicalization patterns: semantic structure in lexical forms // Timothy Shopen, ed. Language typology and syntactic description, second edition. Cambridge: Cambridge University press, 1985. Vol. III. Grammatical categories and the lexicon. P. 57–149.
9. Шахаева А. А. Типология глаголов направления движения в разноструктурных языках (на материале бурятского и китайского языков): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Улан-Удэ, 2014.
10. Goddar C. Semantic Analysis: A Practical introduction. 2nd ed. Oxford: Oxford University Press, 2011.

REFERENCES

1. Gurejev, V. A. (2004). Linguistic egocentrism in new paradigms of knowledge. Topics in the Study of Language, 2, 57–67. (In Russ.)
2. Paducheva, E. V. (2019). Jegocentricheskie edinicy jazyka = Egocentric units of language. 2nd ed. Moscow: LRC Publishing House. (In Russ.)
3. Shakhaeva, A. A. (2020). The egocentric semantics of the Chinese directional motion verb 去. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 8(837), 139–149. (In Russ.)
4. Gorelov, V. I. (1989). Teoreticheskaja grammatika kitajskogo jazyka = Theoretical Chinese grammar. Moscow: Prosveshcheniye. (In Russ.)
5. Tan, Aoshuan. (2002). Problemy skrytoj grammatiki: sintaksis, semantika i pragmatika jazyka izolirujushhego stroja (na primere kitajskogo jazyka) = Latent grammar problems: syntax, semantics and pragmatics of isolating language (on the on the example of Chinese). Moscow: LRC Publishing House. (In Russ.)
6. Liang Xiaonan, Du Hungjun. (2010). Osobennosti znachenija "orientirovannost' dvizhenija" u kitajskih glagolov dvizhenija lai i qu = Features of the meaning "orientation of movement" in Chinese verbs of movement lai and qu. Jazyk, soznanie, kommunikacija (№ 41, pp. 84–90): collection of papers. Moscow: MAKS Press. (In Russ.)
7. Zadoenko, T. P., Huan Shuin. (2010). Nachal'nyj kurs kitajskogo yazyka = Beginner Chinese course. Moscow: Vostochnaya kniga. (In Russ.)
8. Talmy, L. (1985). Lexicalization patterns: semantic structure in lexical forms. Language typology and syntactic description (vol. 3. Grammatical categories and the lexicon, pp. 57–149). 2nd ed. Cambridge: Cambridge University press.
9. Shakhaeva, A. A. (2014). Tipologija glagolov napravljenija dvizhenija v raznostrukturnyh jazykah (na materiale burjatskogo i kitajskogo jazykov) = Typology of the direction motion verbs in languages with different structures (on the material of the Buryat and Chinese languages): abstract of PhD in Philology. Ulan-Ude. (In Russ.)
10. Goddar, C. (2011). Semantic Analysis: A Practical introduction. 2nd ed. Oxford: Oxford University Press.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Шахаева Александра Альбертовна

кандидат филологических наук
и.о. заведующего кафедрой подготовки преподавателей редких языков
доцент кафедры лексикологии английского языка факультета английского языка
Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Shakhaeva Aleksandra Albertovna

PhD (Philology)
Acting Head of the Department of Rare Languages Teaching Methodology
Associate Professor at the Department of the English Lexicology, Faculty of English
The Maurice Thorez Institute of Foreign Languages, Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию
одобрена после рецензирования
принята к публикации

27.08.2023
23.09.2023
26.09.2023

The article was submitted
approved after reviewing
accepted for publication

Научная статья
УДК 82.0

«Спор о древних и новых» в свете философской антропологии

А. П. Бондарев

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
prosaika@yandex.ru

Аннотация. «Спор о древних и новых», разгоревшийся на рубеже XVII–XVIII вв. между французскими «архаистами и новаторами», рассматривается как реакция интеллектуалов эпохи Людовика XIV на осознание ими факта «безосновности» человека Нового времени. Поиски способов преодоления «подвешенности» (Делёз) разделили спорщиков на поклонников Античности и на апологетов прогресса. Накопление аргументов pro et contra спонтанно вовлекло их в продолжающуюся и сегодня дискуссию по «проблеме человека» (Бубер), входящую в компетенцию философской антропологии.

Ключевые слова: философская антропология, проблема человека, мифология, история, традиция, новаторство, вживание, объективация, альтернативный монологизм, диалог

Для цитирования: Бондарев А. П. «Спор о древних и новых» в свете философской антропологии // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2023. Вып. 11 (879). С. 130–136.

Original article

“Quarrel of Ancients and Moderns” in the Light of Philosophical Anthropology

Alexandre P. Bondarev

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
prosaika@yandex.ru

Abstract. “The quarrel of ancients and moderns” which flared up at the turn of the 17th–18th centuries between the French “archaists and innovators”, is seen as a reaction of the intellectuals of the era of Louis XIV to their realization of the fact of the “foundless” of the man of the New Age. The search for ways to overcome “suspension” (Deleuze) divided the debaters into admirers of Antiquity and apologists for progress. The accumulation of pro et contra arguments spontaneously involved them in the ongoing discussion on the “problem of man” (Buber), which is the province of philosophical anthropology.

Keywords: philosophical anthropology, problem of man, mythology, history, tradition, innovation, empathy, objectivation, alternative monologism, dialogue

For citation: Bondarev, A. P. (2023). “The quarrel of ancients and moderns” in the light of philosophical anthropology. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 11(879), 130–136.

ФИЛОСОФСКО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ ВЗГЛЯД

«Спор о древних и новых», разгоревшийся на рубеже XVII–XVIII вв. между французскими «архаистами и новаторами», прозвучал откликом трудно самоидентифицирующегося исторического сознания на «проблему человека» – «мыслящего тростника» (Паскаль). Спор вербализовал инсайт – момент осознания европейскими интеллектуалами Нового времени собственной «безосновности» (Ungründung, Foundless, Le sans fond). В стремлении ценностно определиться в промежуточном положении между традиционным прошлым и новаторским будущим – классическим наследием Античности и неоклассицизмом XVII–XVIII вв. – проявлялась насущная необходимость преодолеть мировоззренческую «подвешенность» (suspension, G. Deleuze), подведя под нее диалектическое основание. Предчувствие эпохальности этой задачи и попытки разрешить ее средствами искусства спонтанно вовлекали спорщиков в круг проблем, входящих в компетенцию *философской антропологии*.

Триггером растянувшейся на отдаленное будущее дискуссии послужила поэма Шарля Перро «Век Людовика Великого» (“Le Siècle de Louis le Grand”), которую ее автор торжественно продекларировал 27 января 1687 г. на заседании Французской академии по случаю благополучного выздоровления Людовика XIV. С первых же строк дипломатично признав неоспоримые достоинства древних в области искусства, Перро все же заявил, что греко-римская классика ни в чем не превосходит современность и не может служить ей образцом для подражания:

La belle antiquité fut
toujours vénérable ;
Mais je ne crus jamais
qu'elle fût adorable.
Je vois les anciens,
sans plier les genoux ;
Ils sont grands, il est vrai,
mais hommes comme nous ;
Et l'on peut comparer, sans
craindre d'Être injuste,
Le siècle de Louis au beau
siècle d'Auguste.

Чтить древность славную
прилично, без сомненья,
Но не внушает мне она
благоговенья.
Величье древних
я не склонен умалять,
Но и великих нет нужды
обожествлять.
И век Людовика,
не заносясь в гордыне,
Я с веком Августа срав-
нить посмею ныне.

Перевод Н. В. Наумова

Утверждая, что древние были по своей природе такими же людьми, как и современники Людовика XIV (*Ils sont grands, il est vrai, mais hommes comme nous*), Перро изложил александрийским

стихом свое понимание закономерности исторической эволюции. Дискуссия разделила оппонентов на традиционалистов, призывавших объективировать актуальные события с позиции мифологических архетипов, и модернистов, ищущих способы придания современным типологическим сюжетам архетипического статуса всеобщности и необходимости. Однако пониманию спорщиками *диалогической* взаимообусловленности настоящего и прошлого – века Людовика XIV и века императора Августа – препятствовала ригидность *монологической* модели их сознания. Накапливая и оттачивая аргументы *pro* и *contra*, участники дискуссии постепенно обнаруживали себя в средоточии *вневременного архетипического конфликта* между природной мифологией и социальной историей.

ИЗ ПРЕДЫСТОРИИ «ПРОБЛЕМЫ ЧЕЛОВЕКА»

В работе «Проблема человека» Мартин Бубер сформулировал временные и мировоззренческие критерии безосновности, разделив историю культуры на два периода: «В истории человеческого духа я различаю эпохи обустроенности (Behau-stheit) и бездомности (Hauslosigkeit). В эпоху обустроенности человек живет во Вселенной как дома, в эпоху бездомности – как в диком поле...» [Бубер, 1999, с. 211].

Если во времена мировоззренческой «обустроенности» человек удостоивался получения поведенческого кодекса от «Бога или мифического существа» (М. Элиаде), подобного Скрижалим, адресованным Яхве Моисею, то историческое обесценивание когнитивного потенциала мифологической этиологии вынуждало обездомившего индивида аналитически вырабатывать средства социокультурной адаптации. Эпистемология призывала мыслящего тростника отказываться от априоризма в познании, догматизма в этике и нормативизма в эстетике. Признание прискорбного факта конечности своего существования побуждало его обращать самому себе вопросы о смысле и назначении человеческой жизни: «Вообразите множество людей в оковах, – аллегоризирует Блез Паскаль свое видение проблемы человека XVII века, – и все они приговорены к смерти, и каждый день кого-нибудь убивают на глазах у остальных, и те понимают, что им уготована та же участь, и глядят друг на друга, полные скорби и безнадежности, и ждут своей очереди. Это и есть картина человеческого существования» [Паскаль, 1974, с. 150].

Историческая неприкаянность изгоняет человека Нового времени из мифологической обустроенности. Осознающая свою безосновность языковая

личность с прискорбием констатирует дезинтеграцию означаемого и означающего – событийной фабулы и интерпретирующего ее сюжета. Согласно Мишелю Фуко, время распада тождества «слов и вещей» приходится на эпоху Возрождения: «Язык XVI века, – понимаемый не как эпизод в истории языка, а как глобальный опыт культуры, – без сомнения, оказался вовлеченным в эту игру, в этот промежуток между первичным Текстом и бесконечностью Истолкования [Фуко, 1994].

Аналитическая модель сознания складывается как защитная реакция на отпадение индивида от «коллективного субъективизма» (А. Н. Веселовский) «эпического состояния мира» (Гегель). В эпоху Ренессанса, обосновывает К. Г. Юнг классификацию психологических типов, онтологическому коллективизму противопоставляет себя метафизическая «необходимость признания индивидуальности, признания человека таким, каков он *есть*» [Юнг, 1995, с. 144]. Превращающийся в *индивида* (лат. *individuum*) атомизированный человек применяет к себе призыв древнегреческого поэта Пиндара: «Стань тем, кто ты есть, узнав, какой ты есть». Постулирование Мишелем Монтенем герменевтического первенства вопроса над ответом – *Que sais je?* (*Что может служить для меня достоверным знанием?*) – засвидетельствовало о готовности философа-самоучки, подобно легендарному «чародею и чернокнижнику» Иоганну Георгу Фаусту, отречься от догматизировавшегося авторитета *письма* (*l'écriture*, R. Barthes) и вторгнуться в необозримое пространство исторического *события*, раскинувшегося во времени от Античности до ее Ренессанса.

Мировоззренческая безосновность отчаяния вынуждала Монтеня отказаться от априорных религиозных и философских систем и непосредственно обратиться к «природе», автономно бытийствующей по непостижимым для схоластического сознания диалектическим законам «единства и борьбы противоположностей», «перехода количества в качество» и «отрицания отрицания». «Самый мудрый способ ввериться природе, – эксплицирует Монтень эмпирическую суть своего «коперниканского переворота» в метафизике, – сделать это как можно более просто. О, какой сладостной, мягкой, удобной подушкой для разумно устроенной головы являются незнание и нежелание знать! Я предпочел бы лучше понимать самого себя, чем Цицерона! Если я буду прилежным учеником, то мой собственный опыт вполне достаточно умудрит меня» [Монтень, 1979, кн. 3, с. 272].

Однако рефлексивному прояснению потенциала познания препятствовали недостоверные свидетельства органов чувств, разрыв между

когнитивной моделью сознания и внутренней диалектикой явлений и своевольная флуктуация автономных психических функций. Обоснование своего философского *скептицизма* Монтень изложил в главе «Апология Раймунда Сабундского»: «Тех преимуществ, которые человек из самомнения произвольно приписывает себе, просто не существует; и если он один из всех животных наделен свободой воображения и той *ненормальностью умственных способностей, в силу которой он видит и то, что есть, и то, чего нет, и то, что он хочет видеть, истинное и ложное вперемешку* (выделено нами. – А. Б.), то надо признать, что это преимущество достается ему дорогой ценой и что ему нечего им кичится, ибо отсюда ведет свое происхождение главный источник угнетающих его зол: пороки, болезни, нерешительность, смятение и отчаяние» [Монтень, 1979, кн. 2, с. 399].

В *ответ* на скептицизм Монтеня и его эпохи, облекшейся в барочный культеранизм и концептизм, с необходимостью возникает рационализм картезианства. В «Размышлениях о первой философии» (1641) Рене Декарт положительно противопоставил «непротяженную субстанцию» своего мышления «протяженной субстанции» своей телесности. Метод рационалистической дедукции, сформулированный им в силлогизме «*cogito – ergo sum*», предложил трансцендентальное преодоление безысходности позднеренессансного агностицизма. Последователь Декарта Иммануил Кант окончательно освободил математическую безупречность априорных синтетических суждений от иллюзорной феноменологии «вещи в себе».

На какое-то время картезианско-кантианский трансцендентализм подтвердил правоту древних, наметив путь выхода из лабиринта скептицизма на прямую дорогу рационалистической дедукции. Однако самоизоляция «чистого разума» востребовала метод эмпирической индукции, который реабилитировал призыв новых руководствоваться в познании данными эмпирического опыта.

МЕЖДУ СЦИЛЛОЙ ТРАДИЦИИ И ХАРИБДОЙ НОВАТОРСТВА

Отвергнув креативный потенциал «латинского гения» («*Le Génie latin*» – название сборника литературных эссе А. Франса, 1913 г.), Шарль Перро выступил в поддержку эвристического будущего эмпиризма. В жанре «Параллелей» между древними и новыми он провел аналогию между науками и искусствами: «Все науки и искусства, еще слабые и несовершенные, какими они были у древних, достигли высшего совершенства у новых» [Perrault, 1697, с. 17].

Мифологического Моисея, сподобившегося получить скрижали из рук Яхве, сменил отказавшийся от религиозной и философской схоластики Фауст. Начертанная Нострадамусом пентаграмма «духа земли» вдохновляла «чернокнижника» на познание законов мироздания посредством опыта и наблюдений:

Я больше этот знак люблю.
Мне дух земли родней, желанней.
Благодаря его влиянью
Я рвусь вперед, как во хмелю.

Перевод Б. Пастернака

С точки зрения философской антропологии Перро совершил ошибку, полагая, что открытия в естественных науках автоматически повышают эстетическую ценность произведений искусства. Его ошибку повторил Вольтер, отождествив «науки о духе» с «науками о природе» (В. Дильтей): «Буало и Расин, защищая древних против Перро... остерегались касаться астрономии и физики. Буало ограничился оправданием Гомера, он ловко обошел молчанием недостатки греческого поэта... Буало добивался одного – поднять на смех Перро, врага Гомера» [Вольтер, 1974, с. 177].

Чувствуя неправомочность механического отождествления гносеологии и эстетики, партия традиционалистов во главе с Никола Буало Депрео отвергла идею прогресса в искусстве, миметическая природа которого спонтанно отражала моральный и эстетический упадок человека, удалявшегося от мифологической и эпической монументальности богов и героев Античности. Автор аристотелевского по нормативизирующему пафосу трактата «Поэтическое искусство» воспринял поэму «Век Людовика Великого» как выражение плебейского высокомерия по отношению к благородному величию древних. «Это позор для Академии! – раздраженно отреагировал он на одобрение академиками поэмы Перро. – Ей нужна новая эмблема – стадо обезьян, которое смотрит на свое отражение в источнике с надписью *Sibi pulchri*» (лат.: Красивы для себя).

В «Критических размышлениях о некоторых местах из сочинений ратора Лонгина» Буало подверг ироничной критике тенденциозную преднамеренность Перро, готового противопоставлять «древним» всех «новых» на основании одного лишь хронологического критерия: «В своем последнем диалоге... он выступил в защиту Шаплена <...> у которого он часто находит больше смысла, чем у Гомера и Вергилия, и которого он ставит в один ряд с Тассо, говоря об “Освобожденном Иерусалиме” и “Девственнице” как о двух

современных произведениях, которые равно противостоят древним поэмам» [Буало, 1985, с. 277].

Вознеся Античность над современностью, Буало заявил о себе как о предшественнике Иоганна Иоахима Винкельмана, который, в статье «Мысли по поводу подражания греческим произведениям в живописи и скульптуре» (1755) смог увидеть и оценить в древнегреческой пластике торжество эстетического компонента над гносеологическим и этическим. На фоне бытовизации сюжетов современной Винкельману голландской живописи «благородная простота и спокойное величие греческих статуй» стали восприниматься им как вневременная «норма и недостижимый образец».

Изобразительное искусство отреагировало на дегероизацию облика человека Нового времени переходом от скульптуры к живописи. «Спокойная субстанциальная погруженность характера в себя наиболее подходит для того, чтобы служить предметом скульптуры», – фиксировал Гегель этапы самовыражения становящегося духа от пластики к живописи [Гегель, 2007, с. 161].

В самом деле скульптура «Копьеносец», воплотившая «канон Поликлета», являет собой образец совершенного человеческого тела. Ум, образованность, предприимчивость, моральные и социальные качества прототипов древнегреческих статуй не входили в эстетический кругозор Праксителя, Поликлета, Мирона, Фидия, а, следовательно, не составляли предмета их художественной рефлексии. Не отвечающая критериям «нормы и недостижимого образца» телесность Сократа представляет от имени внеэстетической ценности – трансцендентальной мудрости вопрошающего философствования.

В «Свободном рассуждении о древних и новых» единомышленник Шарля Перро, Бернар Фонтенель, обратил внимание на то, что современные поэты и художники обогащают классическое наследие новыми знаниями, почерпнутыми из опыта и наблюдений: «Не удивительно, что мы, унаследовавшие познания древних и многому научившиеся даже на их ошибках, превосходим их... Если бы мы лишь сравнялись с ними, это значило бы, что мы по природе своей гораздо ниже их, что мы не такие люди, как они» [Фонтенель, 1985, с. 255].

Скульптурные образы олимпийских богов и героев уступали место Византийской, Ренессансной, а затем нидерландской живописи, сосредотачивавшей познавательный интерес на этических сюжетах Ветхого и Нового заветов. Таким явил себя итальянский Ренессанс на фресках и полотнах Джотто ди Бондоне (цикл фресок Капеллы Скровеньи в Падуе), Леонардо да Винчи («Тайная вечеря»), Рафаэля Санти («Сикстинская Мадонна»),

Микеланджело Буонарроти (роспись потолка Сикстинской капеллы) и др.

Отходя от этического пафоса христианского самоотвержения, голландская живопись XVI–XVII вв. жизнерадостно обращалась к реформаторской секуляризации быта, запечатлевая его на натюрмортах, сельских пейзажах, портретах благочестивых горожан, селян, торговцев, ученых, врачей, ремесленников и других представителей трудового люда, вовлеченных в земледельческие, коммерческие, торговые и производственные заботы повседневности: «Именно это чувство честного радостного существования – отдает Гегель дань обмирщающей поэтике нидерландской живописи, – голландские художники привносят в... самые замкнутые и ограниченные явления, соединяют высшую свободу художественной композиции, тонкое чувство даже побочных деталей и исключительную тщательность в выполнении» [Гегель, 2007, с. 235]. Отказ от мифологической монументальности компенсируется изображением непрерывного трудоемкого процесса заботливого обеспечения потребностей повседневного существования. Волею истории «спокойная субстанциальная погруженность божественного характера в себя» уступает место познавательному интересу «Юноши, читающего при свече» Маттиаса Стома, «Географа» Яна Вермеера, вниманию к бытовой сценке «Торговки рыбой» Адриана Ван Остаде, натюрморту – предвкушению «Завтрака с ветчиной» Питера Класа и др.

Всеохватывающая бытовизация жизни отвлекается от теряющейся в дымке прошлого героической гражданственности Древнего Рима. Во второй половине XVIII в. логику умозаключений «древних» поддержал и детализировал Ж.-Ж. Руссо. В трактате «Эмиль, или О воспитании» (1762) он усмотрел в прогрессе тенденцию поляризации частного и общественного интереса: «Будучи всегда в противоречии с самим собою, вечно колеблясь между своими склонностями и своими обязанностями, он никогда не будет ни человеком, ни гражданином, он не будет пригоден ни для себя, ни для других» [Руссо, 1981, с. 28].

В «Письмах об эстетическом воспитании человека» (1795) Фридрих Шиллер усмотрел аналогию между конфликтом гражданина и человека и оппозицией этики и эстетики: «Действительно, следует призадуматься над тем, что мы видим упадок человечества во все эпохи истории, в которых процветали искусства и господствовал вкус, и не можем привести ни одного примера, когда у народа высокая степень и большое распространение эстетической культуры шли бы рука об руку с политической свободой и гражданской

доблестью, когда красота нравов уживалась бы с добронравием, а внешний лоск обращения – с истиной» [Шиллер, 1935, с. 227].

Деструктивные последствия разделения труда, развивающего специальные производственные навыки, но при этом уродующего тело и душу, с удручающей достоверностью воссоздали братья Гримм в сказке «Три пряжи».

Совершенствующие свою систему понятий «новые» возлагали надежды на *личностное становление*, способное возвысить изначально гармоничного природного человека до духовного. Романтические потомки спорщиков предрекали обретение «золотого века» в будущем на неизмеримо более высокой ступени общекультурного развития. Возможность воссоединения «абсолютного прошлого» с «абсолютным будущим» воодушевляло Фридриха Гельдерлина, обрисовавшего в эпистолярном романе «Гиперион, или Отшельник в Греции» (*др.-греч.* ὑπερίων – очень высокий) перспективу отождествления «наивной» и «сентиментальной» поэзий Шиллера: «Есть два идеала нашего бытия: состояние величайшей простоты, когда наши потребности взаимно согласуются между собой, а также с нашими силами и всем тем, с чем мы приходим в соприкосновение лишь благодаря организации самой природы, без всякого усилия с нашей стороны, и состояние высочайшей образованности, где то же самое происходит при бесконечно более разветвленных и умноженных потребностях и силах благодаря той организации, которую мы в состоянии сами для себя создать».

Очередная смена культурной парадигмы приглашала и архаистов, и новаторов высказаться по не снижающей градус актуальности философско-антропологической проблеме человека с привлечением непрерывно накапливаемых историей сведений из области науки и культуры. В спор вовлекались Уильям Темпл («Опыт о древней и новой учености», 1690), Уильям Уотон («Размышления о древней и новой учености», 1694) и Джонатан Свифт («Полное и правдивое известие о разразившейся в прошлую пятницу битве древних и новых книг» (1698);

- русские шишковисты и карамзинисты, а в XX в. – представители деревенской и городской литературы советской поры;
- французские классики и романтики в лице Виктора Гюго («Предисловие к Кромвелю»);
- романтики и реалисты – Стендаль («Расин и Шекспир») и Бальзак («Предисловие к Человеческой комедии»);
- реалисты и натуралисты – Эмиль Золя («Экспериментальный роман»);
- натуралисты и символисты – Поль Верлен («Поэтическое искусство»);

- символисты и модернисты – М. Пруст («Против Сент-Бева»);
- модернисты и экзистенциалисты – Ж.П. Сартр («Экзистенциализм – это гуманизм»);
- экзистенциалисты и постмодернисты – Натали Саррот («Эра подозрений»), Ролан Барт («Нулевой градус письма»), Мишель Турнье («Le vent Paraclét»).

Марсель Пруст обрел «утраченное время» благодаря возвращению в Античность: «Но ведь в искусстве нет (по крайней мере, в научном смысле слова) пионеров, предшественников. Все сосредоточено в индивидуе, каждый индивид заново, сам по себе, предпринимает художественные или литературные попытки; а произведения его предшественников, в отличие от науки, не являются благоприобретенной истиной, которой пользуется каждый идущий следом. Гениальному писателю сегодня предстоит пройти весь путь самому. Он не далеко ушел от Гомера» [Пруст, 1999, с. 11].

А манифест русских кубофутуристов, экспромтом составленный Н. Бурлюком, А. Кручёных и В. Маяковским в номере московской гостиницы «Романовка» и интегрированный в литературный сборник «Пощечина общественному вкусу» (1912), задиристо провозгласил: «Только мы – лицо

нашего времени. <...> Прошлое тесно. Академия и Пушкин непонятнее иероглифов. Бросить Пушкина, Достоевского, Толстого и проч., и проч. с Парохода Современности»¹.

И наша современность на свой лад продолжает традицию Спора, вовлекаясь в полемику «древних» постмодернистов с «новыми» постпостмодернистами.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

История «Спора о древних и новых» свидетельствует об эволюции альтернативно-монологических позиций к признанию их взаимообусловленности. Понятия новаторства и традиции самоидентифицируются в корреляции друг с другом.

Большое историческое Время спонтанно выдвигает «над схваткой» полемистов всех эпох, трансформируя их в диалогистов, усматривающих в авторитете новаторства условие для оживления традиции, а в авторитете традиции – условие для интеграции новаторских произведений в историю мировой культуры.

¹URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki>

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Бубер М. Проблема человека / Два образа веры. М.: АСТ, 1999. С. 202–300.
2. Паскаль Блез. Мысли / Ларошфуко: Максимумы. Паскаль: Мысли. Ш. де Лабрюйер: Характеры: пер. с фр. М.: Художественная литература, 1974. С. 111–186.
3. Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. СПб.: А-сэд, 1994. С. 28–407.
4. Юнг К. Г. Психологические типы. СПб.: Ювента; М.: Прогресс-Универс, 1995. С. 23–660.
5. Монтень Мишель. Опыты: в трех книгах. М.: Наука, 1979. Кн. третья. С. 5–311; Кн. вторая. С. 293–698.
6. Perrault Ch. Parallèles des anciens et modernes. P., 1697. Т. 4.
7. Вольтер. Древние и новые / Эстетика. Статьи. Письма. Предисловия и рассуждения. М., 1974. М.: Искусство, 1974. С. 174–177.
8. Буало. Критические размышления о некоторых местах из сочинений ритора Лонгина // Спор о древних и новых. М.: Искусство, 1985. С. 250–268.
9. Гегель Г. В. Ф. Лекции по эстетике. В 2 т. СПб.: Наука, 2007. Т. 2.
10. Фонтенель Б. Свободное рассуждение о древних и новых // Спор о древних и новых. М.: Искусство, 1985. С. 250–264.
11. Руссо Ж.-Ж. Эмиль, или О воспитании / Педагогические сочинения в 2-х т. Т. 1. М.: Педагогика, 1981. С. 22–554.
12. Шиллер Ф. Письма об эстетическом воспитании человека // Статьи по эстетике. Москва–Ленинград: ACADEMIA. 1935. С. 200–293.
13. Пруст М. Против Сент-Бева: Статьи и эссе. М.: ЧеРо, 1999. С. 25–106.

REFERENCES

1. Buber, M. (1999). Problema cheloveka / Dva obraza very = The problem of man / Two images of faith (pp. 202–300). Moscow: AST. (In Russ.)
2. Paskal', Blez (1974). Mysli = Thoughts / La Rochefoucauld: Maxims. Pascal: Thoughts. C. de La Bruyère: Characters (pp. 111–186). Moscow: Khudozhestvennaya literatura. (In Russ.)
3. Fuko, M. (1994). Slova i veshchi/ Arkheologiya gumanitarnykh nauk = Words and things. Archeology of the Humanities (pp. 28–407). St. Petersburg: A-cad. (In Russ.)

4. Yung, K. G. (1995). *Psikhologicheskiye tipy = Psychological types*. (pp. 23– 660). St. Petersburg: Yuventa; Progress-Univers. (In Russ.)
5. Monten', Mishel'. (1979). *Opyty V trekh knigakh. Kniga tret'ya = Essays (book three, pp. 5–311, book two, pp. 293–698)*. In three books. Moscow: Nauka. (In Russ.)
6. Perrault, Ch. (1697). *Parallèles des anciens et modernes = Parallels of ancient and modern*. T. 4. Paris. (In French)
7. Vol'ter. (1974). *Drevniye i novyye = Ancient and new / Aesthetics. Articles. Letters. Preface and discussion*. (pp. 174–177) Moscow: Iskusstvo. (In Russ.)
8. Bualo. (1985). *Kriticheskiye razmyshleniya o nekotorykh yavleniyakh iz sochineniy ritora Longina = Critical reflections on some places from the writings of the rhetor Longinus / Quarrel of ancient and moderns*. (pp.250–268). Moscow: Iskusstvo. (In Russ.)
9. Gegel', G. V. F. (2007). *Lektsii po estetike = Lectures on aesthetics (vol. 2): in 2 vols*. St. Petersburg: Nauka. (In Russ.)
10. Fontenel', B. (1985). *Svobodnoye rassuzhdeniye o drevnikh i novykh = Free discussion about the ancient and new. Quarrel of ancient and moderns* (pp. 250–264). Moscow: Iskusstvo. (In Russ.)
11. Russo, Zh.-Zh. (1981). *Emil', ili O vospitanii = Emil, or About education. Pedagogicheskiye sochineniya (vol. 1, pp. 22–554): in 2 vols*. Moscow: Pedagogika. (In Russ.)
12. Shiller, F. (1935). *Pis'ma ob esteticheskom vospitanii cheloveka = Letters on the aesthetic education of a person. Stat'i po estetike* (pp. 200–293). Moscow–Leningrad: Academia. (In Russ.)
13. Prust, M. (1999). *Protiv Sent-Beva = Against Sainte-Bev* (pp. 25–106): articles and essays. Moscow: CheRo. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Бондарев Александр Петрович

доктор филологических наук, профессор
 профессор кафедры отечественной и зарубежной литературы переводческого факультета
 Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Bondarev Alexandre Petrovich

Doctor of Philology (Dr. habil.)
 Professor at the Department of Russian and Foreign Literature
 Faculty of Translation and Interpreting, Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию	12.08.2023	The article was submitted approved after reviewing accepted for publication
одобрена после рецензирования	22.09.2023	
принята к публикации	26.09.2023	

Готическое и романтическое в литературе транзитивных эпох (на примере романа С. Кларк «Джонатан Стрендж и мистер Норрелл»)

А. А. Дружинина¹, Е. В. Сомова²

¹Национальный исследовательский технологический университет «МИСИС», Москва, Россия, druzhinina.alina@gmail.com

^{1,2}Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия

²shalot1@rambler.ru

Аннотация. Статья посвящена проблеме исследования периодически «воскресающих» на рубеже эпох готической и романтической эстетических парадигм. Материалом исследования послужил роман С. Кларк «Джонатан Стрендж и мистер Норрелл». Были применены такие подходы, как сравнительно-типологический, генетический и культурно-исторический. В результате исследования были обнаружены и изучены причины синтеза и взаимопроникновения готической и романтической художественных систем в английском литературном процессе эпохи рубежа XX–XXI века.

Ключевые слова: Сюзанна Кларк, Джонатан Стрендж и мистер Норрелл, транзитивная эпоха, рубеж веков, граница, романтизм, готика

Для цитирования: Дружинина А. А., Сомова Е. В. Готическое и романтическое в литературе транзитивных эпох (на примере романа С. Кларк «Джонатан Стрендж и мистер Норрелл») // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2023. Вып. 11 (879). С. 137–143.

Original article

Gothic and Romantic in the Literature of Transitive Epochs (based on S. Clarke's novel «Jonathan Strange and Mr. Norrell»)

Alina A. Druzhinina¹, Elena V. Somova²

¹University of Science and Technology «MISIS», Moscow, Russia, druzhinina.alina@gmail.com

^{1,2}Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia

²shalot1@rambler.ru

Abstract. The article touches upon the problem of study of periodically “resurrected” at the turn of the epochs Gothic and Romantic aesthetic paradigms. The research was based on the study of S. Clarke’s novel «Jonathan Strange and Mr. Norrell». Such approaches as comparative-typological, genetic and cultural-historical were applied. As a result of the research, the reasons for the synthesis and interpenetration of Gothic and romantic artistic systems in the English literary process of the turn of the 20th–21st centuries were discovered and studied.

Keywords: Susanna Clarke, Jonathan Strange and Mr. Norrell, transitive epoch, turn of the century, border, romanticism, Gothic

For citation: Druzhinina, A. A., Somova, E. V. (2023). Gothic and Romantic in the literature of transitive epochs (based on S. Clarke’s novel «Jonathan Strange and Mr. Norrell»). Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 11(879), 137–143.

ВВЕДЕНИЕ

Актуальной проблемой современного литературоведения является исследование художественных явлений, находящихся на границе разных культурно-исторических периодов. Изучением этой проблемы в разные годы XX в. занимались М. Фуко («маргинальные пограничные явления»), Ю. М. Лотман («культурные взрывы»), М. М. Бахтин («бытие на границе») и другие. Объединяет многочисленные работы подход к рассмотрению понятия «граница» как философской идеи, тесно связанной с рубежными событиями и сменой социокультурных парадигм.

Проблема рассматривается в рамках обращения к методологии исторической поэтики (сравнительно-исторический, генетический и историко-типологический подходы), разработанной в трудах М. М. Бахтина, С. Н. Бройтмана, Ю. М. Лотмана и др. Например, понятие «бытие на границе», введенное М. М. Бахтиным, есть особая реальность, существующая в открытости художественных систем друг другу. По Бахтину вся культура расположена на стыках, а «граница» подразумевает необходимость диалога, который представляет собой способ существования культуры в мире. «Граница» есть место осуществления «совместного бытия» различных мировоззренческих доминант, их взаимопроникновения и рождений новых смыслов [Бахтин, 1986, с. 234].

В статье выявляются причины синтеза и взаимопроникновения готической и романтической художественных парадигм в литературный процесс транзитивной эпохи рубежа XX–XXI века на примере романа С. Кларк «Джонатан Стрендж и мистер Норрелл». Для достижения поставленной цели необходимо выполнить ряд задач, которые заключаются в подробном рассмотрении примеров периодического «воскрешения» готической и романтической эстетических систем в произведениях английской литературы рубежных эпох.

ЭЛЕМЕНТЫ ГОТИЧЕСКОЙ И РОМАНТИЧЕСКОЙ ЭСТЕТИКИ В ЛИТЕРАТУРЕ РУБЕЖНЫХ ЭПОХ

Творчество писателей транзитивных эпох отличается несколькими общими устойчивыми чертами, в числе которых особый интерес представляют следующие: фантастический и / или экзотический хронотоп, развертывание сюжета в художественно преобразованной исторической действительности, применение концепции двоемирия, т. е. изображение противопоставленных обыденному миру альтернативной реальностей или реальностей, обращение к мистике, магическим

и сверхъестественным элементам, а также использование разнообразных художественных приемов для нагнетания пугающей и таинственной атмосферы.

В английской литературе примеры подобных особенностей транзитивных эпох в избытке можно обнаружить:

- в готических романах рубежа XVIII–XIX вв., в числе которых произведения Х. Уолпола («Замок Отранто», 1764), У. Бекфорда («Ватек», 1786), М. Г. Льюиса («Монах», 1796), Ч. Р. Метьюрина («Мельмот Скиталец», 1820), а также в произведениях поэтов и писателей эпохи Романтизма, к которым можно отнести С. Т. Кольриджа («Кристалль», 1800), Дж. Байрона («Манфред», 1817) и др.;
- в творчестве писателей второй половины викторианской эпохи. Например, в новелле Дж. Шеридана Ле Фаню «Кармила» (1872), повести Р. Стивенсона «Странная история доктора Джекила и мистера Хайда» (1886), в романе О. Уайльда «Портрет Дориана Грея» (1891), в котором непосредственно отразился кризис рубежа XIX–XX («Fin de siècle»), а также в эпистолярном романе Б. Стокера «Дракула» (1897);
- в романах писателей второй половины XX в., например, А. Картер («Адские машины доктора Хоффмана», 1972), И. Бэнкс («Осиная фабрика», 1984), П. Акройд («Дом доктора Ди», 1993). Многие произведения массовой литературы рубежа XX – XXI вв. так или иначе обнаруживают вышеупомянутые особенности (например, серия книг о Гарри Поттере (1997–2007) Дж. К. Роулинг).

В современном литературоведении указанные выше художественные особенности относят сразу к двум эстетико-философским парадигмам: готической и романтической. Литературная готика в своем раннем воплощении (вторая половина XVIII в.) явилась частью предромантического направления. Предромантики, а затем и романтики, воспевали индивидуализм, идеализм, благоговение перед природой, радикальность в проявлении чувств, бунтарство, интерес к национальной культуре, к мистике и сверхъестественному. Романтическое мировосприятие противопоставлялось просветительскому рационализму, упорядоченности, вместо ориентации на античный образец пришло увлечение Средневековьем. На смену традиционалистской поэтике пришла индивидуально-творческая поэтика [Бройтман, 2004, с. 58] – строгое жанровое деление просветительского классицизма сменилось возможностью смешения жанров, ведущую роль в художественном произведении

получает эстетическое качество новизны. Философским обоснованием предромантической (и во многом романтической) поэтики становятся трактаты Дж. Аддисона, Т. Уортона и Э. Бёрка.

Обозначенные черты рассматривались передовыми деятелями романтизма как позитивные и прогрессивные, однако в готических романах зачастую эти романтические черты доводились до искажающих их изначальный посыл крайностей (или наоборот, пугающие пучины человеческих страстей, типичные для готического романа, романтическим мировосприятием преобразуются до непонятой мещанством глубокой чувствительности). Индивидуализм и эмоциональность романтического героя можно противопоставить жестокости, высокомерию и эгоизму готического антигероя, его неумению контролировать свои страсти. Если таинственность романтический герой, его одиночество, ожесточенность к миру, оппозиция толпе связаны с его изначально благородной, естественной и тонкой душевной организацией и исключительной тягой к справедливости, не нашедшей отклика в сердцах филистеров, то таинственность готического злодея проистекает из когда-то совершенного им ужасного преступления, древнего проклятия или его античеловеческой сущности. Возвышенная романтическая природа, порой вызывающая у читателя восторженный трепет, в готических романах перевоплощается в мрачную и враждебную среду, пребывание в которой заставляет героя (а чаще героиню) испытывать нарастающий ужас от ожидания неминуемой встречи с чем-то невыносимо отвратительным или опасным.

Таким образом, как романтическая, так и готическая литература стремятся к формированию атмосферы таинственной неопределенности, что должно вызывать у читателя ощущения неясных ожиданий и неизвестных опасностей, которые помогают надолго удерживать его внимание. Приемы нагнетания тревоги и страха, дополняемые красочными описаниями величественных и пугающих своими масштабами объектов природы, играют ключевую роль в воздействии на эмоции и подсознание читателя как в романтической поэзии и прозе, так и в готических романах. Однако эти два направления, как было показано ранее, являются как будто двумя сторонами одной и той же медали: литературная готика обращается к известным элементам романтического художественного пространства, но под воздействием страха перед неизвестным (опасности технического прогресса, темные и порочные стороны человека) изображает романтического героя в мрачных и злодейских тонах.

ПРИЧИНЫ ПЕРИОДИЧЕСКОГО «ВОСКРЕШЕНИЯ» ГОТИЧЕСКОЙ ЭСТЕТИКИ

Недостаточно перечислить признаки готического и романтического «письма» в произведениях рубежных эпох, необходимо ответить на вопрос, почему авторы произведений, созданных в эти периоды, так часто прибегают к использованию романтических и готических художественных элементов. Отвечая на этот вопрос вначале стоит сосредоточиться на проблеме периодического «воскрешения» готики в литературах разных эпох. В качестве характерных для литературной готики элементов, подтверждающих их «периодический» характер, выступают примеры из английского романа С. Кларк «Джонатан Стрендж и мистер Норрелл», созданного на рубеже XX–XXI вв.

По словам Л. Байер-Беренбаум, «готическое возрождение» («gothic revival») стало реакцией на упорядоченность и формализм начала восемнадцатого века» [Bayer-Berenbaum, 1982, с. 19] Интересной является теория Ю. Хабермаса, согласно которой корни возникновения готики конца XVIII века лежат в общественно-экономических процессах. По мнению Хабермаса, ко второй половине XVIII века завершается разделение сфер западного буржуазного общества на частную и общественную. Первая из них, связываемая с понятиями «дом», «свой», «местный», «внутренний», породила благодатную почву для проявления «бессознательного, вскрывающего механизмы телесного и сексуального, что было невозможно в подконтрольной дискурсивным практикам общественной сфере» [Гладков, 2012, с. 150].

Другим фактором, связывающим возникновение готического романа с разделением частной и общественной сфер, Хабермас считал трансформацию частной сферы и изоляцию в ней женщин, которые «были исключены, не только фактически, но также и юридически от политической общественной сферы» [Habermas, 1974, с. 52]. В романе С. Кларк мы видим отражение данного исторического факта на примере жены сэра Уолтера Поула. Следствиями такого положения дел можно считать развитие эпистолярного жанра, частной переписки внутри семьи, а также женскую прозу, которая в конце XVIII века трансформировалась в сентиментально-просветительскую «женскую готику» (С. Ли, К. Рив, А. Рэдклиф). Отметим, что «женская готика» оказала значительное влияние на последующую английскую литературу. Так, прямые или косвенные отсылки к готическим романам А. Рэдклиф можно обнаружить в произведениях Дж. Остин («Нортенгерское аббатство»), Ш. Бронте («Джейн Эйр»),

Д. Дюморье («Ребекка»), С. Кларк («Джонатан Стрендж и мистер Норрелл») и др.

Интерес к готике возникает периодически, однако причины возникновения такого интереса не могут быть связаны исключительно с разделением частной и общественной сферы, разочарованием в просветительских идеалах или с веяниями моды. Отчасти ответ на вопрос можно обнаружить в известном эссе З. Фрейда «О жутком» (1919). В этой работе Фрейд утверждает, что «жуткое в самом деле является не чем-то новым или посторонним, а чем-то издревле привычным для душевной жизни, что было отчуждено от нее только в результате процесса вытеснения» [Фрейд, 1995, с. 275].

Если опираться на труд Фрейда, то можно сделать вывод, что готическая эстетика «оживает» как следствие психических процессов, связанных с возвращением ранее вытесненных инфантильных страхов (ожившие куклы и мертвецы, появление двойника, фатальные совпадения и обреченность и т. п.), которые взрослый человек не преодолел, а отправил на периферию сознания.

В романе С. Кларк подобные ужасы встречаются с известной степенью регулярности: ожившие трупы солдат, воскрешенная леди Поул, пляска смерти в Замке Утраченной Надежды. И, конечно, основные инфантильные страхи связаны со сосредоточенным в одном конкретном образе злом – готическим злодеем. В качестве готического злодея выступает Джентльмен с волосами, как пух на отцветшем чертополохе.

Развитие мысли Фрейда в указанном направлении можно обнаружить в трудах философа-постструктуралиста Ж. Лакана. Лакан рассматривает фрейдовское «оно» как часть сферы «социальных и культурных норм и представлений, которые индивид усваивает в основном бессознательно» [Ильин, 1998, с. 68]. Эта сфера реализована в образе «Другого», посредством которого субъект может позиционировать себя как личность в рамках общества. «Другой» является метафизическим элементом, который с помощью культурных норм и запретов «через имя Отца (или самого Бога), позволяет субъекту сохранить основы нормативной личности» [Гладков, 2012, с. 153]. В готической и романтической литературе функции «Другого» может выполнять двойник, призрак или неожиданно объявившийся старший родственник, который стабилизирует или наказывает девиантную личность. Так, в готическом романе «Замок Отранто» Х. Уолпола в роли лакановского «Другого» выступает призрак Алонсо Доброго, который вершит справедливый суд над узурпатором и тираном Манфредом.

В «Джонатане Стрендже и мистере Норрелле» функцию «Другого» выполняет наиболее таинственный персонаж – Джон Аскгласс, или Король-Ворон. Например, Король-Ворон с помощью своего «инструмента», Винкулюса, воздействует на мистера Норрелла, пытающегося предать забвению древнюю английскую магию. Так, в 13-й главе Винкулюс проникает в дом мистера Норрелла и предсказывает будущее английской магии:

Я простер руку,
И кровь моих врагов застыла в жилах...
[...]
Два чародея появятся в Англии...
Первый будет страшиться меня, второй возжаждет узреть меня;
Первым будут управлять убийцы и воры;
Второй устремится к саморазрушению;
Первый похоронит сердце свое под снегом в темном лесу,
Но боль его не уймется;
Второй увидит сокровище свое в руках недруга...
Первый жизнь проведет в одиночестве, сам заточив себя в тюрьму;
Второму уготовано бродить одинокими тропами,
В поисках темной башни на высоком склоне холма...
[Кларк, 2016, с. 140]

По нашему мнению, наиболее интересным научным обоснованием периодической «реинкарнации» готической эстетики в литературе транзитивных эпох является исследование Дж. Хогла, в котором готика связывается с определенными общественными опасениями, возникающими в процессе развития цивилизации [Hogle, 2001, с. 172]. По большому счету, готику в интерпретации Хогла можно назвать индикатором общественных процессов, вызывающих чувство тревоги и страха у рядового члена обществ, или представителя отдельной социальной группы.

Дж. Хогл в своем исследовании фактически объясняет причины популярности готики в определенные периоды развития человеческой культуры, привязывая их к общественным процессам, связанным с социальными изменениями и опасениями, которые возникают у части общества. Отсюда у определенных писателей возникает желание уйти в прошлое, эскапировать в «старые добрые времена».

Подобная модель, в которой обращение к готической эстетике есть реакция на общественно значимые перемены, провоцирующие опасения и страхи, в соединении с механизмом возвращения вытесненного (по Фрейду и Лакану), дает возможность по-другому посмотреть на шедевры готической литературы. Например, в романе «Франкенштейн»

М. Шелли через эксплуатацию вытесненного страха перед ожившим мертвецом (воплощено в образе Монстра) отражает опасение общества перед научно-техническим прогрессом.

Можно сделать вывод, что «возрождение» готики в искусстве наблюдается тогда, когда человечеству предстоит перебороть свои первобытные и подсознательные страхи, перешагнуть порог и сделать шаг в сторону пугающего, но притягательного будущего. Проявление готической эстетики в транзитивных и кризисных эпохах свидетельствует о страхе перед переменами и перед той человеческой частью, что остается в инстинктивном и подсознательном уровнях.

ПРИЧИНЫ ОБРАЩЕНИЯ К РОМАНТИЧЕСКОЙ ЭСТЕТИКЕ В ЛИТЕРАТУРАХ РУБЕЖНЫХ ЭПОХ

Периодический характер «воскрешения» готической эстетики с конца XVIII века до наших дней существует в тесной связи с романтизмом. В английской литературе обращение к романтическим художественным элементам (двоемирие, историзм, исключительность героя и пространства, мотивы одиночества, мести, бунта, двойничества и т. д.) в том или ином соотношении обнаруживается в произведениях от Кольриджа до наших дней. В романе «Джонатан Стрендж и мистер Норрелл», написанном на рубеже XX–XXI вв., первый из двух ключевых героев, вынесенных в заглавие, во многом обнаруживает признаки романтического героя: он замкнут, исключительно талантлив в сотворении магии, восстает против своего учителя и т. д.

Наиболее часто встречаемой романтической чертой является построение авторами своих сюжетов на противопоставлении несовершенной действительности и некоего идеального или потустороннего мира. В романе С. Кларк мы можем обнаружить даже не двоемирие, а троимирие: «Считается, что Король-ворон владел тремя королевствами: одним – в Англии, вторым – в Стране Фей, а третьим – в странных землях по другую сторону ада» [Кларк, 2016, с. 143]. Зачастую в социально-исторической реальности (абсурдной, серой, мещанской, мешающей полноценному осуществлению личности) противостоит «частный» мир героя – его мечты, воспоминания, творчество.

Противопоставление просветительского и рационального романтическому и чувственному наблюдается в основной оппозиции романа С. Кларк,

который заявлен уже в самом названии. Образ мистера Норрелла воплощает в себе те особенности мировосприятия, принятые в эпоху Просвещения, которые критиковал пришедший ей на смену романтизм. К этим особенностям можно отнести авторитаризм, понятие всеобщей морали, рационализацию природы и отделения от нее человека. Так, оказывая разного рода военные услуги, мистер Норрелл пытается наладить связь между английской магией и политическими силами страны, в том числе для того, чтобы, пользуясь своим влиянием и положением в обществе, установить удобный и удобный ему свод правил и предписаний для волшебства, вполне характерный нормам эпохи Просвещения. Например, в главе 37 «Пять Драконов», волшебник предлагает возродить суд Пяти Драконов, которой мог бы рассматривать преступления, связанные с магией: «Справедливость светских судов чрезвычайно сомнительна! Судья ничего не знает о магии! Он не сможет осознать всю чудовищность преступлений этого человека. Я говорю о его преступлениях против английской магии, против меня. Суд Пяти Драконов был известен своей суровостью. Я не успокоюсь, пока мерзавца не повесят» [Кларк, 2016, с. 436].

Подобно тому, как Просвещение относит к метафизике любое знание, которое не основано на опыте и понимании, Норрелл называет абсурдными и бессмысленными проявления магии, не основанные на знаниях, почерпнутых из книг и опыте. Волшебник наставляет своего новоиспеченного ученика Джонатана Стренджа следующим образом: «Практиковать магию – занятие неблагодарное, изучать – подлинное наслаждение! Величайшие волшебники Англии станут вашими учителями и собеседниками. Упорная учеба будет вознаграждена знанием, и, главное, можно месяцами вообще не видеться с другими людьми!» [там же, с. 562]. В той же главе спустя несколько страниц мистер Норрелл делится своими мыслями и касательно вопроса магического сотрудничества с другими видами: «...[Д]аже величайшие из ауреатов переоценивали влияние эльфов на магию людей. Возьмите Пейла! Он считал, будто эльфы совершенно необходимы ему для совершенствования в искусстве волшебства, и писал, что величайшее сокровище его дома – трое или четверо слуг-эльфов! Однако мой опыт свидетельствует, что почти любое респектабельное волшебство возможно и выполнимо без посторонней помощи! Что я такого совершил, что нельзя сделать

без помощи эльфов?» [там же, с. 573]. В этой речи единственный волшебник Англии хочет продемонстрировать главенствующую роль человека в вопросах волшебства, подчеркивая отсутствие влияния царства эльфов и фей, т. е. царства природы. Стоит обратить внимание на использованное персонажем

словосочетание «респектабельное волшебство»: здесь мистер Норрелл близко подходит к кантовской теории морального долга, зачастую противостоящего желаниям. Непреодолимость расстояния между долгом и желанием прослеживается в цели сохранения недоступности природы и свободы.

В. Толмачев в статье о неоромантизме отмечает, что английский неоромантизм крепко связан с национальной традицией, и как таковой представляет собой воспроизводство романтизма на новых (заведомо неромантических) и глубоко личных основаниях [Толмачев, 2001, с. 640]. Проводя параллели между литературой кризисной эпохи рубежа XIX–XX вв. и английской литературой рубежа XX–XXI вв., также можно отметить активизацию романтической поэтики, обнаруживающейся в творчестве самого широкого круга писателей. Говоря о национальной традиции, которая всегда была тесно сплетена с сутью романтизма, можно отметить, что, например, П. Акرويد в своих лекциях сформулировал концепцию, согласно которой английский дух (или английскость) склонен к визионерству, ритуалу, мифу, к бегству за пределы времени. Подобное видение, связанное с поиском в творчестве своего образа прошлого и даже «прошлого в прошлом» в литературе рубежа XX–XXI вв. обнаруживается не только в произведениях П. Акроида, но в творчестве его более молодых современников. В рассматриваемом романе С. Кларк взгляд писательницы обращен в художественно преображенное национальное английское прошлое.

Романтизм предлагает ответы на основные культурные вопросы кризисной эпохи конца XX века. Интересно, что эстетические особенности романтизма соответствуют ведущей тенденции современной постмодернистской культуры – установке на создание иронично-игрового дискурса. В романтизме «доминирующим критерием художественности подобно готике становится оригинальность и новизна: смелость разрушения стереотипов художественного мышления и художественного письма» [Тамарченко, Тюпа, Бройтман, 2004, с. 327], характеризующегося такими элементами стиля, как мистичность, композиционная фрагментарность, динамичный сюжет, детективная составляющая и др. Так, в романе С. Кларк есть несколько мистических детективных линий: тайна имени Стивена Блэка, пропажа Арабеллы Стрендж, загадочные письма на теле Винкулюса, местонахождение (и реальность существования) Короля-ворона, и др. Кроме того, романтическое видение позволяет человеку найти необходимые

опоры в «сверхчувственном мире», тогда как в осязаемом мире кризисной эпохи многие опоры попросту утрачиваются. Художник может выразить эту модель в своих произведениях через активизацию мифопоэтических и мистических аспектов. Романтическое видение помогает удовлетворить потребность в самоизменении, которую испытывает современный человек как субъект рубежной культуры, оно выявляет сущность личности человека (в том числе и современного) как трагически нецельного, находящегося в противоречии не только с внешним миром, но и с самим собой.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В основной части работы были рассмотрены многочисленные примеры взаимопроникновения готической и романтической художественных парадигм в литературных произведениях транзитивных эпох, в том числе на примере романа писательницы рубежа XX–XXI вв. С. Кларк «Джонатан Стрендж и мистер Норрелл», а также были выявлены причины периодического «воскрешения» рассматриваемых эстетических систем.

Важно отметить, что смена художественных систем не всегда проходит строго по границе веков, она может иметь место в середине века, может определяться сменой поколений, однако историческое ощущение самой смены накладывает отпечаток на сознание отдельного художника и художественное сознание в целом, порождая такие побочные явления как «кризис познания» и «кризис искусств».

В обобщенном виде среди наиболее значимых причин актуализации готического и романтического в литературе рубежных эпох можно отметить следующие:

- страх перед неизбежными переменами, которые влечет за собой рубежная эпоха;
- страх перед частью человеческой личности, скрытой в инстинктивном и подсознательном уровнях.

Первая причина проистекает из напряженной рефлексии истории, которая, выходя из привычных форм мировосприятия, заставляет сомневаться относительно прежних принципов структурирования бытия.

Вторая причина во многом является следствием первой и связана с механизмом возвращения вытесненных инфантильных страхов, не преодоленных взрослым человеком, а вытесненных им на периферию сознания.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1986.
2. Бройтман С. Н. Теория литературы : в 2 т. М.: Академия, 2004. Т. 2. Историческая поэтика.

3. Bayer-Berenbaum L. The Gothic Imagination. L.: Associated University Press, 1982.
4. Гладков С. А. Призраки рядом с нами: наследие готического романа в современной культуре // Пушкинские чтения XVII: сборник материалов международной научной конференции. 2012. С. 150–156.
5. Habermas J. Borgerlig offentlighet. Henimot en teori om det borgerlige samfunn. Oslo: Fremad, 1974.
6. Фрейд З. Художник и фантазирование. М.: Республика, 1995.
7. Ильин И. П. Постмодернизм от истоков до конца столетия: Эволюция научного мифа. М.: Интрада, 1998.
8. Кларк С. Джонатан Стрендж и мистер Норрелл. М.: Азбука, 2016.
9. Hogle J. The Gothic at our Turn of the Century: Our Culture of Simulation and the Return of the Body // Gothic: Essays and Studies. Cambridge, 2001.
10. Толмачев В. М. Неоромантизм // Литературная энциклопедия терминов и понятий. М.: Интелвак, 2001.
11. Тмарченко Н. Д., Тюпа В. И., Бройтман С. Н. Теория литературы : учебное пособие ; в 2 т. М.: Академия, 2004. Т. 2. Историческая поэтика.

REFERENCES

1. Bakhtin, M. M. (1986). Estetika slovesnogo tvorcestva = Aesthetics of verbal creativity. Moscow: Iskusstvo. (In Russ.)
2. Broymtan, S. N. (2004). Teoriya literatury = Literary theory (vol. 2. Historical poetics): in 2 vols. Moscow: Akademiya. (In Russ.)
3. Mayer-Berenbaum, L. (1982). The Gothic Imagination. London: Associated University Press.
4. Gladkov, S. A. (2012). Prizraki ryadom s nami: naslediye goticheskogo romana v sovremennoy kul'ture = Ghosts near us: The Legacy of the Gothic Novel in Modern culture (pp. 150–156): The digest of articles of an international scientific conference. (In Russ.)
5. Habermas, J. (1974). Borgerlig offentlighet. Henimot en teori om det borgerlige samfunn. Oslo: Fremad.
6. Freud, S. (1995). Hudozhnik i fantazirovanie = The artist and their fantasy. Moscow: Respublika. (In Russ.)
7. Ilyin, I. P. (1998). Postmodernism ot istokov do konca stoletiya: Evolyucia nauchnogo mifa = Postmodernism from its origins to the end of the century: The Evolution of Scientific Myth. Moscow: Intrada. (In Russ.)
8. Clarke, S. (2016). Dzhonatan Strendzh i mister Norrell = Jonathan Strange and Mr. Norrell. Moscow: Azbuka. (In Russ.)
9. Hogle, J. (2001). The Gothic at our turn of the century: Our culture of simulation and the return of the body. Gothic: Essays and Studies. Cambridge.
10. Tolmachev, V. M. (2001). Neoromantizm. Literaturnaya enciklopediya terminov i ponyatii = New Romantic. Literary Encyclopedia of terms and concepts. Moscow: Intelvak. (In Russ.)
11. Tamarchenko, N. D., Tyupa, V. I., Broymtan, S. N. (2004). Teoriya literatury = Literary theory (vol. 2. Historical poetics). Study guide: in 5 vols. Moscow: Academia. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Дружинина Алина Алексеевна

аспирант кафедры отечественной и зарубежной литературы переводческого факультета
Московского государственного лингвистического университета
ассистент кафедры иностранных языков и коммуникативных технологий
Национального исследовательского технологического университета «МИСИС»

Сомова Елена Викторовна

доктор филологических наук, доцент
профессор кафедры отечественной и зарубежной литературы
Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Druzhinina Alina Alekseevna

Postgraduate Student at the Department of Russian and World Literature
Faculty of Translation and Interpreting of Moscow State Linguistic University
Assistant Professor at the Department of Foreign Languages and Communicative Technologies
at University of Science and Technology «MISIS»

Somova Elena Viktorovna

Doctor of Philology (Dr. habil.), Associate Professor, Professor of the Department of Russian and World Literature,
Faculty of Translation and Interpreting, Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию	18.08.2023	The article was submitted
одобрена после рецензирования	25.09.2023	approved after reviewing
принята к публикации	26.09.2023	accepted for publication

Диалог правды и интересов в культуре

Ч. Б. Далецкий

*Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
dcb0059518@mail.ru*

Аннотация. Проблемы соотношения культуры и нравственности рассматриваются через парадигму взаимосвязи правды и лжи. Автор обращает внимание на сложности в процессах порождения лжи и необходимости сохранения культурных традиций и кодов торжества правды. Феномен диалога нравственных противоположностей нуждается в поисках инструментальной структуры универсальности межкультурной коммуникации в истории культуры и современной действительности. Общекультурные и индивидуальные стереотипы оформляются в планетарные процессы на основе образования и воспитания в условиях динамических преобразований с использованием информационных возможностей.

Ключевые слова: культура, этика, нравственность, добро, зло, правда, ложь, совесть, парадигма, императив, правда в культуре, правда культуры, культура правды

Для цитирования: Далецкий Ч. Б. Диалог правды и интересов в культуре // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2023. Вып. 11 (879). С. 144–150.

Original article

Dialogue of Truth and Interests in Culture

Cheslav B. Dalecky

*Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
dcb0059518@mail.ru*

Abstract. The article is devoted to the consideration of the problems of the correlation of culture and morality through the paradigm of the relationship between truth and lies. The author draws attention to the difficulties in the processes of generating lies and the need to preserve cultural traditions and codes of the triumph of truth. The phenomenon of the dialogue of moral opposites needs to search for an instrumental structure of the universality of intercultural communication in the history of culture and modern reality. Universal and individual stereotypes are formed into planetary processes based on education and upbringing in conditions of dynamic transformations using information capabilities.

Keywords: culture, ethics, morality, good, evil, truth, lie, conscience, paradigm, imperative, truth in culture, truth of culture, culture of truth

For citation: Dalecky, Ch. B. (2023). Dialogue of Truth and Interests in Culture. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 11(879), 144–150.

ВВЕДЕНИЕ

Как выработать в себе привычку говорить правду и сформировать традицию межкультурного диалога правды в интересах общества и личности? Как высказать правду доброжелательно: ученику – не снижая его мотивацию к учебе, конкурсанту – без вторжения в творческий процесс, соседу – без оскорблений, любимому человеку – без обиды? Как преодолеть этическое невежество мировой политической и экономической элиты в условиях дефицита ее нравственной правдивости? Специалисты и эксперты из разных областей знаний («диалог интересов и права» – доктор юридических наук М. Ю. Воронин, «правда и интересы в современной дипломатии» – Чрезвычайный и Полномочный посол РФ Я. А. Бурляй, «экономика и культура» – доктор экономических наук А. Ю. Платко, «трансформации культуры в сфере гостиничных услуг» – доктор социологических наук Г. Ф. Красноженова, «феномен правды в литературе» – доктор филологических наук А. П. Бондарев, «информационное противоборство» – доктор философских наук П. А. Денисенко, «утверждение правды в исламе» – кандидат исторических наук А. И. Полищук), в формате «круглого стола», который состоялся в Московском государственном лингвистическом университете, обсудили сложную диалектику отношений «культуры правды», «правды культуры», «правды в культуре» и интересов правды.

Правду говорить просто, и при этом легко жить. Как долго человек говорит правду? И можно ли прожить без лжи? Насколько бессмысленно уповать на правду? Может быть, правда – это утопия? Можно ли совершить выбор в пользу правды и повсеместно восстановить приоритет правды в пространстве мировой культуры, религиозных воззрений и нравственной практики? Как восстановить доверие к родителям, учителю, руководителю, правительству? В целом к людям?

Осмысление данного комплекса вопросов и сомнений требует прежде всего уточнения понятийного инструментария, определения смысловых границ понятий «правда» и «ложь», выявления соотношения правды и истины, анализа тонкой грани, отделяющей умолчание правды от ее искажения.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

Культура в современных условиях представляет собой динамическую дифференциацию пространства смыслов и процессов на политическом, экономическом, идеологическом и организационном уровнях деятельности больших человеческих масс

и отдельной человеческой жизни. Их осмысление проявляется в различных парадигмах и синтагмах: «культурно-ценностном либерализме» (по В. А. Ремизову), «пропасте бытия» (по М. С. Кагану), «нравственно-правовой культуре» (по Л. А. Петручак), «фундаментальной и оперативной адаптации» (по А. Я. Флиеру), «междисциплинарности и метадисциплинарности» (по И. В. Кондакову), «коммуникативной стратегии открытости» (по О. Н. Астафьевой), «цивилизационной идентичности» (по И. В. Малыгиной).

Гуманитарные науки о культуре, обществе и личности, предметом которых являются теория и практика формирования высокой нравственности у подрастающего поколения посредством осознания и олицетворения добра и зла, должного и сущего, содержат в себе возможности мировоззренческого характера и приобретают особую важность в современном образовании.

Обязательным компонентом современного образования становится воспитательная работа, что регламентировано законодательными и локальными актами, от законов Российской Федерации до рабочих программ дисциплин. После продолжительного периода забвения воспитательной работы расчет на быстрые результаты в культуре поведения маловероятен по причине инерционности системы: язык и лексикон культурной традиции восстанавливается и накапливается в сознании педагогов, учителей и воспитателей в процессе профессионального образования и становления, содержательно наполняется мировоззрением доброжелательности и взаимной уважительности.

Образовательные стандарты подготовки организаторов образования и воспитания, к удивлению, не содержат обязательных учебных дисциплин в области культурологии и этики, что не способствует процессу оперативного формирования необходимых компетентностей межкультурной коммуникации. Проведенные экспресс-опросы учителей даже с двадцатилетним стажем и студентов педагогических направлений свидетельствуют об отсутствии знаний по основным понятиям культуры, этики и эстетики, а зачастую, и существенных различий в их содержании. Практически никто не смог пояснить смысл категорического императива Иммануила Канта, подменяя его золотым правилом нравственности: «Относись к людям так, как хочешь, чтобы они относились к тебе» или в отрицательной версии – «не делай того, чего не хотел бы получить от других». Даже упоминают Конфуция – «не делай другим то, чего не желаешь себе». Мировоззренческая парадигма золотого правила эксплицируется в ригорическом (безальтернативном) утверждении И. Канта

в «Основах метафизики нравственности»: «поступай только согласно такой максиме, руководствуясь которой ты в то же время можешь пожелать, чтобы она стала всеобщим законом» [Кант, 1965, с. 259]. Смысл ценности отдельно взятой личности должны быть безоговорочно приняты и выполнены всеми людьми. Категорический императив И. Канта воспринимается как что-то трансцендентное, но он опосредованно осуществляет формирование нравственного идеала для отдельного человека и общества в целом в процессе цивилизационного формирования традиций.

Понятие «правда» традиционно воспринимается антиподом лжи, и содержание правды, на первый взгляд, не требует дополнительного осмысления, интуитивно представляющее из себя фантомное ощущение парадигмы должного и сущего в очевидных формах культурной деятельности. С. И. Ожегов правду определяет как «то, что существует в действительности» и «соответствует реальному положению вещей»¹. Праведные формы должностования исторически зафиксированы в заповедях, в моральных кодексах, в профессиональных этических нормах, в нормативных правовых актах и воспринимаются как совесть и морально-нравственный регулятор по пути личностного совершенствования.

Если основываться на рассуждениях Сократа и Платона по поводу морали как теории добродетельного поведения, такому же представлению может соответствовать «истина». Продолжая парадигму Аристотеля об этике как воплощении ее в нравственном поведении, то «правда» будет добродетельным воплощением в реальности. Человек в своем стремлении к нравственной добродетели постоянно совершенствуется в постижении добра и неустанно преодолевает «зло» лжи и соблазн интересов вопреки «правде», образуя целостность универсума.

Истина и правда как философские понятия во времени претерпевали содержательные трансформации, вплоть до противоположных. Истина – категория логики, которая не требует аргументации, а правда – ценностная этическая категория, определяющая личностное суждение, требующее подтверждения. То или иное мнение может быть навязано общественному сознанию в тех или иных социальных условиях под воздействием информационного символизма. Такой подход «где это видно, где это слышано?» описан Самуилом Маршаком (С. Маршак. *Мельник, мальчик и осел*).

Правда – субъективна в отличие от объективной истины. Ильф и Петров вложили в уста

бухгалтера Берлаги из «Золотого теленка» бессмысленное субъективное противопоставление – «Я это сделал не в интересах истины, а в интересах правды», что определяет личностные моральные принципы или полное их отсутствие и отрицание (Ильф И., Петров Е. *Золотой теленок*). Н. Д. Арутюнова определяет правду как «одно из ключевых понятий русской культуры» [Арутюнова, 1995, с. 7].

Мировые религии по-разному осуществляют культурно-религиозный подход по отношению к правде и обману, признавая природу лжегреховной. Известна фраза «врет как очевидец», предполагая одни и те же события. Однако из уст Матфея, Марка и Луки их смысл в Библии почти одинаков (тексты признаны «синоптическими»), но в пересказе Иоанн (писал свои тексты по прошествии многих лет) вложил в них философский смысл [Рябинская, 2015].

Традиционно источниками правды воспринимаются литературные произведения искусства, кинофильмы, документальные материалы, учебники, учебные пособия, диссертации, статьи в научных журналах, лекции, презентации. В условиях распространения фейков и невозможности проверки их истинности или правдивости активно используются альтернативные источники (ложные, сомнительные) – статьи из интернета, сведения из социальных сетей и СМИ, слухи, мнения о фактах. И. Б. Шатуновский в книге «Логический анализ языка: культурные концепты» утверждает, что правда – это соответствие речи действительности [Шатуновский, 1991].

Преобразование слухов в правду происходит на уровне мнения о факте, без умысла лжи, с уверенностью в правдивости информации от мнимо авторитетных лиц, не подозревая ее ложности («мой знакомый врач», «случайно услышал разговор преподавателей», «мой сосед-чиновник предупредил», «мой массажист слышала от жены дипломата»). Таким образом ложная информация трансформируется в правду. Информация приобретает почти секретное содержание и исключительную доверительность. Так формируются «фейки» и распространяются как правдивые. Все противоречащее «истинному» объявляется ложным и недостойным внимания. Общеизвестная поговорка «Каким бы честным ты ни был, поверят тому, кто лучше врет»² приобретает реальное содержание.

Слухи и изощренные формы искажения правды свидетельствуют, по нашему мнению, о явлении, обозначенном И. В. Малыгиной, как «глубочайший коммуникативный кризис, который, <...>

¹Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка. М.: Мир и Образование, 2015. URL: <http://ozhegov.info/slovar/?ex=Y&q=ПРАВДА>

² URL: <https://stihi.ru/2023/02/23/2709>

по сути, обнулил потенциал диалоговых коммуникативных стратегий» не только в межгосударственных отношениях, но и в межкультурном взаимодействии в ситуации становления «постглобального мира» [Малыгина, 2022, с. 268]. Мнение о слухах и мнение о фактах из альтернативных источников информации трансформируются в доверительную информацию и институализируются. Таков механизм трансформации лжи. Факт и мнение о факте воспринимаются истинными вне зависимости от источника информации. М. Ю. Лермонтов в повести «Герой нашего времени» пишет об этом: «Каждый рассказывал разные необыкновенные случаи», но «ведь никто из вас не был свидетелем тех странных случаев, которыми подтверждаете свои мнения?» при этом, «сказали многие, – но мы слышали от верных людей...» (Лермонтов М. Ю. *Герой нашего времени*). Слухи, мнения оказывают магическое воздействие на получателя информации ввиду своей нелогичности и мнимой реальности. Причем верят не потому что правдиво, а потому что хочется верить, хочется самому оказаться в плену иллюзий, домыслов и фантазий. Срабатывает не философско-экзистенциальный подход к событию, а исключительно культурно-идеалистический.

По мнению практического психолога Н. А. Ведмеша, «существует порядка 20 распространенных видов лжи, еще более полно раскрывающих значение слова ложь: умолчание, полуправда, двусмысленность, подмена понятий, преувеличение и преуменьшение, приукрашивание, доведение до абсурда, симуляция, мошенничество, фальсификация, мистификация, сплетня, клевета, лесть, изворот, блеф, искусственное сопереживание, ложь из вежливости, ложь во спасение, самообман»¹.

Показательна реальная история. Жильцы многоквартирного дома по-разному восприняли ситуацию в споре из-за 5,4 м² лестничной клетки (соседка отгородила железной дверью пять квадратных метров лестничной площадки) и дошли до Верховного суда. Промежуточные судебные инстанции попеременно принимали спорные решения в интересах то одной, то другой стороны, находя соответствующие аргументы (единогласное решение собственников жилья, неудобства, связанные с наличием перегородки, неисполнение предписания жилищной инспекции, нарушение права пользоваться общим имуществом, необходимость согласования перепланировки с местной

администрацией и внесения изменения в технический паспорт)².

Интересы определяют траекторию правдивого поведения от ее сокрытия до фантазий. Дейл Карнеги советовал говорить с партнером по общению на языке его интересов – и договариваться. Образен язык интересов у Хаджи Насреддина, когда он, проходя мимо пруда, услышал крик тонущего о помощи. Свидетели кричали: «Давай руку», но он такую помощь отвергал и тонул. Ходжа спросил: «Кто в пруду?», и услышал, что тонет банкир. Насреддин крикнул: «На руку!» – тот сразу же воспользовался помощью и был спасен.

Распространенной реальностью лжи оказывается подделка произведений искусства – дневников, церковных фресок, полотен изобразительного искусства, пение под фонограмму, цитирование чужих текстов без указания авторства, торговля контрафактом. В целях дискредитации и очернения достижений российского государства и достижения своих интересов Соединенные штаты Америки зачастую шли на откровенные диверсии, выдавая их за системные ошибки советского строя³.

США неоднократно возлагали ответственность за инциденты с биологическим и химическим оружием на территориях различных государств (2009 год – вспышка геморрагической пневмонии. 2011 год – вспышка холеры, которая повторилась в 2014 и в 2015 годах. 2012 год – корь. 2016 год – вспышка странной болезни, похожей на грипп. Снова 2016-й – свиной грипп, причем это был «забытый» штамм 2009 года. 2017-й – гепатит А. 2017–2019 гг. – вспышка кори. 2019 год – вспышка дифтерии) несмотря на американскую принадлежность лабораторий по разработке биологического оружия⁴.

Все это дискредитировало существовавший государственный строй и вело к распаду СССР. Сценарии повторяются. Сейчас для дискредитации избрана вся система образования – анализируются «недостатки» 30-летнего реформирования, образование объявляется нерезультативным, и «все больше обретает симулятивные, выхолощенные формы, способствующие дегуманизации общества» [Майборода, 2006, с. 59]. Процессу образования дают оценку некомпетентные «эксперты», заинтересованные в усложнении образовательной практики и заявляют о том, что «использование традиционных образовательных форм сегодня не только неактуально, но и опасно, поскольку они не

¹URL: <https://cspid-pechatniki.ru/raznoe/lzhi-lozh-znachenie-slova-vidy-lzhi.html>

²URL: <https://journal.tinkoff.ru/omg/dear-neighbor>

³URL: <https://pikabu.ru/story>

⁴URL: <https://ok.ru/zapasno/topic/153813027217501>

в состоянии адаптировать человека к современному обществу, а лишь способствуют его изоляции и неэффективной практике» [там же]. Дискредитируется традиционная профессия учителя и преподавателя, отрицается необходимость и важность гуманитарного образования, абсолютизируется «мероприятийное» воспитание – приверженцы приоритета информации вновь призывают к реформированию культуры и образования.

Требуется ли правда доказательств? Нужно ли спорить за правду? В. Родос в книге «Правила дискуссии и уловки спора» ради достижения победы в споре предлагает использовать даже такую уловку как откровенную ложь [Родос, 2008]. Автор, вольно или неумышленно наполняет сомнительным содержанием такие понятия, как «спор», «дискуссия», «полемика». Спор это разновидность диалога путем изложения своей позиции, только способы и методы спора отличаются грубостью и жесткостью с ярко выраженной целью – изменить точку зрения партнера по общению в своих интересах, и в результате победить в споре, желательно в присутствии свидетелей. Спор отличается неконструктивным содержанием и перерастанием в конфликт. Дискуссия – это пространство поиска общих интересов людьми в определенное время. Во время полемики осуществляется переход на уровень иного пространства (журнал, радио, телевидение) и иного времени, где исключается реальное присутствие людей различных мнений и интересов. Осмысление содержания книги подсказывает другое название – «Аморальные правила бесполезной дискуссии и безнравственные уловки неконструктивного спора». Целесообразнее воспользоваться возможностями полноценного диалога для восприятия говоримого и осознания содержания текста.

Для доказательства правды зачастую используется логический прием «ссылка на авторитет». В противоположность фейкам максимально корректно используется информация со ссылкой на достоверный источник, где публикуется высказывание авторитетного автора: «Официальный представитель МИД Китая Ван Вэньбинь» назвал главного производителя войны «За свою 240-летнюю историю США не воевали всего 16 лет... США инициировали около 80 % вооруженных конфликтов в мире с момента окончания Второй мировой войны. США больше всех нарушают суверенитет других стран и вмешиваются во внутренние дела других стран... США пытались свергнуть более 50 иностранных правительств, жестоко вмешивались в выборы как минимум в 30 странах и пытались убить более 50 иностранных лидеров... войны НАТО против Афганистана, Ирака и Сирии,

которые разгорелись по указке Штатов, унесли жизни свыше 900 000 человек»¹.

Из-за страха перед правдой французских студентов отзывали из российских вузов, даже краткосрочное воздействие правды о событиях в Украине могло стать источником распространения истинной информации. Такое мнение, с точки зрения министерства иностранных дел, по-видимому, в своей среде общения могло породить недоверие к официальной французской пропаганде.

Совесть не только является нравственной категорией, оформленной в виде чувств, но и определяет соответствие собственных поступков с потенциально предполагаемым идеалом, превращаясь в символ культуры. Рассогласование между реальным и ожидаемым осуществляет тенденцию самосовершенствования и развития.

Существует мнение, что врут все. Так и в романе «Лгунья» Айелет Гундар-Гошен врут все, без исключения. Без этого вранья исключается всякий смысл произведения. Искажает реальность А. Солженицын в эссе «Жить не по лжи» (1974) – и его растиражированная «не ложь поучаствовала» в уничтожении СССР. Поэт Вячеслав Урюпин в стихотворении о правде обращает внимание на безнаказанность (не всегда за никому ненужную правду можно привлечь к ответственности или же даже устыдиться) за безнравственное поведение: «Чужим ошибкам счет ведем И лишь своих не признаем, Друзей обидеть норовим И непростительно язвим»².

По словам директора «Лиги безопасного интернета» Екатерины Мизулиной, только за два дня после объявления Президентом РФ о частичной мобилизации «выявлено более 1,3 млн фейков о частичной мобилизации»³.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Упрочение торжества правды в процессе коммуникации как стержневого оценочно-информационного смысла деятельности и жизни достижимо через непрерывное воспроизводство благоприятных условий образования и воспитания. Объединение педагогических усилий семьи, школы, вуза и общества в определении векторной парадигмы нравственного возвышения над личными интересами может быть гипотетически сосредоточено на гуманистических

¹Ван Вэньбинь. «В мире не будет мира»: В МИД КНР назвали главного производителя войны. 07.06.2023. URL: https://news-evi.net/v-mire-ne-budet-mira-v-mid-knr-nazvali-glavnogo-proizvoditelya-vojny/?utm_source=push&utm_medium=referral?utm_source=push&utm_medium=2

²Урюпин В. Никто не знает. 2013. URL: <https://stihi.ru/avtor/vau42bkru>

³Мизулина Е. Брифинг «Лига безопасности интернета». 23.09.2022. URL: <https://tass.ru/politika/15843489>

идеях: обращение к историческим примерам нравственного поведения эпических литературных героев; возвращение авторитета к педагогу и труду как источнику знаний и достойной жизни; последовательная социализация в реальных условиях жизни; ответственное отношение к семье, детям и родителям; этическое и нравственное воспитание; единство образовательного и воспитательного, религиозного и светского пространства.

Сегодня мы озаботились необходимостью возвращения воспитательной работы, но все пока ограничивается событийным мероприятием, например, «культпоходом» по патриотическим местам с минимальным охватом контингента школьников и студентов, т. е. через организованные образовательные учреждения. Большого внимания требуют неорганизованные группы населения одиночек и зависимых от различных фобий людей. Важно сформировать ответственность за правду и ложь, обеспечить приоритет духовно-нравственной составляющей совести над материальным мотивом и личным интересом.

Интегрирующее влияние всех возможностей образования, воспитания, неопределенных альтернативных источников этического воздействия

в условиях маргинальности культур может преодолеть размытость реального и виртуального и обеспечить репрезентацию совокупности духовных ценностей современного человека. Неуклонное приближение к идеалу, по мнению Махатмы Ганди, предопределяется его утопичностью: «Ценность идеала в том, что он удаляется, по мере того как мы приближаемся к нему»¹.

Подача материала в форме информационной корзины исключает возможность критического восприятия информации. Доверие к информации из уст авторитетного источника (профессор, друг, знакомый, интернет, телевидение) в новой лексической оболочке маскирует ложь, а последующее транслирование видоизменяет ложь в достоверность на уровне заученного текста без осмысленного представления процесса деятельности. Последующее видоизмененное знание воспринимается на уровне «слухокинестетической структуры» и становится реальным проявлением коммуникационной идентичности и формой межкультурной коммуникации правды [Далецкий, 2019].

¹ URL: <https://ru.citaty.net/tsitaty>

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Кант И Основы метафизики нравов // Сочинения: в 6 т М.: Мысль, 1965. Т. 4. Ч. 1. С. 211–310.
2. Арутюнова Н. Д. Истина и этика // Логический анализ языка. Истина и истинность в культуре и языке. М.: Наука, 1995. С. 7–23.
3. Рябинская Т. С. Феномен лжи и обмана в рамках этико-религиозного подхода // Молодой ученый. 2015. № 13 (93). С. 835–838. URL: <https://moluch.ru/archive/93/20667>
4. Шатуновский И. Б. «Правда», «Истина», «Искренность», «Правильность» и «Ложь» как показатели соответствия / несоответствия содержания предложения мысли и действительности // Логический анализ языка. Культурные концепты. М.: Наука, 1991. С. 31–37.
5. Малыгина И.В. Кризис диалоговых стратегий в культуре постглобального мира // Глобальный конфликт и контуры нового мирового порядка : XX Международные Лихачевские научные чтения. Санкт-Петербург, 9–10 июня 2022 года. СПб.: Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов, 2022. С. 268–271.
6. Майборода Д. Вызовы и ответы современного образования // Наука и инновации. 2006. Вып. 18 (44). С. 59–62. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vyzovy-i-otvety-sovremennogo-obrazovaniya/viewer>
7. Родос В. Правила дискуссии и уловки спора. М.: Идея-Пресс, 2008.
8. Далецкий Ч. Б. Риторическая культура и идентичность в контексте цифровизации образования // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2019. Вып. 7(823). С. 192–205.

REFERENCES

1. Kant, I. (1995). *Osnovy metafiziki нравstvennosti; Kritika prakticheskogo razuma; Metafizika нравov* = Fundamentals of the metaphysics of Morality; Criticism of Practical Reason; Metaphysics of Morals. St. Petersburg: Nauka : St. Petersburg, 1995. (In Russ.)
2. Arutyunova, N. D. (1995). *Istina i jetika* = Truth and ethics. In *Logicheskij analiz jazyka. Istina i istinnost' v kul'ture i yazyke* (pp. 7–23). Moscow: Nauka. (In Russ.)

3. Ryabinskaya, T. S. (2015). Fenomen lzhi i obmana v ramkakh etiko-religioznogo podkhoda = The phenomenon of lies and deception in the framework of an ethical and religious approach. *Molodoy uchenyy*, 13(93), 835–838. <https://moluch.ru/archive/93/20667> (In Russ.)
4. Shatunovskij, I. B. (1991). «Pravda», «Istina», «Iskrennost'», «Pravil'nost'» i «Lozh'» kak pokazateli sootvetstvija / nesootvetstvija sodержaniya predlozheniya mysli i dejstvitel'nosti Logicheskiy analiz yazyka: kul'turnyye kontsepty = “Truth”, “Truth”, “Sincerity”, “Correctness” and “Falsehood” as indicators of compliance / inconsistency of the content of a sentence with thought and reality. In Arutyunova, N. D. (ed.), *Logical analysis of language: cultural concepts*. Moscow: Institute of Linguistics RAS. (In Russ.)
5. Malygina, I. V. (2022). Krizis dialogovykh strategiy v kul'ture postglobal'nogo mira = The crisis of dialogue strategies in the culture of the post-global world. *Global'nyy konflikt i kontury novogo mirovogo poryadka* (pp. 268–271): XX International Likhachev Scientific Readings, June 9–10, 2022. Saint-Petersburg: Saint-Petersburg University of the Humanities and Social Sciences. (In Russ.)
6. Mayboroda, D. (2006). Vyzovy i otvety sovremennogo obrazovaniya = Challenges and answers of modern education. *Nauka i innovatsii*. Вып.18 (44). С. 59-64. <https://cyberleninka.ru/article/n/vyzovy-i-otvety-sovremennogo-obrazovaniya/viewer> (In Russ.)
7. Rhodes, V. (2008). *Pravila diskussii i ulovki spora* = Rules of discussion and tricks of dispute. Moscow: Idea-Press.
8. Daletsky, Ch. B. (2019). Rhetorical culture and identity in the digitalization context of education. *Vestnik of Moscow State Linguistic University*, 7(823), 192–205.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Далецкий Чеслав Брониславович

доктор философских наук, профессор

директор Института гуманитарных и прикладных наук

Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Dalecky Cheslav Bronislavovich

Doctor of Philosophy (Dr. habil.), Professor

Director of the Institute of Humanities and Applied Sciences

Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию	20.08.2023	The article was submitted approved after reviewing accepted for publication
одобрена после рецензирования	25.09.2023	
принята к публикации	26.09.2023	

Сравнительный анализ космогонических представлений в ведической и древнекитайской мифологиях: вселенная-яйцо и первопредок-демиург

Е. О. Олихова

*Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия,
kotova-e@yandex.ru*

Аннотация. Исследование посвящено сравнительному анализу таких мотивов в космогонических мифах народов Древнего Китая и Древней Индии, как творение мира из вселенского яйца и антропоморфный образ первопредка-демиурга. Материалом исследования служат религиозно-философские трактаты, собрания гимнов и притч о сотворении мира, недавние исследования китайских ученых, и также применяется метод лингвистического анализа. В результате выявляется общность космогонических мифов и выдвигается предположение о причине существующих сходств.

Ключевые слова: мировое яйцо, вселенское яйцо, демиург, первопредок, Древний Китай, Древняя Индия, Веды, Паньгу, Пуруша, космогонический миф, мифология, компаративный анализ, сравнительная культурология

Для цитирования: Олихова Е. О. Сравнительный анализ космогонических представлений в ведической и древнекитайской мифологиях: вселенная-яйцо и первопредок-демиург // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2023. Вып. 11 (879). С. 151–157.

Original article

Comparative Analysis of Cosmogonic Ideas in Vedic and Ancient Chinese Culture: the “Cosmic Egg” and the Ancestor-Demiurge

Ekaterina O. Olikhova

*Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
kotova-e@yandex.ru*

Abstract. The paper carries out a comparative analysis of several motifs in cosmogonic myths of the peoples of Ancient China and Ancient India, they are the creation of the world from a “cosmic egg” and the anthropomorphic ancestor-demiurge who sacrificed his body. The paper studies ancient texts, presents recent studies by Chinese scientists and a linguistic analysis of Chinese terms. As a result the paper reveals the commonality of cosmogonic myths and suggests its reasons.

Keywords: the world egg, “cosmic egg”, Demiurge, the first ancestor, Ancient China, Ancient India, Vedic culture, Pangu, Purusha, creation myth, mythology, comparative studies, cultural studies

For citation: Olikhova, E. O. (2023). Comparative analysis of cosmogonic ideas in Vedic and Ancient Chinese culture: the “cosmic egg” and the ancestor-demiurge. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 11(879), 151–157.

ВВЕДЕНИЕ

В исследовании предпринимается попытка выявить общность космогонических представлений в древних культурах, описывающих возникновение творения из вселенского яйца и создание мира из тела первого живого существа в Древней Индии и Древнем Китае, а также предположить причины существования схожих мифических представлений у народов, проживающих на этих территориях. Поиск сходств, точек соприкосновения и пересечения между культурами, выявление общих корней – это основа, на которой можно строить дорогу к миру, взаимопониманию и сотрудничеству. В связи с этим налаживание межкультурной коммуникации путем проведения подобных исследований видится актуальной задачей в сегодняшнем беспокойном мире.

ОБЗОР ИССЛЕДОВАНИЙ ПО ТЕМЕ И НОВИЗНА ИССЛЕДОВАНИЯ

Древнекитайские мифы на русском языке можно прочесть в изложении Юань Кэ и Д. Бодде, древнеиндийскую «Ригведу» и Упанишады – в переводе Т. Я. Елизаренковой и русских переводах А. Ч. Бхактиведанты Свами Прабхупады. Исследования китайской мифологии, в том числе образа Паньгу и понятия «хунь-дунь», проводили отечественные синологи Рифтин Б. Л., Георгиевский С. М., Кобзев А. И., Лисевич И. С. Работы по сравнительной мифологии активно публиковались в XVIII–XIX вв., и структурным подходом в этой области мы пользуемся вслед за К. Леви-Строссом и В. Я. Проппом. М. Элиаде сделал немалый вклад в исследование такого мотива как «жертва ради сотворения мира», однако в данном исследовании затронут аспект общности творения из вселенского яйца и более подробно рассмотрен образ первопредка-демиурга, тело которого стало основой материального творения, с привлечением современных исследований китайских специалистов, с применением метода лингвистического анализа и обращением к первоисточникам, и, кроме того, на основании проведенного анализа, предпринята попытка выяснить возможные причины общности космогонических мотивов.

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ТВОРЕНИИ ИЗ ВСЕЛЕНСКОГО ЯЙЦА В ИНДИЙСКОЙ МИФОЛОГИИ

Согласно ведическим текстам, распространенным на территории Древней Индии, материальная вселенная имеет форму яйца, покрытого

семью оболочками материи и содержащего все планетные системы внутри. Эта вселенная-яйцо, лежащая на водах Причинного океана, вырастает из семени, как и множество других вселенных, появившихся из пор тела Маха-Вишну во время его выдоха. А затем во время гигантского вдоха Маха-Вишну все вселенные вместе с правящими ими Брахмами снова уходят в небытие. Аналогичным образом происхождение вселенной из космического яйца можно обнаружить в орфических легендах, а также в финских мифах, где вселенную-яйцо сносит утка на холм посреди океана. В мордовской мифологии вглубь первичного океана ныряет птица, поднимая со дна крупицу земли, из которой впоследствии получается суша [Юрченкова, 2009, 49]; у мордвы, как и у поволжских татар, это действие совершает утка, у народа мари – селезень. В. Я. Петрухин отмечает, что еще в XIX веке ученые обратили внимание на общность мифологических сюжетов у финно-угров, иранцев и индийцев-ариев, сохранившихся в своде религиозных ведических гимнов [Петрухин, 2005].

В санскритском прозаическом тексте «Шатапатха-брахмана» VI в. до н. э. прародитель Праджапати появился из космического яйца. В шестой брахмане говорится, что в начале вселенной была вода, ничего кроме воды. Воды пожелали: «Как мы можем воспроизвести себя?» Они трудились и совершали горячее поклонение; когда они разогрелись, появилось золотое яйцо. Это золотое яйцо плавало в пространстве около года, и через год оттуда был произведен человек, этот Праджапати. Он разбил свое золотое яйцо. И еще через год произнес первые слова – «земля», «воздух», «небо», так сотворив названное этими словами¹. В другом индийском тексте, «Чхандогья-упанишада», космическое яйцо разбилось на две части, содержащие все элементы творения, включая Брахму и солнце. В третьей части, гл. 19 этого текста говорится, что мир вначале не существовал, но потом стал существующим, стал расти и превратился в яйцо. Как упомянуто и в тексте «Шатапатха-брахмана», оно лежало в продолжение года, но потом расколосось. Из двух половин скорлупы яйца одна была серебряной, другая – золотой. «Серебряная [половина] – эта земля, золотая – небо, внешняя оболочка – горы, внутренняя оболочка – облака и туман, сосуды – реки, жидкость в зародыше – океан. И то, что родилось, это солнце» [Чхандогья-Упанишада, 1992]. Как

¹ Eggeling, Julius. The satapatha-brāhmana: according to the text of the Mādhyandina school. Clarendon Press, 1882. URL: <https://archive.org/details/satapathabrhma05eggeuoft/page/12/mode/1up>

переводчик отмечает в комментарии, под солнцем подразумевается Брахман, или Праджapati, то есть тот, кто творит остальную материю.

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ТВОРЕНИИ ИЗ ВСЕЛЕНСКОГО ЯЙЦА В КИТАЙСКОЙ МИФОЛОГИИ

В китайском мифе первоначальный хаос, небытие, представляет собой космическое яйцо, содержащее инь и ян. Это водяной хаос хунь-дунь 混沌, о чем свидетельствуют иероглифы, обозначающие понятие: в обоих знаках ключевой элемент слева – это «вода». В современном языке первый иероглиф сохранил значение «перемешивать», «спутать», и также «грязный» и «бесцельно», значение второго иероглифа – «хаос», но самостоятельно он практически не используется. Этим же словом обозначается «хаос» в японском языке. Юань Кэ в «Мифах древнего Китая» [Юань Кэ, 1987], ссылаясь на трактат «Чжуан-цзы» середины II в. до н. э., называет Хунь-тунь, олицетворенный хаос, Владыкой Центра, имеющим яйцеобразную внешность. Он не обладает возможностью видеть, слышать, внутри него полный мрак. В трактате «Сань у ли цзи» («Хронологические записи о трех и пяти правителях»), написанном в III в. философом Сюйчжэном, коротко отмечается, что небо и земля были хаосом, похожим на взболтанное куриное яйцо (天地浑沌如鸡子). То, что небо и земля входили в состав хаоса хунь-дунь, указывает на амбивалентность первоначальной цельности, и это, вероятно, дало возможность динамики, развития и, соответственно, рождения Паньгу 盘古.

АНТРОПОМОРФНЫЙ ТВОРЕЦ-ДЕМИУРГ ПАНЬГУ

Далее рассмотрим образ Паньгу и выявим его сходства с антропоморфным воплощением Вселенной в древнеиндийских текстах, Пурушей и вселенской формой Верховного Господа. В тексте Сюйчжэна далее говорится: 万八千岁, 天地开辟, 阳清为天, 阴浊为地, 盘古在其中, – т. е. что Паньгу, прожив 18000 лет, вырос до 90 тыс. ли в высоту (ок. 45 тыс. км), разделил небо и землю, светлое начало *ян* стало небом, а мутное *инь* образовало землю, сам великан остался в центре. После его смерти его тело, согласно средневековым текстам, дало начало ряду космических явлений и элементов рельефа. «После его смерти вздох его сделался ветром и облаками, вскрик – громом, левый глаз – солнцем, а правый – луной. Туловище Паньгу

превратилось в пять священных гор¹, руки и ноги – в четыре стороны света, кровь – в реки, жилы – в дороги, кожа и волосы стали лесами и травами, зубы и кости преобразовались в драгоценные камни и металлы, а спинной мозг стал священным камнем нефритом, и даже пот, выступивший на его теле, казалось бы, совершенно бесполезный, превратился в капли дождя и росу» [Курган, Чумаков, 2006, с. 55]. Есть источники, в которых говорится, что паразиты, жившие на его теле, превратились в людей. О происхождении имени Паньгу существуют разные мнения: одно из них трактует его как имя ханьского происхождения, «Свернувшаяся [в кольцо] древность», ссылаясь на средневековые китайские описания героя как «государя» с головой дракона и телом змеи [Кобзев, Рифтин, 2007]. Ряд современных китайских специалистов считает, что «Паньгу» происходит из языка народности мяо и означает «старый дедушка» (на языке мяо звучит как «roub ghuot»), и из первоначально нарицательного оно постепенно стало именем собственным, благодаря многочисленным песням, прославляющим его подвиг по созданию мира [Wu, 2001, с. 370]. По нашему мнению, второй вариант ближе к истине, учитывая более ранние упоминания о герое Паньгу у племен мяо. Кроме того, обозначение первопредка, организовавшего пространство для жизни, как «старого дедушки», выглядит вполне логичным.

АНТРОПОМОРФНЫЙ ТВОРЕЦ-ДЕМИУРГ ПУРУША

Аналогом Паньгу в древнеиндийских мифах можно назвать Пурушу, гимн которому, Пуруша-сукта, приводится в «Ригведе»² (10.90) и повторяется в Тайттирия-араньяке, Ваджасанея-самхите Шукла-Яджур-веды, Сама-веде, Атхарва-веде, а также достаточно подробно разбирается в Махабхарате и в одной из 18 основных пуран «Бхагавата-пуране» («Шримад-Бхагаватам»)³. Кроме того можно проследить мотивы, аналогичные образу Паньгу, в индуистском описании вселенской формы Верховного Господа. В отличие от мифа о Паньгу, где он не называется

¹ Его голова стала горой Тайшань (пров. Шаньдун на востоке Китая), ноги – горами Хуашань (в пров. Шэньси, западный Китай), левая рука – горой Хэншань (пров. Хунань, юг), правая рука – горой Хэншань (в пров. Шаньси, север Китая), туловище – горой Суншань (в пров. Хэнань в центре Китая).

² Текст «Ригведы» датируется 1700–1100 гг. до н.э.

³ Споры о датировке этого текста ведутся до сих пор. Продолжаются исследования с целью доказать более раннюю датировку, нежели IX или V вв. н.э., общепринятые на конец XX в., поскольку в индуизме данный текст относится к 3100 г. до н.э.

жертвой, в индуистских текстах возникновение вселенной из тела Пуруши прославляется именно как жертва:

Его как жертву кропили на жертвенной соломе,
Пурушу, рожденного в начале.
Его принесли себе в жертву боги
И (те), что садхья и риши [Ригведа, 10.90.7].

При этом Пуруша, «оставаясь лежать в Причинном океане, ... в то же время вышел из него и, разделив Себя, ... вошел в каждую вселенную, где принял форму *virat* с тысячами ног, рук, ртов, голов и т. д.» [Шримад-Бхагаватам, 2009, 2.5.35], и таким образом ему не был нанесен ущерб. «В самом деле, Пуруша – это Вселенная, которая была и которая будет. Он также властвует над бессмертием» [Ригведа, 1999, 10.90.2], в отличие от Паньгу, который умер, отдав свое тело для творения. Там же говорится: «Жертвою боги пожертвовали жертве», – т. е. это жертвоприношение полубогами было совершено для самого Пуруши, и, за неимением никаких атрибутов и компонентов жертвоприношения, Брахма для его совершения воспользовался частями тела Верховного Господа. В «Шримад-Бхагаватам» подтверждается содержание текстов «Ригведы»: «Произнося имена полубогов, я постепенно достиг высшей цели – Вишну, таким образом возместив Ему все взятое мной и доведя жертвоприношение до конца. Так из частей тела Верховного Господа, наслаждающегося жертвоприношениями, я создал все компоненты и атрибуты, необходимые для жертвоприношения, и затем совершил его, дабы умиловить Господа» [Шримад-Бхагаватам, 2009, 2.6.27-28]. Вероятно, понимание Пуруши как источника всего и наличие его дуальный ипостаси, Пракрити, энергии творения, позволило ему в индуистской мифологии остаться живым, несмотря на принесение его в жертву.

О СХОДСТВЕ КИТАЙСКОЙ И ИНДИЙСКОЙ МИФОЛОГИИ

В индийских текстах чрезвычайно подробно описывается, что из одной четверти Пуруши была сотворена материальная вселенная, а «Три четверти его – бессмертие на небе» [Ригведа, 1999, 10.90.3]. Подробно указано, какие живые существа были созданы: животные, обитающие в воздухе, в лесу и в деревне, кони, быки, козы и овцы, животные, у которых два ряда зубов. Практически дублирует с незначительными расхождениями миф о Паньгу следующее прославление Пуруши: «Луна из (его) духа рождена, Из глаза солнце родилось. Из уст – Индра и Агни. Из дыхания родился ветер. Из пупа возникло воздушное

пространство, Из головы развилось небо, Из ног – земля, стороны света – из уха. Так они устроили миры» [Ригведа, 1999, 10.90.13-14]. Удивительным дополнением звучит подробность о рождении гимнов, напевов и стихотворных размеров из тела Пуруши, а также социальных групп: «Его рот стал брахманом, (Его) руки сделались раджання, (То,) что бедра его, – это вайшья, Из ног родился шудра» [там же, 10.90.12]. Можно было бы предположить, что искусству, ритуалу, и также четкости социального устройства в ведической культуре придавалось большее значение, нежели в китайской культуре, но это не соответствует истине. В мифе о Паньгу упоминание об этом отсутствует по одной из причин: либо миф возник до того, как Конфуций упорядочил правила социального общежития и возвеличил ритуал и музыку, либо миф пережил такую длительную историю трансформаций, что утратил часть подробностей и те, кто сохранял его, не имели представлений о важности этих аспектов в организации общественной жизни. В «Лунь Юй» гл. 11 текст 1 говорится: «Учитель сказал:

– В отношении ритуала и музыки наши предки были неискушенными людьми, потомки же являются благородными мужами. Если я буду применять их, я последую за предками» [Лунь Юй, 1973].

Из этого перевода В. А. Кривцова следует, что Конфуций не умалял способностей предков выполнять ритуал и исполнять музыку, поскольку предпочитал последовать за ними в их употреблении. Значит, миф о Паньгу возник задолго до Конфуция, когда даже предки не употребляли ритуал и музыку, и в нем сохранились лишь обрывочные сведения о процессе творения.

Другие подробности мироустройства, которые встречаются в «Бхагавата-пуране» – это многоуровневая система планет вселенной, которая соответствует разным частям тела вселенской формы Творца: «низшие планетные системы, вплоть до уровня Земли, расположены в Его ногах. Средние планетные системы, начиная с Бхуварлоки, пребывают в Его пупке. А расположенные еще выше планетные системы, на которых обитают полубоги и великие святые и мудрецы, находятся в груди Верховного Господа. Между грудью вселенской формы Господа и Его шеей располагаются планетные системы Джаналока и Таполока, а высшая планетная система, Сатьялока, находится на голове вселенской формы. Однако духовные планеты вечны» [Шримад-Бхагаватам, 2009, 2.5.38-39]. Это описание Пуруши выходит за рамки размеров Паньгу, который находился на земле.

Одновременно с этим обнаруживаем схожие моменты творения Паньгу и одной из форм господа Вишну, совокупной формы вселенной, *вират-рупы*:

«Райское царство считается Твоей головой, а ветер – жизненным воздухом и физической силой. Деревья и прочие растения – это волосы на Твоем теле, облака – волосы на Твоей голове, а горы – Твои кости и ногти, о Всевышний. Смена дня и ночи – это мигание Твоих глаз, ... а дождь – Твое семя» [Шри-мад-Бхагаватам, 2009, 10.40. 14].

ОБ ИСТОРИИ ПРОИСХОЖДЕНИЯ ОБРАЗА ПАНЬГУ И ДРЕВНОСТИ ОБРАЗА АНТРОПОМОРФНОГО ПЕРВОПРЕДКА В ИНДИЙСКОЙ И КИТАЙСКОЙ МИФОЛОГИЯХ

В заключение любопытно коснуться причин существующего сходства ведических и китайских мифов. Как пишет У Сяодун, в китайском научном сообществе есть мнение, что миф о Паньгу – это заимствование из индийской культуры, поскольку первое упоминание о нем встречается лишь в период Троецарствия (222–280 гг. н. э.) в «Сань у ли цзи», далее в «Шу и цзи» времен династии Лян (440–589 гг. н. э.). Как раз на это же время приходится проникновение буддийского учения и культуры в Китай, и вместе с ним к середине Восточной Хань (9–220 гг. н. э.) миф о Паньгу попадает в центральный регион Китая. Однако последние исследования китайских археологов ставят этот тезис под сомнение, полагая, что культ Паньгу существовал в провинции Хэнань еще в период до Хань, до активного распространения индийского буддизма в Китае. В провинции Хэнань на месте древнего храма на горе Паньгу, что в 50 км севернее горы Тайбайшань, ежегодно третьего числа третьего лунного месяца местные жители проводят поклонение ему. Археологи обнаружили при раскопках на этом месте значительное количество кирпичей, глиняной черепицы и посуды периода Хань и сделали вывод о том, что уже во времена Хань здесь был храм Паньгу.

Кроме того отсутствие письменных упоминаний о Паньгу ранее периода Троецарствия не значит, что в устном фольклоре таковых не было. Исследователи находят в «Песнях древних мяо» описание, более подробное, нежели то, что дают тексты времен Хань:

Старый дедушка Паньгу,
Он спустился с востока,

Принес собой свой большой топор
И разбил два кусочка тонкой доски.
Две части разделились на две:
Одну получило Небо,
Одна досталась Земле.
Старик Паньгу добросердечен,
Собрав все свои силы, он поднял Небо вверх,
Подпёр его головой
И вытянул руку, чтобы поддерживать...
Дедушка Паньгу – герой,
Он говорит – будто гром гремит,
Он подмигивает – будто молния сверкает,
Его дыхание стало ветром с востока,
Его слезы обратились в поток,
Его волосы превратились в дрова и траву,
Он слишком долго держал небо,
Его тело развалилось на части,
Паньгу умер и стал склоном холма [Wu, 2001, с. 367].

В «Песнях древних мяо» также приводится и описание процесса разделения Неба и Земли, а дуальная оппозиция черного и белого сопоставима с оппозицией инь и ян:

Когда брошены были два куска,
Белый плыл на поверхности,
Черный же утонул,
Таким образом получилось широкое небесное пространство
И просторы земной тверди [Wu, 2001, с. 367].

Ма Хуэйсинь, китайский исследователь, в своей книге «Бог Паньгу» [Ma, 1993] называет более 20 национальных меньшинств Китая, у которых он обнаружил миф о Паньгу: и, туцзя, лису, бай (тибето-бирманские народы), гэлао (относится к кадайским народам), дун, маонань, чжуан (тайские народы), народы мяо-яо, ту (один из монгольских народов), – также он отмечает культ Паньгу у ханьцев, проживающих в провинции Хайнань, на равнинах Чэнду и на территории царства У-юэ (современная провинция Чжэцзян)¹. Перечисленные им народы проживают на обширнейшей площади, и вероятность заимствования индийского мифа одновременно всеми этими народами или передача мифа последовательно от одного народа другому кажется сомнительной.

Западные исследователи полагают, что существовала единая древняя основа, единое знание, которым обладали народы, населяющие северную Индию и юго-западный Китай, однако они не углубляются в подробности, отмечая лишь, что из всех

¹ Ma H. The Pangu God. Shanghai: Shanghai Literature and Arts Press, 1993. P. 51. (In Chinese).

обнаруженных параллелей лишь мифы о Пуруше и Паньгу относятся к наиболее древним [Old Norse Mythology – Comparative Perspectives, 2017].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В результате проведенного анализа мифологических представлений о вселенском яйце и творце-демиурге в китайской и индийской космогониях была выявлена несомненная общность. Учитывая ряд изложенных факторов, а именно: широту ареала распространения мифа о Паньгу в Китае, очевидное сходство содержания мифов о Паньгу, Пуруше и образа Вселенского Господа,

древность индийских религиозных текстов, – в данном исследовании мы делаем вывод о существовании единого для территории современных Индии и Китая знания о мироустройстве, единой картины происхождения мира, причем знание это не было заимствовано из Индии в Китай, но было целостным и исконным, и можно сделать предположение, что первоисточником этой картины мира можно считать ведическую космогоническую модель, фрагменты которой сохранились на территории современного Китая в виде мифов о творении из вселенского яйца и легенды об антропоморфном предке-демиурге Паньгу.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Юрченкова Н. Г. Мифология мордовского этноса: генезис и трансформации. Саранск: НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия, 2009.
2. Петрухин В. Я. Мифы финно-угров. Москва: Астрель, 2005.
3. Чхандогья-упанишада / пер. А. Я. Сыркина. М.: Наука, 1992. URL: <http://psylib.org.ua/books/upani01/txt32.htm>
4. Юань Кэ. Мифы древнего Китая. 2-е изд. М.: Наука, 1987.
5. Курган О., Чумаков С. Мифы и легенды Китая // Мифы и легенды народов мира: Япония, Китай, Монголия, Вьетнам: сборник. М.: Мир книги : Литература, 2006. С. 53–120.
6. Кобзев А. И. Пань-гу // Кобзев А. И., Рифтин Б. Л. /Духовная культура Китая: энциклопедия: в 5 т. / гл. ред. М. Л. Титаренко; Институт Дальнего Востока. М.: Восточная литература, 2007. Т. 2. Мифология. Религия / ред. М. Л. Титаренко и др. С. 541–543.
7. Wu Xiaodong. The Rhinoceros Totem and Pangu Myth: An Exploration of the Archetype of Pangu Oral Tradition. 2001. Vol. 16/2. P. 364–380. URL: <https://journal.oraltradition.org/wp-content/uploads/files/articles/16ii/Wu.pdf>
8. Ригведа. Мандалы IX–X / подг. изд. Т. Я. Елизаренкова. М.: Наука, 1999.
9. Шримад-Бхагаватам: Песнь вторая / А. Ч. Бхактиведанта Свами Прабхупада. М.: The Bhaktivedanta Book Trust, 2009.
10. Лунь Юй. Гл. 1–9, 11–17, 20 / пер. В. А. Кривцова // Древнекитайская философия. М., 1973. Т. 1. URL: <https://lunyu.ru>
11. Old Norse Mythology – Comparative Perspectives / Н. Pernille, St. A. Mitchell, J. P. Schjødt, A. J. Rose (eds.). Cambridge, MA: Milman Parry Collection of Oral Literature, 2017. URL: http://nrs.harvard.edu/urn-3:hul.ebook:CHS_HermannP_etal_ed.Old_Norse_Mythology.2017

REFERENCES

1. Yurchenkova, N. G. (2009). Mifologiya mordovskogo etnosa: genesis and transformacii = Mythology of the Mordovian ethnos: genesis and transformations. Saransk. (In Russ.)
2. Petrukhin, V. Ya. (2005). Mify finno-ugrov = Myths of the Finno-Ugric peoples. Moscow. (In Russ.)
3. Chandogyia Upanishad. (1992). Transl. by A. Ya. Syrkin. Moscow. URL: <http://psylib.org.ua/books/upani01/txt32.htm> (In Russ.)
4. Yuan Ke. (1987). Mify Drevnego Kitaya = Ancient China Myths. Moscow. (In Russ.)
5. Kurgan, O., Chumakov, S. (2006). Mify i legendy Kitaya = Myths and legends of China. Myths and legends of the peoples of the world: Japan, China, Mongolia, Vietnam (pp. 53–120): a collection. Moscow. (In Russ.)
6. Kobzev, A. I., Rifting, B. L. (2007). Pan-gu. Spiritual culture of China (vol. 2. Mythology. Religion, ed. by M. L. Titarenko et al., pp. 541–543): encyclopedia: in 5 vols. Ch. ed. M. L. Titarenko. Moscow. (In Russ.)
7. Wu Xiaodong. (2001). The Rhinoceros Totem and Pangu Myth: An Exploration of the Archetype of Pangu. Oral Tradition, 16/2 364–380. <https://journal.oraltradition.org/wp-content/uploads/files/articles/16ii/Wu.pdf>
8. Elizarenkova, T. Ya. (prep. ed.). (1999). Rigveda. Mandalas IX–X. Moscow. (In Russ.)
9. Bhaktivedanta Swami Prabhupada, A. C. (transl.). (2009). Srimad-Bhagavatam: Canto Two. Moscow. (In Russ.)

10. Lun Yu. (1973). Chapters 1–9, 11–17, 20, transl. by V. A. Krivtsov. Ancient Chinese philosophy (vol. 1). Moscow. <https://lunyu.ru/> (In Russ.)
11. Pernille, H., Mitchell, St. A., Schjødt, J. P., Rose, A. J. (eds.). (2017). Old Norse Mythology – Comparative Perspectives. Cambridge, MA: Milman Parry Collection of Oral Literature. http://nrs.harvard.edu/urn-3:hu1.ebook:CHS_HermannP_etal_eds.Old_Norse_Mythology.2017

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Олихова Екатерина Олеговна

кандидат философских наук
доцент кафедры китайского языка
Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Olikhova Ekaterina Olegovna

PhD (Philosophy)
Associate Professor at the Department of the Chinese Language
Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию	01.09.2023	The article was submitted approved after reviewing accepted for publication
одобрена после рецензирования	24.09.2023	
принята к публикации	26.09.2023	

Современная культурная политика Китая: цели и векторы развития

Е. И. Тарасова

*Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
tanchang93@mail.ru*

Аннотация. В статье рассматриваются цели и векторы современной культурной политики Китая (2018–2022). Автор на основе проектных документов по современной культурной политике Китая анализирует ее некоторые особенности: направленность политики, цели внешней культурной политики, а также ее культурную динамику. При написании статьи используются проектные документы по современной культурной политике Китая, перевод с китайского языка части документов осуществляется впервые.

Ключевые слова: культура, культурная политика, Китай, цели, направления, развитие

Для цитирования: Тарасова Е. И. Современная культурная политика Китая: цели и векторы развития // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2023. Вып. 11 (879). С. 158–165.

Original article

China's Modern Cultural Policy: Goals and Vectors of Development

Ekaterina I. Tarasova

*Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
tanchang93@mail.ru*

Abstract. The article is devoted to the consideration of the goals and vectors of China's modern cultural policy (2018–2022). The author aims to analyze some features of China's modern cultural policy: orientation of the policy, goals of foreign cultural policy, and its cultural dynamics. The author analyzes some project documents on the modern cultural policy of China, some of the documents are translated from Chinese for the first time.

Keywords: culture, cultural policy, China, goals, directions, development

For citation: Tarasova, E. I. (2023). China's modern cultural policy: goals and vectors of development. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 11(879), 158–165.

ВВЕДЕНИЕ

Статья посвящена целям и векторам развития внешней культурной политики Китая на современном этапе (2018–2022) а также выявлению динамики некоторых ее элементов. Материалом для статьи послужили переводы и последующий анализ официальных программных документов и статей последних лет на китайском языке, среди них: «Четырнадцатый пятилетний план национального экономического и социального развития Китайской Народной Республики и долгосрочные цели до 2035 года»¹, «Стратегический проект по содействию строительства культурной державы»², доклад на XX Всекитайском съезде Коммунистической партии Китая председателя КНР Си Цзиньпина, который состоялся в октябре 2022 года «Высоко держать великое знамя социализма с китайской спецификой – объединиться и бороться за всестороннее строительство современной социалистической державы»³ и другие статьи и документы.

Целью статьи является выявление основных направлений и векторов внешней культурной политики современного Китая. Посредством сравнительного анализа документов 2020–2021 гг. и выступления Си Цзиньпина на XX съезде КПК был произведен дополнительный анализ динамики целей внешней культурной политики.

Согласно О. Н. Астафьевой, одной из главных целей культурной политики является создание условий для сохранения традиций и для внедрения инноваций: «среди стратегических целей культурной политики – создание условий как для сохранения традиций, так и для инновационного социокультурного развития, достижение динамического равновесия между изменчивостью и устойчивостью структурных компонентов культуры» [Астафьева, 2010, с. 46].

Разработка культурной политики становится эпицентром внимания мирового сообщества, она всё чаще становится стимулом к развитию межкультурного диалога, сближения культур при сохранении культурного разнообразия. О. Н. Астафьева отмечает, что «в условиях интенсивных цивилизационных изменений, развития информационной

инфраструктуры и расширения институтов коммуникации, обеспечивающих динамику и плотность культурных потоков в глобализирующемся мире (при не менее очевидной стихийной самоорганизации информационно-коммуникативного пространства), отношение мирового сообщества к проблемам культурной политики существенным образом меняется» [Астафьева, 2010, с. 46].

На данный момент руководством КНР уделяется особое внимание китайской культуре, инновациям в ее распространении и ценностному влиянию на мировое сообщество. Генеральный секретарь КНР Си Цзиньпин подчеркивает: «Китайская цивилизация – это цивилизация, рожденная на земле Китая, и это также цивилизация, сформированная непрерывными обменов и взаимным обучением с другими цивилизациями. Поэтому мы должны стремиться к созданию духовной родины китайской нации, дальнейшему углублению культурной общности китайской нации, укреплению страны путем культурных стратегий, восстановлению общей системы культурных ценностей и системы культурных символов китайской культуры в XXI веке на основе культурных обменов и взаимного обучения между Китаем и зарубежными странами, чтобы построить ценностную основу духовной родины китайской нации в XXI веке»⁴.

КНР является державой, которая при своем развитии руководствуется доктриной «социализма с китайской спецификой»⁵. Также необходимо отметить, что после XX съезда партии Си Цзиньпин вводит новое обозначение, а именно «социализм с китайской спецификой новой эпохи».

ЦЕЛИ ВНЕШНЕЙ КУЛЬТУРНОЙ ПОЛИТИКИ СОВРЕМЕННОГО КИТАЯ

Стратегия культурного развития является важной частью «Размышлений Си Цзиньпина о социализме с китайской спецификой для новой эпохи» [张小平, 2018]. Она основана на «понимании тенденций будущего развития, основанных на историческом законе развития, и долгосрочном планировании будущего» [张小平, 2018].

Стратегия культурного развития Китая в новую эпоху имеет три основные особенности: «во-первых, отстаивание идеологического доминирования марксизма; во-вторых, защита независимого культурного суверенитета страны в области культуры; в-третьих, обеспечение главенствующего положения китайской национальной культуры при

¹ Эд. и далее перевод наш. – Е. Т. 中华人民共和国国民经济和社会发展第十四个五年规划和2035年远景目标纲要 // 新华社. 2021. URL: https://www.gov.cn/xinwen/2021-03/13/content_5592681.htm (дата обращения: 25.03.2023).

² 推进文化强国建设的重大战略设计 // 人民论坛. 2020. URL: https://www.mct.gov.cn/preview/special/9395/9398/202011/t20201118_902806.htm (дата обращения: 14.04.2023).

³ 习近平在中国共产党第二十次全国代表大会上的报告. 新华社. 2022 URL: https://www.gov.cn/xinwen/2022-10/25/content_5721685.html (дата обращения: 20.05.2023).

⁴ URL: https://www.mct.gov.cn/preview/special/9395/9398/202011/t20201118_902806.htm (дата обращения: 14.04.2023).

⁵ 具有中国特色社会主义 – социализм с китайской спецификой.

развитии страны, наследование опыта 5000 лет китайской цивилизации, перенесение и использование данного наследия в новую эпоху» [张小平, 2018].

Целями стратегии культурного развития Китая являются: процветание и развитие передовой социалистической культуры, построение нового порядка в международных культурных отношениях, противодействие культурной гегемонии и защита культурной безопасности Китая. Данные цели описываются и объясняются. Например, развитие передовой социалистической культуры происходит в условиях идеологического доминирования марксизма и «идет рука об руку с сохранением культурного разнообразия и культурного процветания» [张小平, 2018]. Здесь имеется в виду поощрение разнообразия философских школ и идеологических направлений, однако, с марксизмом в качестве идеологической основы и «ядра»: «в Китае существенным требованием развитой социалистической культуры является отстаивание руководящей позиции марксизма в культурном строительстве и укрепление общей идеологической основы для народа всей страны» [张小平, 2018].

В стратегии говорится, что необходимо правильно наследовать и развивать культуру, находить взаимосвязь между традиционной культурой и модернизацией: «Модернизация не означает вестернизацию, мы должны продолжать наследовать духовную культуру и традиционную культуру китайской нации, идти по пути социалистического культурного развития с китайской спецификой... Причина, по которой Китай смог встать на путь модернизации, подходящей для его собственного развития, заключается в том, что он может правильно справляться с балансом между модернизацией и сохранением традиционной культуры» [张小平, 2018]. Подобного баланса помогают достичь научный анализ и разработка культурной политики: «необходимо унаследовать национальную культуру и развивать социалистическую культуру с китайской спецификой в новую эпоху, которая соответствует современной цивилизации» [张小平, 2018].

В стратегии говорится об уважении и бережном отношении не только к сохранению особенностей китайской культуры, но и всего наследия мировой культуры: Разные страны и народы мира имеют разные культуры. Как правильно относиться к цивилизациям разных стран и народов? Позиция китайцев в данном вопросе такова: во-первых, необходимо беречь разнообразие мировых цивилизаций, во-вторых, уважать цивилизации всех стран и народов, в-третьих, правильно проводить

взаимное обучение между представителями разных культур, и, в-четвертых, относиться к культурным традициям с научной точки зрения. «Только лелея и защищая собственную национальную культуру, возможно развивать собственную культуру, и только перенимая опыт представителей различных цивилизаций, мы можем идти в ногу со временем. Различные цивилизации должны учиться друг у друга и обмениваться на равноправной основе, избегать столкновения цивилизаций и участвовать в диалоге друг с другом. Различные национальные культуры имеют свои ценности и внесли свой вклад в прогресс человеческой цивилизации» [张小平, 2018]. Здесь очевидно желание Китая сохранять собственную культуру и в то же время перенимать опыт других стран для всеобщего прогресса и развития. Кроме того, приводится пример одной из важнейших традиционных ценностей китайской культуры «гармония как высшая ценность»¹, и говорится о том, что Китай нацелен на создание международной мирной среды развития.

Китайский исследователь социализма с китайской спецификой Ян Сюй подчеркивает глобальное значение китайской культуры для народов разных стран: «Китай находится на пути, подходящем для его собственного развития, расширяя путь для модернизации развивающихся стран, предоставляя новые ориентиры для стран и народов мира, которые хотят ускорить развитие, сохраняя при этом свою независимость, и внося китайскую мудрость в решение человеческих проблем»².

Важным пунктом стратегии культурного развития является защита культурного суверенитета страны и выступление против культурной гегемонии Запада. Развивающиеся страны сильно ощущают влияние культурных концепций, которые вызваны экономическими и технологическими преимуществами западных стран. Столкнувшись с проблемой западной стратегии культурной экспансии, всё больше стран, ускоряя свое участие в экономической глобализации, также уделяют внимание проблеме культурного суверенитета, вытекающей из беспрецедентных масштабов культурной интеграции. Он объединяет глубоко укоренившиеся социальные особенности, ценностные ориентации и культурные концепции, и его влияние на страны становится всё более сложным и далеко идущим, большинство развивающихся стран вкладывают больше энергии в защи

¹以和为贵 – гармония как высшая ценность.

²颜旭, 新时代文化建设系列谈 | 坚持中国特色社会主义文化发展道路 // 中国军网. 2023. URL: <https://www.81.cn/xxqj/207719/xxjt/11/10209608.html> (дата обращения: 10.05.2023).

ту национального культурного суверенитета. Поэтому формулирование национальной стратегии культурного развития, защита безопасности культурного рынка и культурных ресурсов, защита наследия специфики национальной культуры – все это необходимо для защиты культурного суверенитета национального государства.

Значительным моментом в стратегии культурного развития Китая в новую эпоху является утверждение о необходимости построения нового международного культурного порядка. По мнению, культурно-политических идеологов КНР, только путем построения нового международного культурного порядка, изменения международного культурного порядка и осуществления реконструкции в условиях колоссальных изменений в новой модели международных культурных отношений можно обеспечить культурную безопасность всех национальных государств. Под руководством концепции «сообщества единой судьбы человечества»¹ и «взаимовыгодного сотрудничества»² Китай взял на себя новую ответственность за построение нового международного культурного порядка.

Особо отмечается роль культуры, новых информационных технологий и социокультурной модернизации страны: «стратегия развития культуры интегрирована в общую стратегию развития страны, развивается и совершенствуется социалистическая культурная система с китайской спецификой. Сочетание продвижения китайской культуры в мире с пониманием тенденции развития мировой цивилизации для повышения международной конкурентоспособности и влияния китайской культуры – два важных пункта культурной политики»³.

Кроме того, китайцы видят в культуре средство мирного возвышения страны на международной арене, здесь речь идет о «мягкой силе» китайской культуры: «только реализуя наследование, развитие, инновации и распространение китайской культуры в условиях открытой конкуренции на мировом рынке, мы можем усилить мягкую силу национальной культуры, создать культурную мощь и коренным образом повысить культурную уверенность нации»⁴.

Рассмотрев цели внешней культурной политики современного Китая, мы можем сделать следующие промежуточные выводы: культурная политика

и развитие Китая опирается на социализм с китайской спецификой новой эры, при этом учитывается ценный опыт других стран; Китай стремится сохранить многовековое культурное наследие, одновременно с этим модернизируя страну; важным для КНР является поддержка и сохранение культурного многообразия стран всего мира; Китай готов поддерживать свой культурный суверенитет и защищать культуру от гегемонии Запада; китайские идеологи говорят о необходимости построения нового международного культурного порядка с ценностями взаимовыгоды и единой судьбы человеческого сообщества. Кроме того, культура представляется не только как сила, способная привести Китай к новому этапу в социокультурной модернизации, но и как сила, способная повысить статус Китая на мировой арене.

ОСНОВНЫЕ ВЕКТОРЫ РАЗВИТИЯ ВНЕШНЕЙ КУЛЬТУРНОЙ ПОЛИТИКИ СОВРЕМЕННОГО КИТАЯ

Основными векторами современной культурной политики Китая, согласно проанализированным документам, являются следующие.

1. Усиление влияния китайской культуры в мире

Здесь можно выделить некоторые этапы, а именно: укрепление зарубежных культурных обменов и многоуровневый диалог между цивилизациями; внедрение инноваций и содействие международному общению; проведение таких мероприятий, как «Восприятие Китая», «Чтение Китая» и «Аудиовизуальный Китай».

Кроме того, важным является успешное проведение таких мероприятий, как «Год китайской культуры» (фестиваль) и «Год туризма» (фестиваль) в разных странах. Здесь в пример можно привести фестиваль китайской культуры, который проходил в 2019 году в Москве и был приурочен к 70-летию образования КНР. Данное мероприятие познакомило москвичей и гостей столицы с обычаями и традициями Китая: «Российские посетители увидели концерты и шоу китайских артистов, ознакомились с уникальной китайской живописью и каллиграфией, попробовали своеобразные китайские лакомства. Благодаря фестивалю, москвичи и гости российской столицы ближе познакомились с китайской традиционной культурой»⁵.

¹ 人类命运共同体 (сообщество единой судьбы человечества – перевод).

² 合作共赢 – взаимовыгодное сотрудничество.

³ URL: https://www.mct.gov.cn/preview/special/9395/9398/202011/t20201118_902806.htm (дата обращения: 14.04.2023).

⁴ URL: https://www.mct.gov.cn/preview/special/9395/9398/202011/t20201118_902806.htm (дата обращения: 14.04.2023).

⁵ URL: https://news.rambler.ru/moscow_city/42833552-festival-kitayskoy-kultury-proshel-v-moskve/?ysclid=li38ea77p2785341931 (дата обращения: 22.05.2023).

2. Развитие Китая как культурной и туристической державы. Комплексное развитие туризма

Всё более активно Китай стремится распространять свое влияние также через туристические каналы, создавая образ культурной и современной державы.

В Четырнадцатом пятилетнем плане придерживаются следующих целей и принципов в развитии туризма и в создании положительного образа страны: использование культуры для создания уникального туристического опыта с китайской спецификой; дальнейшее развитие массового и элитного туризма; внедрение инновационных систем туристических продуктов и улучшение опыта потребления туризма. Кроме того, важны следующие направления политики: «усиление интеграции региональных туристических брендов и услуг; строительство ряда туристических достопримечательностей и курортов мирового класса, богатых культурным наследием; создание ряда туристических и развлекательных городов и районов национального уровня с отличительными культурными характеристиками; содействие инновационному развитию социалистического туризма, туризма культурного наследия; улучшение качества обслуживания»¹. Таким образом, мы можем утверждать о том, что туристическая сфера является одним из каналов распространения культурного влияния.

3. Развитие Китая как информационной державы. Построение китайской коммуникационной платформы (интернет-системы)

В последние годы представителями китайской власти и учеными всё более активно продвигается идея построения глобальной коммуникационной китайской культурной системы в сети «Интернет». Целью информатизации, с одной стороны, является более активное включение Китая в международные информационные потоки, и, с другой стороны, создание специфически своего продукта, т. е. создание информационной коммуникационной платформы с китайской спецификой, «сетевой цивилизации»².

На данный момент в Китае существует несколько интернет-поисковиков, информацию в которых можно искать только на китайском

языке. Данные поисковики являются одними из самых популярных и используемых в мире (например, Baidu). Кроме того, существует значительное количество приложений, мессенджеров, пользователей которых являются китайские граждане, проживающие в Китае люди или связанные с Китаем иностранцы, не проживающие в Китае, но приобщенные к китайской культуре. Сейчас китайские приложения и мессенджеры начинают выходить на мировой рынок приложений, мессенджеров, что может свидетельствовать о распространении глобального культурного влияния.

4. Построение культурных аналитических центров с китайской спецификой.

На данный момент в Китае всё более важным становится научное обоснование социализма с китайской спецификой, а именно «социализма с китайской спецификой новой эпохи»³. Для более глубокого изучения социализма и политических позиций нынешних руководителей, находящихся у власти в КНР, в Китае продвигаются идеи о построении системы образовательных дисциплин, академической и дискурсивной системы философии, социальных наук с китайской спецификой; реализации инновационных проектов по философии и социальным наукам, а также строительство новых аналитических центров с китайской спецификой. В качестве примера подобных аналитических центров можно привести десять центров в Китае, которые подчиняются различным политическим и образовательным структурам. Данные аналитические центры «играют важную роль в распространении идей Си Цзиньпина о социализме с китайской спецификой новой эпохи»⁴.

Российский китаист А. А. Маслов подчеркивает, что данные аналитические центры являются инструментом внешней культурной политики Китая: «аналитические центры как ретранслятор китайского политического языка в китайской экспертной среде появился ряд публикаций на английском языке, разъясняющих основные подходы к таким понятиям как «идеология», «внешняя публичность», важность «мягкой силы» для Китая и укрепление статуса страны. И в этом случае китайские think-tank, воплощая собой инструмент мягкой силы, через систему совместных конференций, открытых докладов, экспертных публикаций создают позитивный фон для экспорта китайской идеологии» [Маслов, 2021].

¹ URL: https://www.gov.cn/xinwen/2021-03/13/content_5592681.htm (дата обращения: 25.03.2023).

² URL: https://www.gov.cn/xinwen/2021-03/13/content_5592681.htm (дата обращения: 25.03.2023).

³ URL: https://www.gov.cn/xinwen/2021-03/13/content_5592681.htm (дата обращения: 25.03.2023).

⁴ URL: https://russian.china.org.cn/china/txt/2017-12/14/content_50104260.htm (дата обращения: 23.05.2023).

5. Наследование, развитие и продвижение национальной китайской культуры

Данное направление политики включает в себя определенные шаги: усиление систематической защиты культурного и природного наследия и нематериального культурного наследия, а также помощь творческой трансформации и инновационному развитию традиционной культуры Китая.

В документах, в частности, в Четырнадцатом пятилетнем плане присутствует известная в культурной политике Китая формулировка о «мягкой силе»¹, а именно говорится об «укреплении мягкой силы национальной культуры»². Понятие «мягкой силы» является одним из ключевых в культурной политике современного Китая в течение последних двух десятилетий и обозначает распространение культурного и политического влияния КНР в мире.

Выступление председателя КНР Си Цзиньпина на XX съезде КПК является важным культурно-политическим событием для Китая, который находится на этапе развития культурной сферы: «необходимо углублять реформу системы культуры и совершенствовать культурную и экономическую политику»³.

Так, председатель Си Цзиньпин уделяет особое внимание кадровой политике: «необходимо ускорить воспитание талантов и мастеров, ученых-стратегов, первоклассных научно-технических лидеров и инновационные команды, молодых научно-технических, выдающихся инженеров. Укреплять международный обмен талантами и эффективно использовать все виды талантов, а также углублять реформу системы и механизма развития талантов»⁴.

Кроме того, когда он говорит о внешней политике, подчеркивается необходимость усилить влияние и распространение китайской цивилизации: «[П]ридерживайтесь позиции китайской культуры, уточняйте и отображайте духовные символы и сущность китайской цивилизации, ускоряйте построение китайского дискурса, ... а также покажите заслуживающий доверия респектабельный образ Китая»⁵.

О дискурсивной силе китайской культуры стоит упомянуть отдельно, ведь международная

дискурсивная сила – это «признак нового качества китайской внешней политики» [Денисов, 2020, с. 42]. Применение китайцами данного термина говорит об использовании философии М. Фуко в конструировании внешней политики Китая. И. Е. Денисов полагает, что дискурсивная сила более отчетливо, чем «мягкая сила» китайской культуры, нацелена на распространение глобального влияния Китая: «дискурсивная сила призвана изменить не представления абстрактных иностранцев о Китае, но саму внешнюю среду, институциональные рамки, в которых действует растущая держава. В этом отношении она явно и гораздо теснее, чем «мягкая сила» культуры, связана с глобальным управлением, а в конечном итоге, и с глобальным трансфером власти» [Денисов, 2020, с. 47].

Си Цзиньпин в своем докладе также говорит о «всестороннем повышении эффективности международного общения и формировании международного дискурса, соответствующего всеобъемлющей национальной силе и международному статусу Китая»⁶. Таким образом, мы можем наблюдать повышение значимости «дискурсивной силы китайской культуры» по сравнению с предыдущими годами. Поставлена задача повышения дискурсивной силы, которая соразмерна государственной мощи Китая, которая способна поднять культуру и политику Китая на новый глобальный уровень.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В статье анализировалась внешняя культурная политика Китая последних лет (2020–2022). Были выявлены основные направления и векторы внешней культурной политики современного Китая. Посредством сравнительного анализа документов 2020–2021 гг. и выступления Си Цзиньпина на XX съезде КПК произведен дополнительный анализ динамики целей внешней культурной политики, отмечено их идейное и практическое расширение.

Цели внешней культурной политики Китая опираются на социализм с китайской спецификой новой эпохи, при этом учитывается ценный опыт других стран.

Китай стремится сохранить многовековое культурное наследие, одновременно с этим модернизируя страну и принцип взаимодействия с другими странами. Важным для КНР является поддержка и сохранение культурного многообразия стран всего мира. При этом Китай готов поддерживать свой культурный суверенитет и защищать культуру от западного влияния. Китайские

¹ 软实力 – мягкая сила.

² URL: https://www.gov.cn/xinwen/2021-03/13/content_5592681.htm (дата обращения: 25.03.2023).

³ URL: https://www.gov.cn/xinwen/2022-10/25/content_5721685.html (дата обращения: 20.05.2023).

⁴ URL: https://www.gov.cn/xinwen/2022-10/25/content_5721685.html (дата обращения: 20.05.2023).

⁵ URL: https://www.gov.cn/xinwen/2022-10/25/content_5721685.html (дата обращения: 20.05.2023).

⁶ URL: https://www.gov.cn/xinwen/2022-10/25/content_5721685.html (дата обращения: 20.05.2023).

идеологи говорят о необходимости построения нового международного культурного порядка с ценностями взаимовыгоды и единой судьбы человеческого сообщества.

Векторы внешней культурной политики Китая включают в себя:

- 1) Усиление влияния китайской культуры в мире посредством «мягкой силы» культуры. В Докладе Си Цзиньпина в 2022 г. особо отмечается «дискурсивная сила» китайской культуры, нацеленная, по сути, на глобальный трансфер влияния Китая.
- 2) Развитие Китая как культурной и туристической державы, включающее комплексное развитие туризма.
- 3) Развитие Китая как информационной державы, включающее стремление построить китайскую коммуникационную платформу.

4) Построение культурных аналитических центров с китайской спецификой.

5) Наследование, развитие и продвижение национальной культуры Китая.

Посредством компаративного анализа документов 2020–2021 гг. и Доклада Си Цзиньпина в 2022 г. нами было выявлено усиление внимания к образованию, созданию центров развития талантов, а также инновационных центров, более активная нацеленность на укрепление международного обмена талантами. Кроме того, мы можем наблюдать повышение значимости «дискурсивной силы» китайской культуры по сравнению с предыдущими годами. Поставлена задача повышения дискурсивной силы, соразмерной государственной мощи Китая, которая способна поднять культуру и политику Китая на новый глобальный уровень.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Астафьева О. Н. Культурная политика: теоретическое понятие и управленческая деятельность (лекции 1–3) // М.: Изд-во РАГС, 2010.
2. 张小平, 时代中国文化发展战略的内涵及世界意义 // 中国矿业大学学报社科版. 2018. = Содержание и мировое значение стратегии культурного развития Китая в новую эпоху // Чжан Сяопин. Журнал Китайского горно-технологического университета, издание социальных наук. 2018. URL: https://mp.weixin.qq.com/s?_biz=MzA4NTY4MjY1NA==&mid=2650954824&idx=1&sn=787f2eb054ba7d52adcaa037f5872704&chksm=8422ccf9b35545ef64ffc9e7e5b8103584bed97d3fc341c248c2526819e3a35e8a8d2d3300c8&scene=2 (дата обращения: 15.03.2023).
3. Маслов А. А. Китайские аналитические центры «нового типа» / Российский совет по международным делам. 2021. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/comments/kitayskie-analiticheskie-tsentry-novogo-tipa/?ysclid=li38yml42a392276250> (дата обращения: 23.05.2023).
4. Денисов И. Е. Концепция «дискурсивной силы» и трансформация китайской внешней политики при Си Цзиньпине // Сравнительная политика. 2020. Т. 11. № 4. С. 42–52.

REFERENCES

1. Astafyeva, O. N. (2010). Cultural policy: theoretical concept and management activity (lectures 1–3). M.: RAGS Publishing House. (In Russian)
2. 张小平, 时代中国文化发展战略的内涵及世界意义 // 中国矿业大学学报社科版. 2018. = The content and global significance of China's cultural development strategy in the new era // Zhang Xiaoping. (2018). Journal of the Chinese Mining and Technological University, Social Sciences publication. https://mp.weixin.qq.com/s?_biz=MzA4NTY4MjY1NA==&mid=2650954824&idx=1&sn=787f2eb054ba7d52adcaa037f5872704&chksm=8422ccf9b35545ef64ffc9e7e5b8103584bed97d3fc341c248c2526819e3a35e8a8d2d3300c8&scene=2
3. Maslov, A. A. (2021). Chinese analytical centers of a “new type”. Russian International Affairs Council. <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/comments/kitayskie-analiticheskie-tsentry-novogo-tipa/?ysclid=li38yml42a392276250>. (In Russ.)
4. Denisov, I. E. (2020). The concept of “discursive power” and the transformation of Chinese foreign policy under Xi Jinping. Comparative politics, 11(4), 42–52. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Тарасова Екатерина Игоревна

старший преподаватель кафедры лингвистической и профессиональной коммуникации в области гуманитарных и прикладных наук Института гуманитарных и прикладных наук Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Tarasova Ekaterina Igorevna

Senior Lecturer at the Department of Humanities and Applied Sciences
Institute of Humanities and Applied Sciences, Moscow state Linguistic University

Статья поступила в редакцию	02.08.2023	The article was submitted approved after reviewing accepted for publication
одобрена после рецензирования	20.09.2023	
принята к публикации	26.09.2023	

От консьюмеризма к экологичному потреблению: истоки и тенденции трансформационных процессов в современной китайской культуре

А. В. Челнокова-Щейка

*Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
annie.che.89@mail.ru*

Аннотация. Стремительное экономическое развитие КНР неразрывно связано с ростом потребления и существованием различных форм консьюмеризма. Несмотря на то что чрезмерное потребление по-прежнему сильно распространено, можно увидеть предпосылки к изменению ситуации. В статье рассматриваются новые тенденции в трансформации потребительских ценностей в контексте взаимодействия традиционной, официальной и молодежной культуры.

Ключевые слова: консьюмеризм, потребительские ценности, трансформация, бережливость, молодежная культура, экологическая цивилизация

Для цитирования: Челнокова-Щейка А. В. От консьюмеризма к экологичному потреблению: истоки и тенденции трансформационных процессов в современной китайской культуре // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2023. Вып. 11 (879). С. 166–172.

Original article

From Consumerism to Eco-Consumption: the Origins and Trends of Transformational Processes in Contemporary Chinese Culture

Anna V. Chelnokova-Siejka

*Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
annie.che.89@mail.ru*

Abstract. The rapid economic development in China is inextricably linked with the growth of consumption and the existence of various forms of consumerism. Despite the fact that excessive consumption is still mainstream in society, one can see the prerequisites for changes in the situation. The article considers new trends in the transformation of consumer values in the context of the interaction of traditional, official and youth culture.

Keywords: consumerism, consumer values, transformation, frugality, youth culture, ecological civilization

For citation: Chelnokova-Siejka, A. V. (2023). From consumerism to eco-consumption: the origins and trends of transformational processes in contemporary Chinese culture. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 11(879), 166–172.

ВВЕДЕНИЕ

Слово «потребление», без сомнения, может войти в список ключевых ассоциаций с эпохой 90-х и 00-х в КНР, однако лишь немногие специалисты рассматривают этот феномен не с точки зрения экономики, а с позиций радикальной перемены ценностей, которую испытала молодежь после политики реформ и открытости. Среди западных специалистов вопрос трансформации потребительских ценностей в Китае затрагивается в коллективной междисциплинарной монографии «Deer China. The Moral Life of the Person», тема коньюмеризма, субкультуры лохосистов и других субгрупп, демонстрирующих различные модели потребления в молодежной среде, была затронута автором в рамках диссертационного исследования и монографии по развитию молодежной культуры после политики реформ и открытости [安娜, 2022], там же были выявлены особенности трансформации китайских ценностей в контексте взаимодействия официальной, молодежной и мейнстрим-культуры.

Устойчивое потребление (sustainable consumption, 可持续消费), под которым подразумевается «потребление, удовлетворяющее нуждам настоящего и не ставящее под угрозу способность будущих поколений обеспечивать свои собственные потребности» [Sustainable consumption, 2013, с.10] стало одним из важнейших направлений развития современных потребительских ценностей в мире. Оно привнесло в общество культуру экopotребления, которая направлена на уменьшение производства и нагрузки на окружающую среду, снижение потребления и осознанный выбор товаров в категории эко. С точки зрения индивида, ключевыми аспектами осознанного потребления являются сегрегация мусора, снижение потребления одноразовых вещей и циркулярное потребление старых, использование экологичных видов транспорта, переход на экологичные материалы и продукты, рациональные покупки и др. В китайских источниках такое потребление чаще всего фигурирует как «зеленое» (绿色消费).

Современные исследования осознанного потребления в XXI веке в Китае чаще всего рассматриваются в контексте современной политической идеологии КНР и концепта экологической цивилизации, а изменения в потреблении разновозрастных групп анализируются с точки зрения экономики и маркетинга, однако для более глубокого понимания ситуации необходимо комплексное рассмотрение и того, как новые ценности транслируются «сверху» и как они возникают и проецируются на разных уровнях культур. В статье будут

рассмотрены новые тенденции в трансформации потребительских ценностей в контексте взаимодействия традиционной, официальной и молодежной культуры. Для проведения данного исследования был использован метод исторического исследования, позволивший обратиться к традициям бережливости в китайской философской мысли, метод социокультурного анализа и обобщения информации, контент-анализ информационного пространства, на основе которых были выявлены основные тенденции в трансформации потребительских ценностей.

БЕРЕЖЛИВОСТЬ В КИТАЙСКИХ ТРАДИЦИЯХ

Учитывая высокую степень наследственности ценностей в китайской культуре, прежде чем обратиться к трансформационным процессам, происходящим в настоящий момент, необходимо обозначить традиционные взгляды на потребление в китайской культуре, что позволит проследить тесную взаимосвязь традиционных ценностей и современных.

Одним из ключевых концептов китайской культуры, регулирующим этот аспект, является понятие «тянь жэнь хэ и» (天人合一) – гармонии между небом и человеком, которая, в отличие от антропоцентрических воззрений, не ставит человека выше всего, а воспринимает его как часть целого. Поскольку китайская культура является земледельческой, единство неба и человека требовало, чтобы поведение человека соответствовало «времени небес». Проявление и характеристика органической связи организмов со средой во времени формировало экологический сезонный ритм. В древнем Китае «время» (время суток, время земледелия) использовалось для выражения этого закона, который требовал, чтобы человеческая деятельность была организована рационально в соответствии с циклом четырех времен года.

Бережливые взгляды на потребление сформировались в китайской философии под действием нескольких факторов, среди которых основным было ограниченное количество пищевых ресурсов, что вынуждало простых людей быть экономными, а философов пропагандировать это как ценность в числе зажиточных чиновников, расточивших ресурсы. В «Беседах и суждениях» бережливость не раз упоминалась как ценность, к которой нужно стремиться. Например, в Главе 1 говорится: «сокращай расходы и люби людей» [Беседы и Суждения «Лунь Юй», 2011, с. 38], в Главе 7: «Расточительность – к строптивости тропа, бережливость, коль чрезмерна, то скупа. Если выбирать бы приходилось, лучше скупость, чем строптивость» [Беседы

и Суждения «Лунь Юй», 2011, с. 171]. Мэн-цзы отмечает: «Совершенно мудрый правитель должен быть внимательным, бережливым и соблюдать ритуал по отношению к подчиненным»¹. В некоторых произведениях даосской философии бережливость также выступает как ключевая ценность. Например, в «Дао Дэ Цзине» говорится, что бережливость – это одно из сокровищ и что, благодаря бережливости, можно быть щедрым, и наоборот; что «быть щедрым, забыв бережливость, ... – это верная погибель»², и критикуется расточительство: «[Н]ет большего преступления, чем потакать вожделению. Нет больше беды, чем не знать, что имеешь довольно. Нет большего порока, чем страсть к обладанию. Посему удовлетворенность знанием того, что имеешь в достатке, – вот неизбывное довольство»³. Таким образом, очевидно, что исторически бережливость занимала высокую позицию в иерархии традиционных китайских ценностей.

Проблема чрезмерного потребления и гедонизма в Китае не является новым явлением и исторически существовала в среде чиновников. Например, в главе «Высшее счастье» у Чжуан-цзы написано: «В Поднебесной ценят богатство, знатность, долголетие и добрую славу, любят покой, изысканные яства, роскошные одежды, красивые цветы и ласкающие слух звуки. Ненавидят же бедность и унижение, преждевременную смерть и дурную славу и страдают, когда нет ни покоя, ни изысканных яств, ни роскошных одежд, ни красивых цветов, ни ласкающих слух звуков. Если люди лишены всего этого, они впадают в уныние и печаль. Но нет ничего глупее, чем угождать лишь прихотям плоти!»⁴ Таким образом, можно говорить о том, что бережливые взгляды на потребление были представлены в основных древнекитайских философских течениях, а расточительство и стремление к роскошеству исторически было одной из «болезней» китайского общества.

ОТ ПОТРЕБИТЕЛЬСТВА К ЭКОПОТРЕБЛЕНИЮ

Переход к рыночной экономике после длительного периода бережливости привел Китай к необходимости смены потребительского поведения. Одним из инструментов стимуляции этих процессов стало введение символов благополучия:

¹ Мэн-цзы / пер. Л. И. Думана. URL: https://www.vostlit.info/ Texts/ Doku menty/China/I/Drvnikit_fil/frametext5.htm

² Дао-дэ цзин / пер. В. В. Малявина. URL: https://livimedievalclub.files.wordpress.com/2015/12/lao_czy_dao_de_czin_perevod_malyavina_v.pdf

³ URL: https://livimedievalclub.files.wordpress.com/2015/12/lao_czy_dao_de_czin_perevod_malyavina_v.pdf

⁴ Чжуан-цзы / пер. В. Малявина. URL: https://royallib.com/read/chguantszi/chguan_tszi_perevod_vv_malyavina.html#328024

в конце 70-х – это были часы, велосипед, радиоприемник и швейная машина, в 80-х – стиральная машина, холодильник и телевизор, в 90-х – кондиционер, видеомагнитофон и компьютер, с 2000-х – ими стали квартира, машина и акции. Помимо этого, появились и возможности для активного потребления: брендовые магазины, развлекательные заведения, салоны красоты, путешествия. К началу XXI века многие представители нового поколения уже не следовали традиционной сберегательной модели, а активно начали потреблять, брать кредиты, жить за счет родителей (啃老族), тратить всю зарплату до копейки каждый месяц (月光族) или раз в год (年清族), охотиться за большими брендами, не имея на то достаточно средств (辣奢族).

Большинство китайских специалистов, анализируя феномен консюмеризма и чрезмерного потребления, отмечают влияние западных ценностей как «виновника» этой «болезни», однако это явление в Поднебесной имеет особую локальную специфику, сформировавшуюся под влиянием культурных стимуляторов, это говорит о том, что современные проблемы скорее вызваны столкновением западной и китайской модели потребления [安娜, 2022]. В настоящий момент можно отметить, что в китайском обществе сосуществуют люди с абсолютно разными потребительскими ценностями: это и те, кто придерживаются традиционной бережливой модели потребления, обусловленной в первую очередь низким материальным уровнем и прежним влиянием маоистской эпохи, и консюмеристы, и последователи новой потребительской культуры. Последняя появилась под влиянием различных факторов. С одной стороны, это ответ на нездоровые потребительские ценности в обществе, сформировавшийся под влиянием зарубежной субкультуры. С другой стороны, Китай, следуя за новыми мировыми тенденциями, активно продвигает концепт экологической цивилизации и устойчивого развития, опираясь на ценности традиционной культуры. В конце концов, серьезную роль играет влияние экологических факторов на жизнь людей – климатические изменения, загрязнение окружающей среды, пандемия. Данные отчета по устойчивому потреблению в Китае за 2020 год показывают, что для 53,8% респондентов основной мотивацией выбора экологически и социально безопасных продуктов является «забота об окружающем мире и улучшение как окружающей среды, так и общества индивидуальными действиями». 46,2% выразили, что более устойчивое потребление позволит «следующему поколению иметь устойчивую среду обитания»⁵. По данным опроса Statista, 56% респондентов указали, что

⁵ URL: <https://mp.weixin.qq.com/s/1ZPeO-MtOjXbfOdWvEwhpQ>

после COVID-19 они более настроены на покупку экологически чистых продуктов¹.

НОВЫЕ ПОТРЕБИТЕЛЬСКИЕ ЦЕННОСТИ В МОЛОДЕЖНОЙ СРЕДЕ

Первым ответом на потребительскую эпоху в молодежной среде стало появление в Китае лохосистов, или LOHAS, расшифровывается с английского как Lifestyles of Health and Sustainability, т. е. здоровый образ жизни и устойчивого развития. На китайском языке лохосисты обозначаются как 乐活族 (досл. 'группа людей, которая радостно живет'). Это люди, заботящиеся об окружающей среде и ищущие гармонию с природой. Представители этой субкультуры в противовес господствующим материальным ценностям ставят на первое место духовное состояние, продвигают идею здорового экопотребления и минимализма.

Субкультура LOHAS зародилась в США в 60-х гг. и в течение последних лет стала получать все более широкое распространение. Лохосизм попал в континентальный Китай через Тайвань и Японию в начале 00-х. В одной из первых статей в медиа-ресурсах на данную тему отмечается, что в 2005 г. японские дизайнеры активно воплощали этот концепт в своих коллекциях, что способствовало формированию взглядов у многих представителей молодого поколения². Китайский лохосизм также связан новым стилем в дизайне интерьеров, которые отличаются простотой и натурализмом. Представители этой субкультуры стараются придерживаться простого, экономного и здорового образа жизни, уделяют особое внимание своему духовному развитию, всячески избегают жизненного давления. С точки зрения потребления, они уделяют особое внимание вопросам окружающей среды: экономии энергии, сегрегации мусора, употреблению экопродуктов.

Лохосисты придают значение гармонии с окружающим миром и отношениям с другими людьми, что идеально вписывается в традиционные холистические представления китайцев. Ценности лохосизма во многом схожи с даосскими представлениями Чжуан-цзы. Представители этой субкультуры особенно обращают внимание на свою духовную составляющую, заполнение духовной пустоты и получения духовного удовлетворения. Материальные блага, по мнению лохосистов, приносят лишь кратковременный эффект, в то время, и для большего удовлетворения будут требоваться

все большие материальные блага. Традиционные представления китайцев «тянь жэнь хэ и» (о единстве природы и человека) или единства Неба и человека – близки к идеям о гармонии человека и окружающей среды у лохосистов. Отличия лишь состоят в том, что китайские даосы под этим концептом подразумевали природу и человека, конфуцианцы – нравственные качества, и умения быть частью семьи или общества, а лохосисты говорят о гармонии с окружающей средой, исходя из экологической ситуации, ставшей серьезным вопросом современности.

В последние несколько лет заметным стало влияние минималистического образа жизни (极简主义生活), он получил распространение в первую очередь среди приезжей образованной молодежи, живущей в больших городах и испытывающей давление от растущих цен и необходимости снимать жилье. Это течение попало в Китай из Японии и стало распространяться в социальных сетях. Для китайской молодежи следование этой философии значит простоту, снижение потребления и меньшее количество предметов в жизни. Этот недорогой образ жизни в условиях постоянной миграции, мобильности и финансового давления позволяет им копить и чувствовать себя счастливее и спокойнее. Китайские исследования на основании опросов, проведенных в ноябре 2021 – феврале 2022 показали, что в отличие от европейских минималистов китайские не критикуют потребление других, однако надеются, что их образ жизни также не будет порицаться. Кроме того, китайские респонденты считают, что потребление играет важную роль в стимуляции экономического развития. С их точки зрения, модель потребления – это индивидуальный выбор [邵文君, 陈友华, 2023].

В постпандемийную эпоху новым трендом стало появление, так называемой «циркулярной моды» (循环时尚) и «циркулярной молодежи» (循环青年), которые покупают подержанные товары желаемого качества и бренда. Данные опроса с сайта китайской молодежи «Чжунго циннянь ван» (中国青年网) говорят о том, что 72,04 % имеют ненужные вещи и 80,84 % готовы их обменять [“循环青年”: 用有限成本获得快乐的积极人生, 2023]. Этот феномен показывает готовность нового поколения гибко решать проблемы в условиях социального давления и неопределенности, а также показывает, что концепция устойчивого развития уже практикуется среди молодежи, демонстрирует спад чрезмерного потребления среди молодежи и антиконсьюмеристские настроения. Однако, если говорить о студентах, то такой подход к бережливости вызван скорее ограниченностью материальных ресурсов и рациональным удовлетворением

¹ URL: <https://fashionchinaagency.com/sustainable-fashion-in-china-what-are-the-challenges-and-opportunities-for-brands/>

² 敞进. 中国的乐活族在哪里 // 三联生活周刊. 2006年11月3日. URL: <http://www.lifeweek.com.cn/2006/1103/16770.shtml>

своих потребностей в рамках возможностей, кроме того, представители «циркулярной» молодежи не считают себя борцами за охрану окружающей среды. Тем не менее данные отчета социальной платформы Xiaohongshu говорят о том, что молодые китайцы стали более активны во вторичном потреблении – посты под хэштегом «утилизация неиспользованных вещей» выросли на 814% в 2022 году¹.

Постепенный переход к культуре экологичного потребления также означает дальнейшее развитие новых рынков: дизайн одежды из вторсырья, дизайн изделий из натуральных материалов, эко-продукты без добавок и др. Огромную роль в распространении новых потребительских ценностей и экологической культуры играют лидеры общественного мнения (KOL), дизайнеры и селебрити, которые следуя за новыми трендами транслируют новую экокультуру. В отчете по современным тенденциям в моде компании Дасюэ консалтинг говорится, что около 83% опрошенных выбирают при покупке одежды экологически чистые ткани². Тем не менее, даже учитывая новые тренды среди молодежи, движущей силой трансформационных процессов является концептуальная основа официальной культуры, законодательная база, позволяющая очерчивать рамки ценностных норм и различные механизмы пропаганды, фактически реализующие смену потребительского поведения у следующего поколения.

ПУТЬ К ЭКОЛОГИЧНОМУ ПОТРЕБЛЕНИЮ «СВЕРХУ»

Концепт экологической цивилизации появился на XVII съезде КПК в 2007 г., позднее в 2012 году во время XVIII съезда ЦК КПК он вошел в генеральный план развития КНР, после чего по инициативе Си Цзиньпина были приняты конкретные меры по реализации экологической цивилизации. С точки зрения смены потребительского поведения, первые шаги по борьбе с расточительством были реализованы среди чиновников: членами Политбюро ЦК КПК в декабре 2012 года были выпущены «Правила из восьми пунктов». Построение экологической цивилизации рассматривается как часть проекта по реализации великой мечты о возрождении китайской нации. Во время XIX съезда КПК

Си Цзиньпин «отметил необходимость форсировать реформу системы экологической цивилизации, построить ‘прекрасный Китай’». В этом контексте Си Цзиньпин придает особое значение возврату бережливости: «Необходимо укрепить разъяснительную деятельность и [меры] по просвещению [граждан], а также возрастить привычку экономить и сделать так, чтобы общество считало расточительство постыдным и гордилось бережливостью»³. Особая роль придается построению экологической культуры, основе которой китайцы видят гармоничное развитие природы и человека в противовес антропоцентризму, претворение культуры устойчивого развития, защиту природы и окружающей среды. На недавно прошедшем XX съезде ЦК КПК председатель Си Цзиньпин вновь обозначил важность устойчивого развития во взаимосвязи с благополучием нации и традиционными китайскими ценностями: «Китайская модернизация требует гармоничного сосуществования человека и природы. Человек и природа составляют единое жизненное сообщество. Если люди будут бесконечно брать у природы или даже наносить ей вред, то природа обязательно им за это отомстит. Мы неуклонно следуем концепции устойчивого развития, неизменно уделяем приоритетное внимание экономии ресурсов, охране и естественному восстановлению экологии, бережем природу и экологию как зеницу ока, непоколебимо идем по пути цивилизованного развития, отличающемуся развитием производства, обеспеченной жизнью населения и здоровой экологией, гарантируя устойчивое развитие китайской нации на долгие века»⁴.

В 2016 году Государственный Комитет по развитию и реформам совместно с 10 подразделениями выпустили «Руководящие рекомендации по стимулированию зеленого потребления», в котором подробно обозначили необходимость пропаганды «зеленой» модели потребления, под которой подразумевается самые разные аспекты: экономное использование воды и электроприборов, утилизация и вторичное использование одежды, отказ от меха редких животных, активное использование энергосберегающей и экопродукции, запуск кампаний, направленных против расточительства, которое включает излишнюю упаковку, транжирство в еде и чрезмерное потребление⁵ и др., что обозначило переход к активной фазе продвижения новых ценностных ориентаций на всех уровнях.

¹ The top lifestyle trends in 2023, from local communities to drinking tea. 2022. December 28. URL: <https://www.xiaohongshu.com/en/newsroom/detail/the-top-lifestyle-trends-in-2023-from-local-communities-to-drinking-tea>

² Sustainable consumption in China: Are Chinese consumers ready to ride the green wave? 2021. September, 9. URL: <https://daxueconsulting.com/sustainable-consumption-china/>

³ Си Цзиньпин призвал граждан Китая экономить еду. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/9170585>

⁴ Си Цзиньпин. Доклад на XX Всекитайском съезде Коммунистической партии Китая 16 октября 2022 года. URL: <https://russian.cgtn.com/event/doc/ruSjIsd23-20221025.pdf>

⁵ URL: http://m.law-lib.com/law/law_view.asp?id=520555&page=3

Особое место новой культуре потребления занимает бережное отношение к продуктам питания. В апреле 2021 года в Китае был принят закон, направленный на борьбу с нерациональным использованием продовольствия. В рамках него в соцсетях была развернута кампания «чистых тарелок» (光盘行动). Он коснулся и деятельности ресторанов, которые стали нести материальную ответственность за излишки заказанной еды. Для реализации задач по снижению расточительства в еде, многие региональные органы власти и организации стали проводить меры по снижению потребления в ресторанах. Например, в Уханьская ассоциация предприятий общественного питания предложила ввести правило N-1, когда заказывается количество блюд равняется количеству человек минус один, а для маленьких компаний из двух-трех человек предлагаются маленькие порции.

В распространении концепта экологической цивилизации заметен особенный упор на молодежь. В 2022 году по инициативе Центрального Комитета Комсомола был открыт официальный вичат-аккаунт «Прекрасный Китай. Молодежные кампании» (美丽中国 青春行动), где публикуются статьи и проводятся онлайн-уроки, пропагандирующие идеи умеренного потребления, низкоуглеродного развития, минимализма и т. д.

В рамках проектов по продвижению «зеленого» потребления в городах активно реализовываются соответствующие условия для сегрегации мусора. На настоящий момент сегрегация мусора реализуется в 297 городах окружного уровня и выше. Одним из лозунгов, под которым проводится продвижение этого образа жизни среди детей и молодежи является «Пусть сегрегация мусора станет новой модой!» (让垃圾分类成为“新时尚”!). Для массового продвижения новой модели потребления на территориях, городские правительства выпускают анимированные ролики на видеоплатформах и в соцсетях, которые в доступной форме объясняют принципы сегрегации мусора¹.

¹ 垃圾分类 | 让垃圾分类成为新时尚. 2023年5月23日 URL: <https://v.qq.com/x/page/n3367yuay7t.html>

Таким образом, можно отметить, что с приходом к власти Си Цзиньпина заметно возвращение к традиционным ценностям бережливости, которые получили более богатое наполнение в контексте современного перехода к экологической цивилизации. Направленная пропаганда новых потребительских ценностей среди детей и молодежи с применением современных медиаинструментов будет способствовать постепенному распространению ценностей в массовой культуре.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Процесс ценностных трансформаций является комплексным явлением происходящим в контексте взаимодействия различных уровней культуры. Первые ростки новых потребительских ценностей попали в Китай вместе с «импортной» субкультурой лохосистов, однако учитывая неготовность большей части общества к новой модели потребления, отсутствие условий для экологичного потребления, эти ценности не получили массового распространения. Однако, в постпандемийный период под влиянием экологического и политического фактора ситуация стала заметно меняться. Постепенное снижение избыточного потребления, появление минимализма, «циркулярной молодежи» и «циркулярной моды», активное многоуровневое правительственное продвижение концепта экологической цивилизации и сопутствующей ему бережливости и «зеленого потребления» – все эти явления говорят о предпосылках к трансформации ценностей. Новые ценностные ориентации, транслирующиеся официальной культурой, успешно сочетаются с ценностями традиционной культуры, существовавшей на протяжении тысячелетий, однако, учитывая, что доминирующими в китайском обществе по-прежнему являются материалистические ценности, ключевым фактором, который, будет корректировать вектор ценностных трансформаций, будет процесс эффективного взаимодействия официальной и молодежной культуры и интеграция новых ценностных ориентаций с потребностями и ожиданиями нового поколения.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. 安娜. 改革开放以来都市青年文化变迁研究—以北京青年亚文化为例. 北京: 人民出版社, 2022. 278 页. = Челнокова-Щейка А. Исследование трансформаций городской молодежной культуры со времен политики реформ и открытости на примере пекинской субкультуры. (на кит.)
2. Sustainable Consumption: Stakeholder Perspectives / World Economic Forum. Geneva, 2013.
3. Беседы и Суждения «Лунь Юй» / науч. пер. А. Е. Лукьянова ; поэт. перелож. В. П. Абраменко. Учреждение Российской академии наук Институт Дальнего Востока РАН, Исследовательское общество «Тайцзи». М.: Форум, 2011.

4. 邵文君.陈友华.消费视角下极简主义者的动机与实践 .中国社会科学文摘. 2023年第4期 141–142 页, 摘《青年研究》2022年6期. = Шао Вэньцзюнь, Чэнь Юхуа, Мотивация и практика минималистов с точки зрения потребления // Тезисы китайских социальных наук. 2023. № 4. С. 141–142. (на кит.)
5. “循环青年”: 用有限成本获得快乐的积极人生 // 人民数据官方账号.2023年2月23日. = «Циркулярная молодежь»: счастливая и активная жизнь с ограниченными затратами (на кит.)

REFERENCES

1. 安娜 (2022). 改革开放以来都市青年文化变迁研究—以北京青年亚文化为例.北京: 人民出版社. 278 页. = Chelnokova-Siejka, A. A Study on the Transformations of Urban Youth Culture Following the Economic Reforms: Using Beijing Youth Subcultures as an Example. (In Chinese)
2. Sustainable Consumption: Stakeholder Perspectives / World Economic Forum. Geneva, 2013.
3. Lukjanova, A. E. (ed.). (2011). Besedy i Suzhdenija“Lun’ Juj”. Poetic arrangement by V. P. Abramenko, Uchrezhdenie Rossyjskoj akademii nauk Insitut Dalnego Vostoka RAN.Issledovatel'skoje odhestvo “Tajtzi” = The Confucian Analects. Moscow.: Forum. (In Russ.)
4. 邵文君.陈友华.消费视角下极简主义者的动机与实践 .中国社会科学文摘. 2023年第4期 141–142 页, 摘《青年研究》2022年6期. Shao Wenjun.Chen Yuhua. The motivation and practice of minimalists from the perspective of consumption // Chinese Social Science Abstracts. 2023, 4, 141–142. (In Chinese)
5. “循环青年”: 用有限成本获得快乐的积极人生 // 人民数据官方账号. 2023年2月23日. “Circular youth”: get a happy and active life with limited cost. 2023. (In Chinese)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Челнокова-Щейка Анна Витальевна

кандидат исторических наук

доцент кафедры зарубежного регионоведения

Института международных отношений и социополитических наук

доцент кафедры лингвистики и профессиональной коммуникации Института гуманитарных и прикладных наук Московского государственного лингвистического университета.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Chelnokova-Siejka Anna Vitalievna

PhD (History)

Associate Professor at the Department of Foreign Area Studies

in the Institute of International Relations and Social and Political Sciences

Associate Professor at the Department of Linguistics and Professional Communication in the Field of

Humanitarian and Applied Sciences in the Institute of Humanitarian and Applied Sciences, Moscow State Linguistic University.

Статья поступила в редакцию
одобрена после рецензирования
принята к публикации

04.07.2023
20.08.2023
26.09.2023

The article was submitted
approved after reviewing
accepted for publication

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ «МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Сетевое электронное научное издание

Network electronic scientific publication

**ВЕСТНИК
Московского государственного
лингвистического университета
Гуманитарные науки
Выпуск 11 (879)**

**VESTNIK
of Moscow State Linguistic
University
Humanities
Issue 11 (879)**

Ответственные редакторы выпуска
кандидат филологических наук, доцент Т. С. Мозоль,
кандидат филологических наук, доцент Л. Ш. Рахимбекова

Executive editors
Tatiana S. Mozol', PhD (Philology), Associate Professor
Lola Sh. Rakhimbekova, PhD (Philology), Associate Professor

Редактор М. М. Сингал
Верстка: А. В. Алымов
Разработка макета: А. Алымов

Editor M. M. Singal
Layout: A. V. Alymov
Layout design: A. Alymov

Подписано в печать 02.12.2023
Усл. печ. л. 21,6
Формат 60x90/8
Заказ № 82/23

Signed for print: 02.12.2023
Conventional printed sheets: 21,6.
Layout format 60x90/8
Order 82/23

Адрес редакции:
119034, г. Москва, ул. Остоженка, д. 38, стр. 1
Тел.: (499) 245 33 23
Электронная почта: ipk-mglu@rambler.ru

Address:
Ostozhenka St., 38, 1, Moscow, 119034
Tel.: (499) 245 33 23
E-mail: ipk-mglu@rambler.ru

© ФГБОУ ВО МГЛУ, 2023

© FSBEI HE MSLU, 2023

Доменное имя сайта: vestnik-mslu.ru
Учредитель: ФГБОУ ВО МГЛУ

Website domain name: vestnik-mslu.ru
Founder: FSBEI HE MSLU

Издание зарегистрировано 10 июня 2016 г. Эл № ФС77-66051
Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций
(Роскомнадзор)

The edition is registered June, 10, 2016, Эл № ФС77-66051
The Federal Service for Supervision of Communications,
Information Technology, and Mass Media
(ROSKOMNADZOR)

За аутентичность цитат отвечают авторы.
Перепечатка материалов возможна при обязательном письменном
согласовании с редакцией издания.
Ссылка на издание при перепечатке обязательна.

The authors are responsible for the authenticity of citations.
Reprinting of materials is possible
with the editors' obligatory written consent.
Reference to the publication is obligatory when reprinting.

«Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки» входит в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по следующим научным специальностям:

- 5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации (10.01.01)
- 5.9.2. Литературы народов мира (10.01.03)
- 5.9.3. Теория литературы (10.01.08)
- 5.9.5. Русский язык. Языки народов России (10.02.01)
- 5.9.6. Языки народов зарубежных стран (Германские языки) (10.02.04)
- 5.9.6. Языки народов зарубежных стран (Романские языки) (10.02.05)
- 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (10.02.19, 10.02.20, 10.02.21)
- 5.10.1. Теория и история культуры, искусства (24.00.01)
- 5.12.3. Междисциплинарные исследования

«Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки» является преемником сборников научных трудов с 1940 года и, начиная с 2002 года, следующих выпусков «Вестника Московского государственного лингвистического университета»: «Лингвистика», «Языкознание», «Филологические науки», «Языкознание и литературоведение», «Восточные языки», «Философия», «Философия и культурология».